КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ L.

ИЮЛЬ

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 14 Iюля 1895 года.

МНИМАЯ ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ

(съ к. XVI до 1-й четв. XVIII в.).

При пересмотрѣ литературы о Почаевской типографіи, встрѣчаешься съ самыми неожиданными и противорѣчивыми мнѣніями. Одни относятъ ея основаніе къ 1597 г., другіе къ 1618-му, нѣкоторые къ 1730-му. Приводятся указанія на книги, изданныя въ промежутокъ 1618—1720-хъ годовъ. Рядомъ съ мнѣніемъ объ основаніи Почаевской типографіи въ 1730 или 1732 г. существуетъ и другое—о прекращеніи дѣятельности ея около этого времени и возобновленіи въ 1784 г. Говорятъ потомъ о новомъ перерывѣ въ дѣятельности типографіи до 1800 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ библіографы называютъ рядъ книгъ, изданныхъ въ 1730—84, 1784—1800 годахъ.—Кто же правъ? Откуда взялось такое противорѣчіе? Когда и кѣмъ основана монастырская почаевская типографія? Когда прерывалась ея дѣятельность? Что именно дѣйствительно въ ней издано и какія показанія ошибочны?

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены отвѣтить лишь на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

1. Дать критическій обзоръ литературы предмета и

2. Доказать, что почаевской монастырской типографіи въ 1597—1720-хъ годахъ не существовало.

ГЛАВА I.

Критическій обзоръ разработки матеріаловъ для исторіи Почаевской монастырской типографіи.

Первымъ печатнымъ трудомъ, коснувшимся вопроса о началѣ почаевской типографіи и объ изданныхъ въ ней книгахъ, былъ, насколько намъ извѣстно, „Опытъ россійской библіографіи“ В. Сопикова (Спб. ч. I-я 1813 г., ч. V-я 1821 г.). Въ исторической части „Предъувѣдомленія“ къ труду авторъ писалъ, что „въ 1618 году напечатано слово Максима Грека въ Почаевѣ“, и въ примѣчаніи: „Въ моемъ каталогѣ одного времени и мѣста печатанія показана книга Зерцало Богословіи“ (ч. I, с. LXXIV). Ниже (на с. CXIII-й) тоже говорилось, что типографія въ Почаевѣ, по напечатаннымъ въ ней книгамъ, извѣстна съ 1618 года. Никакихъ больше историческихъ свѣдѣній о почаевской типографіи авторъ не сообщалъ, если не считать примѣчанія къ № 574 (с. 127—8), что на большинствѣ старообрядческихъ изданій, напечатанныхъ въ Клинцовской типографіи *ложно* означены города: Варшава, Вильна, Гродна, *Почаевъ*, Несвижъ и др.

Въ самомъ библіографическомъ перечнѣ Сопиковъ отмѣтилъ „Зерцало Богословіи, изъ многихъ богословскихъ книгъ выбранное іеромонахомъ Кирилломъ Транквиліономъ; въ Лаврѣ Почаевской, 1618 въ 4“ (№ 387, с. 99) и „Максима Грека, инока св. горы Аѳонскія, Слово на Латиновъ, и о святомъ Духѣ, въ Почаевѣ, 1618—въ 4°“ (№ 610, с. 139); а также еще не мемѣе 16-ти уніатскихъ и старообрядческихъ изданій 1756, 1764 и 1778—1800 годовъ[1]). Заглавія приведены въ извлеченіи не точно; число листовъ или страницъ не обозначено; форматъ указанъ. Вопроса объ отношеніи почаевской типографіи 1618 г. къ почаев. тип. XVIII в. Сопиковъ не затронулъ, очевидно считая ее за одну.

---

[1]) №№: т. I: 4, 36, 37, 97, 129+1737, 219, 409, 536, 561, 574, 585, 595, 791, 854, 984, 1391, 1045; т. II: 2158; т. IV (Спб. 1816 г.): 9111; т. V: 13205, 13226.

Для своего труда авторъ пользовался печатными и рукописными пособіями (т. I с. XXII—V), при чемъ не указывалъ обыкновенно, откуда заимствовалъ то или другое извѣстіе. При книгахъ безъ выходнаго листа не рѣдко обозначалъ, безъ всякихъ оговорокъ, мѣсто и годъ изданія, руководясь, вѣроятно, либо собственными соображеніями, либо показаніями пособій. Благодаря этому сообщаемыя Сопиковымъ данныя не всегда надежны, какъ это сознавалъ и самъ авторъ (т. I, с. XIX). Такими должны быть признаны, какъ увидимъ ниже, и показанія о мѣстѣ и годѣ изданія „Слова на Латиновъ" Максима Грека.

Митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина"... ч. II (Спб. 1818 г.; изд. 2-е Спб. 1827 г., 2 т.; цензурн. помѣта 1822 года) дважды касается почаевскихъ изданій: въ статьяхъ о Кириллѣ Транквилліонѣ и о Максимѣ Грекѣ, при чемъ дѣлаетъ двѣ ошибки. Въ числѣ сочиненій Кирилла Транквилліона Евгеній называетъ „Зерцало Богословіи напечатано въ первый и второй разъ 1618 и 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ" (II, 361), а о Максимѣ Грекѣ между прочимъ говоритъ, что „изъ словъ его одно на *Латиновъ* (во 2-мъ изд. добавлено: *о св. Духѣ*) напечатано было въ Почаевской типографіи 1618 г. *при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало о Богословіи*" (II, 400). Пользовался-ли въ данномъ случаѣ авторъ „Опытомъ" Сопикова, не видно. Источникъ указанія на изданіе Зерцала Богословіи въ 1679 г. намъ точно не извѣстенъ, а основанное на недоразумѣніи мнѣніе о времени и мѣстѣ изданія Слова на Латиновъ будетъ объяснено въ свемъ мѣстѣ. Во 2-мъ изд. своего „Словаря" м. Евгеній говоритъ то же (т. I, с. 335 и II, с. 36).

I. S. Bandtkie въ трудѣ „Historya drukarń w krolewstwie polskiem i wielkiem xięstwie litewskiem" (w Krakowie 1826, 3 11, 12; о почаевскихъ изданіяхъ t. II, str. 54—9) первый сообщилъ нѣсколько фактовъ собственно изъ исторіи почаевской типографіи, при чемъ тщательно отмѣтилъ, откуда заимствовано имъ то или другое свѣдѣніе, и даже источники послѣднихъ. Трудъ Сопикова былъ извѣстенъ автору лишь по статьѣ Линде

(въ „Pam. Warsz“ t. V. 1816 г.). Главнымъ источникомъ послужили для Бандтке рукописныя дополненія Гофмана (о немъ у Бандтке t. I, str. XIII—XIX) къ своему труду „De typografiis earumque initiis et incramentis in Regno Poloniae et Magno Ducatu Littuaniae“ (Dantisci 1740). Изъ статьи Линде (p. 16) авторъ узналъ, что „Sopików przytacza druk Poczaiowski Słowiánski r. 1618“, а въ рукописи Гофмана нашелъ, что почаевская типографія основана была („założona była“) въ 1732 г. по привиллегіи Августа II, и когда Львовское Братство желало запретить ей печатать книги славянскія, выхлопотала въ 1755 г. привиллегію изъ Рима. Самъ авторъ склонялся къ мысли, что „zapewne tutay tak, iak i gdzie indziey bywało, że iuż istniała drukarnia dawno przed przywileiem“. Упомянувъ, что Hlebowicz (w Pam. Wileńskim, t. II, r. 1821: Ostrog) „wywodzi Poczaiowską drukarnią od Ostrogskiey“, Бандтке привелъ затѣмъ свѣдѣнія о заглавіи, форматѣ, числѣ листовъ и проч. извѣстныхъ ему почаевскихъ изданій: 1-го (видѣннаго имъ лично) на польскомъ и русскомъ языкахъ и 5-ти польскихъ, 1-го латинскаго и 1-го славянскаго: (Литургіаріона 1655 г., 3-мъ изданіемъ), находящихся въ б—кѣ Оссолинскаго. Бандке, повидимому, строго разграничиваетъ 1-ю книгу отъ остальныхъ и самъ послѣднихъ не видѣлъ. Этимъ и объясняется приведеніе въ этомъ точномъ трудѣ ошибочнаго (см. ниже) показанія о Литургіаріонѣ 1655 года.

II. Строевъ въ своихъ „Описаніяхъ старопечатныхъ книгъ“ библіотекъ Ѳ. Толстого (М. 1829, 8⁰) и И. Царскаго (М. 1836, 8⁰) привелъ полныя заглавія и описалъ нѣсколько почаевскихъ изданій, б. ч. раньше совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ „Описаніи“ книгъ Толстого описано 5 уніатскихъ изданій 1756—1793 гг., какъ рѣдкихъ[1]), а въ „Описаніи“ книгъ Толстого: 2 уніатскихъ 1798 и 1813 годовъ и 7 старообрядческихъ 1782—95 гг.[2]). Описаны были Строевымъ также и 2, указанныя еще Сопиковымъ, почаевскія изданія 1618 года (Царскаго, №№ 56, 57, с. 72—73). Важнымъ при этомъ было то, что экземпляръ слова

[1]) См. №№ 258, 265, 270, 274, 276.

[2]) См. №№ 280, 286, 257, 260, 277, 278, 281, 282, 283.

на Латиновъ Максима Грека (№ 57) оказался „безъ выхода", а самъ Строевъ усомнился и въ самой возможности выхода этой книги изъ Почаевской типографіи. „Изданіе сей рѣдкой книги, писалъ онъ, указывая на Сопикова и Евгенія, полагаютъ въ Почаевѣ 1618 года..., но шрифтъ кажется кіевскій". Строевъ, слѣдовательно, призналъ разницу въ шрифтахъ, какими напечатаны Зерцало Богословіи и Слово на Латиновъ. Къ сожалѣнію, это важное замѣчаніе мало привилось въ послѣдующей литературѣ (см. у Сахарова и Максимовича). Что касается „Зерцала Богословіи", то Строевъ ограничился однимъ описаніемъ его, безъ всякихъ соображеній [1]).

Начало критическому отношенію къ Зерцалу Богословія 1618 г. положилъ Д. Зубрицкій въ вышедшемъ въ томъ же 1836 году трудѣ своемъ: „Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi" (Lwów, 1836, 12°). Коснулся Зубрицкій исторіи почаевской типографіи случайно—въ разсказѣ о попыткахъ Львовскаго Ставропигіальнаго Братства захватить въ свои руки монополію изданія книгъ на славянскомъ языкѣ и о возникшемъ отсюда процессѣ между Братствомъ и Почаевскими Базиліанами. Тѣмъ не менѣе онъ сообщилъ, на основаніи документовъ Братскаго Архива, не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній о Почаевской типографіи въ 1730—1771 годахъ и высказалъ цѣнныя соображенія о Зерцалѣ Богословіи 1618 года (str. 33—6, 52, 55). На основаніи актовъ процесса Зубрицкій установилъ, что лишь „w roku 1730 sprowadzili Bazylianie poczaiowscy gisera i kazali sobie litery ruskie odléwać" и что „aż po rok 1732 żadnego ruskiego dzieła tamże niewytłoczono, aprócz na otwartym arkuszu Proskomedyi, która sie w cerkwi zwykła zawieszać, tudzież listu pasterskiego Biskupa łuckiego". При этомъ, руководясь лишь данными документовъ Ставропигіи, Зубрицкій допустилъ и ошибку, сказавъ: „Zdaie się, że Bazylianie do r. 1750 nic, a przynaymnie nic większego po rusku nie

[1]) „Реестръ" А. С. Ширяева (М. 1833, 12°) можетъ здѣсь быть упомянутъ лишь по приведенію (подъ № 88) полнаго заглавія неизвѣстнаго раньше Богословія нравоучительнаго", изд. 1779 г. Извѣстіе о „Зерцалѣ Богословіи" 1618 г. (№ 39)—буквальная выписка изъ Сопикова, съ добавкой: „Первая книга въ сей Типографіи".

drukowali". Изложивъ весь ходъ процесса съ его уклоненіями то въ пользу Братства и съ неожиданно счастливымъ для почаевскихъ Базиліанъ исходомъ, благодаря захвату Львова Австріей, Зубрицкій коснулся вопроса о существованіи почаевской монастырской типографіи до 1730 г. и въ частности: о связи почаевской монастырской типографіи XVIII вѣка съ изданнымъ въ Почаевѣ въ 1618 г. „Зерцаломъ Богословіи" и о Литургіаріонѣ 1655 г. Къ первому подало поводъ, съ одной стороны, глухое свидѣтельство Бандке о существованіи почаевской типографіи въ 1618 г. (съ трудомъ Сопикова и другихъ Зубрицкій не былъ знакомъ), съ другой—ссылка самихъ почаевскихъ Базиліанъ во время процесса на изданіе въ Почаевѣ въ 1618 г. книги „Speculum Theologiae", признанной въ то время Братствомъ за поддѣлку. Зубрицкій, на основаніи прямыхъ указаній о времени основанія почаевской типографіи, рѣшительно сомнѣвался въ существованіи послѣдней еще въ 1618 году. Высказавъ пожеланіе, чтобы почаевскій экземпляръ этой книги былъ изслѣдованъ (авторъ не успѣлъ еще въ то время самъ видѣть ея) и указавъ самый способъ критическаго изслѣдованія, Зубрицкій въ заключеніе высказалъ свѣтлую мысль, что если дѣйствительно существуетъ какая либо книга, изданная въ Почаевѣ въ 1618 году, то она напечатана, надо думать, въ кочевой—передвижной малой типографіи (str. 35, 52). Во время печатанія своего труда, Зубрицкому довелось видѣть „Зерцало Богословіи" 1618 г. Къ сожалѣнію краткость времени не позволила ему, по собственному сознанію, прочитать книгу и остановиться надъ нею со вниманіемъ. „Zdanie przeto o niey, писалъ въ примѣчаніи авторъ, do późnieyszey odkładam chwili. Зубрицкій напечаталъ лишь описаніе книги, съ краткой и не совсѣмъ ясной замѣткой, что на основаніи нумераціи лишь средины книги можно заключить „ze nie razem to dziełko, lecz ułomkami wychodziło, a później (кѣмъ и когда?) zebrane, tytułem i dedykacyą opatrzone zostało (str. 35—6). Мысль о напечатаніи „Зерцала Богословіи" въ 1618 г. въ кочевой типографіи осталась необоснованной.—Свидѣтельство Бандке о Литургіаріонѣ 1655 г. Зубрицкій прямо объявилъ ошибочнымъ, справедливо утверждая,

(хотя и опять не достаточно обоснованно), что данное изданіе вышло въ 1755 г. Основаніемъ для утвержденія послужило Зубрицкому упоминаніе о Служебникѣ 1755 года въ актахъ процесса, равно свидѣтельство почаевскихъ базиліанъ, (при всемъ стремленіи доказать давность своей типографіи) „ze przez woyny i nieszczęscia kraiowe po roku 1618 około sotka lat drukarnia ich nieczynną bydz musiała". Экземпляръ б—ки Оссолинскаго, на которомъ основывалось свидѣтельство Бандтке, Зубрицкій не могъ видѣть, такъ какъ б—ка не приведена была въ порядокъ.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ Зубрицкимъ почаевскихъ изданій и до сихъ поръ извѣстны въ литературѣ лишь по его указанію.—Остается еще упомянуть, что, говоря объ Уніевской типографіи, авторъ замѣтилъ (str. 55): może bydz, że Bazylianie poczaiowscy, zakupiwszy przyrządzienia drukarskie, do Poczaiowa ie przeniesli",—мысль, впослѣдствіи подтвердившаяся [1]).

Спустя 9-ть лѣтъ въ изданіи Balińskiego и Lipińskiego—„Starożytna Polska", въ статьѣ „Poczajów" (t. II, część druga Warsz. 1845) было напечатано (str. 904—5) „Już 1618 r. istniały w Poczajowie prassy drukarskie, a pierwsze wytłoczene w nich pismo: była mowa Maxyma Greka; jak długo trwały *nie wiadomo*, lecz że w późniejszym czasie czynnemi były, okazuje się z umowy, którą... bis... Rudnicki, zawart w Rożyszczach 3 grudnia—1772 r. z superiorem Klasztoru; brzmi ona":... Далѣе приводится цѣликомъ повелѣніе Рудницкаго о возобновленіи Почаевской типографіи, запрещенной декретомъ 1771 года, съ обязательствомъ за себя и преемниковъ возвращать монастырю

---

[1]) Въ 1838 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. (т. 19-й, № 9, стр. 560—585) напечатано краткое извлеченіе изъ Зубрицкаго (безъ его имени) подъ заглавіемъ. „О славянорусскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомиріи",—извлеченіе точное въ передачѣ описокъ подлинника и не всегда точной въ передачѣ мнѣній автора. Такова мысль, что „Зерцало Богословія" 1618 г. „находится и теперь въ монастырѣ Базиліановъ; и что „печатанныя въ послѣдствіи (послѣ 1747 г.) въ Уніовѣ книги издавались подъ именемъ Почаевской типографіи" (стр. 584). Странно своею категоричностью и безпочвенностью и примѣчаніе „Ред". (м. б. основанное на догадкѣ Бандтке): „Грекоунитскіе монахи испрашивали разрѣшеніе содержать Почаевскую типографію; но она учреждена гораздо прежде, когда Почаевскій монастырь былъ еще православнымъ (с. 575).

издержки печатанія. Документъ заимствованъ авторомъ „z arch. gł. w Warszawie, ks. kancl. 51, s. 20"; и за нимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Co potwierdza Król w marcu 1773 r". Напечатаніе неизвѣстнаго документа было конечно любопытно; но съ другой стороны здѣсь впервые была опредѣленно проведена мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи съ 1618 года. Соображенія Зубрицкаго и раньше Строева, да и вообще *вся* предшествующая литература, оставлены безъ всякаго вниманія. Впрочемъ, нелогичность въ построеніи умозаключенія бросалась въ глаза сама собою.

Въ послѣдующей литературѣ соображенія Зубрицкаго (въ ихъ неточной передачѣ въ Журн. Мин.) и Строева оставили слѣдъ лишь въ трудахъ Сахарова и Максимовича.

Сахаровъ въ книгѣ „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Томъ первый. Книга вторая" (съ 1491 по 1655 г.) (Спб. 1849; но дозволено цензурой еще 28 дек. 1846 г.; 2°) отмѣтилъ и „Зерцало Богословія... (Почаевъ, 1618 г.)" (№ 168), и „Слово на Латиновъ (? 1618 ?)". (№ 169). Для описанія этихъ книгъ, новаго противъ Строева авторъ ничего не давалъ, но сообщалъ указанія на библіотеки, въ которыхъ хранятся экземпляры данныхъ книгъ и приводилъ болѣе полныя указанія на предшествующую литературу. Въ графѣ о времени изданія книгъ Сахаровъ выставилъ противъ №№ 168 и 169 годъ 1618-й, а въ графѣ о мѣстѣ изданія—„?". Въ примѣчаніяхъ къ тексту книги Сахаровъ писалъ: при № 168—„На заглавномъ листѣ хотя и показано, что книга издана въ Почаевскомъ монастырѣ, *но это едва ли справедливо.* Въ недавнее время возникло сомнѣніе объ этомъ изданіи. См. Журн. мин. народ. просвѣщ. (1838 г., № IX, стр. 575)"; а при № 169: „И это изданіе приписываютъ Почаевской типографіи, 1618 г. П. М. Строевъ говоритъ (см. кат. староп. кн. Царскаго): „шрифтъ, кажется, кіевскій". И только... Авторъ не дѣлалъ никакихъ новыхъ соображеній и даже вовсе не высказывалъ своего мнѣнія о мѣстѣ изданія этихъ книгъ. Къ мысли объ изданіи ихъ въ Почаевѣ авторъ, повидимому, относится вполнѣ отрицательно. Такъ,

въ помѣщенномъ въ началѣ „Обозрѣнія“ перечнѣ типографій указаннаго времени о Почаевской не упоминается ни словомъ.

Тѣмъ временемъ въ вышедшемъ еще въ 1848 году „Каталогѣ“ книгъ ц. п. б—ки А. Кастерина, составл. В. Ундольскимъ (М. въ „Чтеніяхъ“ и отдѣльно) было сжато перечислено и не мало книгъ почаевской печати 1755—1798 годовъ [1]). Упоминались и „Зерцало Богословія“ (№ 95) и Слово на Латиновъ (№ 96),—послѣднее за датой: „безъ выхода, *вѣроятно* въ Почаевѣ, около 1618 г.“.

Въ томъ же 1849 г., въ которомъ вышла въ свѣтъ книга Сахарова, появился рядъ статей о южно-русскихъ типографіяхъ М. Максимовича, подъ общимъ заглавіемъ „Книжная старина южнорусская“. Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о Почаевской типографіи („Временникъ“ Моск. Общ. Исторіи, кн. 1. М. 1849, стр. 11—12 Смѣси; перепеч. въ Собр. соч. т. III, стр. 674—6) почти цѣликомъ несамостоятельны [2]) и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критики. Здѣсь собраны вкратцѣ вмѣстѣ всѣ бывшія извѣстными Максимовичу свѣдѣнія о почаевской типографіи: вѣрныя, неточныя и совсѣмъ ошибочныя, и изъ нихъ составлена цѣльная обманчивая картина. Авторъ воспользовался (съ незначительными пропусками) указаніями Сопикова, Строева, статьи въ Журн. Мин—а и „Каталогомъ“ Кастерина. Трудъ Бандтке и подлинникъ статьи Зубрицкаго не были ему извѣстны. Воспользовавшись указанными трудами, Максимовичъ писалъ: „Всѣ вышеозначенныя типографіи на Волыни (раньше о нихъ шла рѣчь) прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Послѣ того на Волыни *была* только одна Славяно-русская типографія — Почаевская. Начало книгопечатанія въ Почаевѣ положено еще въ 1618-мъ году Кирилломъ Транквилліономъ Ставровецкимъ, который тамъ напечаталъ сочи-

---

[1]) №№ 877, 880, 881, 897—9, 917, 928, 931, 932, 942, 943, 948, 950, 952, 960, 962, 963, 964, 966, 967, 972, 973, 986, 997, 1006, 1013, 1014, 1020. При свѣдѣніяхъ о №№ 897—9, 932, 967, допущены были ошибки, частью исправленныя, частью повторяемыя до сихъ поръ.

[2]) Намъ неизвѣстенъ источникъ указанія лишь на одну книгу „Гора Почаевская 1742. in 4[о]“. Впервые указано Максимовичемъ посвященіе „Зерцала Богословія“ въ разныхъ экземплярахъ разнымъ лицамъ.

неніе свое—1. Зерцало Богословія. 1618. въ 4. Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентію Древинскому...; а другіе князю Александру Пузынѣ. 2. Около того же года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4. *Извѣстны сомнѣнія* о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году. *Сомнѣваются* также, дѣйствительно-ли существуетъ—3. Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ 1655 года. Возобновлена типографія въ Почаевѣ 1730 года Изъ первыхъ книгъ ея извѣстна—4. Гора Почаевская 1742. въ 4. Далѣе шелъ перечень Почаевскихъ изданій (36-ти), а затѣмъ говорилось: „Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ списокъ Почаевскихъ книгъ прошлаго столѣтія можетъ пополниться еще значительно; но иныя изъ нихъ, изданныя старообрядцами, *можетъ быть,* носятъ на себѣ только имя Почаева; а напечатаны не здѣсь (догадка Сопикова). Библіографической наблюдательности есть надъ чѣмъ поработать". Вотъ и все. Высказанной въ концѣ статьи мысли самъ авторъ совсѣмъ не приложилъ къ дѣлу, и потому статья его, полезная для своего времени, какъ объединеніе—списокъ, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія.

Спустя 2 года ту же мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи уже въ 1618 г. и позже высказалъ M. Wiszniewski въ своемъ трудѣ „Historya literatury polskiej". (W Krakowie, t. VIII, 1851, str. 429—431 и 411): „Kiedyby piérwszy raz drukarnię ruską w Poczajowie założono *wiedziéć nie* możemy; to tylko *pewna* iż w r. 1618 wyszła tu mowa Maksyma Greka (по Сопикову). W r. 1730 sprowadzili byli Poczajowscy Bazylianie gisera... (по Зубрицкому). Wyżéj wzmiankowanij mowy Maksima Greka dotąd niewidziano, (Вишневскій Опис. кн. Царскаго не читалъ), lecz w roku 1618 wyszła tu następująca książka: Sija kniha nareczajemaja zercało bohoslowija... (по Зубрицкому). W Wilnie u s. Trójcy *i w Poczajowie przy końcu siedmnastego* wieku już często nie kirylicą ale czcionkami polskiemi drukowano, jak np. następujące Okilewicza dzieło: Ecphonemata Liturgiey Greckiey... *w Wilnie*... R. P. 1671 (str. 44). Указаній на другія книги авторъ для доказательства своей мысли не приводитъ. У Бандтке Вишневскій заимствовалъ извѣ-

стіе о Литургіаріонѣ 1655 г., не упомянувъ о заявленіи Зубрицкаго. Вишневскій пользовался трудами Сопикова, Бандтке, Зубрицкаго и Строевскимъ описаніемъ книгъ Толстого. Другихъ трудовъ онъ не видѣлъ. Изъ упомянутыхъ трудовъ заимствованы Вишневскимъ всѣ приводимыя имъ свѣдѣнія о почаевскихъ изданіяхъ ц. п. [1]). Ново въ трудѣ Вишневскаго было извѣстіе о нѣкоторыхъ книгахъ, печатанныхъ въ XVIII в. латинскимъ шрифтомъ въ Почаевѣ (напр. str. 430, 277—8) и краткая замѣтка о дѣятельности почаевской типографіи съ 1772 г. до позднѣйшаго времени za naszych czasów).

Единственно для полноты обзора приходится упомянуть о замѣткахъ о Почаевской типографіи П. Карашевича и А. Перлштейна.

Первый въ своемъ „Очеркѣ исторіи православной церкви на Волыни“ (Спб. 1855. 8-о; раньше въ „Христіанскомъ Чтеніи“) писалъ (стр. 140)... „всѣ эти типографіи прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Послѣ того на Волыни была только одна славяно-русская типографія—почаевская. Начало книгопечатанія положено въ Почаевѣ еще въ 1618 г. *помѣщицею Анною Гойскою; но по смерти ея типографія пришла въ совершенный упадокъ* и возобновлена уже въ 1730 г. (см. Временникъ 1849 г. „Книжная старина южнорусская, также Библіогр. Сахарова)“ Авторъ почти дословно привелъ мнѣніе Максимовича, но совершенно несправедливо приписалъ послѣднему и Сахарову произведеніе собственной фантазіи—мысль объ основаніи типографіи въ Почаевѣ Гойской.

Въ томъ же 1855 году А. Перлштейнъ напечаталъ въ Волынскихъ Губерн. Вѣдом. (№№ 4 и 5. Января 22 и 29-го статейку „Очерки исторіи типографіи на Волыни [2])“. Авторъ имѣлъ

---

[1]) При этомъ ошибочно (1798, 8°) отмѣченъ годъ изданія и форматъ Слова о походѣ души Кирилла Александрійскаго, свѣдѣніе о которомъ взято Вишневскимъ у Сопикова. Ошибка возобновлена Головацкимъ.

[2]) Перепечатана подъ заглавіемъ „Типографіи на Волыни“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855, ч. LXXXVII, с. 22—6 (см. Межовъ: № 4235).

въ виду дать свѣдѣнія вообще о всѣхъ бывшихъ на Волыни типографіяхъ. Сообщивъ жалкіе обрывки кое-какихъ свѣдѣній о славяно-русскихъ типографіяхъ въ Острогѣ, Дермани и Луцкѣ (о другихъ автору не было извѣстно) и сдѣлавъ лирическое отступленіе, авторъ продолжалъ: „множество православныхъ храмовъ Божіихъ обращено было въ уніатскіе костелы, и въ святынѣ Почаевской, занятой Базиліанами, *возникла* типографія, основателемъ которой былъ Бискупъ Ѳеодосій Любецкій-Рудецкій (sic!), въ первой половинѣ XVIII вѣка. Изъ этой типографіи выходили уніятскіе служебники и молитвенники, также учебныя руководства. Типографія Почаевская существовала и въ позднѣйшія времена, когда Провидѣнію угодно было возвратить древнее достояніе Руси подъ скипетръ Русскихъ Самодержцевъ“. Слѣдуетъ опять лирическое отступленіе о вѣротерпимости Россіи и о судьбахъ Промысла по отношенію къ уніатамъ и наконецъ заключеніе: „Послѣдовало возсоединеніе—и Почаевская типографія *прекратила свое дѣйствіе*“. Авторъ не имѣлъ почти никакого понятія о литературѣ предмета, а послѣднее его замѣчаніе о прекращеніи существованія почаевской типографіи со времени возвращенія Лавры въ православіе—просто невѣроятно. Вѣдь, авторъ печаталъ свою статью въ *Волынскихъ* Губернскихъ Вѣдомостяхъ, всего въ нѣскольких стахъ верстахъ отъ продолжавшей существовать типографіи. Какъ бы для контраста — основатель почаевской типографіи, съ искаженною, правда, фамиліей, былъ указанъ вѣрно и впервые.

Въ 1859 г. въ Почаевѣ издана была брошюра—„Описаніе Почаевскія Успенскія Лавры“, по свидѣтельству архим. Амвросія: „подъ руководствомъ самаго Преосвященнаго Арсенія составленное“ (см. „Сказаніе о Поч. Усп. Лаврѣ“, 1871 г. с. 243).

Авторъ его (архим. Амвросій?) о почаевской типографіи лишь къ слову замѣтилъ (стр. 22): „въ 1597 году помѣщица... Анна Гойская надѣлила обитель сію (Почаевскую) землями, лѣсомъ и крестьянами и *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители Типографіи*“. Гаданіе это было, повидимому, произвольнымъ развитіемъ мысли Карашевича.

Въ 1861 г. былъ изданъ львовскимъ купцомъ М. Дыметомъ каталогъ пріобрѣтенныхъ имъ въ православной Почаевской Лаврѣ нераспроданныхъ уніатскихъ изданій, подъ заглавіемъ: „Каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ святой Успенской Лаврѣ Почаевской чина Святаго Василія Великаго. Для оупотребленія греческо-оунитскихъ церквей и духовенства“. (Печатано о. Михаила Ф. Порембы 1861, 4-о, IV стр. Ц. П.). Книги, всѣ Ц. П., въ каталогѣ расположены были въ алфавитномъ порядкѣ. При каждой обозначенъ годъ изданія, форматъ, *число тетрадей*, („количество книгъ“, или „количество листовъ“, т. е. *печатныхъ*) и цѣна. Всѣхъ книгъ перечислено было 50, большею частью неизвѣстныхъ дотолѣ въ библіографіи. Въ каталогѣ, (какъ обычно въ каталогахъ), двѣ книги ошибочно (см. ниже) отмѣчены были изданными въ 1700 (№ 21: молитвенникъ 4-о) и 1708 (№ 1: Акаѳісты 4-о) годахъ; при 3-хъ (№№ 18, 32 и 37) годъ изданія не обозначенъ (на подлинныхъ года изданія обозначено, слѣд., не было). Всѣ книги, вообще, были позднѣйшихъ, сравнительно, изданій. У Дымета въ продажѣ находилось по 1-му изданію 1756 (№ 28), 1761 (№ 19) и 1771 (№ 26) годовъ, 2 книги—1768 года, а остальныя 1774—1825 годовъ, „Декотори изъ сихъ книгъ, говорилось при концѣ каталога, существуютъ тылько еще въ килькохъ екземплярахъ и можно ихъ приобрѣтити только за посредничествомъ Михаила Дымета, купця въ Львовѣ“. Каталогъ Дымета важенъ и самъ по себѣ и по своему вліянію на послѣдующую литературу о почаевскихъ изданіяхъ.

Уже 2 года спустя имъ воспользовался А. Петрушевичъ въ своей статьѣ „Историческое извѣстіе о древней Почаевской обители Чину св. Василія Великаго и Типографіи ея, съ росписью въ той печатнымъ книгамъ“ („Галичанинъ, литературный сборникъ, издаваемый Б. А. Дѣдицкимъ“. 1863, кн. I, вып. III и IV, Львовъ, 1863. 8-о. стр. 158—181; о типографіи собственно стр. 168—181). Роспись почаевскимъ изданіямъ Петрушевичъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ: книгамъ ц.-славянскимъ, польскимъ и латинскимъ отдѣльно. Книги безъ года изданія помѣщались б. ч. въ концѣ списковъ. Каждой

книги, кромѣ заглавія и года изданія, указывалась обыкновенно лишь доля листа. Откуда заимствовались авторомъ свѣдѣнія, при каждой книгѣ отдѣльно не обозначалось; лишь передъ спискомъ говорилось: „Самое богатѣйшее собраніе книгъ Почаевской печати имѣетъ находитися въ богатомъ книгохранилищѣ покойнаго поляка Константина Свидзинскаго (нынѣ у. гр. Красинскихъ въ Варшавѣ), хотя касательно исторіи Почаевской типографіи и тамъ же изданныхъ книгъ, въ архивѣ Почаевской обители, по всей вѣроятности сохраняется еще самъ богатѣйшій матеріалъ, который ожидаетъ своего изслѣдователя въ пользу русской библіографіи. Впрочемъ, чтобы, по возможности выполнити сей недостатокъ въ нашей библіографіи касательно книгъ печатаныхъ въ Почаевской обители, подаемъ здѣсь хотя *неполный* перечень книгъ, *которыя намъ осматривати или о нихъ где-то читати удалось*“... (стр. 171—2). Судя по ссылкѣ на б—ку Свидзинскаго при № 93 (Ц. П.), авторъ имѣлъ свѣдѣнія о послѣдней. Однѣхъ книгъ Ц. П. авторомъ названо было 148 №№, на половину совершенно неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ въ библіографіи. Но при цѣнности сообщаемыхъ Петрушевичемъ указаній, въ его списокъ почаевскихъ изданій Ц. П. вкралось нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній и въ частности значительное число новыхъ ошибочныхъ показаній о книгахъ будто бы изданныхъ въ Почаевѣ въ XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Упомянувъ по „Хронологич. росписи“ Каратаева о Зерцалѣ Богословія 1618 г. и Словѣ Максима Грека, изданномъ „вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г,“ (№№ 1 и 2) и повторивъ ошибочное показаніе Дымета о молитвенникѣ 1700 г. (№ 4), авторъ назвалъ еще: жизнь Іова к. XVII в. (№ 3), Приложеніе къ Уставу церковному (№ 5), Трефологіонъ и Величанія 1704 г. (№№ 6--7), Послѣдованіе постригу двою 1708 г. (№ 8), Евангелія Страстн. 1709 г. (№ 9), Алфавитъ духовный 1710 г. (№ 10) и 2 изданія Молитвослова 1720 г. (№№ 11—12). Разборъ этихъ показаній мы представимъ ниже. Любопытно, что авторъ не повторилъ ошибочнаго показанія Дымета (№ 1) объ Акаѳистахъ 1708 г., хотя воспользовался *всѣми* остальными указаніями Дымета. Не назвалъ также авторъ и описаннаго у Бандтке Слу-

жебника 1655 г., хотя книгой Бандтке пользовался. Можетъ быть, Петрушевичъ убѣдился въ ошибочности этихъ двухъ показаній на дѣлѣ: справкой въ б—кѣ Оссолинскихъ и у Дымета. Изъ своихъ предшественниковъ авторъ пользовался лишь трудами Бандтке, Зубрицкаго, Балинскаго и Липинскаго, Каратаева и Каталогомъ Дымета. Изъ Зубрицкаго и Бандтке заимствованы Петрушевичемъ всѣ фактическія показанія по исторіи почаевской типографіи, хотя не къ пользѣ дѣла, и видоизмѣнены сообразно имѣвшимся у автора свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка.

Сказавъ, что неизвѣстный авторъ Описанія Почаевскія Успенскія Лавры (Почаевъ 1859) „едва только нѣсколькими словами упомянулъ о здѣшней типографіи, когда говоритъ (стр. 22), что Анна Гойская, надѣляя въ 1597 г. обитель сію землями, лѣсомъ и крестьянами, *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители типографіи*", Петрушевичъ, раздѣляя, повидимому, этотъ взглядъ, писалъ: „Впрочемъ, чтобы то ни было, начатокъ Почаевской типографіи относится къ началу XVII вѣка, къ временамъ паденія Острожской типографіи, ибо самою древнѣйшею *извѣстною* книгою здѣшней печати есть книжка: Зерцало богословія въ 4 долю листа напечатана 1618 года въ Почаевѣ, быти можетъ типами закупленными изъ Острога. (Догадка Глѣбовича, приведенная Бандтке). Сами Почаевскіе монахи въ своихъ тяжбахъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, доказывая прислуживающее имъ право типографіи и древность ея, кромѣ упомянутой книжки „Зерцала Богословія", *древнѣйшей* (у Зубрицкаго: вообще другой) отъ нея предложити не были въ состояніи, и даже признаютъ, что по 1618 году около сотка лѣтъ типографія ихъ, для большихъ смутъ въ нашемъ русскомъ отечествѣ праздновала, *и не скорше якъ въ первомъ десяткѣ XVIII стала снова дѣйствовати*". Послѣднія подчеркнутыя слова напрасно вложены въ уста почаевскихъ монаховъ: они всецѣло принадлежатъ самому Петрушевичу. „Въ 1730 году, Почаевская обитель, *желая обновити свою подъупадшую типографію* (догадка самого Петрушевича), призвавши словолитчика" . . . и т. д. по Зубрицкому. Въ примѣчаніи авторъ писалъ: Зуб-

рицкій *ошибочно* утверждаетъ, что изъ актовъ тяжбы между Почаевскою обителью и Львовскимъ Ставропигіальнымъ братствомъ явствуетъ, *будьто даже по* 1732 годъ въ Почаевѣ жадной книги не издано, кромѣ Проскомедіи на одномъ листѣ, и пастырскаго посланія Луцкого Епископа". Доказательствъ Петрушевичъ никакихъ не приводилъ. Чтобы онъ справлялся съ самыми документами, ни откуда не видно, а слѣдовательно, остается думать, что авторъ несправедливо поправлялъ Зубрицкаго, исходя изъ тѣхъ же ошибочныхъ своихъ свѣдѣній о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Ниже авторъ, въ противорѣчіе собственнымъ свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ, со словъ Зубрицкаго утверждалъ, что „Почаевская обитель неуважая на королевскіи декрета *съ самымъ началомъ второй* половинѣ XVIII вѣка стала снова печатати церковныя книги"... (Типографія не прерывала своей издательной дѣятельности) и повторялъ со словъ Бандтке догадку Сопикова о раскольничьихъ изданіяхъ съ именемъ Почаева и др. городовъ. Догадку Зубрицкаго о покупкѣ Уневской типографіи Почаевской обителью авторъ попытался обосновать: „Кажется, продала Уніевская архимандрія свою типографію Почаевской обители, о чемъ свидѣтельствуетъ внѣшнее сходство типовъ обоихъ типографій" (стр. 170).

Впрочемъ, и въ этой части труда Петрушевича были цѣнныя замѣчанія: о внѣшне-типографскихъ достоинствахъ почаевскихъ изданій и о громадномъ значеніи этихъ изданій въ свое время для уніатской Руси; равно справедливый упрекъ по адресу православныхъ, что они, заслуженно упрекая уніатовъ въ игнорированіи православнымъ, не меньше съ своей стороны любятъ замалчивать уніатское.

Глубоко скромное, даже несправедливое, мнѣніе автора о собственномъ трудѣ (стр. 168 и 172), ссылки на скудность своихъ источниковъ и на неполноту сообщаемыхъ данныхъ, просьба къ читателямъ не отказать въ присылкѣ дополненій и *исправленій*, съ замѣчаніемъ, что „всякое и даже малѣйшее изъясненіе и дополненіе въ томъ предметѣ будетъ съ большою благодарностью нами принято и до общей извѣстности доведено",—

эта глубокая скромность не позволяетъ отнестись къ автору труда иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, забывая въ трудѣ его недостатки и помня лишь о достоинствахъ.

„Сверхъ выше приведенныхъ на *польскомъ и латинскомъ* языкахъ изданныхъ книгъ, писалъ авторъ въ концѣ своего труда, видѣли мы *по разныхъ библіотекахъ* еще много иныхъ книгъ, брошюръ и полулистовъ Почаевской печати, которыхъ однако по заглавіямъ ихъ описати не казалось намъ потребнымъ, не имѣя тогда намѣренія сочинити что нибудь въ томъ предметѣ; для того надѣемся, что со временемъ удастся намъ нашу роспись пропущенными сочиненіями значительно дополнити, при чемъ *не оставимъ также подробно поговорити о различныхъ изображеніяхъ святыхъ лицъ* на деревѣ и мѣди, отпечатанныхъ въ Почаевской обители“ (стр. 181).

Въ послѣднихъ словахъ заключалось первое, насколько намъ извѣстно, печатное упоминаніе о гравюрахъ почаевскаго изданія. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, удалось-ли автору исполнить свое намѣреніе.

Сѣтованія Петрушевича на неизслѣдованность матерьяловъ Почаевскаго Архива были, хотя лишь въ незначительной степени, разсѣяны съ выходомъ въ свѣтъ перваго же слѣдующаго труда, касавшагося почаевской типографіи. Въ 1870—1 г. въ приложеніи къ Волынскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ (1870: №№ 13---24, 1871: № 1—6) напечатано было „Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ Архимандрита Амвросія, на основаніи документовъ — хранящихся въ Лаврскомъ архивѣ“ (8-о 2826 стр. Тогда же отдѣльно, и др. изд.). Описаніе написано было еще въ 1865 (см. дату въ концѣ книги), по порученію Волынскаго архіепископа Антонія (см. Волын. Еп. Вѣд. 1872 г. № 15, ч. оф., стр. 414). По принятому авторомъ плану излагать исторію почаевской Лавры по періодамъ и даже архимандритствамъ, о типографіи говорилось не въ одной какой либо главѣ, а въ различныхъ мѣстахъ. Не меньше замѣчаній о типографіи сдѣлано было и совершенно случайно. Вообще по всей книгѣ разсѣяна масса мелкихъ и б. значительныхъ новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи почаевской типографіи. Къ

сожалѣнію къ этому же труду наиболѣе приложимо и замѣчаніе Петрушевича объ игнорированіи православными всего уніатскаго. Подробныя и систематическія свѣдѣнія сообщались авторомъ о состояніи типографіи лишь въ періодъ православія обители: до уніи (какъ вѣрилъ авторъ) и послѣ уніи. Періодъ же уніатскій—періодъ славы типографіи—Амвросій проходилъ молчаніемъ, касаясь дѣятельности типографіи въ это время лишь случайно и тогда, когда представлялся случай *очернить* ея дѣятельностью уніатовъ. (О дѣятельности типографіи при уніи говорилось въ главахъ: „перемѣны вѣроученія, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ въ Почаевскомъ Монастырѣ по принятіи имъ уніи" и „Поведеніе Почаевскихъ базиліанъ въ послѣднее время"). Такимъ образомъ, трудъ Амвросія важенъ былъ преимущественно свѣдѣніями о почаевской типографіи съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Онъ впервые сообщилъ о непрерывномъ существованіи типографіи послѣ передачи Лавры православнымъ. Впрочемъ и изъ исторіи типографіи въ послѣдней четверти XVIII-го и 1-й XIX-го вѣковъ сообщалось не мало важныхъ фактовъ, напр.: о подтвержденіи русскимъ правительствомъ за типографіей права печатать книги, о переходѣ типографіи отъ уніатовъ къ православнымъ, о дѣлѣ по случаю печатанія въ типографіи раскольничьихъ книгъ. (Оказывалось, что догадка Сопикова, и другихъ за нимъ, о ложномъ обозначеніи имени Почаева на раскольничьихъ изданіяхъ была неосновательна. Раскольничьи изданія дѣйствительно выходили изъ почаевской типографіи, въ цѣляхъ—надо думать—коммерческихъ).

Но значительная часть свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о Почаевской типографіи до уніи и въ періодъ уніи въ 2-й и 3-й четвертяхъ XVIII-го вѣка, исполнены грубыхъ ошибокъ и не выдерживаетъ никакой критики. Не говоря уже о произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ догадкахъ, авторъ съ поразительнымъ невниманіемъ отнесся къ тѣмъ документальнымъ даннымъ, на которыя ссылается.

О Почаевской типографіи до уніи говорилось въ отдѣлѣ: „Пособія къ содержанію обители отъ типографіи" (стр. 33—34). „За сто и болѣ лѣтъ до порабощенія Почаевской обители Уні-

атами (писалъ авторъ), уже существовала при ней типографія.—Короли Августъ II и Августъ III, *утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ* на печатанье книгъ на Славянскомъ и Латинскомъ языкахъ при Почаевскомъ монастырѣ, между прочимъ выражаютъ, что *эти привиллегіи* онъ имѣлъ съ древнихъ временъ—officina typografica antiquitas in monasterio poczajovensi existabat (см Дѣло № 95).—Въ 1618 году здѣсь напечатана книга „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона, которая и теперь есть въ Лаврской библіотекѣ и значится по каталогу подъ № 402-мъ... (Далѣе слѣдуетъ описаніе книги)... „шрифтъ древній и похожъ на шрифтъ, которымъ *въ XVI* столѣтіи печатались книги въ типографіи Кіевской—*доказательство, что* тогдашняя Почаевская типографія имѣла знакомство и сношеніе съ сею послѣднею, что уже была въ порядочномъ состояніи,—и, *конечно*, уже печатались въ ней и другія, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія книги: но гдѣ онѣ дѣвались, и когда именно, и по чьему позволенію первоначально основана типографія—*неизвѣстно.—Надобно полагать*, что документы на этотъ памятникъ древняго въ этомъ краѣ православія, равно какъ и самыя книги *истреблены Іезуитами.*—Впрочемъ, существованіе ея *уже въ концѣ XVI вѣка* [1]) доказывается *еще и* тѣмъ, что основательница Почаевскаго общежительнаго монастыря Анна Гойская въ 1597 году, надѣляя оный землями, дала и способы къ учрежденію при немъ типографіи,—(слова неизвѣстнаго автора „Описанія Почаевскія Успенскія Лавры“, Почаевъ 1859 г.; не принадлежитъ ли и это „Описаніе“ архим. Амвросію)?, что *во второй половинѣ XVII вѣка* Львовское братство, имѣя свою типографію и опираясь на *какія-то* свои привиллегіи, домогавшееся монополіи, по этому заведенію, начало

[1]) Эту же мысль мимоходомъ высказалъ архим. Амвросій еще въ 1863 г. въ книгѣ: „Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской епархіи“ (Почаевъ 1863, 8-о). Онъ писалъ здѣсь (стр. 321) объ Уніевской типографіи: „Православное братство.. удержало ее при себѣ до 1840 года, а въ то время почаевскіе базиліане пріобрѣли покупкою у сказаннаго братства снаряды къ печатанію и перенесли въ Почаевъ, въ свою типографію, *съ XVI-го вѣка* тамъ существующую. (См. Historyczne badanie o drukarniach słowiańskich p. 55.). Ссылка была далеко неточна

процессъ съ Почаевскими иноками изъ-за типографіи, и всячески старалось закрыть оную (см. Дѣло № 139),—и что наконецъ въ послѣдніе годы, *предшествовавшіе* порабощенію Почаевскаго Монастыря Уніатами, печатались въ ней проскомидійные листы, для разсылки въ *православныя* церкви, письма или посланія *православныхъ* Архипастырей, *антифоны Преподобному Іову и разныя молитвы* (см. Дѣло № 95).—*Конечно*, по неимѣнію въ другихъ мѣстахъ здѣшняго края типографіи, *Почаевской* Монастырь имѣлъ удобство сбывать свои типографскія произведенія лицамъ высшаго и низшаго классовъ, оставшимся Православными".

Истребительную дѣятельность уже не іезуитовъ, а базиліанъ обличалъ авторъ и въ отдѣлѣ „О книгѣ Гора Почаевская" (стр. 271). Описывая эту книгу, авторъ между прочимъ говорилъ: „Книга эта напечатана въ 1772 г. въ Почаевской монастырской типографіи, по повелѣнію унитскаго епископа Сильвестра Рудницкаго: *но въ ней же говорится*, что она перепечатана изъ прежней подобной книги, которая, *какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно, уничтожена Базиліанами*".

Въ отдѣлѣ „Еще взглядъ на почаевскій монастырь до перехода его въ Унію" (стр. 53—5), перечисляя книги и рукописи, находившіяся въ то время въ монастырѣ, авторъ между прочимъ называлъ: „Цвѣтникъ Святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (*печатанное въ Почаевской обители*), Зерцало Богословія Транквиліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году"....

Считая излишнимъ разбирать положенія архим. Амвросія, начинающіяся съ выраженій: „конечно", „надобно полагать", „вѣроятно", провѣрку и разборъ ссылокъ на документы и на изданія книгъ мы представимъ ниже.

Перейдемъ теперь къ пересмотру показаній архим. Амвросія о Почаевской типографіи во 2-й и 3 й четвертяхъ XVIII-го вѣка.

Въ очеркѣ „О построеніи (съ 1771 г.). Соборпой нынѣшей церкви и братскаго корпуса", говоря о бывшихъ до того въ Почаевѣ церквахъ и въ частности о главной изъ нихъ Троицкой, Амвросій сообщалъ (стр. 114) любопытный фактъ, что

„въ 1720 г. свинцовая крыша снята съ этой церкви, *и* изъ свинца отлиты для типографіи буквы, а церковь покрыта мѣдными листами... (См. Дѣло № 25, стр. 55)“, но годъ обозначенъ былъ ошибочно, какъ оказывалось изъ сравненія съ другимъ мѣстомъ труда архим. Амвросія. Въ отдѣлѣ „Особыя замѣчанія о суперіорахъ“ (почаев. мон.) (стр. 73—7) авторъ писалъ м. пр.: „а) Гедеонъ Козубскій. Въ должность вступилъ въ 1830 году и исполнялъ ее по 1736 годъ. При немъ главный восьмигранный куполъ прежней соборной Троицкой церкви *въ 1731 году* покрытъ листовою мѣдью“... (См. Дѣло № 287, стр. 11)“.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ сообщалъ о договорѣ въ 1736 г. мастера для переплета б. тысячи экземпляровъ „Служебника“, объ отлитіи около 1737—9 г.г. новыхъ буквъ для типографіи, о томъ, что б. суперіоръ Варлаамъ Какойловичъ съ 1752 г. былъ корректоромъ типографіи и скончался въ 1763 году.

Въ отдѣлѣ „Перемѣна вѣроученія“... авторъ писалъ: „Въ 1742 году декретомъ папской нунціатуры воспрещено Почаевскому монастырю имѣть типографію и особенно печатать книги на русскомъ языкѣ: „Inhibitum est monasterio Poczajovensi typograficam erigere librasque Ruthenico idiomate imprimere“—сказано въ декретѣ (см. Дѣло № 139, стр. 57). Папа боялся, чтобы Почаевская типографія, не успѣвъ привести въ исполненіе повелѣнія митрополита Шептицкаго объ исправленіи церковнослужебныхъ книгъ, не напечатала ихъ по прежнимъ православнымъ изданіямъ, безъ этого исправленія, и чтобы онѣ не расходились между Уніатами вообще, и въ частности между Базиліанскими монастырями. Вслѣдствіе этого лукаваго наставленія папской нунціатуры церковно-служебныя книги въ Почаевской типографіи *до половины* XVIII столѣтія *дѣйствительно уже не печатались*“. (стр. 70).

Догадка автора о лукавствѣ папы отзывалась наивностью, а показанія о декретѣ нунціатуры 1742 г. и напечатаніи съ этого года до половивы XVIII ст. книгъ въ Почаевскомъ монастырѣ были фактически невѣрны.

Слѣдующимъ по времени сообщеніемъ о поч. типографіи была случайная замѣтка (стр. 81), что „съ 1770 года съ посту-

пленіемъ Унитскаго Епископа Рудницкаго, по имени Сильвестра, Монастырская типографія *начала* печатать церковно-служебныя книги *въ видѣ мнимаго исправленія*, какого требовалъ митрополитъ Шептицкій, и дѣйствительно всѣ онѣ такъ и напечатаны"... Мысль автора была не совсѣмъ ясна: вообще-ли начала почаевская типографія съ 1770 г. печатать книги послѣ перерыва съ 1742 г. (такъ поняли мысль автора пользовавшіеся впослѣдствіи его трудомъ), или съ этихъ поръ она начала впервые печатать книги „въ видѣ мнимаго исправленія". И въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль автора была невѣрна, а въ первомъ противорѣчила еще замѣткѣ о корректорѣ Какойловичѣ.

Неточность сообщеній автора, произвольность его мнѣній, отрывочность и неполнота изложенія, разбросанность свѣдѣній о дѣятельности Почаевской типографіи по всей книгѣ—вредно отозвались на послѣдующей литературѣ предмета. Пользовавшіеся трудомъ архм. Амвросія одно повторяли за нимъ, другое выводили изъ его словъ, третьяго не замѣчали.

Предыдущими работами о Почаевской типографіи архим. Амвросій *вовсе* не пользовался. Тѣмъ не менѣе въ трудѣ архим. Амвросія было, повторяемъ, много новаго и интереснаго.

Труда А. Хойнацкаго „Западнорусская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ" (Кіевъ, 1871, 8-о), какъ имѣющаго въ виду свои особыя задачи, мы коснемся лишь постольку, поскольку въ него входитъ матеріалъ, строго относящійся къ библіографіи Почаевскихъ изданій и къ исторіи Почаевской типографіи. Немногочисленныя историческія свѣдѣнія о Почаевской типографіи всѣ заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, хотя нѣсколько и видоизмѣнены имъ. По представленію Хойнацкаго, „начало Почаевской типографіи восходитъ къ первымъ десятилѣтіямъ XVII в. и *по преданію* (очень скромной давности—16-ти лѣтней) принадлежитъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской. Въ 1618 г., вскорѣ послѣ кончины Гойской, здѣсь было напечатано извѣстное „Зерцало Богословія" Транквилліона.—Но съ теченіемъ времени, по смерти своей основательницы, типографія эта пришла въ упадокъ... Здѣсь въ позднѣйшее время печатались только проскомидійные листы,

антифоны пр. Іову (игумену почаевскому) и разныя архипастырскія посланія, *и т. п...* Около 1720—25 г. уніяты овладѣли почаевскою обителью... Въ тоже время по заботливости тогдашняго почаевскаго архимандрита Ѳеодосія Рудницкаго, они постарались возобновить и почаевскую типографію", (стр. 31). Далѣе Хойнацкій упоминалъ „почаевскій служебникъ Ѳеодосія 1735 г. „преизящное первенство" типографіи почаевской (стр. 33) и повторялъ въ редакціи архим. Амвросія догадку о покупкѣ почаевскими монахами уніевской типографіи. (стр. 33—4).

Новы въ трудѣ Хойнацкаго были указанія на многія почаевскія изданія Ц. и Л. П., разсѣянныя по всей книгѣ и отчасти объединенныя (на стр. 36—8) въ сжатомъ перечнѣ. Перечень этотъ „болѣе неизвѣстныхъ книгъ" былъ помѣщенъ, по словамъ автора, съ цѣлью „дать понятіе, какія книги были во время оно печатаемы въ почаевской лаврѣ". Перечень распадался на двѣ части: А) книги славянской печати, Б) книги латино-польской печати. Въ обоихъ книги располагались по формату: въ листъ, въ четверть и т. д. и сообщалось лишь краткое заглавіе и годъ изданія. Трудами своихъ предшественниковъ (кромѣ архим. Амвросія) авторъ вовсе не пользовался и руководился собственными свѣдѣніями. Въ книгу вкралось и нѣсколько ошибочныхъ показаній (описокъ—опечатокъ?) о времени изданія нѣкоторыхъ книгъ. Было упомянуто м. пр. изд. Октоиха 1674 г. (с. 392), Молитвослова 1676 г. (с. 391), Тріоди Цвѣтной 1717 г. (с. 399) и Молитвослова 1720 г. (с. 391) [1]). (См. о нихъ ниже).

Въ томъ же 1871 г., въ которомъ напечатаны труды архим. Амвросія и Хойнацкаго появилось капитальное изданіе Московск. Публ. и Румянц. Музеевъ—„Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова". (Москва 1871, 8°). Въ немъ сжато, но точно названо было до 108-ми почаевскихъ изданій 1742—

[1]) Ошибочное показаніе это повторено впослѣдствіи авторомъ въ статьѣ „Изъ воспоминаній и замѣтокъ бывшаго послушника почаевской лавры при Базиліанахъ" Вол. Еп. Вѣд. 1879 г. ч. неоф., № 17, стр. 665. (Перепечатано съ согласія автора изъ Холмско-Варш. Вѣстн. № 8).

1827 г.[1]). Четвертая часть ихъ (28+4 по Тихоцкому) были книги раньше совершенно неизвѣстныя. Отмѣчены были и извѣстныя „Зерцало Богословія“, напеч. въ Почаевѣ 1618 г. (№ 214) и „Слово на Латиновъ“—безъ вых.; изд., вѣроятно, въ Почаевѣ, ок. 1618 г. При большинствѣ книгъ указана доля листа и число страницъ и сдѣланы ссылки на библіографическіе труды и б—ки. Многія книги отмѣчены прямо по экз. б—къ. Изъ предыдущихъ работъ авторы воспользовались лишь трудами строго-библіографическими: Сопикова, Строева, Ундольскаго (Кат. Кастерина) и „Каталогомъ собранія А. И. Тихоцкаго (въ Одессѣ)“ (ркп?) (см. с. II.). Благодаря этому, въ „Очеркъ“ не вошло много почаевскихъ изданій, извѣстныхъ уже по печатнымъ трудамъ, но съ другой стороны—не вошло почти и ошибочныхъ показаній. Въ общемъ это было полезно. Почти относительно всѣхъ книгъ можно было быть увѣреннымъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ. При этомъ обнаружился довольно странный фактъ: ни въ Рум. Музеѣ, ни даже въ Имп. Публ. Б—кѣ не оказалось *ни одной* книги Ц. П., изданной въ Почаевѣ по передачѣ монастыря православнымъ. Любопытно было бы знать, высылаетъ ли почаевская типографія свои изданія въ указанныя учрежденія въ настоящее время?

Въ томъ же 1671 г. вышелъ и еще одинъ трудъ, имѣющій значеніе и для библіографіи почаевскихъ изданій—„Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ святѣйшаго Правительствующаго Синода“ (Спб. 1871, 16°), составленный Н. Барсуковымъ[2]). Книгъ совершенно неизвѣстныхъ раньше въ литературѣ о почаев. типографіи было здѣсь собственно не много

---

[1]) №№ 214,6. 2144; 228—9, 36, 49—51; 343—8; 427, 48; 509, 31, 48, 89 613, 21, 3, 37, 47, 9, 63, 5—6, 85, 90?; 702—4, 51, 60, 4, 73, 82—3, 6—8; 821, 5—8, 61, 84—5; 934, 73, 86, 8. 3003—6, 10, 6, 8, 23, 35, 40—2, 6—9, 56, 65?; 107, 9—12, 8; 224, 63, 90; 330, 77; 408; 532.

Дополненіе Бычкова: 31, 41, 47—8, 51, 64—5, 72, 9, 82—3, 6, 8, 94—5, 7; 103, 5, 9, 15, 9—20, 42, 81—2; 232, 82.

[2]) Почаевскія изданія подъ №№ 143, 156, 166, 175—7, 180, 186—8, 193, 197, 201—2, 214, 216—7, 219, 223—4, 227, 229, 232—7, 239, 241—4, 246—8, 254, 257, 259, 261—2, 265—7, 269—70, 272, 276—8, 280, 286—7, 289, 291, 294—5, 297, 299, 300.

(№№ 187, 201, 232, 276, 291). Важно было то, что при большинствѣ книгъ приведена копія заглавнаго листа.

Перечень почаевскихъ изданій, помѣщенный въ 6 выпускѣ изданія „Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи" (Спб. 1874, съ 183—4), составленъ, какъ это и было отмѣчено авторомъ (с. 171), всецѣло и исключительно на основаніи „Очерка" Ундольскаго и потому имѣлъ лишь то значеніе, что извлекъ и объединилъ почаевскія изданія изъ неснабженнаго ключомъ „Очерка".

Между тѣмъ „Очеркъ" Ундольскаго вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, дополненія. Для исторіи почаевскихъ изданій, точнѣе: для исторіи накопленія ошибочныхъ показаній объ нихъ, важно составленное Я. Головацкимъ „Дополненіе къ очерку сл.-рус. библіографіи В. М. Ундольскаго" (Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ. Томъ XI, № 5 и отдѣльно. Спб.1874. 8°).

„Воспользовавшись моими записками, писалъ авторъ въ предисловіи (с. 15), и источниками менѣе доступными русскимъ ученымъ, *я съ большою тщательностью* составилъ настоящій списокъ". „У меня нашлось 80 книгъ почаевской печати... непоказанныхъ библіографами", писалъ онъ нѣсколько выше (с. 3). Что авторъ назвалъ даже болѣе 100 почаев. изданій, неотмѣченныхъ въ „Очеркѣ" Ундольскаго—это вполнѣ справедливо, но что списокъ его составленъ „съ большою тщательностью"—это совсѣмъ невѣрно. Авторъ отнеся къ своимъ пособіямъ безъ всякой критики и повторилъ ихъ ошибки. Даже списывалъ онъ невнимательно и, благодаря этому, внесъ порядочное число новыхъ ошибокъ.

Изъ предисловія автора имѣло значеніе для исторіи почаевскихъ изданій развѣ замѣчаніе: „Нѣкоторыя изъ книгъ Почаевской типографіи считаются въ Россіи библіографическими рѣдкостями, между тѣмъ онѣ находятся до сихъ поръ въ продажѣ у Львовскаго купца Михаила Димида" (выше: Димита) (с. 15). Какъ наивную фальшь можно отмѣтить еще слова: „Впрочемъ для Галицкихъ Угорскихъ Руссовъ книги эти (почаевскаго изданія) уже тѣмъ были привлекательны, что онѣ печатаны въ Россіи".

Лишь два изъ названныхъ авторомъ почаевскихъ изданій были до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстны (№№ 59 и 174), да объ одномъ авторъ писалъ по собственному экземпляру (№ 237). Названія всѣхъ остальныхъ были заимствованы, какъ это указывалъ и самъ авторъ (с. 7, 14—15 и примѣчаніе къ № 126-му), изъ каталога Дымета, статьи Петрушевича, „Списка" Барсукова и наконецъ Исторіи литературы польской Вишневскаго и статьи Хойнацкаго въ „Холмск. Мѣсяц." на 1873-й г. За Дыметомъ авторъ повторялъ показанія о Молитвенникѣ 1700 г. (№ 45) и Акаѳистахъ 1708 г. (№ 48); за Петрушевичемъ извѣстія о Трефологіонѣ 1704 г. (№ 46), Послѣдованіи постригу двою 1708 г. (№ 49), Евангеліи Страстномъ 1709 г. (№ 50), Алфавитѣ Духовномъ 1710 г. (№ 51), 2-хъ изданіяхъ Молитвословъ въ 1720 году (№№ 54—55) и Жизни Іова XVII в., относя, впрочемъ, послѣдніе не къ концу XVII-го вѣка, а къ ¼ его (№ 16: между книгами 1614 и 1621 годовъ). Любопытно, что Головацкій не повторилъ за Петрушевичемъ показаній о Приложеніи къ Уставу 1700 г. и Величаніяхъ 1704.—У Вишневскаго (а тотъ у Сопикова) авторъ заимствовалъ между прочимъ извѣстіе о напеч. безъ года печати „Словѣ въ недѣлю мясопустную" Ипполита папы (№ 43) и помѣстилъ его между изданіями 1694 года. Въ Виленской публичной б—кѣ авторъ нашелъ Кононикъ 1682 (№ 38). (О Житіи Іова ¼ XVII в., Словѣ Ипполита и Каноникѣ см. ниже). Не понявъ значенія постановки тире въ каталогѣ Дымета („—" здѣсь на мѣстѣ годъ изданія=изданіе безъ выхода) и принявъ его за знакъ того, что книга напечатана въ томъ же году, что и предыдущая,—Я. Головацкій указалъ несуществовавшія никогда изданія (№№ 212=205, 180=199). Указанную Хойнацкимъ латинскую книгу (Чинъ веденія миссій) авторъ принялъ за славянскую (въ примѣчаніи къ № 126-му),—Тріодь Постную 1767 г. Синодальной б—ки отнесъ къ 1769 г. (№ 108) [1]), названное Петрушевичемъ „Правило церковное о св. Пульхеріи", *написанное* въ 1780 г. помѣстилъ безъ достаточныхъ основаній между книгами 1780 года (№ 149) [2]).

---

[1]) Это, впрочемъ, повидимому, опечатка.

[2]) „Библіографическія замѣчанія" С. Голубева (Кіевъ, 1876". Оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад. №№ 1 и 2) м. б. упомянуты здѣсь развѣ потому, что

Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи о состояніи почаевской типографіи при Пр. Іовѣ, высказанномъ свящ. Ап. Сендульскимъ въ статьѣ „Преподобный Іовъ Игуменъ Почаевскій“ (въ Волын. Еп. Вѣд. 1875 г., № 22 и 23). Статья эта представляетъ (какъ это ни странно) *дословную* перепечатку въ сокращеніи статьи объ Іовѣ Хойнацкаго, такъ что подъ нею слѣдовало бы поставить имя этого послѣдняго. Къ мнѣнію же Хойнацкаго—мы теперь и перейдемъ.

Въ 1878 г. свящ. А. Хойнацкій издалъ сборникъ своихъ статей—„Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни“ (Житомиръ 1878 г.; дозв. цензурой: „1877 года іюня 20 дня“, 8-о). Въ находящемся здѣсь очеркѣ жизни пр. Іова (напеч. впервые еще въ 1874 г.) авторъ помѣстилъ (на стр. 183—5) отдѣлъ: „Православныя книги, изданныя въ почаевской типографіи во время преподобнаго Іова“. Отдѣлъ этотъ мы считаемъ своимъ долгомъ привести почти цѣликомъ.

„*Извѣстно*, писалъ авторъ, что на Волыни, въ почаевской обители, *съ самыхъ древнихъ временъ* (по Амвросію: „уже въ концѣ XVI вѣка“) существовала *православная* типографія, *въ которой*, на основаніи привиллегіи отъ королей польскихъ (по арх. Амвросію) *печатались разныя книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ*. Заведеніе этой типографіи преданіе (Карашевичъ въ 1855 г.) приписываетъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской [1]). *Когда преподобный Іовъ прибылъ на гору почаевскую*, типографія эта уже находилась *въ цвѣтущемъ* (арх. Амвросій: „порядочномъ“) положеніи: шрифтъ былъ красивый, похожъ на современный ему (Амвросій: „XVI

въ нихъ отмѣчена, по каталогу Хлудова № 384, Тріодь Постная 1744 г. № 24, с. 75). Двѣ другія отмѣченныя Голубевымъ книги (№№ 28 и 32, с. 76) были извѣстны и раньше (Синод.: 216, Бычковъ: 95).

[1]) *Извѣстно* между прочимъ, что короли польскіе Августъ II и Августъ III, утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ въ почаевской Лаврѣ, въ то же время *положительно* выражали, что привиллегіи эти она имѣла съ давнихъ временъ: „officina tipografica antiquitu in monasterio Poczajowensi existit. (арх. почаев. лавры.—Дѣло № 95“.

Все по архим. Амвросію, съ добавкой „положительно“ и измѣненіемъ латинской выдержки.

столѣтія") шрифтъ типографіи Кіево-Печерской Лавры; для начальныхъ статей полагались особыя калиграфическія буквы; разныя виньетки, финалики и бордюры назначались для начальныхъ и конечныхъ листовъ *и т. п.* [1]) (Все это было отмѣчено у архим. Амвросія). *Нечего и говорить, съ какимъ сочувствіемъ преподобный Іовъ долженъ былъ относиться къ этому заведенію* (у Сендульскаго: „какъ онъ обрадовался"), *доставлявшему ему теперь возможность распространить полезныя книги* не только чрезъ переписку ихъ, какъ это дѣлалъ онъ въ дубенскомъ монастырѣ, но и *печатно для всѣхъ желающихъ. Вскорѣ блаженному представился и удобный случай для достиженія этой цѣли.* Въ то время во Львовѣ, въ ставропигіи братства успенія пресвятыя Богородицы, былъ дидаскаломъ или учителемъ и проповѣдникомъ, извѣстный въ исторіи нашей духовной литературы, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, впослѣдствіи архимандритъ черниговскій [2]). Въ числѣ другихъ своихъ сочиненій Транквилліонъ написалъ: „Зерцало Богословія", *направленное противъ* латинянъ; *и по благословенію преподобнаго Іова* книга эта была „выдрукована въ монастыру почаевскомъ въ маетности (имѣніи) его милости пана Андрея Фирлея, року 1618, мѣсяца марта 12 дня". [3]).

Такимъ же образомъ (т. е. съ благословенія Іова?) въ почаевской типографіи, *во время преподобнаго Іова* (у Амвросія: въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію Почаевскаго монастыря Уніятами"; да и у самого Хойнацкаго въ „Уніи"— глухо: „въ позднѣйшее время"), печатались проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы *и т. п.* [4]). *И конечно*, по малочисленности (Амвр.: „по неимѣнію") пра-

---

[1]) Смотр. книгу, напечатанную въ Почаевѣ 1618 года: „Зерцало Богословія".

[2]) Обзоръ русской духовной литературы пр. Филарета 812—1720 г. § 167 стр. 263.

[3]) . . . Въ примѣчаніи авторъ приводилъ заглавіе „Зерцала" и оглавленіе, прибавивъ замѣчаніе: Авторъ „обозрѣнія славянорусской библіографіи" сомнѣвается въ напечатаніи ея въ почаевскомъ монастырѣ, (стр. 5 № 168.); *но онъ вѣроятно не зналъ и о* существованіи почаевской типографіи въ XVII в.

[4]) Сказаніе о Поч. Лаврѣ, арх Амвросія, стр. 34 Архива Поч. Лавры, дѣло № 95,

вославныхъ типографій того времени въ предѣлахъ юго-западнаго (Амврос.: „здѣшняго“) края Россіи, когда, по свидѣтельству исторіи (т. е. Карашевича, по Максимовичу), всѣ „древнѣйшія типографіи Волыни: острожская, кременецкая, рахмановская и другія мало по малу прекращали свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ XVII вѣка, и на Волыни была только одна славяно-русская типографія почаевская“ [1]), обитель почаевская находила возможность (Амвр.: „имѣла удобство“), распространить свои типографскія произведенія между православными и такимъ образомъ, *безъ сомнѣнія*, по возможности содѣйствовала къ поддержанію православной церкви среди тогдашнихъ бѣдствій, причиняемыхъ латинствомъ.

Въ примѣчаніи къ послѣднимъ строкамъ Хойнацкій писалъ: „Въ послѣдствіи по смерти преподобнаго Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Арх. Почаев. лавры Дѣло № 95). Догадываются, что въ почаевской обители до обращенія ея въ унію были печатаемы и другія книги; но онѣ или неотысканы, или же уничтожены іезуитами и базиліанами“. Авторъ повторялъ слова архим. Амвросія, но сопровождалъ ихъ примѣчаніемъ. „Въ этомъ отношеніи *особенно хитро* поступили іезуиты, которые для того, чтобы лишить какую-либо книгу ея древняго характера, вырывали въ ней обыкновенно заглавные листы, на которыхъ по обычаю значится имя автора, годъ и мѣсто ея изданія. Таковыхъ книгъ и теперь много можно находить въ предѣлахъ западнаго края Россіи, особенно между священниками“. [2]).

---

[1]) Очеркъ... Карашевича стр; 140...

[2]) Жаль что авторъ не отмѣтилъ, что въ церквахъ западнаго края находится и множество *уніатскихъ* изданій съ вырванными или заклеенными заглавными листами и вообще частями книгъ. Дѣло объясняется просто, помимо хитрыхъ іезуитовъ. Какъ въ настоящее время преслѣдуются уніатскія изданія, такъ во времена уніи естественно преслѣдовались изданія православныя. Какъ въ настоящее время вырываніемъ или заклеиваніемъ заглавнаго листа скрывается уніатское происхожденіе книги, такимъ же способомъ въ то время могло прикрываться православное ея происхожденіе. Тѣмъ, кто любитъ говорить объ истребительной дѣятельности іезуитовъ, не мѣшало бы указывать и то, что въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія были разосланы Епархіальнымъ Начальствомъ, по крайней мѣрѣ въ Волынской и Подольской Епархіяхъ, указы *объ уничтоженіи* уніатскихъ изданій, и нѣкоторые изъ

Ниже на стр. 167-й своихъ „Очерковъ“, Хойнацкій повторилъ еще одну догадку арх. Амвросія: „гора *почаевская*“... *по сознанію самихъ же уніатовъ*, между прочимъ *первоначально была напечатана православными*, и потомъ только „типомъ обновлена“ базиліанами въ 1793 году. (Смотр. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубьенецкаго, Рудницкаго, еписк. Луцкаго и Острожскаго)“.

На стр. 173 авторъ повторялъ ошибку архим. Амвросія о свинцовой крышѣ, снятой въ 1720 г. для отливки буквъ.

Почти всѣ данныя изъ исторіи почаевской типографіи были заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, но тогда какъ въ 1871 г. онъ довольно точно повторялъ архим. Амвросія и воздерживался въ изложеніи исторіи почаевской типографіи до Уніи отъ собственныхъ догадокъ,—въ 1878 году онъ далъ полную волю своей фантазіи. Желая во что бы то ни стало какъ можно болѣе прославить прп. Іова, авторъ не стѣснялся историческими фактами и не довольствовался послѣдними. Книги, напечатанныя по словамъ Амвросія—въ $1/4$ XVIII вѣка, о. Хойнацкій, *ссылаясь на того же Амвросія и тотъ же документъ*, отнесъ къ числу книгъ, изданныхъ при Іовѣ; создалъ цѣлую картину радости Іова по поводу существованія въ монастырѣ типографіи; измыслилъ, будто бы „Зерцало Богословія“ напечатано съ благословенія Іова; утверждалъ, что въ почаевской типографіи до Уніи печатались книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ, выводя послѣднюю мысль изъ словъ Амвросія о подтвержденіи королями Августомъ II и III привиллегіи мона-

молодыхъ священниковъ поусердствовали настолько, что *жгли на кострахъ вообще старопечатныя книги*. На чердакѣ одной изъ колоколенъ Волынской епархіи и доселѣ *гніетъ* купа уніатскихъ и частію *древне-православныхъ* изданій, сваленныхъ сюда покойнымъ теперь о. Благочиннымъ К., жившимъ въ этомъ селѣ и вытребовавшимъ ихъ въ силу указа изъ церквей своего округа. Изъ другихъ церквей книги въ силу указа доставлены были въ Почаевъ и проданы, какъ говорятъ, за границу—галицкимъ уніатамъ. Вмѣстѣ съ книгами уничтожались и рукописи. Нерѣдкость также встрѣтить священниковъ, хвастающихъ тѣмъ, что у нихъ въ церкви—все „новое“. Напомнимъ также очень недавній указъ одного Преосвященнаго, запрещающій четвероконечные кресты и рекомендующій восьмиконечные (раскольничьи).

стырю своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ на этихъ языкахъ.

Съ взглядами о. Хойнацкаго, высказанными въ очеркѣ жизни пр. Іова, можно и не считаться.

Въ статьѣ свящ. Ст. Барановскаго „Краткія историческія свѣдѣнія о бывшихъ на Волыни православныхъ типографіяхъ (Вол. Еп. Вѣд. 1877 г., № 18, стр. 763—87), особый отдѣлъ былъ посвященъ и типографіи почаевской (стр. 763—4). Кромѣ нѣсколькихъ строчекъ въ концѣ, всѣ остальныя свѣдѣнія, какъ это видно было изъ примѣчаній, были заимствованы у архим. Амвросія. Но разбросанность и отрывочность извѣстій послѣдняго чрезвычайно вредно отозвались на трудѣ Барановскаго. Многое осталось незамѣченнымъ, многое непонятымъ. Получился въ результатѣ рядъ ошибокъ. „Основательницей ея, писалъ Барановскій о почаевской типографіи..., была... Анна Гойская *въ 1597 г.*... Историческую, однако жъ, дѣятельность типографія начала съ 1618 года, съ коего мы и считаемъ ея—типографіи начало. Здѣсь напечатаны: а) Зерцало Богословія... 1618..., б) Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученія инокамъ *въ томъ-же г.* Потомъ ко времени, ближайшему къ совращенію почаевскихъ иноковъ въ унію, здѣсь печатались—в) Проскомидійные листы... г) Посланія православныхъ архипастырей..., д) Антифоны преп. Іову, е) Молитвы. Съ совращеніемъ *въ 1720 г.* иноковъ въ унію, *типографія должна была прекратить свои дѣйствія.* „Inhibitum est monasterio paczaiewensi tipograficam errigere librasquee ruthenico idiomate imprimere“, сказано было почаевскому монастырю 1742 г. въ декретѣ папской нунціатуры. *Объ оставшихся-же отъ православнаго времени книгахъ повелѣно было* — „libri, qui jam impressi sunt, si correctione indigent et corrigi possunt, corrigere [1])“. *Около 1784 г.* типографія *возобновила-было свои дѣйствія*; но по случаю печатанія старо-

[1]) Тамъ же (Опис. Амвросія), стр. 65. Авторъ не понялъ словъ архим. Амвросія. Указанныя слова приведены послѣднимъ, какъ выдержка изъ окружнаго посланія Аѳанасія Шептицкаго отъ 4 мая 1733 г. объ исправленіи всѣхъ вообще православныхъ изданій. Къ папскому декрету по дѣлу почаевской типографіи и вообще къ почаевской типографіи выдержка эта не имѣетъ никакого отношенія.

обрядческихъ книгъ, была *на время закрыта. Съ 1800 и 27 годовъ* (т. е.?) *послѣдовало разрѣшеніе для ея дѣйствій*, и она *до* времени *присоединенія* обители къ православію печатала испорченныя уніатами богослужебныя книги. Съ 1834 г. православные начали съ литографированья въ типографіи... изображеній... *Съ 1854 г. разрѣшено печатать здѣсь и книги*, и въ типографіи печатались"... (Слѣдуетъ перечень, по Амвросію).

Въ приведенныхъ словахъ почти что предложеніе, то и ошибка, новаго—ничего. Новы были лишь послѣднія строки: Въ 1863 г. напечатано здѣсь—Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи... Съ 1867 г. печатаются здѣсь Волынскія Епархіальныя Вѣдомости".

Разбирать положенія Барановскаго мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ всѣ мысли его, **повторяемъ**, основаны на пропускѣ и непониманіи сообщеній **архим.** Амвросія.

Въ 1877 же году была напечатана статья Іером. Платона „Преосвященнѣйшій Архіепископъ Агаѳангелъ, какъ Священно-Архимандритъ Почаевскія Успенскія Лавры" (Волын. Еп. Вѣд. 1877 г. № 23. Перепечатана въ видѣ 6-й дополнительной главы во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ „Описанія... Лавры", Амвросія). Въ статьѣ былъ и отдѣлъ „Что пріобрѣла типографія" (стр. 1032=266). На стр. 1033 (=268) упоминалось о справкѣ двухъ старопечатныхъ машинъ.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ и о значеніи для библіографіи почаевскихъ изданій труда Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 г., (2 тома. А.—М. Берлинъ. 1876+1880 г., 8-о). Насколько намъ извѣстно, авторъ воспользовался (не вполнѣ) лишь трудами Сопикова, Ундольскаго („Очеркомъ"), Барсукова и Головацкаго да въ 1—2-хъ случаяхъ отчетами Спб. Публ. Б—ки. Ссылки на Wiszn., Кастерина, Царскаго—взяты изъ вторыхъ рукъ. Допущено было нѣсколько ошибокъ въ ссылкахъ на пособія, въ обозначеніи доли листа и въ 2-хъ случаяхъ (Евангеліе 1786, 8-о; Минея Общая 1780")—въ годахъ. Новаго, кромѣ 2—3-хъ напечатанныхъ вполнѣ впервые заглавій, не было ничего.

Въ 1880—1 годахъ появилось въ печати значительное число свѣдѣній о почаевскихъ *гравюрахъ*.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи отъ Намѣстника Почаевской Лавры поступило „274 №№ гравюръ мѣстнаго происхожденія, изъ коихъ 48-мъ оттиснуты съ деревянныхъ досокъ, а 226-ть съ металическихъ". („Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. январь, 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 4, стр. 679). Оттиски съ досокъ, „болѣе интересные" для исторіи граверного искусства, были перечислены въ „Извѣстіяхъ" Общества (стр. 679—82). При этомъ принята была неудобная система ссылокъ на №№ гравировальныхъ досокъ. №№ эти приводились послѣ перечисленія гравюръ даннаго гравера, въ числовомъ порядкѣ съ 2-мя подраздѣленіями на „деревян." и „металлич.". Такимъ образомъ обозначилось лишь, подъ какими №№ находятся вообще оттиски съ гравюръ даннаго гравера. и не было видно, подъ какимъ именно № хранится каждый изъ оттисковъ.

Въ томъ же 1880 году (въ маѣ), отъ Духовнаго Собора Почаевской Лавры поступило въ Общество еще „32 листа современныхъ *оттисковъ* со старыхъ гравировальныхъ досокъ Почаевской лавры" и кромѣ того „17 деревянныхъ и 35 мѣдныхъ гравировальныхъ досокъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ". И доски, и оттиски были подробно перечислены (доски съ указаніемъ №№) въ 66 (14) № журнала „Россійская Библіографія", отд. 1, стр. 329—30 (=№ отъ 13 августа 1880 г.) [1]). Между оттисками находилось м. пр. 9-ть листовъ съ образцами шрифта и заставокъ и 1 листъ съ изображеніемъ гербовъ.

Такимъ образомъ въ музеѣ ц.-арх. Общ. при Кіев. Акад. образовалась цѣлая коллекція изъ 52 гравировальныхъ досокъ Почаевской Лавры и 306 листовъ оттисковъ съ послѣднихъ, что и было отмѣчено въ „Указателѣ" музея (Кіевъ 1880 г., 8-о, стр.

---

[1]) Ср. „Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. май 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 7, с. 452—6; и „Отчетъ" за 1880 г. отд. отт. (изъ „Трудовъ" 1881 г. № 3), с. 3.

12—16). Въ Музеѣ оказалось и нѣсколько оттиснутыхъ въ Почаевѣ гравированныхъ Антиминсовъ („Указатель“, стр. 24—25).

Изъ находившихся въ Музеѣ почаевскихъ гравюръ самою раннею по времени гравировки была гравюра 1733 г.

Въ слѣдующемъ 1881 году вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ Д. Ровинскаго „Русскія народныя картинки“ (Спб. 1881 г. 5 томовъ. 8-о. Составляетъ 23—27-й томы „Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Академіи Наукъ“). Гравюры распредѣлены были по содержанію. На разныхъ страницахъ 1—4-го томовъ описано было не мало гравюръ и почаевской работы [1]). Не обошлось и безъ ошибокъ.

Такъ въ описаніи гравюры № 1277 имя гравера должно быть обозначено буквой „Т“ (Teodor), а не „І“. Въ т. IV-мъ, въ примѣчаніи къ №№ 1276—96 было высказано совершенно ошибочное предположеніе, что гравюра, рѣзанная кіевскимъ граверомъ Н. Зубрицкимъ въ 1704 г. и изображающая освобожденіе Богоматерью въ 1675 г. обители почаевской отъ турецкой осады рисована „вѣроятно“ съ картины викарія волынской епархіи Анатолія, хранящейся въ почаевской Лаврѣ. (Въ началѣ XVIII в. нельзя было рисовать съ картины, написанной въ XIX-мъ вѣкѣ). Но особенно интересны для насъ ошибочные показанія Ровинскаго о 2-хъ гравюрахъ „почаевской работы“: одной *начала* XVIII в. и другой, рѣзанной „I. S.“ въ

---

[1]) См. т. I (Сказки и забавные листы) стр. 454 (№ 229: Жидъ Лейба);

т. II (Листы историческіе, календари и буквари), стр. 323 (№ 642: Видъ Іерусалима), стр. 351 (№ 649: Видъ Константинополя), стр. 510 (№ 683: рус. и пол. прописи);

т. III (Притчи и листы духовные), стр. 5 (№№ 691—2), 284—5 (625), 326 (864—5), 350 (898—9), 352 (908—9), 443 (1113), 457 (1165), 460 (1174—5), 463 (1192), 516—9 (1276—95), *519 (1296)*?, 526 (1312—4), 531 (1328—9), 533 (1334). 549 (1369), 558 (1388), 1395—7), 561 (1395—567 (1402), 568 (1410), 615—6 (1484—5), 619 (1500: съ ошибками), 620 (1501+1504), 645 (1557) *648 (1560)?*, *655—6 1583)??* 656 (1588), 657 (1594+1595—1603), 658 (1697—9;

т. IV (Примѣчанія и дополненія), стр. 497—8 (к. № 642), 630—1 (Антиминсы: №№ 5, 6, 7 и 39°) 683—4 (Зимн. ик. Б—цы) 689—90 (Непорочная дѣва, 692 (Поддубецк. ик. Б—цы), 694 (Решенв. ик. Б—цы), 706 (1224 А+Б.), 708—9 (1234 А+Б), 721 (1269 А+1275 А), 722 (к. 1295), 725 (1301 Б).

1702-мъ году (№№ 1583 и 1500). Ими какъ бы утверждалось о производствѣ гравюръ въ почаевскомъ монастырѣ уже въ первыхъ годахъ XVIII в. Объ этихъ гравюрахъ мы будемъ говорить ниже [1]).

Ю. Тиховскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) У Ровинскаго описаны еще 2 гравюры 1695 и 1704 г. съ почаевскими, такъ сказать, сюжетами: на одной изображенъ почаевскій монастырь (№ 1675), на другой (упомянутой уже нами): освобожденіе въ 1675 г. обители отъ турецкой осады (въ примѣчаніи къ №№ 1276—96). Но и самъ авторъ не утверждалъ, что они „почаевской работы“; напротивъ говорилъ, что принадлежатъ онѣ кіевскимъ граверамъ. А потому не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

П. Кузьмичевскій.

Во II и III книгахъ „Кіевской Старины“ 1886 г. П. Кузьмичевскій напечаталъ статью „*Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности*“. Предоставляя другимъ изслѣдованіе взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ, г. Кузьмичевскій отмежевываетъ себѣ анекдотическій отдѣлъ народной словесности. У турокъ множество анекдотовъ связано съ именемъ Насръ-Эддина-Хаджи, шута Тамерлана, при чемъ одни анекдоты древнѣе Тамерлана, другіе—новѣе. Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, у турокъ ходятъ рукописные и печатные сборники этихъ анекдотовъ. Г. Кузьмичевскій склоненъ видѣть вліяніе ихъ какъ на Востокѣ Европы, у болгаръ, малоруссовъ, такъ и на Западѣ, въ сборникѣ фацецій Поджіо и въ разсказахъ объ Уленшпигелѣ. Въ этихъ положеніяхъ автора есть преувеличенія, многіе изъ украинскихъ анекдотовъ, выводимыхъ авторомъ изъ турецкаго источника, идутъ прямо съ Запада, ближе стоятъ къ Западноевропейскимъ стариннымъ фацеціямъ и жартамъ. Такъ, первый анекдотъ о цыганѣ, записанный въ Галиціи, не обнаруживаетъ прямой связи съ приведеннымъ авторомъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ, проще и остроумнѣе послѣдняго. Второй малорусскій анекдотъ о подаркѣ кстати, очень безцвѣтный, также могъ возникнуть независимо отъ турецкаго вліянія, такъ какъ весьма популяренъ въ Европѣ съ римскихъ временъ (встрѣ-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 5.

чается у Светонія). Въ малорусскихъ и турецкихъ анекдотахъ объ „умѣстной обстановкѣ“, „идеальной ѣдѣ“, „выздоровѣлъ, но умеръ“, „оселъ-муэдзинъ“ мы не можемъ найти ничего общаго, можетъ быть за ихъ краткостью и безцвѣтностью. Анекдоты о подаркѣ кстати (№ 2) и о посылкѣ на тотъ свѣтъ (№ 13) обставлены интересными литературными параллелями. Слабой стороной статьи представляется то обстоятельство, что нѣкоторые малорусскіе анекдоты (напр. №№ 2) переданы съ чужихъ словъ безъ точной записи, другіе (№ 3) въ литературной обработкѣ; существованіе нѣкоторыхъ только предполагается (№ 19 объ ослѣ муэдзинѣ): „слышали мы, помнится, нѣчто подобное“ (III 465). Въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Насръ-Эддинъ-Хаджи, нѣтъ никакого опредѣленнаго личнаго пріуроченія анекдотовъ. Это даетъ поводъ думать, что ни турецкій Насръ-Эддинъ, ни нѣмецкій Уленшпигель не проникали въ Украину въ личномъ типическомъ видѣ, что сюда заходили по всей вѣроятности съ Запада кое-какіе ихъ литературные обрывки, которые быстро получали мѣстную переработку и пріурочивались къ домашнимъ анекдотамъ о жидахъ или цыганахъ въ своеобразной національной юмористической окраскѣ. Доискаться украинскаго первоисточника такого обрывка въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно; такимъ первоисточникомъ могъ быть или словоохотливый казнодѣй-проповѣдникъ, въ родѣ Радивиловскаго, или ученый бакалавръ, быть можетъ, побывавшій и въ нѣмецкихъ университетахъ, въ родѣ Гаваттовича, или странствующій монахъ, любитель бойкаго анекдота, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, можетъ быть заѣзжій болтливый французъ, въ родѣ Боплана. Изъ кабинета ученаго, съ церковной каѳедры, изъ панскаго двора анекдотъ, вольная передѣлка италіанской новеллы или фацеціи, легко могъ проникнуть въ народѣ и получить здѣсь своеобразное толкованіе и своеобразное примѣненіе.

Въ III и IV кн. „Кіев. Старины“ 1887 г. напечатана обширная статья г. Кузьмичевскаго „*Малороссійскія пѣсни объ освобождени крестьянъ*“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что о крѣпостномъ правѣ есть много малорусскихъ пѣсенъ, весьма много пѣсенъ объ его отмѣнѣ, и только одну изъ нихъ

признаетъ народною, при чемъ оказывается, что и эта пѣсня („Ой летила зозуля") заграничнаго австрійскаго происхожденія; въ основѣ ея лежитъ „Pisń radosti", сложенная полякомъ вскорѣ по освобожденіи крестьянъ въ Галиціи въ 1848 г. Г. К. считаетъ „Pisń radosti" точкой отправленія галицкихъ русскихъ при сложеніи пѣсенъ о панщинѣ. Мнѣ кажется, что самъ авторъ „Пѣсни радости" находился подъ сильнымъ вліяніемъ народной поэзіи, и если „Пѣснь радости" оказала потомъ вліяніе на сложеніе пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, то потому что она сама проткана народно-поэтическими узорами. Это такая же мѣстно-галицкая смѣсь чертъ народныхъ и искусственныхъ, какой на востокѣ Малороссіи въ б. Слободской Украинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи является пѣсня Г. С. Сковороды „Нема въ свити правды", въ противоположность первой своеобразная пѣсня печали. Пѣсни этого рода относятся къ промежуточной сферѣ между книжностью и народной словесностью и заключаютъ въ себѣ элементы той и другой въ тѣсномъ сочетаніи. Авторъ сначала приводитъ галицкіе варіанты „Пѣсни радости": „Pisń radosti" A. L. двѣ пѣсни въ „Зорѣ Галицкой" 1848 г., въ Основѣ 1862, въ III т. сборника Головацкаго и шесть варіантовъ, записанныхъ въ правобережной Украинѣ, три печатныхъ и три неизданныхъ. Въ Малороссіи пѣсни о „зозуленькѣ", вѣщающей освобожденіе отъ пановъ, пріурочены не къ 1861 г., а къ 1863 г., ко времени объявленія аграрныхъ льготъ послѣ польскаго возстанія. Въ середину статьи (IV 626—634) эпизодически введено нѣсколько искусственныхъ малорусскихъ виршъ объ освобожденіи крестьянъ, вѣроятно, семинарскаго издѣлія. Народомъ усвоена и разработана лишь одна выше отмѣченная пѣсня о зозуленькѣ, занесенная изъ Австріи. Запѣвъ пѣсни о „Зозуленькѣ" взятъ изъ колядокъ. Кукушка вѣщаетъ въ пѣсняхъ иногда радостныя, иногда печальныя вѣсти, о чемъ подробности см. въ „Объясн. малор. пѣсенъ" *Потебни* II (колядки) 78—80, 724—737.

Въ 8 и 10 кн. „Кіевской Старины" г. Кузьмичевскій помѣстилъ большую (въ 5 печат. листовъ) статью „*Шелудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*". О шелудивомъ Бонякѣ [illegible]

историческихъ преданіяхъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ лѣтописяхъ и преданіяхъ историческихъ онъ обрисованъ врагомъ народа, чародѣемъ, отрубленная его голова хотѣла уйти. М. Е. Халанскій и г. Голубовскій признаетъ за этими преданіями серіозное историческое значеніе. Г. Кузьмичевскій считаетъ сказанія о Бунякѣ за побѣги иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ, отголосками довольно темными и спутанными, что произошло, по мнѣнію г. К., съ одной стороны отъ долговременнаго пребыванія ихъ въ нашей народной средѣ, съ другой—что они дошли сюда не прямо, чрезъ посредство племенъ, населявшихъ южно-русскія степи. Не смотря на обширную эрудицію автора, на массу фактическихъ доводовъ, мы затрудняемся принять этотъ выводъ, по шаткости и загадочности иранскихъ образовъ о Варѣ и Джемшидѣ. Авторъ, увлекаясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, ввелъ много постороннихъ литературныхъ мотивовъ. Статья читается съ трудомъ по причинѣ многихъ отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Это цѣлый рядъ сравнительно-литературныхъ изслѣдованій по поводу отдѣльныхъ деталей въ преданіяхъ о Бунякѣ, изслѣдованій, несомнѣнно, любопытныхъ, но къ Буняку не относящихся (напр. экскурсъ о Кощеѣ).

Статья распадается на четыре главы. Въ первой главѣ г. К. приводитъ извѣстія лѣтописи, Іоанникія Галятовскаго въ „Небѣ Новомъ“ (ок. 1660 г.), Krajowej galyciskiej Tabuly и свящ. Гарасевича въ альманахѣ Lwowianin 1837 г. Сообщеніе Галятовскаго, что св. Николай помогъ кн. Роману рубить Буняка сведено г. К—имъ къ церковнымъ легендамъ о явленіи Христа Константину Великому передъ битвой его съ Максентіемъ. Та подробность, что отрубленная голова Боняка катилась, напоминаетъ автору французскую легенду о парижскомъ еп. св. Діонисіи и старинную русскую легенду о Меркуріи Смоленскомъ. Въ итогѣ получается выводъ о книжно-монастырскомъ характерѣ сказанія о Бунякѣ въ упомянутыхъ выше источникахъ и о позднѣйшемъ его образованіи, выводъ не совсѣмъ убѣдительный, такъ какъ мотивъ о катящейся головѣ могъ возникать и циркулировать безъ прямыхъ литературныхъ воздѣй-

ствій церковной литературы. Помощь св. Николая кн. Роману, несомнѣнно, навѣяна житіемъ святителя, но и безъ этой подробности въ лѣтописномъ сказаніи о Бонякѣ и въ позднѣйшихъ о немъ историческихъ преданіяхъ обнаруживаются традиціонныя черты вражды и презрѣнія русскихъ къ половцамъ въ лицѣ ихъ воинственнаго и смѣлаго наѣздника Боняка, въ свое время причинившаго русскому народу не мало тревогъ и огорченій.

Во второй главѣ приведена галицко-русская сказка у Садока Баранчи и ея слабый варіантъ у Сѣменскаго о томъ, какъ шелудивый Буняка, обрисованный въ этомъ случаѣ въ родѣ Вія (вѣки поднимали вилами), влюбился въ царицу Елену и погнался за ней, и когда ее сталъ защищать царевичъ, Буняка заклялъ ихъ, и царевичъ съ войскомъ и Еленой провалился подъ землю, откуда выйдетъ со временемъ для освобожденія Польши. Послѣдняя подробность, т. е. пребываніе царевича съ войскомъ подъ землей, даетъ автору поводъ къ обширному экскурсу объ откровеніи Меѳодія Патарскаго, о византійско-германской легендѣ объ императорѣ, спящемъ подъ землей, съ разными личными пріуроченіями, о предполагаемыхъ иранскихъ первообразахъ этой легенды, азіатскихъ и европейскихъ ихъ отголоскахъ у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, о позднѣйшихъ пріуроченіяхъ легенды къ Добошу, Шевченкѣ и Ст. Разину. Въ этомъ обширномъ кругѣ сравненій не вездѣ присутствуетъ основной мотивъ—пребываніе героя и его войска въ горѣ или подъ землей; райскій садъ Варъ подъ землей или подъ горой и выходъ изъ него народа Джемшида, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и если вводить его въ кругъ сравненій, то почему не привлечь сюда и сказанія африканскихъ и американскихъ дикарей о выходѣ первыхъ людей изъ горъ или изъ-подъ земли (приведены у Ревилля въ соч. Les relig. des peuples non-civilisées). Мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Кузьмичевскимъ, что въ древней иранской легендѣ о Іимѣ находятся всѣ элементы сказанія о замкнутомъ въ подземельѣ царевичѣ и др. сродныхъ сказаній, хотя считаемъ возможнымъ другое предположеніе г. К., что Откровенія Меѳодія Патарскаго

заключаютъ въ себѣ иранскіе элементы и что иранскіе образы о заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ могли проникать на западъ и сами собой устнымъ путемъ. Вообще эта область темная и загадочная, и свести всѣхъ героевъ, Марка-Королевича, Фридриха Барбарусу, ученика Будды Кассіаку, Дабаша, Стеньку Разина къ иранскому первоисточнику— дѣло рискованное, тѣмъ болѣе, что наряду съ героями, скрывшимися въ горѣ, могутъ оказаться герои, прикованные къ горѣ, какъ Прометей, зарытые въ землю, замурованные, какъ Ликургъ, Даная.

Эпизодъ о томъ, что царевичъ и царица провалились подъ землю, можетъ быть сближенъ съ многочисленными сказаніями о провалившихся городахъ (собраны въ большомъ числѣ въ Revue d. trad popul. 1890—1894).

Въ III гл. г. К. разсматриваетъ начало сказки о Бунякѣ и Еленѣ и приводитъ многочисленныя литературныя параллели изъ европейскихъ и азіатскихъ сказокъ объ униженной царевнѣ, о претензіозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Сюда привлечены сказочные мотивы о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки или дающей имъ задачи, и мотивы объ униженіи гордой царевны осмѣяннымъ ея женихомъ. Мотивы эти сведены къ индійскимъ образцамъ при посредствѣ статьи Бенфея въ Ausland 1858 г. о людяхъ съ чудесными свойствами. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дано много цѣнныхъ библіографическихъ указаній и историко-литературныхъ замѣтокъ. Такъ, разбирая въ одномъ примѣчаніи (на 242 стр.) сказочные мотивы прятанія (жениха отъ невѣсты царевны), авторъ высказываетъ общее замѣчаніе, что „сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ не съ племеннымъ родствомъ народовъ, а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ“,

Послѣдняя IV глава весьма обширна (32 стран.) Авторъ здѣсь, по своему обыкновенію, даетъ гораздо болѣе матеріалу и заключеній, чѣмъ предполагаетъ исходный пунктъ изслѣдованія. Въ началѣ главы авторъ останавливается на сказаніяхъ народныхъ (въ сводѣ г. Драгоманова и во львовской хроникѣ Іозефовича XVII в.) о Бунякѣ, какъ людоѣдѣ, о томъ, что

Буняка, кромѣ смрадныхъ внутренностей, висѣвшихъ на спинѣ, лица, рукъ и ногъ, покрытыхъ кожей, не имѣлъ тѣла, что онъ убивалъ дѣтей или слугъ, замѣчавшихъ эти особенности, что только одинъ мальчикъ спасся, угостивъ Буняку коржикомъ, спеченнымъ на молокѣ матери его, мальчика. Чудовище приняло его за побратима и было убито имъ. Сказаніе о людоѣдѣ Бунякѣ авторъ сближаетъ съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ-куръ (передѣлка индійской книги Vetala pantcha vincati) и классической сказкой о Мидасѣ. Въ первомъ сынъ царя Данбинги, въ второй царь Мидасъ имѣютъ ослиныя уши и убиваютъ тѣхъ, кто замѣтилъ ихъ. Въ индо-монгольской сказкѣ повторяется подробность о побратимствѣ мальчика съ чудовищемъ. Въ статьѣ приведены на тему объ ушахъ Мидаса сказки новогреческая, сербская, ирландская и бретонская. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Бенфея, что сказка объ ушахъ Мидаса пошла противъ общаго теченія своихъ собратовъ, именно съ запада на востокъ въ александрійскій періодъ греческой исторіи, и что, благодаря классическимъ вліяніямъ, она распространилась отъ Ирландіи до Тибета. Сравнивая въ частности украинскіе варіанты со всѣми другими, г. Кузьмичевскій находитъ, что украинскіе варіанты ближе къ варіанту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая сербскаго варіанта, что даетъ поводъ думать, что сказка о людоѣдѣ Бунякѣ зашла въ Малороссію изъ Азіи. Въ послѣднее время издано довольно много новыхъ варіантовъ на тему сказанія объ ушахъ Мидаса у *Потанина* въ Путеш. въ сѣв.-зап. Монголію II 22, въ *запискахъ* Нео-филол. Общества 1892 стр. 22, въ *Сборникѣ* матер. для опис. Кавказа XIII 121, въ *Revue* des traditions populaires 1892 г., въ „Архивѣ“ г. Ягича и въ „Am Ur quell“ 1892 г. Въ варіантѣ, записанномъ у кавказскихъ татаръ (Сборн. XIII 121), у Александра Македонскаго на головѣ рогъ; цирульникъ передалъ секретъ землѣ; тростникъ разболталъ и пр. Существованіе кавказскихъ варіантовъ сказки объ ушахъ Мидаса можетъ внести нѣкоторое дополненіе къ предположеніямъ г. Кузьмичевскаго, въ томъ смыслѣ, что Кавказъ—этотъ природный географическій мостъ—могъ быть мостомъ и въ литературномъ

отношеніи, при переходѣ древнихъ греческихъ сказаній къ народамъ сѣверной Европы и сѣверо-западной Азіи.

Въ концѣ статьи г. К. находится въ видѣ отступленія небольшой экскурсъ о сказочномъ Костіѣ-Кощеѣ, безсмертномъ или бездушномъ, и о кощеяхъ Слова о Полку Игоревѣ и лѣтописей. Сказочного Кощея авторъ склоненъ сблизить съ Бунякомъ, вообще съ демоническими образами демоновъ и упырей и вывести ихъ отъ индійскихъ ракшасовъ (демоновъ) и веталовъ (упырей). Кощеи лѣтописей и слова о П. И. ничего общаго не имѣютъ съ сказочными кощеями и, какъ предполагаетъ г. Каллашъ въ одной замѣткѣ въ Филол. Вѣстникѣ, представляютъ заимствованіе тюркскаго названія для раба, въ какомъ смыслѣ слово Кощей до сихъ поръ встрѣчается въ Средней Азіи.

Сказка о Кощеѣ безсмертномъ, или правильнѣе бездушномъ, построены на глубоко древнемъ анамизмѣ, что признаетъ и г. Кузьмичевскій въ примѣчаніи на 270 стр. X кн. Въ этомъ примѣчаніи указаны малорусскіе варіанты сказочнаго мотива о помѣщеніи души въ яйцѣ (въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и Рудченка), старинный русскій (въ Памятн. Костомарова) и древне-египетскій (у Maspero). Къ этимъ указаніямъ добавимъ кавказскіе варіанты въ *Сборникѣ* матер. по опис. Кавказа XIII 109, 317, великорусскій у *Садовникова* 201, французскій и др. въ хорошо извѣстномъ г. Кузьмичевскому сборникѣ *Cosquin'* а подъ № 15, сицилійскій у *Gonzenbach* II 215, въ *Калилѣ и Димнѣ* (въ пер. Аттаи) 154, съ зулусской сказкѣ (Басни и сказки дикихъ нар. 64, примѣч.). Вообще, Кощей безсмертный по этому главному мотиву (спрятанной душѣ) составляетъ особый чрезвычайно распространенный циклъ сказокъ, сколько мнѣ извѣстно, не подвергавшихся спеціальному изученію. Къ сказкамъ о скрываніи души близко примыкаютъ сказки о скрываніи (въ яйцѣ или ящикѣ) силы или смерти (напр. эстонская сказка въ *Этногр. Обозр.* 1890, II, 116).

И. Я. Франко.

Имя Ивана Яковлевича Франка въ Россіи почти неизвѣстно. Лишь недавно (въ 1894 г.) на страницахъ Русскаго Обозрѣнія мимоходомъ былъ высказанъ похвальный о немъ отзывъ. Въ Галиціи г. Франко играетъ видную роль, какъ выдающійся беллетристъ, публицистъ и этнографъ. Проф. Огоновскій въ III т. Исторіи литературы русской (отд. 2, стр. 915—1072) даетъ обширную біографію г. Франка, что можетъ представлять интересъ лишь въ рамкахъ галицко-русскихъ внутреннихъ отношеній. Ограничимся основными біографическими данными. При малой доступности галицкой литературы, мы заранѣе должны оговорить, что не можемъ ручаться за полноту библіографическаго обзора этнографическихъ статей г. Франка. Отмѣчаемъ лишь то, что могли найти на страницахъ Зори, Кіевской Старины, Вислы, „Въ поти чола" и въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.

И. Я. Франко, сынъ галицкаго крестьянина кузнеца, родился въ слободѣ Дрогобицкаго повѣта въ 1856 г. Онъ учился сначала въ сельской народной школѣ русинскому, польскому и нѣмецкому языкамъ, затѣмъ въ нѣмецкой базиліанской школѣ, въ гимназіи и во львовскомъ университетѣ. Судя по даннымъ біографіи г. Ф., галицкая школьная педагогія представляетъ жалкое явленіе. Въ базиліанской школѣ учениковъ били, и эта школа недалеко ушла отъ бурсы Помяловскаго. Въ послѣдствіи г. Франко въ беллетристическихъ разсказахъ, вошедшихъ въ книгу „Въ поти чола", обрисовалъ грубость учителей и нераціональность ихъ педагогическихъ пріемовъ. Лекціи въ университетѣ, по словамъ самого г. Франка (приведены у г. Огоновскаго), „зовсимъ его не заняли и не дали ему ничогисинько, ани методы, ани здобуткивъ". Университетъ здѣсь не совсѣмъ виноватъ. Г. Франко рано увлекся общественной дѣятельностью народническаго направленія, что привело его къ столкновеніямъ съ австрійскими властями. Въ повѣстяхъ г. Франка „На дни", и „До свитла", напоминающихъ „Записки изъ Мертваго дома" Достоевскаго, разсѣяно много автобіографическихъ подробностей.

Извѣстность въ Галиціи г Ф. пріобрѣлъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, значительной начитанностью и основательнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями общественной и народной жизни. Г. Ф. многое читалъ и многое наблюдалъ лично. Постоянное и разнообразное участіе въ русской и польской галицкой печати содѣйствовало выработкѣ наблюдательности, литературной опытности и бойкаго стиля. Г. Ф. писалъ въ „Зорѣ", въ „Дѣлѣ", въ разныхъ польскихъ газетахъ, въ журналѣ „Wisła", въ „Кіев. Старинѣ", издавалъ въ 1881 г. газету „Свѣтъ" (въ сотрудничествѣ съ Белеемъ), въ 1890 г. „Народъ", съ 1894 г. издаетъ журналъ „Житье и Слово", гдѣ отведено значительное мѣсто для этнографіи.

Мы не будемъ здѣсь касаться стихотвореній и повѣстей г. Ф. (послѣднихъ проф. Огоновскій насчиталъ 41). Кое-какія этнографическія наблюденія автора здѣсь трудно выдѣлить отъ автобіографическихъ подробностей и литературныхъ прикрасъ. Къ тому же я вообще не придаю серьезнаго научнаго значенія этнографической беллетристикѣ въ смыслѣ руководства ею при народоизученіи. Значеніе такой беллетристики, значеніе весьма важное и плодотворное, состоитъ въ сближеніи разныхъ общественныхъ слоевъ, въ возбужденіи и поддержаніи интереса къ народной массѣ, къ ея жизненнымъ нуждамъ и потребностямъ. Беллетристъ и драматургъ показываютъ (и это его нравственная обязанность) этнографическіе факты въ рельефѣ, съ выборомъ, непремѣнно въ связи ихъ съ живой личностью и въ цѣлой бытовой обстановкѣ, при чемъ личныя субъективныя обобщенія и объясненія оказываются неизбѣжными, по личной заинтересованности автора, по свойству всякаго личнаго литературнаго творчества. Потому, всѣ народописательныя повѣсти Даля, Гл. Успенскаго, Мирнаго, Франка и др. относятся къ исторіи литературы, а не къ исторіи этнографіи. Настоящимъ нашимъ замѣчаніямъ не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что недавно нами же напечатана статья о Г. Ѳ. Квиткѣ, какъ этнографѣ. Кто прочелъ эту статью, могъ видѣть, что здѣсь мы старались отдѣлить дѣйствительныя наблюденія отъ субъективнаго ихъ освѣщенія и подкраски, что относительно Квитки

не трудно было сдѣлать, при запасѣ чистыхъ и провѣренныхъ этнографическихъ данныхъ.

Изъ статей историко-литературныхъ значительный интересъ представляютъ статья объ Іоаннѣ Вышенскомъ въ „Кіевской Старинѣ" и статья о Перебендѣ Шевченка въ 1 кн. Литературно-науковой библіотеки 1890 г. Кромѣ того, небольшія историко-литературныя и этнографическія замѣтки г. Франка были помѣщены въ „Кіевской Стар." 1888 кн. XI (вояцкая пѣсня), 1889 кн. I (колядки), 1890 т. XXIX, 1891 кн. XII (колядки).

Къ этнографіи г. Франко обнаружилъ наклонность съ молодыхъ лѣтъ. Еще будучи гимназистомъ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ годовъ онъ собралъ этнографическіе матеріалы. По выходѣ изъ гимназіи г. Ф. обошелъ родной край, что дало ему прочныя личныя свѣдѣнія и личныя симпатіи къ народному быту. Съ 1878 г. Франко въ польскихъ газетахъ, преимущественно во „Львовскомъ Курьерѣ", писалъ повѣсти этнографическаго характера о разныхъ сторонахъ экономическаго и юридическаго быта крестьянскаго населенія. Нѣкоторыя повѣсти этого рода переведены на русскій языкъ въ „Кіев. Стар." 1889 XXV 400—437 и 1890 XXIX 307, 320, 427. Изъ непереведенныхъ отмѣтимъ двѣ слѣдующихъ: „*Iak Rusin tłukł się po tamtym swiecie*" „*Iak powstają pieśne ludowe*" (обѣ напеч. во львовской газетѣ Ruch 1887) и „*Gmina i zadruga wsród rusińskiego ludu w Galicyi i na Bukowinie*" (въ варш. Głos 1887 № 19). Въ „Дѣлѣ" 1889 г. №№ 278—287 напечатана небольшая статья о малорусскихъ *колядкахъ*. Въ „Зорѣ" 1883 напечатана большая статья „*Жиноча неволя въ народныхъ пѣсняхъ*", въ „Зорѣ" 1884 г. статья объ остаткахъ первобытнаго міросозерцанія въ народныхъ *загадкахъ*.

Въ изданіи краковской академіи наукъ „*Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*" 1886 г. X стр. 3—55 *г. Франко и г-жа Рошкевичъ* помѣстили *сборникъ обрядовъ и пѣсенъ изъ м. Лолына* Стрыйскаго повѣта въ Галиціи. Это маленькій поселокъ карпатскихъ горцевъ бойковъ. Населеніе живетъ бѣдно по пословицѣ: „Лолынъ голый, довкола лисъ, а въ средыни еденъ бисъ". Избы курныя. Хлѣбъ овсяный. Въ сборникѣ по-

мѣщено описаніе мѣстной свадьбы, съ 181 пѣснью на извѣстные мотивы (прощаніе невѣсты съ матерью, расплетаніе косы и пр.). Мѣстами указаны варіанты свадебныхъ пѣсенъ въ сборникахъ Чубинскаго, Навроцкаго и Головацкаго. Вообще, матеріалъ неважный, при обиліи сходныхъ матеріаловъ.

Во 2 кн. „Вислы" 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская.* Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности". Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ" и, какъ коментарій этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жиды воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ", и жиды перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму Żydoswaros 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перыны), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода разсказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбюргерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о нѣмецкихъ пошехонцахъ шильдбюргерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche..." 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ", изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ

„Wendunmuth“ (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разсказъ Павла Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цвѣтущій на полѣ ленъ приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разсказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Изъ такихъ этюдовъ объ отдѣльныхъ пословицахъ и сказаніяхъ, какъ этюдъ г. Франка „Война жидовская“, при накопленіи ихъ трудами многихъ изслѣдователей, можетъ составиться богатая литература по фольклору, которая внесетъ много свѣта въ исторію культуры. Въ „Вислѣ“ 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими варіантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde“ Либрехта.

Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярные мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ. Подобнаго рода разсказы у древнихъ грековъ пріурочивались къ абдеритамъ, у нѣмцевъ къ швабамъ, шильдбюргерамъ, вендамъ, у великоросовъ къ пошехонцамъ, у малорусcовъ къ жидамъ и литвинамъ, въ древней Руси къ печенѣгамъ (судя по лѣтописнымъ намекамъ), въ Болгаріи къ стеблевцамъ, большею частью безъ наименованія, въ приложеніи вообще къ глупымъ людямъ. Въ настоящее время собрано уже множество историческихъ преданій и сказокъ на тему о глупыхъ народахъ.

Въ 1 кн. „Wisła“ 1894 г. г. Франко напечаталъ статью „*Славянскія преданія о Магометѣ*“, интересную въ историко-литературномъ отношеніи (см. „Кіев. Стар.“ 1894, XI, 330).

Г. Огоновскій, признавая г. Ф. „однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ писателей русско-украинскихъ“, высказываетъ сожалѣніе, что онъ сильно разбрасывается и ослабляетъ свою творческую силу. Въ оправданіе г. Ф. при этомъ замѣчено, что „до раздроблюваня тои творчости прячиняе ся чимало журби о хлѣбѣ, котрого Франко добивае ся въ потѣ чола“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, уроженцѣ херсон. губ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя личность А. А. Шпира, воспоминаніямъ о которой мы удѣляемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ, не принадлежитъ происхожденіемъ своимъ къ исконнымъ обитателямъ Малороссіи, да и по своей научной и общественной дѣятельности совсѣмъ почти не касается вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашего юга Россіи,—однако мы считаемъ небезъинтереснымъ для читателя представить нѣсколько страничекъ изъ жизни этого философа, имя котораго извѣстно, главнымъ образомъ, въ нѣмецкой философіи, а воспоминанія о немъ живы до сихъ поръ въ предѣлахъ елисаветградскаго уѣзда. Среди многихъ своеобразно-оригинальныхъ чертъ, личность эта носила въ себѣ нѣкоторыя особенности, роднившія ее съ мѣстной жизнью, какъ напр.: любовь къ народу и народной малорусской поэзіи. Первая сказалась въ томъ фактѣ, что онъ по своей инціативѣ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, сравнительно задолго до манифеста 19 февраля 1861 года, вторая-же обнаружила себя въ увлеченіяхъ народными пѣснями, сказками и разсказами, а также чтеніемъ произведеній Шевченка, Стороженка и др. Вотъ это-то и даетъ намъ право занести данныя воспоминанія на страницы „Кіевской Старины“. Но чтобы читатель имѣлъ хотя маленькое представленіе о научныхъ заслугахъ А. Шпира въ области философіи, мы приводимъ цѣликомъ текстъ въ переводѣ на русскій языкъ изъ извѣстнаго сочиненія „Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie“ (3-я часть, стр. 452, изд. 1888 г.).

А. Шпиръ, исходя изъ логико-метафизическихъ соображеній, родственныхъ Гербатовскимъ, приходитъ къ доктринѣ близкой къ парменидовской. (Его сочиненія: Die Wahrheit. Lpz. 1867. Andeutungen zu einem widerspruchsl. Denken. Lpz. 1868. Forschung nach d. Gewissh in der Erkenntniss der Wirklichkeit. Lpz. 1868. Kurze Darst. der Grundzüge einer philos. Anschauungsweise. Lpz. 1869. Erörterung einer philos. Grundeinsicht. Lpz. 1869. Kleine Schriften. Lpz. 1870. Denken u. Wirklichkeit, Versuch einer Erneuerung d. Kritischen Philosophie. Lpz. 1873, 2-е изд. 1877. Moralität u. Religion, Lpz. 1874, 2-е изд. 1878. Empirie u. Philosophie. Lpz. 1876. Vier Grundfragen, Lpz. 1880. Studien, Lpz. 1883. Gesammelte Schriften, 3 Bde., Lpz. 1883—1885).

Высшимъ, непосредственно достовѣрнымъ основоположеніемъ, незаимствуемымъ изъ опыта, Шпиръ считаетъ положеніе тождества, формулируемое слѣд. обр.: „каждая вещь по своему собственному существу сама съ собой тождественна“. Общая предпосылка изъ опыта заключается въ томъ, что опытъ не содержитъ ни одного предмета, который былъ-бы вполнѣ тождественъ съ самимъ собою. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ общій выводъ, что положеніе тождества не заимствуется изъ опыта, а что скорѣе оно выражаетъ понятіе о сущности вещей, которое нашему мышленію присуще a priori; далѣе, что собственная сущность вещей лежитъ по ту сторону опыта и, наконецъ, что опытъ изображаетъ вещи не такъ, какъ они суть сами по себѣ, по ихъ собственной сущности, и что опытъ содержитъ элементы, которые не принадлежатъ собственной сущности вещей. Съ онтологической стороны вытекаютъ спеціальныя слѣдствія, состоящія въ томъ, что въ дѣйствительности существуетъ только *одна* субстанція, что собственная сущность вещей безусловна, не можетъ содержать въ себѣ никакой относительности, что она постоянна, неизмѣнна и совершенна. (О философіи Шпира см. Spir u. d. Bedent. seiner Philos. f. d. Gegenwart. Vortr., Lpz. 1881).

Наконецъ, милая Еленъ, я собрался съ помощью одного моего знакомаго, заинтересованнаго личностію покойнаго отца твоего, приняться за біографію Африкана Александровича

Шпира. Но полагаю, что для людей науки интересно будетъ знать происхожденіе его. Думаю сказать кое-что объ его отцѣ, матери и болѣе отдаленныхъ предкахъ, такъ какъ отецъ его заслуживалъ вниманія, какъ человѣкъ выдававшійся своимъ умомъ и оригинальностію. Помню я еще въ дѣтствѣ, какъ окружающіе меня родные говорили много интереснаго объ его отцѣ, происхожденіе котораго никому не было извѣстно, даже, кажется, его семьѣ.—Извѣстно только, что онъ былъ докторъ медицины и хирургіи, что воспитаніе началъ и окончилъ въ С.-Петербургѣ, что онъ былъ посланъ правительствомъ въ Сибирь съ научной цѣлію, преимущ. для изслѣдованія сифилиса, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ, по возвращеніи откуда былъ назначенъ инспекторомъ Врачебной Управы въ г. Херсонѣ, гдѣ и имѣлъ возможность и случай познакомиться съ родными и матерью покойнаго Африкана Александровича. Предполагали и думали, что онъ, или родители его выходцы изъ Австріи, что отецъ его—еврей, принявшій православіе. Говорилъ онъ чистымъ русскимъ языкомъ съ петербургскимъ акцентомъ. Я помню его, когда ему было лѣтъ 50. Онъ былъ человѣкъ энергичный, живой, скупъ до болѣзненнаго состоянія и сварливъ. Наружный видъ его чрезвычайно напоминалъ портретъ нашего знаменитаго полководца Суворова (маленькій, худенькій), которому не уступалъ своими чудачествами. Такъ напр., никогда онъ не употреблялъ носового платка и говорилъ, что это лишній расходъ. Онъ удивлялся, какъ можно такую гадость прятать въ карманъ человѣку воспитанному. Онъ всегда ходилъ въ курткѣ, (для сокращенія расходовъ на фалды), въ узкихъ и короткихъ панталонахъ. Лѣто и зиму на дворѣ и въ комнатѣ поверхъ сапогъ всегда носилъ калоши, въ виду того, что онѣ сберегаютъ сапоги и сами стоятъ дешевле сапогъ. Семьянинъ былъ невозможный. Рѣдко жилъ дома. Проживетъ много мѣсяцъ—два, разсорится съ женой, съ ея родными и сосѣдями, запрягаетъ тарантасъ и уѣзжаетъ часто на цѣлый годъ. Но какъ уѣзжаетъ? Предварительно велитъ изготовить массу пильменей [1]) (зимой онъ

[1]) Пирожки, наполненные мясомъ и сыромъ—сибирское блюдо.

ихъ заморозитъ, лѣтомъ засушитъ) и отправляется по направленію въ Петербургъ. Часто по дорогѣ онъ останавливается у знакомыхъ и гоститъ у нихъ мѣсяцы. Разъ у бабушки Завадовской, отъѣхавъ отъ дому только 20 верстъ, онъ прожилъ цѣлый годъ, потому что жизнь въ гостяхъ, кормежка лошадей, кучера ничего нестоитъ. Гдѣ нѣтъ пріюта, онъ ставилъ самоваръ, разводилъ кипяткомъ пильмени и этимъ питался. Чай пилъ всегда въ прикуску и оставшіеся кусочки пряталъ въ карманы и привозилъ дѣтямъ, какъ гостинцы, тѣмъ дѣтямъ, у которыхъ была полная чаша, и которые были избалованы матерью до нельзя. Женившись, онъ оставилъ службу и прожилъ остальные годы своей жизни въ имѣніи жены своей, урожденной Пулевичъ, въ херсонск. губ, тогда ольвіопольской, потомъ бобринецкомъ, теперь елисаветградскомъ уѣздѣ, деревнѣ Аристарховкѣ, гдѣ въ числѣ другихъ дѣтей родился у него и Африканъ Александровичъ. Всѣ дѣти, за исключеніемъ Афр. Ал., были чрезвычайно способны, но не отличались нравственными качествами. Часто, по возвращеніи домой, если это было лѣтомъ, любимымъ его занятіемъ было ходить по комнатамъ съ хлопушкой въ рукахъ и бить мухъ. Такъ какъ окна по его распоряженію всегда должны были быть открыты, то мухъ налетало гибель, и охота на нихъ предстояла блестящая. Во время битья мухъ онъ часто билъ стекла оконъ, посуду, послѣ чего сердился на семью за то, что надо было покупать вмѣсто разбитыхъ новыя вещи. Только крайняя непогода заставляла его быть въ комнатахъ. Большей частію онъ днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой жилъ на дворѣ. Имѣя на первомъ планѣ въ виду для здоровья человѣка воздухъ и моціонъ, онъ въ непогоду продѣлывалъ для моціона въ комнатѣ пресмѣшныя для посторонняго зрителя движенія, напр.: танцовалъ, напѣвая *комаринскаго* и т. д. Зимой онъ тоже спалъ на дворѣ, подъ навѣсомъ, для чего у него былъ сдѣланъ овчинный мѣховой мѣшокъ, въ который онъ влѣзалъ весь и завязывался около шеи. На голову надѣвалъ во время сна мѣховую шапку съ наушниками и затыльникомъ, такъ что оставался незакрытымъ только носъ. Часто послѣ снѣжныхъ ночей прислуга должна была его откапывать изъ-подъ снѣга и вносить въ

комнату для дальнѣйшаго туалета. Оффиціально былъ онъ православнаго исповѣданія, но по убѣжденіямъ онъ былъ атеистъ въ полномъ смыслѣ слова. Говорили, что была у него сестра замужемъ въ Москвѣ за докторомъ Бѣлопольскимъ. Всѣмъ безъ исключенія говорилъ „ты" (онъ былъ въ чинѣ статскаго совѣтника). Былъ популяренъ какъ врачъ въ г. Николаевѣ, куда его часто выписывали. Когда его призывалъ къ себѣ больной, прося помочь ему, то осмотрѣвъ больного, если видѣлъ, что ему нельзя помочь, онъ обыкновенно говорилъ: „терпи, лежи и молись", а роднымъ говорилъ, что ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, и затѣмъ уѣзжалъ. Если же онъ видѣлъ, что ему можно помочь, то обыкновенно первымъ его вопросомъ было: можешь заплатить 100 руб., буду лѣчить, если не можешь, не буду. Если больной не могъ платить, онъ уѣзжалъ. Если платилъ, онъ принимался за оригинальное лѣченіе. Въ то время когда медицина держала больного на строгой діэтѣ, лишала его воздуха, заставляла лежать въ постели, оберегала отъ воздуха, пищи, онъ прежде всего позволялъ больному ѣсть все, что ему угодно, говоря, что больше, чѣмъ нужно, онъ не съѣстъ; въ помѣщеніи больного велѣлъ отворять окна; если не соглашались, онъ собственноручно выбивалъ окна, хотя бы зимой, но укутывая хорошо больного, ставилъ клизмы, допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ хининъ, шептанія и растиранія бабокъ, говоря, „ну и пусть себѣ бормочетъ, а ты уснешь". Вообще онъ былъ того мнѣнія, что эти средства вреда не принесутъ, а помочь могутъ. Если больной былъ недоволенъ тѣмъ, что докторъ не прописывалъ лѣкарствъ, онъ говорилъ: „ну если хочешь, я тебѣ пропишу"—и прописывалъ, и то если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ противномъ случаѣ только выругаетъ больного. Если больной страдалъ ревматизмомъ, лежалъ одинъ-два года въ постели, первымъ долгомъ онъ говорилъ: ходи!—Не могу!—Врешь. Берите его, тащите! И часто въ мѣсяцъ—два человѣкъ начиналъ ходить; затѣмъ онъ велѣлъ запрягать экипажъ и возить такихъ больныхъ по степи. Съ родныхъ за лѣченіе денегъ не бралъ. Съ отцомъ моимъ часто спорилъ. Онъ былъ прямой, дерзкій человѣкъ и ссорился. Въ царствованіе Николая Павловича онъ

преподнесъ государю томъ своихъ сочиненій, находящійся теперь у его внучки, дочери Африк. Алекс. Сначала это сочиненіе пріобрѣло популярность въ Россіи, но впослѣдствіи выпускъ его былъ запрещенъ по многимъ причинамъ: вслѣдствіе козней свѣтилъ медицины тогдашняго времени, такъ какъ онъ въ своемъ сочиненіи а) говорилъ, что методъ лѣченія, практикуемый теперь, приноситъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы; б) что дѣятели медицины поставлены въ положеніе привиллегированныхъ разбойниковъ, такъ какъ они, не давая никому отчета, заливаютъ больныхъ средствами, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы.

Мнѣ, повѣствователю настоящей біографіи, 58 лѣтъ. Помню въ дѣтствѣ, когда мнѣ было лѣтъ 10, Александръ Александровичъ Шпиръ для одного изъ своихъ путешествій велѣлъ запречь свой завѣтный тарантасъ. Не проѣхавъ 3-хъ верстъ, лошади понесли и опрокинули тарантасъ, и нашему путешественнику было переломлено ребро. Кучеръ привезъ его обратно. Жена хотѣла послать за врачемъ. Но больной не хотѣлъ, а распорядился послать въ ближайшее село за фельдшеромъ, которому указалъ, какъ сдѣлать перевязку, какъ уложить себя въ постель, велѣлъ вынести себя съ постелью и поставить посреди двора (дѣло было лѣтомъ).—Только въ непогоду его вносили въ домъ, но и въ этомъ положеніи человѣкъ этотъ не могъ долго быть на мѣстѣ и приказывалъ крѣпостнымъ людямъ носить его съ кроватью къ родственникамъ и знакомымъ, часто на разстояніе верстъ 15, гдѣ также ставили его среди двора и для спокойствія его приставляли по очереди сидѣлку, или сидѣльца для исполненія его требованій, а главное для того, чтобы „махать мухъ", какъ выражались тогда. Когда больному надоѣдало лежать на одномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ себя переносить на другое—къ другимъ сосѣдямъ. „Вотъ уже несутъ къ намъ Шпира"... говорили, и все трепетало, потому что онъ распоряжался вездѣ, какъ дома. Крикунъ былъ и не стѣсняясь говорилъ бывало: „что ты, дуракъ, мнѣ перечишь"? Это снисхожденіе со стороны всѣхъ происходило, какъ я думаю, отъ бывшаго у всѣхъ сознанія его умственнаго превосходства.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о кончинѣ его и тѣмъ покончимъ. Кончина его произошла, какъ думали близкіе люди, вслѣдствіе воспаленія мочевого пузыря. Это было въ глубокой старости. „Старый Шпиръ заболѣлъ"—говорили. На вопросъ жены: „что у тебя болитъ", онъ отвѣчалъ: „пузырь болитъ". Жена предлагала послать за врачемъ; онъ отвѣтилъ: „не надо! все равно ничего не поможетъ". Когда жена просила его послать за священникомъ, чтобъ исполнить обрядъ христіанскій, онъ отвѣчалъ: „не надо! нѣтъ Бога, нѣтъ правды, нѣтъ правосудія"! Такъ и скончался. Такое сильное было убѣжденіе у человѣка, ни за что не хотѣлъ...

Теперь приступимъ къ описанію происхожденія матери Афр. Алекс. Шпира. Въ царствованіе импер. Екатерины, когда она покровительствовала Греціи и переселенію славянъ изъ Австріи въ Россію, былъ изъ г. Салоникъ вызванъ грекъ по фамиліи Лошно, который и былъ назначенъ таможеннымъ директоромъ въ новороссійскомъ краѣ и жилъ съ семействомъ своимъ въ гор. Херсонѣ. Одна изъ дечерей его Сусанна Константиновна была выдана замужъ за выходца славянина изъ Венгріи, секундъ-майора, служившаго въ арміи Императрицы Маріи-Терезіи, Константина Пуловицо, впослѣдствіи перемѣнившаго фамилію на русскую Пулевичъ. Мать Африкана Александровича, Елена Шпиръ, была дочь этихъ супруговъ Пуловицо-Пулевичей. Прожила она 62 года. Обладала она здравымъ умомъ и была очень доброй, великодушной, мягкой, всѣми въ окружности уважаемой женщиной. Вышла она замужъ за Шпира, покорясь желанію родителей. Наружность имѣла чрезвычайно пріятную, симпатичную, съ греческимъ типомъ, съ матовымъ цвѣтомъ кожи.

Теперь перейдемъ къ дѣтству Афр. Ал. Помню я его съ 10 лѣтъ его жизни. Это былъ мальчикъ очень красивый, съ круглымъ лицомъ, яркимъ румянцемъ, черными, какъ смоль, курчавыми волосами, черными, буквально сверкающими, какъ уголь, подвижными глазами. Впослѣдствіи глаза его сдѣлались почти тусклыми. До 15-лѣтняго возраста онъ былъ чрезвычайно живой, дерзкій, не любилъ играть съ дѣтьми своего возраста

и буквально ненавидѣлъ женскій полъ—избѣгалъ его. Помню, еще въ дѣтствѣ всѣ окружающіе родителей завидовали прекраснымъ блестящимъ способностямъ Афр. Ал. и ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, онъ говорилъ мнѣ: „что разъ попадало въ мою голову, оно уже никогда не выходило изъ нея“. Читать и писать, какъ обыкновенно въ то время, выучился дома, Первое систематическое образованіе онъ началъ получать въ Одессѣ, въ частномъ пансіонѣ француза, гдѣ имѣлъ возможность хорошо изучить французскій языкъ. Потомъ онъ поступилъ въ одесскую классическую гимназію, которую и окончилъ блестящимъ образомъ. Пріѣзжая на каникулы, онъ не дружилъ со своими многочисленными двоюродными братьями, близко отъ него жившими. Когда мы, бывало, сообщались съ нимъ, то не находили, какъ мы, такъ и онъ, удовольствія въ нашихъ разговорахъ, такъ-какъ онъ стоялъ выше насъ. Въ то время какъ мы играли, шалили, онъ углублялся въ чтеніе какой либо книги. Когда онъ окончилъ гимназію и пріѣхалъ на жительство къ матери, пріѣзжая часто въ гости къ намъ, въ наше семейство, вмѣсто того чтобы сообщаться съ двоюродными братьями, онъ спѣшилъ отправляться въ садъ и заходилъ въ курень старика-*пасишныка* Васыля Роскыданюка, грамотнаго человѣка, почти постоянно читавшаго въ своемъ жилищѣ священнаго содержанія книги. Тамъ онъ по нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ пасѣчникомъ; когда бывало вспомнятъ, гдѣ же Африканъ?,—„чудакъ“ навѣрно бесѣдуетъ „зъ дидомъ Васылемъ“. „Вотъ чудакъ, говорили про него, и находитъ же удовольствіе бесѣдовать зъ дидомъ Васылемъ про какую-то ерунду“. Всѣмъ казалось это ужасно смѣшнымъ. Не будемъ ли мы имѣть право думать, что это былъ *первый* поводъ, или толчекъ уму его и въ природномъ нравѣ таившейся склонности къ мышленію о философіи? Не была ли это первая искра пламени, впослѣдствіи столь ярко разгорѣвшагося? Такъ, мы увидимъ впослѣдствіи, что подобнаго рода столкновенія давали уму его новые и новые толчки. Наконецъ пришло время матери подумать, какъ пристроить сына, т. е. подыскать ему службу; началъ подумывать объ этомъ и онъ самъ. И такъ какъ въ это время

онъ уже сдѣлался болѣе сообщительнымъ со своими сверстниками—двоюродными братьями, то часто у насъ происходили разговоры: какую избрать себѣ жизненную дорогу? Почему-то онъ выражалъ свое желаніе быть артиллеристомъ. Но палить изъ пушекъ, какъ видно, ему не было суждено. Мать его—религіозная женщина, выписывала духовный журналъ, гдѣ помѣщались проповѣди одесскаго архіерея Иннокентія. Юноша настолько увлекся его проповѣдями, что началъ строго соблюдать посты, чаще и больше молиться, давать бѣднымъ милостыню, такъ что среди родныхъ даже начали поговаривать: „Африканъ хочетъ поступить въ монахи", что очень печалило мать его. Въ этотъ періодъ его жизни загоралась крымская война. И какъ въ нашемъ семействѣ было много моряковъ, то наши родители и его мать задумали подготовить насъ и его въ моряки, для чего требовалась спеціальная подготовка. Его и насъ 3-хъ братьевъ отвезли въ городъ Николаевъ, гдѣ въ то время существовалъ пансіонъ Акимова; тутъ то и подготовляли въ гардемарины. Мы были помѣщены пансіонерами, а Африканъ Ал. приходящимъ, почему мать и помѣстила его вблизи пансіона у учителя исторіи и русскаго языка Илькевича. Здѣсь къ нему былъ приставленъ въ видѣ дядьки старикъ, бывшій когда-то швейцаромъ у князя Жевахова въ С.-Петербургѣ, (князь былъ женатъ на родной сестрѣ Африкана Харитинѣ). Содержатель пансіона Ефимъ Семенычъ Акимовъ былъ чрезвычайно религіозный человѣкъ и умѣлъ воспріимчивымъ натурамъ передать свою религіозность. Это была третья воспламеняющая искра для таившагося пламени. И герой нашего разсказа началъ рѣдко посѣщать классы, а если и посѣщалъ, то сидѣлъ бывало молча въ очкахъ своихъ (онъ былъ близорукъ); смотритъ онъ какъ-то неопредѣленно, какъ будто куда-то вдаль, повидимому ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, ничего не слышитъ, не видитъ, что давало поводъ его товарищамъ говорить: „Шпиръ навѣрно не выдержитъ экзамена, такъ какъ совсѣмъ не занимается, а ходитъ только по церквамъ, то въ заутреню, обѣдню, на всенощную и т. д." Когда я забѣгалъ къ нему на квартиру, чтобы покурить, то почти всегда заставалъ его обложеннымъ кругомъ

безчисленными томами книгъ духовнаго содержанія, или лежащимъ на полу и слушающимъ народныя сказки старика-дядьки. Этотъ дядька говорилъ мнѣ, что его питомецъ строжайше соблюдаетъ посты и часто спитъ на полу, положивши подъ голову вмѣсто подушки свои завѣтныя книги, поглощающія его душу и сердце. Конечно, такая жизнь подавала поводъ его товарищамъ смѣяться надъ нимъ и опять же называть его „чудакомъ", на что онъ конечно не обращалъ никакого вниманія. Товарищи ошиблись въ своемъ предположеніи: онъ первымъ, блестяще выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Здѣсь я позволяю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе отъ послѣдовательнаго разсказа и возвратиться снова къ дѣтству Афр. Ал. Воспитывавшись въ пансіонѣ у француза въ городѣ Одессѣ, онъ имѣлъ несчастіе, какъ и многіе изъ дѣтей пансіонеровъ, подвергнуться дѣтскому пороку, отъ котораго, какъ онъ мнѣ говорилъ уже въ юности своей, ему очень трудно было отдѣлаться и за который онъ впослѣдствіи поплатился очень дорого своимъ здоровьемъ. Не помню, въ какомъ возрастѣ своего дѣтства онъ разсказывалъ, мнѣ, что почему-то получилъ страсть „подкрадывать" у матери такія вещи, въ которыхъ бы ему, вовсе не отказали. Будучи взрослымъ, вспоминая объ этомъ, онъ говорилъ мнѣ: „самъ не знаю на что, возьму какую-нибудь вещь и спрячу". Но къ счастію этотъ второй порокъ мать замѣтила и выпорола его розгами. „Съ тѣхъ поръ я пересталъ это дѣлать", говорилъ Афр. Ал. Кстати здѣсь я упомяну, что онъ имѣлъ какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности прекрасный музыкальный слухъ и память. Довольно ему было разъ услыхать какой-нибудь мотивъ, и онъ надосугѣ просвиститъ его правильно (пѣть не любилъ, хотя пѣлъ правильно). Водки не пилъ никогда, говорилъ „не могу". Пьянымъ никогда не напивался, но любилъ выпить рюмку—двѣ хорошаго вина и выкурить хорошую папиросу, или сигару.

Теперь возвратимся къ гардемаринской школѣ. И тамъ, какъ я уже говорилъ, товарищи считали его чудакомъ и были вполнѣ увѣрены, что онъ въ мичманы экзамена никогда не выдержитъ, такъ какъ онъ никогда не занимался,

а постоянно читалъ книги посторонняго содержанія, а больше всего духовнаго. Соберутся товарищи и говорятъ Шпиру; „служи всенощную“. Онъ не отказывается: надѣваютъ на него съ хохотомъ вмѣсто ризъ одѣяло, прицѣпливаютъ къ пустой чернильницѣ веревочку вмѣсто кадила, даютъ ему въ руки. Шпиръ серьёзно, съ благоговѣніемъ становится передъ иконами и начинаетъ служеніе. Хоръ сначала смѣясь ему отвѣчаетъ, но мало по малу смѣхъ исчезаетъ, и хоръ въ свою очередь проникается такимъ же благоговѣніемъ. Одинъ изъ товарищей, стоявшихъ къ нему ближе другихъ, сказалъ ему: „зачѣмъ ты постоянно читаешь эту чепуху? Вотъ нà тебѣ на французскомъ языкѣ сочиненія Вольтера. Когда ты прочитаешь, то самъ увидишь, что ты во многомъ заблуждаешься“. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, это былъ одинъ изъ важныхъ переворотовъ въ его умѣ. Впослѣдствіи Афр. Ал. говорилъ мнѣ: „я близокъ былъ къ помѣшательству, но сочиненія Вольтера спасли меня“. Загорѣлась Крымская война, и гардемарины были посланы на театръ войны, и Афр. Ал. въ числѣ ихъ, гдѣ онъ и пробылъ два года. До окончанія войны гардемарины были отосланы обратно въ Николаевъ; онъ выдержалъ первымъ экзаменъ въ мичмана и, подавъ въ отставку, поселился въ имѣніи матери своей, гдѣ въ скоромъ времени мать его и умерла. Пришлось будущему философу заниматься хозяйствомъ еще въ крѣпостное время, но наканунѣ эмансипаціи. Самъ онъ не хозяйничалъ—держалъ управляющаго. И въ очень скорое время, на удивленіе всѣмъ сосѣдямъ, освободилъ крестьянъ отъ барщины и дворовыхъ отъ обязательныхъ работъ, а началъ вести хозяйство тѣми же крестьянами, но за наемную плату. Когда были избраны мировые посредники, онъ не замедлилъ надѣлить всѣхъ крестьянъ полнымъ даровымъ надѣломъ. Всѣ сосѣди помѣщики возстали. Одни называли его бунтовщикомъ, другіе говорили, что онъ отъ государя хочетъ заслужить крестъ за такой подвигъ; поднялся содомъ. Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, сидѣлъ одинокимъ въ своемъ домѣ, рѣдко показывался въ обществѣ близкихъ родныхъ, мало самъ входилъ въ хозяйство, читалъ и что-то пи-

салъ, что писалъ—Богъ его знаетъ. Въ этотъ періодъ времени я былъ приглашенъ Афр. Ал. для совмѣстнаго жительства. Должно быть одиночество ему надоѣло. И Господи! что это была за жизнь! Правда, были распредѣлены строго часы. Никто у насъ не бывалъ и мы ни у кого. Серьёзнымъ чтеніемъ онъ никогда не дѣлился. Выписывалъ Основу и Шевченка и читалъ мнѣ, особенно что-нибудь смѣшное. Шевченко ему очень нравился. При чтеніи „Вусы", (Стороженка), задушевно и много смѣялся. Онъ въ извѣстные часы читаетъ или пишетъ, я лежу и плюю въ потолокъ. Женской прислуги онъ не держалъ—довольствовался однимъ лакеемъ. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой, изрѣдка мы выходили погулять или въ садъ, или на токъ, или на загоны—посмотрѣть лошадей и рогатый скотъ. Питались мы буквально изо дня въ день борщомъ и котлетами. На ужинъ яйца въ смятку, или молочная каша. Въ разговорахъ Аф. Ал. никогда не спорилъ, не навязывалъ своихъ мнѣній. Но нельзя сказать, чтобы онъ никогда не сердился. Иногда изъ-за пустяка крикнетъ на лакея; разъ впослѣдствіи, когда онъ завелъ старую экономку въ домѣ, „она, говорилъ онъ, такъ меня вывела изъ терпѣнія, что я ее чуть не билъ". Удивительную имѣлъ способность различать людей; онъ насквозь видѣлъ, хорошій это, или дурной человѣкъ. Началъ я замѣчать, что другъ мой худѣетъ, блѣднѣетъ, не моется, отпустилъ волоса, не стрижется, вообще сдѣлался какимъ-то страннымъ. „Нѣтъ, говорю, братъ! такъ жить нельзя!" На это онъ съ удивленіемъ сдѣлалъ вопросъ! „Какъ же по твоему жить?"—„Да такъ, какъ въ наше время всѣ молодые люди живутъ".—„Какъ же это?" спросилъ онъ—„Во-первыхъ, брось ты всѣ эти книги! Онѣ ни къ чему хорошему не поведутъ! Зачитываешься—пропадешь! Покупай ружья, заводи собакъ, будемъ охотиться, ѣздить къ сосѣдямъ и принимать у себя". Представьте—послушалъ! Выѣздъ къ сосѣдямъ заставилъ его поневолѣ быть опрятнѣе и началъ отвлекать его отъ усиленныхъ занятій, такъ что онъ началъ поправляться. Купилъ два ружья. Возьмемъ ружья и идемъ по берегу въ имѣніе къ моимъ родителямъ, или въ степь. Увидимъ какую-нибудь дичь. „Африканъ, говорю! ты ближе, бей!" Подыметъ

ружье, прицѣлится и опуститъ. Видимо, его охота не занимала. Такъ и воротится, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Такая выходка чрезвычайно меня бѣсила.—„Отчего же ты не стрѣлялъ?“ Пусть себѣ живетъ! зачѣмъ ее убивать?—Я разсказываю бывало это въ качествѣ анекдота съ жаромъ другимъ. Онъ улыбается. Собрались мы какъ-то ѣхать къ сосѣдямъ на именины, гдѣ былъ предметъ моей любви и долженъ былъ быть пиръ горой.— „Поѣдемъ, говорю, на именины, тамъ будетъ очень весело“. Запрягается коляска четверкою гнѣдыхъ лошадей. Садимся и ѣдемъ. На половинѣ дороги заноровилась правая дышловая— ни съ мѣста. Сдѣлаемъ кругъ. Домой идетъ, а впередъ ни шагу. Я сержусь, а онъ говоритъ: „поворачивай домой!“ Ну что вы скажете? говорю я. Вѣдь это несчастье! И что ты за человѣкъ? что не ты управляешь скотиной, а скотина тобой! я бы застрѣлилъ ее на мѣстѣ и на тройкѣ поѣхалъ! Послушалъ! мучились, мучились, таки доѣхали. Покупая что нибудь въ лавкахъ, иногда онъ и не думалъ торговаться, платилъ то, что съ него спрашивали, а иногда по цѣлымъ часамъ торговался изъ-за копѣйки. Не уступятъ, такъ и не купитъ. Въ этотъ періодъ часто онъ въ гостяхъ, или въ кругу многочисленныхъ родныхъ своихъ бывалъ очень любезенъ и веселъ: смѣялся, разсказывалъ, принималъ участіе въ играхъ, танцахъ, иногда даже, проплясывалъ въ присядку „козачка“. Часто въ обществѣ онъ сидѣлъ и будто ничего не слышалъ, не видѣлъ, не замѣчалъ. Пріѣдетъ домой, разскажетъ мнѣ такія мелкія подробности разговоровъ, костюмовъ, какихъ я и не думалъ подмѣтить. Иногда зимой мы выѣзжали на мѣсяцъ-два въ городъ Вознесенскъ, или Елисаветградъ. Но и въ городахъ наша жизнь почти ничѣмъ не отличалась отъ деревенской: онъ читалъ, писалъ, я лежалъ по обыкновенію, и только въ извѣстные часы мы гуляли, преимущественно въ немноголюдныхъ мѣстахъ. Въ Елисаветградѣ во время одной изъ нашихъ прогулокъ его обокрали. Лакей нашъ былъ нѣмецъ. Пало подозрѣніе на него. Заявлено было въ часть, посадили лакея въ тюрьму. На допросѣ онъ не сознавался, и на третій же день Афр. Ал. самъ поѣхалъ просить, чтобы его выпустили. Любилъ сватать другихъ, но самъ не влюблялся. Не

задолго до выѣзда за границу онъ увлекался дѣвичьей красотой неоднократно. Не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, имѣвшемъ вліяніе на Афр. Ал. Послѣ Крымской кампаніи появился въ нашей мѣстности интеллигентный старикъ Василій Ивановичъ Литвиновъ, о которомъ впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе. Этотъ господинъ проживалъ въ нашей семьѣ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ гувернера. Часто, когда соберутся гости, въ томъ числѣ Афр. Ал., пойдутъ богословскіе разговоры, въ которыхъ Литвиновъ всегда опровергалъ Тройцу. Афр. Ал., хотя въ споръ не вмѣшивался, но чрезвычайно внимательно слушалъ и, должно быть, въ умѣ своемъ обдумывалъ этотъ вопросъ, потому что, пріѣхавши домой, часто со мной разговаривалъ объ этомъ, но не находилъ сочувствія.

Наконецъ Афр. Ал. подъ предлогомъ слабаго здоровья, не довѣряя нашимъ врачамъ, рѣшилъ уѣхать лѣчиться за границу. Тамъ онъ побывалъ въ Германіи, Австріи, Швеціи, Парижѣ и въ Лондонѣ. Избралъ мѣсто жительства въ Штутгартѣ. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что слушалъ лекціи въ 2 университетахъ, но въ какихъ и по какимъ предметамъ—не знаю, и бесѣдовалъ съ разными профессорами. Черезъ годъ онъ возвратился въ Россію, но въ деревнѣ уже не жилъ, а прожилъ одну зиму въ Елисаветградѣ, другую въ г. Николаевѣ. Велъ жизнь такую же, какъ и до выѣзда за границу, но еще усиленнѣе началъ читать и писать, сдѣлался опрятенъ даже до щепетильности. Хотя держалъ слугу, но самъ чистилъ себѣ платье, самъ заметалъ, стиралъ пыль. По моему наблюденію онъ дѣлалъ это для моціона. Завелъ токарный станокъ и, хотя не выходило ни одной вещи, все-таки онъ что-то дѣлалъ. Имѣлъ онъ 2 имѣнія. И вотъ съ горячечною поспѣшностію онъ задумалъ ихъ продать и выѣхать за границу. Говорилъ такъ: „надо урѣзать полы и бѣжать". И дѣйствительно, урѣзалъ полы—продалъ имѣнія за полъ-цѣны. Продавъ одно изъ имѣній и получивъ за него задаточныя деньги, совершивъ запродажную запись, онъ уѣхалъ за границу, послѣ чего уже не возвращался. Получить остальныя деньги и совершить купчую крѣпость онъ поручилъ по довѣрен-

ности мнѣ. Покупатель въ назначеный срокъ купчей не совершилъ, вслѣдствіе чего лишался права оставить имѣніе за собой, а задатокъ долженъ былъ остаться у Шпира, о чемъ, конечно, я не замедлилъ извѣстить его. На это я получилъ неожиданный отвѣтъ, читая который я самъ себѣ не вѣрилъ: „разъ я продалъ имѣніе, если покупатель самъ не отказывается уплатить мнѣ остальныя деньги, то имѣніе должно остаться за нимъ". Хотя онъ велъ со мной постоянную переписку все время своего пребыванія за границей, интересовался участію родныхъ, политическимъ и внутреннимъ экономическимъ положеніемъ Россіи, но самъ мнѣ, кромѣ какъ о своемъ здоровьѣ и о погодѣ, ничего не писалъ. Разъ впрочемъ на мой вопросъ: знакомъ ли ты въ Женевѣ съ русскими соціалистами и нигилистами? онъ отвѣтилъ мнѣ: „здѣсь ихъ много, но я съ ними знакомства не веду, мнѣ эти люди не нравятся". За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его изъ русскаго подданства, что ему и было разрѣшено. Долго я не подозрѣвалъ, что мой другъ не только пишетъ философскія сочиненія, но что они уже изданы въ Германіи, читаются публикой, и нѣмецкія газеты восхваляютъ эти сочиненія русскаго философа. Какъ вдругъ совершенно неожидано получаю отъ родного брата своего, жившаго въ это время на о—вѣ Мадейрѣ, вырѣзку изъ одной нѣмецкой газеты, гдѣ съ похвалой отзываются о сочиненіяхъ русскаго философа А. Шпира. Эту вырѣзку въ письмѣ я отправилъ Шпиру и просилъ его: если эти сочиненія принадлежатъ ему, то чтобы онъ выслалъ ихъ мнѣ, такъ какъ я желалъ знать мысли близкаго мнѣ человѣка. Онъ не замедлилъ выслать мнѣ двѣ книги. Одна довольно объемистая подъ заглавіемъ „Богъ и природа". Другая, небольшая, подъ заглавіемъ: „Мысль и дѣйствительность". Но увы, не зная самъ нѣмецкаго языка и не имѣя знакомыхъ, кто бы мнѣ могъ ихъ перевести, я отдалъ ихъ въ библіотеку Елисаветградскаго реальнаго училища, гдѣ, по всей вѣроятности, они лежатъ подъ спудомъ и никого не интересуютъ. Чтобы закончить свой разсказъ, прибавлю еще кое-что къ характеристикѣ покойнаго. Когда онъ возвратился послѣ перваго своего путешествія за границу, въ

Россію, онъ привезъ съ собою въ двухъ большихъ сундукахъ библіотеку на иностранныхъ языкахъ, которую, выѣзжая окончательно заграницу, онъ пожертвовалъ въ пользу воскресной школы. Но школа въ скоромъ времени была закрыта. Тогда онъ написалъ, чтобы подарить ее одной изъ родственницъ. Братъ этой родственницы служилъ тогда въ Петербургѣ, забралъ библіотеку съ собой и продалъ тамъ ее за двѣ тысячи рублей. Не зная греческаго языка, онъ бралъ въ Елисаветградѣ уроки этого языка у пастора лютеранской церкви. Другими же языками, какъ то: латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ, онъ владѣлъ хорошо. Иногда говаривалъ, „какъ жаль, что я не получилъ высшаго образованія, а то теперь доучиваться мнѣ самому трудно“. Всегда у него на письменномъ столѣ стояло два бюста: Шевченка и Гоголя. Не любилъ покойникъ носить никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній, какъ то цѣпочки, колецъ. Сошьетъ, бывало, одно платье и не снимаетъ его, пока совсѣмъ не износится. Тогда только сошьетъ другое и снимаетъ старое. Садился иногда играть въ карты, имѣлъ шахматы и любилъ играть. Часто помогалъ бѣднымъ роднымъ, никогда не отказывалъ бѣдному, который попроситъ. Когда онъ давалъ иногда деньги мнѣ, и я говорилъ, что мнѣ совѣстно брать ихъ, онъ отвѣчалъ: „отчего же? нѣтъ ничего худого, если часть денегъ перейдетъ отъ того, кто ихъ больше имѣетъ, къ тому, кто ихъ имѣетъ меньше, или совсѣмъ не имѣетъ“.

Страннымъ мнѣ всегда казалось и теперь кажется, что такой человѣкъ, какъ Шпиръ, никогда не имѣлъ ни къ кому и ни къ чему особенной любви, или привязанности. Не помню я, чтобы онъ когда нибудь чему либо удивлялся, или чѣмъ либо поражался. Въ жизни его я помню только три ссоры, въ которыхъ онъ, конечно, не былъ виноватъ. Одна изъ этихъ ссоръ была съ двоюроднымъ братомъ (уже умершимъ), который, будучи какъ то у Шпира въ гостяхъ, бушевалъ и нарывался на драку. Шпиръ велѣлъ запречь лошадей, связать бушевавшаго и отправить его домой. Связанный помѣщикъ, когда пришелъ въ себя, считая себя оскорбленнымъ, грозилъ Шпиру отомстить и вызвать его на дуэль. Такимъ образомъ завязалась ссора на всегда.

Шпиръ никогда не сердился, но шутя написалъ ему въ юмористическо-сатирическомъ тонѣ на славянскомъ языкѣ акафистъ, въ которомъ кто только читалъ, узнавалъ виновника. Въ акафистѣ значилось „радуйся осле преподобный". Сверхъ того сочинилъ пѣсню, которую бывало мы пѣли хоромъ, въ которомъ участвовалъ и самъ Шпиръ, поя съ увлеченіемъ. Изъ этой длинной пѣсни я помню только два куплета:

Ужъ какъ ѣхалъ Мирмидонъ,
Свѣта утѣшенье,
Ѣхалъ прямо въ желтый домъ,
Чая исцѣленья.
Ай люли, ай люли!
Мирмидоша, не шали!

* * *

Онъ на лебедѣ верхомъ
Въ родѣ Еруслана,
А громада вся слѣдомъ
Провожала пана
Ай люли и т. д.

Въ какомъ-то энциклопедическомъ словарѣ Шпиръ нашелъ, что Мирмидонъ былъ пустой, но надменный человѣкъ. Лебедь былъ любимый конь, на которомъ ѣздилъ Мирмидонъ. О жизни Шпира заграницей обѣщаетъ написать его дочь (живущая въ Штутгартѣ) Елена Африкановна Шпиръ, приводящая въ порядокъ посмертныя сочиненія своего отца.

Сообщ. **Н. А. Пулевичъ.**

Берестовецкій вулканъ.

(Изъ полѣсскихъ экскурсій).

Въ памятникахъ прошедшаго, въ народныхъ легендахъ и преданіяхъ, въ старинныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ и пѣсняхъ, въ самомъ складѣ народнаго характера болѣе или менѣе ярко отражается природа окружающей его страны. Для пониманія этихъ остатковъ минувшаго и всей исторіи народа необходимо знакомство съ природой его края, которая кладетъ неизгладимый отпечатокъ на его эпическую и историческую жизнь.

Если душѣ вашей, усталой отъ сутолоки повседневной жизни съ ея мелочными интересами и постоянной борьбой, захочется на время отрѣшиться отъ житейскаго шума и отдохнуть въ мірѣ абсолютнаго покоя и тишины; если притомъ вы не чужды поэзіи и жажды чистаго знанія, если въ сердцѣ вашемъ найдется искра любви къ родному вашему краю, къ его прошлой исторіи, къ его своеобразной и могучей природѣ,— довѣрьтесь мнѣ, читатель, и вмѣсто поѣздки въ какой нибудь изъ модныхъ и шумныхъ иностранныхъ курортовъ (слишкомъ близко знакомыхъ нашимъ туристамъ) я поведу васъ въ нѣдра нашего Полѣсья. Пусть не пугаетъ васъ это названіе, ничего, къ сожалѣнію, не говорящее воображенію русскихъ людей, благодаря незнакомству ихъ со своей родиной: такъ называемыя полѣсскія дебри вовсе не такъ страшны и мертвенно безмолвны, какъ это привыкли у насъ думать. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ съ любовью и участіемъ, посвятить имъ нѣкоторую долю вниманія,— и эти молчаливыя дебри разскажутъ вамъ и поэтическія ле-

генды про древне-русскихъ богатырей, которымъ искони принадлежалъ этотъ край, и скорбную повѣсть о мрачномъ времени чужеземныхъ нашествій, полную драматическихъ моментовъ, трогательныхъ эпизодовъ и возвышенныхъ подвиговъ; въ говорливомъ журчаніи лѣсныхъ ручейковъ, невидимо струящихъ свои чистыя воды подъ сплошнымъ навѣсомъ кустарника, въ величавомъ шелестѣ листвы неизмѣримыхъ лѣсовъ, подобномъ могучему прибою океана, внимательное ухо различитъ давно угасшіе и позабытые напѣвы народныхъ пѣсенъ, рыданія, мольбы и стоны погибавшихъ въ вѣковой борьбѣ съ чужеземцами богатырей, и бодрящіе побѣдные мотивы, и мирныя пѣсни упорнаго труда. Здѣсь, въ этихъ забытыхъ „дебряхъ", вы найдете древніе земляные валы и городища, эти неприступныя крѣпости обитавшихъ здѣсь издревле славянскихъ народовъ, и гордо поднимающіе къ небу свои вершины таинственные курганы, эти еще неразгаданные могильные памятники невѣдомыхъ племенъ далекаго прошлаго, быть можетъ, современные египетскимъ пирамидамъ и шотландскимъ каменнымъ дольменамъ; мѣстами, на южной окраинѣ Полѣсья, высятся старинные замки съ полуразвалившимися, поросшими мхомъ и дерномъ, башнями и бойницами, съ обширными мрачными подземельями и глубокими рвами, невольно говорящіе воображенію о рыцарскомъ бытѣ, о закованныхъ въ латы воинахъ и ихъ вѣрныхъ оруженосцахъ, о томившихся за крѣпкими стѣнами плѣнныхъ красавицахъ,—и въ этихъ живописныхъ средневѣковыхъ сооруженіяхъ вы съ удивленіемъ узнаете памятники жизни древнихъ русскихъ князей, нѣкогда могущественныхъ владѣльцевъ обширныхъ вотчинъ, наслѣдниковъ Владиміра Святого. Вся земля здѣсь, повидимому столь пустынная и малолюдная, полита русской кровью, и остатки сѣдой старины вѣщаютъ на каждомъ шагу о многовѣковой упорной борьбѣ славянъ съ дикими ордами восточныхъ кочевниковъ и съ западными носителями чужой цивилизаціи, огнемъ и мечемъ насаждавшими ее среди коренного русскаго населенія... Но и помимо этихъ историческихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, понемногу уничтожаемыхъ рукою неумолимаго времени, сама природа нашего Кіевскаго и Волынскаго Полѣсья

представляетъ столько своеобразныхъ красотъ и замѣчательныхъ явленій, что можетъ дать на многіе годы обильный матеріалъ для работы художниковъ, поэтовъ и ученыхъ. Съ однимъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ этой мѣстности я и хочу познакомить васъ въ настоящемъ очеркѣ.

Извѣстно-ли кому нибудь изъ интеллигентныхъ русскихъ людей, даже живущихъ въ юго-западномъ краѣ, что здѣсь у насъ въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, въ глубинѣ Полѣсья, находится настоящій древній вулканъ, почти единственный на всей обширной территоріи южной Россіи? Не заслуживаетъ-ли это замѣчательное и рѣдкое у насъ явленіе природы хоть нѣкотораго знакомства съ нимъ, хотя-бы самаго краткаго и и поверхностнаго описанія?

Чтобы добраться до этого въ высшей степени интереснаго мѣста изъ Кіева, приходится ввѣрить свою жизнь юго-западной желѣзной дорогѣ. Вступая въ предѣлы волынской губерніи, въ новоградволынскомъ уѣздѣ рельсовый путь вьется по территоріи, еще въ историческое время составлявшей нераздѣльную часть Полѣсья и лишь недавно оголенной отъ вѣковыхъ лѣсовъ, отъ которыхъ только мѣстами уцѣлѣли болѣе или менѣе обширные острова. Чѣмъ далѣе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ чаще встрѣчаются эти острова, тѣмъ уже раздѣляющія ихъ полосы воздѣланныхъ полей, тѣмъ явственнѣе проявляется первоначальный характеръ мѣстности. Въ г. Ровно вы покидаете скучный вагонъ и въ повозкѣ направляетесь прямо на сѣверъ. Только при выѣздѣ изъ Ровно, въ долинѣ рѣчки Устье (притокъ Горыни) попадаются мѣстами незначительныя обнаженія бѣлаго мѣла, прикрытаго не толстымъ слоемъ (сажени въ 2) желтоватаго суглинка (лесса); поверхность мѣла очень неровная и обнаруживаетъ слѣды весьма древняго размыва. Далѣе дорога постепенно поднимается на возвышенность, обнаженія исчезаютъ и тянется однообразная, слабохолмистая равнина. Проѣхавъ с. Шпановъ (извѣстное своимъ образцовымъ рыбнымъ хозяйствомъ) и с. Кустинъ, вы встрѣчаете область глубокихъ сыпучихъ песковъ, допускающихъ ѣзду только шагомъ и неоспоримо свидѣтельствующихъ о вырубленныхъ лѣсахъ, которые нѣкогда одѣвали собою эту без-

плодную почву. Широкая почтовая дорога, окаймленная тощими посѣвами, представляетъ собою вѣрную картину песчаной пустыни; она вся покрыта волнообразными песчаными холмиками, напоминающими въ миніатюрѣ дюны и барханы; глазамъ больно отъ рѣзкаго бѣлаго цвѣта дороги, а вѣтеръ взметаетъ цѣлыя тучи тончайшей кварцевой пыли, засыпая ею окрестныя поля, поросшія рѣдкимъ и невысокимъ хлѣбомъ. Глубокая колея, оставленная проѣхавшей раньше васъ телегой, прихотливо извивается вправо и влѣво по широкому тракту въ поискахъ за болѣе твердымъ грунтомъ; колеса вашей повозки, взрывая песокъ производятъ непрерывный своеобразный шумъ, напоминающій отдаленный плескъ волнъ, и вамъ чудится, что вы плывете въ челнокѣ по песчаному морю; иллюзіи этой содѣйствуетъ и постоянное, почти ритмическое ырянье повозки изъ ухаба въ ухабъ, съ бугра на бугоръ.

На горизонтѣ синѣетъ зубчатая полоса сосноваго бора, который все болѣе и болѣе приближается и, наконецъ, охватываетъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Проѣхавъ довольно большое мѣстечко Александрію, вы вступаете уже въ настоящее Полѣсье. На десятки верстъ тянется почти совершенно ровная лѣсная мѣстность. По обѣимъ сторонамъ почтоваго тракта, красивой аллеей уходящаго вдаль, густо тѣснится разнообразная поросль лиственныхъ породъ, одѣтыхъ ярко-зеленой листвой, а изъ-за ея непроглядной чащи высится темный сосновый боръ. Иногда впереди свѣтлѣетъ и вы ждете, что здѣсь лѣсъ оканчивается, но тамъ оказывается лишь небольшая лѣсная поляна, покрытая ковромъ цвѣтовъ, или распаханная подъ посѣвы. Немолчный шумъ птичьихъ голосовъ царитъ на опушкѣ и сливается съ тихимъ звукомъ взрываемаго колесами песка. Вступая въ лѣсъ, дорога расползается отдѣльными колеями по его окраинѣ, гдѣ менѣе глубокій песокъ даетъ отдыхъ вспотѣвшимъ лошадямъ. Здѣсь вы пробираетесь подчасъ по узенькой тропинкѣ, подъ сплошнымъ сводомъ деревьевъ, задѣвающихъ васъ своими вѣтвями, и должны смотрѣть въ-оба, ежеминутно наклоняя голову, чтобы не потерять шляпу или не получить серьёзнаго увѣчья отъ этихъ цѣпкихъ лѣсныхъ рукъ, простираемыхъ

на встрѣчу путникамъ... Мѣстами, вправо и влѣво отъ главной ленты дороги, вдругъ обнаруживается топкое болото, покрытое мхомъ и заросшее кустами, съ небольшими „окнами" темной воды. Тутъ всѣ боковыя колеи сливаются съ трактомъ, дорога съуживается и оказывается обильно вымощенной хворостомъ и валежникомъ, которые даютъ о себѣ знать довольно непріятными толчками телеги...

Въ лѣсной глуши иногда вниманіе ваше вдругъ привлекаетъ хорошенькій домикъ не русскаго типа, крытый тесомъ и и окруженный небольшимъ огородомъ; вблизи, на выкорчеванной отъ лѣса полянѣ, находится обыкновенно небольшое поле, засѣянное хлѣбомъ или занятое хмѣлевой плантаціей съ густымъ лѣсомъ „тычекъ" (жердей). Это разбросанныя въ лѣсу фермы нѣмцевъ и чеховъ-колонистовъ, которые иногда и сами попадаются на дорогѣ въ своеобразныхъ нѣмецкихъ курткахъ и шляпахъ, рѣзко отличающихся отъ одежды нашихъ крестьянъ. Далѣе лѣсъ вдругъ широко разступается, и предъ вами глухая лѣсная деревушка Глажева, въ которой, по словамъ встрѣчной крестьянки, живутъ уже „люде" (т. е. не колонисты, а малороссы). Широкая песчаная улица обставлена съ обѣихъ сторонъ бѣдными избушками. На ихъ соломенныхъ крышахъ кое-гдѣ лѣпятся крупныя гнѣзда аистовъ и мѣстами стоятъ въ задумчивой позѣ, на одной ногѣ, эти большія птицы, сожительство которыхъ съ человѣкомъ, по народному повѣрью, приноситъ счастье. На пустынной площади, окружающей колодезь съ скрипучимъ „журавлемъ", копаютъ въ неглубокихъ ямахъ бѣлый мѣлъ для побѣлки избъ. Далѣе лѣсъ вновь охватываетъ дорогу, но чешскія и нѣмецкія фермы встрѣчаются все чаще, сливаясь въ длинные, растянутые по пути поселки. Наконецъ, послѣ утомительной и однообразной лѣсной дороги на протяженіи 35 верстъ отъ г. Ровно, вы пріѣзжаете въ маленькую деревню Берестовецъ, расположенную на берегу ничтожной рѣчки Кропивницы (притокъ Горыни),—и вы у вулкана.

Напрасно взоръ вашъ сталъ-бы искать величественной конусообразной горы съ традиціоннымъ кратеромъ и потоками лавы, напрасно стали-бы вы разспрашивать о ней мѣстныхъ жи-

телей,—ничего подобнаго здѣсь никто не знаетъ. Вокругъ та же знакомая ровная мѣстность, покрытая тѣмъ-же непрогляднымъ вѣковымъ боромъ. У крестьянъ не сохранилось никакихъ легендъ или преданій. На пологихъ и невысокихъ берегахъ рѣчки разбросаны обыкновенныя деревенскія избы; подъ лѣсомъ тянутся болѣе богатыя усадьбы колонистовъ, окруженныя обширными огородами. Обычная мирная картина, несовмѣстимая съ ужасами вулканическихъ изверженій! Но если вы разспросите дорогу въ „карьеры" (каменоломни), находящіяся верстахъ въ двухъ за деревней, въ глухомъ лѣсу, и осмотрите ихъ,—васъ ожидаетъ величественное и поразительное зрѣлище.

Находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменоломенъ, не подозрѣваешь ихъ существованія, такъ какъ онѣ ничѣмъ не выдаются изъ окружающей ихъ лѣсной равнины. Только подойдя къ самому краю каменоломни, вы видите обширную и глубокую яму, дно которой усѣяно щебнемъ и мусоромъ; мѣстами крупный битый камень сложенъ въ правильныя параллелепипедальныя гряды („сажени" или „стосы"). Спустившись по узкой обрывистой тропинкѣ въ такую каменоломню, вы замѣчаете вдругъ, что стѣны ея сложены изъ громадныхъ каменныхъ колоннъ или столбовъ, вышиною до 4 и болѣе саженъ, имѣющихъ правильную многогранную (чаще всего шестигранную) форму. Столбы эти стоятъ почти повсюду вертикально и прикрыты сверху нетолстымъ слоемъ бурой глины, поверхъ которой лежитъ уже песчаная лѣсная почва; въ діаметрѣ они достигаютъ до аршина и болѣе. Горизонтальныя и различнымъ образомъ наклоненныя къ горизонту трещины разбиваютъ колонны на отдѣльные члены, стоящіе другъ на другѣ; иногда эти трещины имѣютъ форму кривыхъ поверхностей, вогнутыхъ книзу или выпуклыхъ кверху, и тогда столбы раздѣлены на множество короткихъ чашеобразныхъ членовъ, какъ-бы вставленныхъ другъ въ друга. Кромѣ шестигранныхъ, попадаются изрѣдка столбы и трехгранные (большей частью незначительныхъ размѣровъ) и пятигранные. Какъ лѣсъ громадныхъ правильныхъ кристалловъ, какъ молчаливое войско заколдованныхъ каменныхъ великановъ, высится предъ вами эта величественная природная колоннада,—и не-

вольно возникаетъ вопросъ, какія невѣдомыя чары погребли здѣсь подъ землею эти стройные ряды безчисленныхъ колоннъ, какія могучія силы создали и выдвинули ихъ на удивленіе человѣку.

Посѣтивъ цѣлый рядъ сосѣднихъ каменоломень, вы убѣждаетесь, что вся почва этой мѣстности сложена изъ такихъ-же красивыхъ правильныхъ столбовъ, идущихъ вглубь на неизвѣданное разстояніе. Это одна сплошная каменная скала, разбитая на вертикальныя колонны, верхніе членики которыхъ обыкновенно округлены и какъ-бы увѣнчаны шарообразными головами, погруженными въ краснобурую глину; надъ ними лежитъ ровный слой песчаной почвы, въ которой укореняются вѣковыя сосны. Кое-гдѣ на свѣже-обнаженной поверхности скалы видѣнъ косой срѣзъ, на которомъ отчетливо выражена правильная многоугольная форма колоннъ; это какъ-бы естественный каменный паркетъ колоссальныхъ размѣровъ. Мѣстами на днѣ каменоломни лежатъ свалившіеся (или сваленные людьми) отдѣльные столбы весьма почтенныхъ размѣровъ. Всѣ почти колонны имѣютъ приблизительно одинаковую величину и однообразный красновато-сѣрый цвѣтъ съ поверхности; но если вы попробуете отколоть кусокъ камня хорошимъ стальнымъ молоткомъ, то вы убѣдитесь, что этотъ чрезвычайно крѣпкій камень, звенящій при ударѣ, какъ металлъ, имѣетъ внутри красивый и густой матово-черный цвѣтъ, а отдѣльные куски его очень тяжелы (имѣютъ значительный удѣльный вѣсъ).

Это и есть давно извѣстный въ тѣсномъ кружкѣ спеціалистовъ—геологовъ, но совершенно невѣдомый публикѣ *берестовецкій вулканъ*. (Онъ былъ открытъ случайно лѣтъ тридцать тому назадъ г. Тышецкимъ, который призналъ составляющую его каменную породу за базальтъ и предположилъ, что изверженіе ея произошло въ мѣловую эпоху [1]). Впослѣдствіи эта по-

---

[1]) *Тышецкій*. Нѣсколько замѣчаній о базальтѣ Волынской губерніи.—Кіев. Университ. Извѣстія 1862 г., № 8, стр. 145.

рода была изучаема Блюмелемъ[1]), проф. Карпинскимъ[2]), Пфаффіусомъ[3]), Лагоріо[4]) и Морозевичемъ[5]).

Вы удивлены, не правда-ли? Вы спрашиваете: гдѣ-же тутъ вулканъ? что общаго имѣютъ Берестовецкія каменоломни съ грандіознымъ явленіемъ вулканическихъ изверженій, знакомыхъ вамъ по описаніямъ? гдѣ-же здѣсь конусообразная гора съ кратеромъ, огненный столбъ, облака дыма, потоки расплавленной лавы, громовые подземные удары, потрясающіе землю? Минуточку терпѣнія—и дѣло разъяснится.

Дѣло въ томъ, что обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ" горахъ, давно признано слишкомъ узкимъ въ геологической наукѣ. Начать съ того, что представленіе это не совмѣстимо съ закономъ вѣчнаго измѣненія, царящимъ повсюду въ природѣ, и пріурочено лишь къ ограниченному періоду во времени. Вулканы, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ свою исторію, свои эпохи расцвѣта и упадка, созиданія и разрушенія, дѣятельной жизни — и смерти. Представимъ себѣ типическій вулканъ, прекратившій надолго свою дѣятельность или, какъ привыкли говорить, „потухшій". Какая судьба его ждетъ? Развѣ неумолимые и неустающіе дѣятели разрушенія—атмосферная вода и воздухъ—пощадятъ это созданіе подземнаго бога огня? День и ночь, изо дня въ день, изъ года въ годъ будутъ они различными способами разрушать и разъѣдать вулканическую гору и чрезъ столѣтія или тысячелѣтія сдѣлаютъ ее неузнаваемой, уничтожатъ ея конусообразную форму, ея воронкообразный кратеръ, отнимутъ у нея всѣ обычные внѣшніе ея аттрибуты, превратятъ ее въ простой холмъ или бугоръ, а то и сравняютъ ее съ окружающей равниной.

---

[1]) *В. Блюмель.* О долеритѣ полтавской и траппѣ волынской губерніи. Ibid. 1867 г., № 5 (съ табл. рис.).

[2]) *А. Карпинскій.* Анамезитъ въ Европейской Россіи.—Научно-историч. Сборникъ Горнаго Института 1873 г. стр. 1 (съ рис.).

[3]) *Pfaffius.* Opis tak zwanego anamezytu wołyńskiego.—Pamiętnik Fizyiograficzny 1886 г., t. VI, (съ табл. и картой).

[4]) *Lagorio.* Ueber die Natur der Glasbasis etc.—Tschermak's Miner. und Petrogr. Mittheilungen, 1877 г., VIII, p. 483—485.

[5]) *I. Морозевичъ.* Къ петрографіи Волыни.—Варшава. 1893, стр. 167—168.

И тогда только по продуктамъ древняго изверженія, по каменнымъ массамъ, изъ которыхъ сложенъ этотъ остатокъ погибшаго вулкана, геологи догадаются о его печальной и превратной судьбѣ.

Но обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ горахъ", грѣшитъ еще и въ другомъ отношеніи,—оно оказывается слишкомъ ограниченнымъ не только во времени, но и въ пространствѣ. Даже и въ настоящее время не повсюду дѣйствующіе вулканы подходятъ къ обычному представленію. Кое-гдѣ сохранились еще донынѣ послѣдніе представители другого, болѣе древняго типа вулкановъ—такъ называемыхъ не-слоистыхъ или массивныхъ вулкановъ, которые извергаютъ только одну лаву, лишенную водяного пара и газовъ. Они въ настоящее время очень рѣдки (примѣръ такого нынѣ-дѣйствующаго вулкана—Мауна-Лоа на островѣ Гавайи), имѣютъ куполообразную форму, сложены изъ сплошной каменистой лавы (безъ слоевъ шлака и пепла) и лишены настоящихъ кратеровъ, на мѣстѣ которыхъ находится вѣчно-кипящее озеро расплавленной лавы. Изверженіе состоитъ въ переполненіи этого озера, въ изліяніи части лавы по склонамъ горы въ видѣ потоковъ, которые расплываются на болѣе или менѣе обширное пространство и затѣмъ отвердѣваютъ; отсутствіе въ лавѣ газовъ и паровъ влечетъ за собою отсутствіе тѣхъ именно продуктовъ распыленія лавы (вулканическаго пепла и песка), изъ которыхъ насыпается конусъ обыкновеннаго типа слоистыхъ вулкановъ. Причины происхожденія вулкановъ того и другого типа, слоистыхъ и массивныхъ, излагать здѣсь было-бы неумѣстно; интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ спеціальной литературѣ [1]). Замѣтимъ только, что въ прежнія геологическія эпохи, задолго до начала человѣческой исторіи, массивные вулканы являлись преобладающими и оставили послѣ себя много остатковъ—„руинъ вулкановъ", неоспоримо свидѣтельствующихъ, что вулканы во множествѣ существовали въ такихъ мѣстахъ земли,

---

[1]) См. „Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей", 1893 г., т. XIII, стр. 165—208.

гдѣ ихъ давно уже нѣтъ. Если извергаемая лава была очень густой, вязкой, то она, выступивъ на поверхность, застывала въ видѣ купола; таковы, напр., купола на островѣ Бурбонъ, Пюи-де-Саркуи въ Оверни, базальтовый куполъ Шейтберга у Ремагена, Цигенбергъ у Габихтсвальда, фонолитовый куполъ Шлоссберга у Теплица, Шладниберга у Билина, Дуннау въ Богеміи, многіе купола въ Невадѣ, Бельмонтѣ, такъ наз. лакколиты Пятигорскаго округа на Кавказѣ, на южномъ склонѣ хребта Турайгыръ въ Тянь-Шанѣ, въ горахъ Генри-Маунтенъ въ штатѣ Ута и др.; жидкія лавы разливаются въ видѣ болѣе или менѣе толстаго слоя (отъ 10 до 1000 метровъ) на значительныя пространства и, отвердѣвая, образуютъ такъ наз. „покровы"; таковы, напр., знаменитые потоки и покровы лавы на островѣ св. Павла, базальтовые покровы Фарерскихъ острововъ (до 1000 метровъ толщины), громадный покровъ плоскогорья Деканъ въ Индіи (до 1000 километровъ въ діаметрѣ и до 40000 квадр. верстъ площадью), покровы на сѣверо-западной окраинѣ Сѣверной Америки, покровы у Мейсснера, въ Исландіи (въ системѣ Геклы), замѣчательная область вулканическихъ руинъ Падуа въ Евганейскихъ горахъ, базальты Вероны и Виченцы, трахиты Босфора и Дарданеллъ, плато Оверни, потухшіе вулканы Эйфеля, Богеміи (на южной окраинѣ Эрцгебриге и Ризенгебирге), базальтовыя залежи Нортумберланда, нѣкоторые гранитные штоки Норвегіи (у Христіаніи), Вогезовъ, Нормандіи, Корнваллиса, Шотландіи, острова Эльбы и многіе друг. Когда „потухаетъ" массивный вулканъ, центральное озеро расплавленной лавы, отвердѣвъ, сливается въ одну сплошную массу съ его потоками и покровами; неутомимые атмосферные агенты (вода и воздухъ) химически и механически разрушаютъ эту массу и втеченіе тысячелѣтій могутъ превратить цѣлыя горы въ равнину; впослѣдствіи на поверхность погибшаго вулкана могутъ быть отложены новѣйшія осадочныя образованія (напр., песокъ, глина, мѣлъ и т. п.),—и нѣкогда огненный очагъ изверженія будетъ погребенъ и скрытъ подъ почвой вновь образовавшейся равнины. Такова была судьба и Берестовецкаго вулкана, который, быть можетъ, нѣкогда былъ и очень высокой горою или, по крайней мѣрѣ,

былъ тѣсно связанъ съ массивнымъ вулканомъ. Трудно сказать, гдѣ находился самый центръ изверженія—на мѣстѣ нынѣшнихъ Берестовецкихъ каменоломенъ или вблизи, немного далѣе къ сѣверу (послѣднее предположеніе, какъ увидимъ ниже, болѣе вѣроятно); одно лишь несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ изверженной массой, принадлежащей (судя по совершенному отсутствію рыхлыхъ вулканическихъ продуктовъ) такъ наз. массивному древнему вулкану. Берестовецкая подземная скала—или периферическая часть древняго массивнаго купола, или вылившійся изъ него „покровъ".

Но позвольте, скажетъ читатель, почему-же все-таки принимать Берестовецкую подземную скалу непремѣнно за потухшій массивный вулканъ или изверженный „покровъ"? Что такія „руины" древнихъ вулкановъ бываютъ на свѣтѣ—съ этимъ можно согласиться; но мало-ли камня въ землѣ—не всякая-же скала принимается за бывшій центръ изверженія, не всякой твердой каменной породѣ приписывается непремѣнно огненное происхожденіе.

Это совершенно вѣрно и за примѣрами ходить недалеко: въ почвѣ нашего края есть много каменныхъ породъ, ничего общаго съ вулканами не имѣющихъ и не имѣвшихъ (наприм., наши кіевскіе и черниговскіе жерновые песчаники, страшно-твердые овручскіе и подольскіе кварциты, подольскіе и волынскіе твердые известняки и т. п.). Такія породы—осадочнаго происхожденія, онѣ осѣли изъ морей въ рыхломъ, пластическомъ состояніи и лишь впослѣдствіи сцементировались и отвердѣли благодаря работѣ подземныхъ водъ; это доказывается и способомъ ихъ залеганія (въ видѣ правильныхъ пластовъ), и составомъ ихъ матеріала, свойственнаго морской водѣ, и, наконецъ, присутствіемъ въ нихъ мѣстами остатковъ морскихъ животныхъ. Этихъ важныхъ признаковъ воднаго происхожденія нѣтъ въ Берестовецкой породѣ. Въ ней нѣтъ и слѣда слоистости, сортировки водою, пластового залеганія и окаменѣлостей, но за то есть несомнѣнные признаки породъ изверженныхъ—это распаденіе на столбы и своеобразный, весьма характерный минералогическій составъ.

Способность распадаться на многогранныя колонны или такъ наз. „столбчатая отдѣльность" есть свойство, исключительно присущее изверженнымъ массамъ [1]). Если расплавленная лава охлаждается, то на ней съ поверхности быстро образуется твердая кора, а охлажденіе внутренней части идетъ весьма медленно, иногда десятилѣтіями; наружная кора уже вполнѣ остыла, когда внутри происходитъ охлажденіе и уменьшеніе объема; получается внутреннее натяженіе массы, которое нарушаетъ ея цѣлость, вызываетъ разрывы или трещины, проникающія съ дальнѣйшимъ ходомъ охлажденія все глубже и раздѣляющія всю верхнюю массу лавы на многогранные столбы. Опуская многія интересныя подробности этого хорошо изученнаго явленія, замѣтимъ только, что получающіеся столбы тѣмъ крупнѣе, чѣмъ больше размѣры охлаждающейся массы и чѣмъ быстрѣе идетъ охлажденіе (лавы, застрявшія глубоко подъ землею въ видѣ жилъ или лакколитовъ, охлаждаются втеченіе тысячелѣтій и потому лишены столбчатой отдѣльности); затѣмъ, столбы всегда перпендикулярны къ поверхности, что даетъ возможность возстановить видъ послѣдней даже для сильно размытыхъ массъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *Берестовецкая подземная скала* скорѣе всего представляетъ *изверженный „покровъ"*, а не руину куполообразнаго вулкана (который былъ гдѣ-то вблизи), такъ какъ всѣ ея колонны вертикальны, слѣдовательно первоначальная поверхность потока лавы была горизонтальна (въ застывшихъ куполахъ столбы располагаются лучеобразно, сходясь къ центру); сверхъ того, наша лава *была извержена на поверхность земли*, представляетъ быстро охлаждавшійся *поверхностный покровъ*, а не подземное изліяніе (такъ наз.

---

[1]) Къ классическимъ примѣрамъ изверженныхъ древнихъ лавъ со столбчатой отдѣльностью принадлежатъ: такъ наз. „плотина гигантовъ" на Антримскомъ берегу въ Ирландіи (базальтъ), Гумбольдтова скала у Аусcига въ Богеміи, трахиты Моту-Роана въ Новой Зеландіи, базальты Морвана въ Шотландіи, знаменитая Фингалова пещера на островѣ Стаффа въ Шотландіи, базальтъ Шейтберга, андезиты Казбека на Кавказѣ и др. Во многихъ мѣстахъ эта особенность скалъ послужила источникомъ народныхъ сказаній и легендъ; у жителей Берестовца, насколько можно судить по разспросамъ, не сохранилось подобныхъ легендъ, если онѣ когда-либо и существовали.

лакколитъ). Наконецъ, судя по отсутствію сплавленной верхней коры, надо думать, что въ *Берестовицѣ изверженная масса сохранилась не вся*, что часть ея на нѣкоторую глубину отъ поверхности была разрушена и смыта; но такому уничтоженію подверглась, по всей вѣроятности, не слишкомъ большая часть изверженнаго покрова, такъ какъ поліэдрическіе столбы въ охлаждающихся лавахъ обыкновенно уменьшаются и постепенно исчезаютъ съ глубиною, а въ Берестовецкихъ каменоломняхъ столбы идутъ вглубь на неизвѣданное еще разстояніе.

Таковы доказательства изверженнаго происхожденія Берестовецкаго камня, почерпаемыя изъ изученія его столбчатой отдѣльности. Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу такого заключенія даетъ и изслѣдованіе минералогическаго состава этой каменной породы. Не вдаваясь и здѣсь въ детали, интересныя только для спеціалистовъ, замѣтимъ, что микроскопическія и химическія изслѣдованія Блюмеля, Карпинскаго, Лагоріо, Пфаффіуса и Морозевича обнаружили въ Берестовецкой породѣ присутствіе полевыхъ шпатовъ (олигоклаза, андезина и лабрадора), авгита, оливина, магнитнаго желѣзняка, титанистаго желѣзняка, стекловатой массы и—что весьма замѣчательно — металлическаго желѣза въ видѣ чрезвычайно мелкихъ вкрапленій. Всѣ эти минералы имѣютъ микроскопическую величину и обладаютъ особенностями, характерными для составныхъ частей изверженныхъ породъ (стекловатая масса встрѣчается исключительно въ послѣднихъ); самая комбинація этихъ минераловъ и микроскопическое строеніе породы заставляютъ причислить ее къ продуктамъ изверженія, къ древнимъ лавамъ, именно къ группѣ базальтовыхъ породъ (къ анамезиту или авгитовому порфириту), а присутствіе металлическаго желѣза (впервые здѣсь найденнаго въ русскихъ породахъ и вообще крайне рѣдкаго въ земныхъ камняхъ, но характернаго для падающихъ изъ небеснаго пространства метеоритовъ) указываетъ, что Берестовецкая лава была извержена съ большой глубины.

Такимъ образомъ, путемъ кропотливаго и детальнаго изученія удалось разгадать тайну Берестовецкой каменной колон-

нады, погребенной подъ почвою вѣкового лѣса, удалось заставить молчаливые камни заговорить о своемъ происхожденіи. Подобно тому, какъ археологъ воскрешаетъ особенности быта племенъ, угасшихъ еще на зарѣ человѣческой исторіи, по каменнымъ сооруженіямъ, курганамъ, кремневымъ орудіямъ, остаткамъ керамическаго искусства и проч., такъ и геологу внятно говорятъ о давно-минувшихъ событіяхъ, о происходившихъ за много тысячелѣтій до насъ явленіяхъ природы—мертвые камни, бывшіе свидѣтелями или непосредственными участниками этихъ событій и явленій.

Но тайна разгадана еще далеко не вполнѣ,—окаменѣвшіе свидѣтели изверженія еще не совсѣмъ высказались. Спрашивается, когда именно произошло изверженіе анамезитовой лавы на берегахъ Кропивницы?

Хронологическія данныя, которыхъ можно требовать въ данномъ случаѣ, по необходимости не могутъ быть выражены въ точныхъ цифрахъ. Какъ археологъ въ своихъ изысканіяхъ о доисторическихъ событіяхъ принужденъ довольствоваться указаніемъ лишь эпохи, которая могла тянуться втеченіе тысячелѣтій (напр., палеолитическій, неолитическій, бронзовый періодъ и т. п.), такъ и геологи ограничиваются опредѣленіемъ принадлежности даннаго явленія къ той или другой геологической эрѣ или ея подраздѣленіямъ (періоду, эпохѣ). По изслѣдованіямъ Карпинскаго, изверженіе Берестовецкаго анамезита произошло въ мѣловой періодъ и, вѣроятнѣе всего, въ верхнемѣловую эпоху. Такое заключеніе о геологическомъ возрастѣ этой породы основывается на слѣдующихъ данныхъ. Въ каменоломняхъ сосѣдняго села Злазни поверхъ анамезитовой скалы лежитъ въ ненарушенномъ, нормальномъ положеніи бѣлый мѣлъ, содержащій окаменѣлости верхнемѣловой эпохи и представляющій собою осадокъ глубокаго моря. Въ мѣстѣ своего соприкосновенія съ анамезитомъ этотъ мѣлъ не обнаруживаетъ слѣдовъ вліянія раскаленной массы (такое вліяніе изверженныхъ породъ на другія породы выражается всегда очень рѣзко въ видѣ такъ наз. контактныхъ явленій—сплавленія, обжиганія, остеклованія, превращенія въ мраморъ, образованія новыхъ характерныхъ для

контакта минераловъ и т. п.); слѣдов., осажденіе мѣла произошло уже послѣ окончательнаго остыванія анамезита и даже послѣ продолжительнаго пребыванія его подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, которые разрушили и снесли его поверхностную часть. Возстановленная исторія Берестовецкаго изверженія слагается, такимъ образомъ, изъ слѣдующихъ послѣдовательныхъ событій: въ началѣ верхнемѣловой эпохи, когда нынѣшняя Волынь представляла сушу, здѣсь произошло обильное изверженіе глубинной базальтовой лавы и очагъ этого изверженія находился невдалекѣ отъ Берестовца и Злазни; затѣмъ послѣдовало сравнительно быстрое охлажденіе излившагося покрова, сопровождавшееся образованіемъ коры на его поверхности и постепеннымъ распаденіемъ его внутренней части на поліэдрическіе столбы; далѣе вода и воздухъ разрушили и снесли какъ поверхностную застывшую кору лавы, такъ и часть образовавшейся колоннады; потомъ началось опусканіе суши, наступленіе моря и отложеніе здѣсь бѣлаго мѣла (того-же самаго, который отложился въ Глажевой, Ровно и южнѣе—въ волынской и подольской губерніяхъ); затѣмъ втеченіе всего третичнаго періода, продолжавшагося много тысячелѣтій, здѣсь снова была суша, а въ четверичный періодъ (именно, въ ледниковую эпоху) вся эта мѣстность была подъ громаднымъ скандинавскимъ ледникомъ; послѣ таянія послѣдняго отложились глины и пески, составляющіе теперь почву Полѣсья. Дремучія лѣсныя дебри выросли поверхъ бывшаго огненнаго потока базальтовой лавы еще въ началѣ доисторическаго (палеолитическаго) періода; образовалась рѣчка Кропивница, которая размыла верхнюю рыхлую почву и обнажила мѣстами анамезитъ, а проведеніе Кіево-Брестскаго шоссе и потомъ желѣзной дороги вызвало закладку здѣсь каменоломенъ.

Но почему-же на долю именно ровенскаго уѣзда выпало исключительное счастіе (или несчастіе, какъ хотите) пріютить у себя вулканъ, которыхъ нѣтъ почти нигдѣ на тысячи верстъ вокругъ въ необъятной равнинѣ Европейской Россіи?

На этотъ вопросъ намъ приходится по необходимости отвѣтить вкратцѣ, въ строго-догматическомъ тонѣ, отсылая за до-

казательствами къ спеціальнымъ сочиненіямъ[1]). Много лѣтъ терпѣливо трудились русскіе геологи надъ изученіемъ почвы южной Россіи. Они исходили ее вдоль и поперекъ, старательно и неутомимо посѣщали овраги, рѣчныя долины, глинища, колодцы, раскопки и каменоломни, наблюдали, измѣряли и записывали, тщательно собирали образцы горныхъ породъ и окаменѣлостей, возбуждая нерѣдко удивленіе непосвященныхъ,—подвергали эти образцы анализу химическому и микроскопическому, сравнивали ихъ съ русскими и иностранными образцами изъ всѣхъ частей свѣта и терпѣливо накопляли безчисленные научные факты. Факты эти зрѣли въ тишинѣ кабинетовъ и лабораторій и изъ нихъ, освѣщенныхъ геніемъ знанія, возникали свѣтлые образы, складывались грандіозныя картины, слишкомъ обширныя и необъятныя для матеріальнаго человѣческаго глаза, но вполнѣ доступныя умственному оку, способному охватить единымъ взглядомъ вглубь и вширь все пространство южной Россіи и все ея многовѣковое геологическое прошлое. Побѣждая, такимъ образомъ, пространство и время, проникая въ таинственную глубину земной коры и въ не менѣе загадочную глубь прошедшихъ тысячелѣтій, геологическая наука дала обильную пищу человѣческому уму, открыла такія явленія, воскресила такія минувшія событія, существованія которыхъ никто раньше не могъ и подозрѣвать. Изъ сопоставленія безчисленныхъ частныхъ наблюденій и фактовъ оказалось, что по направленію отъ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ полуострова Мангышлака за Каспійскимъ моремъ поперекъ Европейской Россіи до Сандомірскихъ горъ въ Польшѣ, проходитъ скрытая еще въ землѣ *зарождающаяся горная складка, сопровождаемая громадными сдвигами и глубокими трещинами въ земной корѣ.* Эта складка обнаруживается въ Ергеняхъ, Донецкомъ кряжѣ, въ полтавской

---

[1]) См. статьи проф. *А. П. Карпинскаго*: 1) Замѣчанія о характерѣ дислокаціи породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи. Горный журналъ 1883 г. № 9; 2) Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Записки Имп. Академіи Наукъ 1887, LV, прилож. № 8; 3) Общій характеръ колебаній земной коры въ предѣлахъ Европейской Россіи. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1894, № 1.

губерніи (с. Исачки—выходъ весьма древней изверженной породы), въ кіевской губерніи (каневскій уѣздъ—Трактеміровскія и Каневскія горы), въ волынской губерніи—въ Берестовцѣ—и сливается съ Сандомірскимъ кряжемъ. Въ Берестовцѣ и находилась несомнѣнно одна изъ крупныхъ и глубокихъ трещинъ земной коры, давшая выходъ изверженію анамезитовой лавы въ верхне-мѣловую эпоху. Застывшій массивъ анамезита закупорилъ собою эту трещину, которая со времени отложенія бѣлаго мѣла болѣе не открывалась. Кромѣ Берестовца и Злазни, анамезитъ нигдѣ болѣе не встрѣчается въ окрестной мѣстности; насколько далеко тянется подъ землею этотъ изверженный массивъ во всѣ стороны и гдѣ былъ самый очагъ изверженія—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, районъ распространенія его былъ невеликъ и, по Пфаффіусу, не переходилъ на западъ далѣе нынѣшней рѣки Горыни. Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что продолженіе Берестовецкаго массива существовало (а, можетъ быть, сохранилось и донынѣ на глубинѣ) и къ югу отъ р. Кропивницы; такъ, острореберные (не обточенные, слѣдов. не принесенные водою) куски этой породы были находимы въ болѣе новыхъ отложеніяхъ (въ лессѣ) у с. Городокъ, близъ Ровно.

Берестовецкая порода разрабатывается гораздо меньше, чѣмъ она заслуживаетъ по своей несравненной крѣпости и превосходному матово-черному цвѣту. Техническое достоинство ея весьма велико. Предѣльное давленіе, которое выноситъ Берестовецкій анамезитъ, по опредѣленіямъ, произведеннымъ въ промышленномъ музеѣ въ Вѣнѣ, достигаетъ 2810 килогр. на 1 кв. сант. (для сравненія замѣтимъ, что венгерскіе трахиты выдерживаютъ нагрузку только въ 660 килогр., порфиры—отъ 1780 до 2006 килогр., а обыкновенные граниты—до 1600 килогр. на 1 кв. сант. поверхности). Порода наша выдерживаетъ безъ трещинъ удары съ силою до 0,647 килограмметра на 1 кубич. сант. и раздробляется только при ударахъ съ силою 1,062 килограмметра. Она годится во всѣхъ отношеніяхъ, какъ строительный камень высшаго сорта, но можетъ съ большимъ успѣхомъ употребляться также, какъ превосходный орнаментный матеріалъ, такъ какъ принимаетъ и хорошо сохраняетъ отличную поли-

ровку, прочно держится въ острыхъ тонкихъ краяхъ и очень красива въ отдѣлкѣ. Изъ нея можно дѣлать изящныя вещицы—прессъ-папье, вазы и проч., памятники, карнизы, мозаичные каменные полы и проч., а между тѣмъ до сихъ поръ этотъ анамезитъ идетъ только главнымъ образомъ на мостовыя, на быки для желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п. Громадное достоинство Берестовецкаго камня состоитъ въ томъ, что отдѣльныя глыбы (естественныя колонны) его имѣютъ совершенно сплошное, цѣльное строеніе, безъ всякихъ трещинъ и слоевъ, почему и годятся вполнѣ для всевозможныхъ подѣлокъ. Одна изъ такихъ природныхъ колоннъ, аршина $3^1/_2$ длины и 110 пудовъ вѣсомъ, находится нынѣ въ городскомъ скверѣ у Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ (пожертвована городу для будущаго „петрографическаго музея" управляющимъ Берестовецкимъ имѣніемъ, г. Г. О. Язвинскимъ), а другая колонна, вѣсомъ въ 60 пудовъ съ интересной кривой (чашеобразной) отдѣльностью, находится въ геологическомъ кабинетѣ нашего университета, гдѣ имѣется нѣсколько и меньшихъ образцовъ того-же анамезита.

Что касается до самыхъ каменоломенъ, то картина ихъ поразительна, особенно вблизи, и не поддается описанію. Надо самому видѣть эту сплошную природную подземную коллонаду, чтобы составить себѣ о ней вѣрное представленіе, надо погрузиться душой въ окружающую абсолютную тишину вѣкового бора, слиться съ окрестной мирной природой и сопоставить ее съ бывшими здѣсь въ давно минувшіе вѣка огненными катастрофами, молчаливымъ свидѣтелемъ которыхъ является этотъ лѣсъ правильныхъ столбовъ, чтобы оцѣнить своеобразную красоту и поэтическую прелесть этого никому почти невѣдомаго уголка нашего края, одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ Россіи, достойнаго вниманія любителей природы и туристовъ.

П. Тутковскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.

(*Окончаніе* [1]).

Приложенія.

Два письма Н. П. Кондоиди, 1784 и 1785 г.г., о смерти Гр. А. Полетики и о его завѣщаніи.

1) Государь мой Василій Григорьевичъ [2])! Печальный долгъ исполняю я увѣдомленіемъ васъ, что всемогущему Богу угодно было кончить жизнь родителя вашего, а моего друга Григорья Андреевича. Онъ почувствовавъ, что силы тѣлесныя уже въ крайнее истощеніе приходятъ, исполнилъ долгъ христіанскій исповѣдію и причащеніемъ святымъ христовымъ тайнамъ; нѣсколько же дней потомъ скончалъся онъ, съ 26 на 27 число ноября мѣсяца, пополуночи въ первомъ часу. Того жъ мѣсяца 29 числа, предано тѣло его, съ подобающею честію, погребенію въ Александроневскомъ монастырѣ. Болѣзнь покойнаго хотя была весьма продолжительна и весьма тяжка, однако жъ онъ почти до послѣдняго конца былъ въ твердомъ умѣ и въ крѣпкой памяти. Болѣзнь сія, какъ вамъ уже, г—рь мой, извѣстно, послѣдовала отъ нарыва, которой сдѣлалъся у покойнаго на щекѣ и которой наконецъ принуждены были разрѣзать. Отъ сего сдѣлалась рана, которая гнила нѣсколько мѣсяцовъ сряду и къ которой по несчастію прикинулъся ракъ. Отъ сего нещастнаго обстоятельства должна была уже неминуемо послѣдовать смерть, ибо къ излѣченію отъ рака понынѣ еще никакихъ способовъ не найдено. Истинною же и прямою причиною болѣзни

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 6.

[2]) Сынъ Гр. А. Полетики.

и самой смерти должно почитать полипа, которой, какъ вамъ и самимъ, г—рь мой, извѣстно, былъ у покойнаго въ носу и отъ котораго вышепомянутой нарывъ на щекѣ послѣдовалъ. За два мѣсяца передъ кончиною написалъ покойной родитель вашъ собственною своею рукою завѣщаніе свое, которое приказавъ переписать набѣло, потомъ подписалъ своеручно и печатью своею утвердилъ. Сіе завѣщаніе препроводилъ я теперь верхняго надворнаго суда во второй департаментъ для засвидѣтельствованія по законамъ. Какъ же скоро оно мнѣ отъ туда возвращено будетъ, перешлю я оное по самой порьвой почтѣ къ матушкѣ вашей Еленѣ Ивановнѣ. Сверхъ упоминаемаго здѣсь завѣщанія, оставилъ покойный родитель вашъ, на имя мое, полномочіе, въ третьемъ пунктѣ коего написано: дать знать въ Вильну, по моей смерти, и велеть ставшему сыну Василію ѣхать въ Юдиновъ, а другіе пускай остаютъся для продолженія ученія. Во исполненіе сего пункта, совѣтую я вамъ, г—рь мой, послѣдовать волѣ и повелѣнію покойнаго родителя вашего и въ слѣдствіе того, по полученіи сего моего письма, отправиться тотъ часъ и безъ всякаго замѣдлѣнія прямо въ село Юдиново, къ матушкѣ вашей, а братцовъ вашихъ оставте въ Вильнѣ и прикажите имъ продожать начатыя науки на прежнемъ основаніи. Долженъ однако же я васъ просить, чтобъ прежде выѣзда вашего изъ Вильны, вы пожаловали отвѣтствовали мнѣ на сіе письмо и увѣдомили бы меня, въ которой день имянно вы изъ помянутого города отправиться намѣрены. А дабы вы не нашлись въ заботахъ какимъ образомъ вашъ ко мнѣ отвѣтъ адресовать, прилагаю я при семъ мой адресъ. Извините только за позднее увѣдомленіе о кончинѣ покойнаго родителя вашего; медлѣнность въ семъ случаѣ произошла отъ весьма тяжкой болѣзни, которой я по нынѣ подверженъ былъ и отъ которой начинаю только теперь получать облегченіе. Во ожиданіи отвѣта вашего, пребываю съ почтеніемъ вашъ покорной слуга Николай Кондоиди. С.-Петербургъ. Декабря 18 дня. 1784 года.

2) М. г—рыня моя Елена Ивановна! Получа на сихъ дняхъ завещаніе покойнаго супруга вашего изъ втораго департамента верхняго надводнаго суда, куда оно для надлѣжащаго по зако-

намъ засвидѣтельствованія представлено было, спѣшу я отправитя оное при семъ къ вамъ, м. г—риня моя. Сверхъ оного изволитѣ вы, здѣсь же, найти того жъ завѣщенія концептъ, написанной рукою Григорія Андреевича, да еще копію, въ коей по волѣ покойнаго здѣланы нѣкоторыя перемены и съ которой уже чистой списокъ былъ написанъ, Отъ дражайшаго сына вашего Василья Григорьевича получилъ я на письмо мое отвѣтъ, изъ Вильны, отъ 3-го генваря, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что онъ 4-го того жъ мѣсяца къ вамъ отправится, почему думаю я, что онъ уже теперь въ село Юдиново благополучно прибылъ. Естли вы, м. г—риня моя, людей вашихъ въ Петербургъ уже отправили, то для извѣстія вашего сообщаю, что при отпускѣ сего письма они еще сюда неприбыли. Нѣсколько недѣль тому назадъ получилъ я письмо ваше къ супругу вашему, которое впредь къ вамъ перешлю, когда людей вашихъ обратно въ село Юдиново отправлять буду. Есмь въ протчемъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ, м. г—риня моя, вашъ покорный слуга Н. Кондоиди. С.-Петербургъ. Генваря 30 дня. 1785 года.

Завѣщаніе Григорія Андреевича Полетики, 1784 г., 20 ноября.

Въ случаѣ, что я, при нынѣшней моей болѣзни здѣсь, въ С.-Петербугрѣ, по волѣ божеской умру, оставляю домъ мой на слѣдующемъ завѣщаніи и распоряженіи.

1. Женѣ моей Еленѣ Івановнѣ владѣть и распоряжать всѣми моими и своими недвижимыми и движимыми имѣніями по смерть свою, хотя бы она и за другаго мужа вышла; и какъ я надѣюсь, что у нее уже дѣтей не будетъ, такъ и прошу ее, чтобъ она, помня то, сколько я въ жизни моей безпокойствъ и хлопотъ претерпѣлъ, защищая свои и ея недвижимыя имѣнія, никому бы изъ оныхъ своихъ недвижимыхъ имѣній ничего не дала, не продала и не записала, но оставила бы въ подѣлъ дѣтямъ моимъ мужеска пола.

2. Изъ сихъ моихъ имѣній должна она, жена моя, воспитывать и обучать дѣтей моихъ сыновъ и дочерей приличнымъ

природѣ ихъ образомъ, и довольно будетъ для нихъ, естьли она въ семъ будетъ слѣдовать положенному отъ меня порядку.

3. Дѣти мои, сыны, и дочери, должны быть въ совершенномъ ея жены моей повиновеніи, послушаніи и почтеніи по смерть ея; непокоривыхъ же и непослушныхъ, а паче естьли они будутъ упражняться въ безчинныхъ и благороднымъ людямъ неприличныхъ дѣлахъ, можетъ и имѣетъ власть она жена моя отрѣшить отъ наслѣдства, какъ своихъ, такъ и моихъ недвижимыхъ имѣній.

4. Дѣти мои не могутъ по смерть ея, жены моей, требовать отъ нея раздѣла никакихъ имѣній, или каждый изъ нихъ какой либо части недвижимаго имѣнія въ свое владѣніе, а естьли она сама, при жизни своей, пожелаетъ ихъ имѣніями раздѣлить, или до совершеннаго роздѣла отдѣлить кому либо изъ нихъ часть имѣнія, то остаеться въ ея воли; но совершенный раздѣлъ во всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ ни при жизни ея, ни послѣ ея смерти, не прежде воспослѣдовать долженъ, какъ тогда, когда дочери мои выданы будутъ замужъ, когда заплатяться имѣющіяся на мнѣ долги, и когда меншіе мои сыны будутъ воспитаны и прійдутъ до совершенныхъ лѣтъ, въ малороссійскихъ правахъ положенныхъ.—Почему естли она, жена моя, сего порядка неучинивши, волею божіею умретъ, всѣми недвижимыми и движимыми имѣніями долженъ распоражать старшій сынъ мой Василій Полетика совмѣстно съ свойственникомъ нашимъ войс. тов. Федоромъ Максимовичемъ Бартошемъ, которому опредѣлить достаточное жалованье и провизію, въ чемъ чтобъ онъ Федоръ Максимовичъ, для моего къ нему усердія и показанныхъ услугъ, не отказался, просить его сыну моему Василію съ братьями всеприлѣжно; ибо ему Василію одному въ управленіи имѣній никакъ управиться нельзя будетъ, а можетъ быть и служба помѣшаетъ. Книги въ хозяйствѣ весть ему жъ Василію по заведенному отъ меня образцу, и когда всѣ сыны прійдутъ въ совершенныя лѣта, то при раздѣлѣ всѣ оныя имъ показать и расчесться такъ, какъ надлежитъ съ братьями.

5. Есть ли жена моя, по силѣ перваго сего моего завѣщанія пункта, всѣ свои недвижимыя имѣнія оставитъ въ подѣлъ

дѣтямъ моимъ, отъ нея рожденнымъ мужеска пола, то дочерямъ моимъ, при ея ли жизни или послѣ ея смерти, отъ братовъ ихъ должно получить каждой въ приданное по восьми тысячъ рублей, то есть четыре тысячи рублей денгами, а на четыре тысячи другими вещами, или какъ сходнѣе и для ихъ дочерей моихъ выгоднѣе, а женѣ моей и сыновьямъ удобнѣе будетъ, ибо по таковому взаимному согласію можно имъ будетъ дать больше денгами, нежели вещьми или больше вещьми, нежели денгами. Естьли жъ жена моя пожелаетъ, чтобъ дочери наши имѣли въ ея недвижимыхъ имѣніяхъ участіе (ибо въ моихъ они никакого участія имѣть не должны) то въ такомъ случаѣ дать имъ дочерямъ моимъ приданного деньгами и вещьми каждой по четыре тысячи рублей, а не больше, слѣдуя противъ вышеписанного взаимному согласію. Въ случаѣ жъ, чего не дай Богъ, что изъ нынѣ владѣемого нами имѣнія по искамъ другихъ, что либо убудетъ, то потому женѣ моей, а по ней сыновьямъ моимъ, и приданное дочерей моихъ распоряжать, тоесть прибавить или убавить.

6. Всѣ облики, росписки на деньги и прочія долговыя писма на должниковъ нашихъ должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей, по которымъ она капиталъ или проценты получать должна, а по смерти ея да останутъся въ распоряженіи старшаго сына и г. Бартоша.

7. Дипломъ на дворянство, грамоты, крѣпости и прочія документы на недвижимыя имѣнія должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей по ея жизнь, а по смерти ея у старшаго сына, который ихъ и содержать долженъ у себя до совершеннаго съ братьями въ имѣніяхъ раздѣла, а при раздѣлѣ долженъ старшій сынъ дипломъ и прочія обще до всей фамиліи Полетикъ касающіяся грамоты и крѣпости оставить у себя, давъ съ нихъ, естьли пожелаютъ, братьямъ своимъ справочныя копіи, прочія жъ крѣпости и документы раздать другимъ братьямъ, по которымъ имъ какое имѣніе слѣдовать будетъ, а на часть своихъ имѣній крѣпости себѣ удержать.

8. Какъ недвижимыя мои имѣнія пріобрѣтены мною частію отъ покойного родителя моего Андрея Павловича Полетики, еще

при жизни его, въ 1764 году, по особливой его данной мнѣ, въ отмѣнность другихъ моихъ братьевъ, записи, частію получены за женою моею въ приданое, а большою частію приобрѣтены отъ меня куплею, и слѣдовательно всѣ за благоприобрѣтенныя почитаемы быть должны, то объ оныхъ чиню слѣдующее завѣщаніе. Сыны мои раздѣлясь недвижимыми моими имѣніями, могутъ оными владѣть и пользоваться безпрепятственно и распоряжать оныя для дѣтей своихъ; но продать ихъ и въ постоWhile реннoe владѣніе ни подъ какимъ видомъ и ни какими сдѣлками пустить не могутъ; естьли жъ бы по какимъ либо несчастливымъ и непредвидимымъ обстоятельствамъ лишитъ себя тѣхъ имѣній принуждены были, то, не чиня продажи и никакой съ другими сдѣлки, долженъ каждый изъ нихъ объявить своимъ братьямъ, а особливо тому, кто съ нимъ совмѣстное или близкое имѣетъ владѣніе, и который изъ нихъ тѣ имѣнія, по взаимному ли ихъ соглашенію или по оцѣнкѣ стороннихъ пріятелей, заплатить пожелаетъ, тому продать, когда жъ всѣ откажутся или достойной цены дать не пожелаютъ, тогда уже могутъ продать постороннимъ. Сіе разумѣю я только о тѣхъ моихъ сынахъ, которые женятъся и дѣтей имѣть будутъ, у которыхъ могутъ случиться большія нужды и необходимости къ таковому лишенію своихъ имѣній; тѣ же сыны мои, которые не будутъ женаты, а хотя и женятъся, но дѣтей имѣть пе будутъ, не могутъ сихъ моихъ имѣній продать ни подъ какимъ видомъ, и сдѣлками, и ни для какихъ нуждъ, въ чужое владѣніе пустить, но только владѣть и пользоваться оными по смерть свою, а по смерти ихъ должны тѣ имѣнія ити въ родъ и въ раздѣлъ оставшимся братьямъ. Сіе мое завѣщаніе распространяю я не только на однихъ моихъ сыновъ, но и на ихъ наслѣдниковъ отъ рода въ родъ, которые такъ же не должны сихъ моихъ имѣній кому либо постороннему продать или подъ какимъ либо видомъ укрѣпить, не объявивъ о семъ своимъ близкимъ и далекимъ, а прежде всего однофамильнымъ родственникамъ, а о неженатыхъ и безъдѣтныхъ то же завѣщаю, что и о сыновьяхъ, то есть, что они имѣній ни подъ какимъ видомъ и ни для какихъ нуждъ продавать и въ другой родъ укрѣплять не могутъ, но оставлять

по смерти своей для ближайшыхъ въ родѣ. Какъ же о собственныхъ жены моей недвижимыхъ имѣніяхъ таковаго завѣщенія я учинить не могу, то прошу ея, при первомъ сознатьѣ сего моего завѣщанія въ судебномъ мѣстѣ, какъ сей пунктъ, такъ и пятый, касающійся до приданаго дочерей моихъ, своимъ согласіемъ утвердить и учинить о томъ особливую запись.

9. Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бо́льшую отъ другихъ охоту и уже въ оныхъ нарочитыя успѣхи имѣетъ, то библіотека моя вся, состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, тако жъ и всѣ писма и извѣстія, подлинныя и копіи касающіися до ученыхъ дѣлъ и исторіи, отказываються мною ему одному. Естьли жъ онъ неженатъ и бездѣтенъ умретъ, то можетъ оную отказать тому изъ своихъ братьевъ, кто лучше оную въ свою и общую пользу употребить можетъ.

10. Находящимся при домѣ нашемъ служителямъ, начавъ отъ управителя и прикащимовъ до послѣдняго слуги, дать по смерти моей за полгода жалованья не въ зачетъ, а за мужиковъ всѣхъ нашихъ деревень заплатить за полгода жъ подушныя деньги. Таковое жъ завѣщаніе совѣтую я учинить и женѣ моей, чтобъ дѣти противу сего поступили послѣ ея смерти. Что жъ касаетъся до людей нашихъ, бывшихъ вольныхъ, а нынѣ къ намъ въ ревизію добровольно записавшихъся, то объ оныхъ прошу и совѣтую женѣ моей, чтобъ она, кто изъ нихъ пожелаетъ отойти, дала имъ отпускныя съ тѣмъ, чтобъ они записались въ ревизію, гдѣ пожелаютъ, а изъ нашей выключены были, ибо таковое имъ отъ меня обѣщаніе дано, и грѣшно будетъ не додержать имъ слова.

Сіе мое завѣщаніе написалъ я при здравомъ разумѣ, разсужденіи и памяти, подписалъ оное своею рукою и печать герба моего приложилъ, упросилъ притомъ подписаться и печати приложить ниже писанныхъ благородныхъ людей въ Санктпетербургѣ, ноября 20 дня, 1784 года. Коллежскій совѣтникъ Григорій Полетика. (*м. п*). При сочиненіи и подписанія сего завѣщанія были и по прозбѣ завѣщателя коллежскаго совѣтника

Григорія Андреевича Полетики на ономъ во свидѣтельство подписались и печати приложили.

Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Николай Кондоиди. *(м. п).* Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Григорій Кондоиди. (*м. п*). Подполковникъ Иванъ Базилевскій. (*м. п*). Коллежскій ассессоръ Яковъ Хорошкевичъ. *(м. п).* Сіе духовное завещание Санктъ-петербургской губерніи верхняго надворнаго суда, во второмъ департаментѣ канцеляріи, отъ совѣтника и ордена св. Владимира 4-й степ. кавалера Николая Павлова сына Кондоиди, прошлаго 1784 г. декабря 3 дня, при челобитьи явлено, противъ котораго подписавшіяся подъ симъ завещаниемъ вышеписанные свидѣтели допрашиваны, коимъ они и показали, что сие завещание учинено подлинно по волѣ оного завещателя въ целомъ умѣ и твердой памяти, и спору на оное ни отъ кого никакого не было, того ради сего 1785 года, генваря 20 числа, во ономъ верхняго надворнаго суда второмъ департаментѣ опредѣлено со оного завещания, какъ писаннаго не укрепостныхъ делъ и на простой бумагѣ, взявъ съ него, г. Кондоиди, за два листа, на какихъ оному должно быть писану, денги 20 рублей, записать въ приходъ, кои приняты и въ приходъ записаны, а завещание въ крепостную книгу, кое записано жъ, и сія надпись учинена въ сходственность состоявшихся въ 701-мъ, генваря 8 и ноября 7-го, да въ 722-мъ г.г., апреля 12-го чиселъ, указовъ съ таковымъ предписаниемъ, что оное въ семъ департаментѣ явлено для оного толко освидетелствования въ томъ, что подлинно сие завещание учинено по воле завещателя и взятья за гербовую бумагу денегъ, а не для другаго какого по немъ исполнения, и приложа ко оному сего департамента печать, за подписаниемъ одного присудствующаго и за скрепою секретарской, отдать, которое съ сею надписью вышеозваченному просителю и отдано съ роспискою, съ темъ что естли на оное завещаніи окажется какой споръ и опровержение, то онымъ людямъ бить челомъ гдѣ по законамъ следуетъ. Генваря 28 дня, 1785 года. Коллежской ассессоръ Спиридонъ Ершевъ. Секретарь Иванъ Марковъ. У

сей надписи ее импер. величества верхняго надворнаго суда 2-го д—та печать. Надсмотрщикъ Харламъ Ниточкинъ. *(Съ подлинника).*

Письма родныхъ Г. А. Полетики.

1. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ с. Коровинецъ, 1759 г., 13 января.

Милостивѣй государъ батюшка Андрей Павловичъ. Дѣло Коровинское, которое у меня было, чрезъ сего къ вашей отческой милости посылаю, самъ же онаго производить не имѣя на оное кошту, а притомъ лишась отъ вашей отческой милости и остатнего чрезъ отнятіе, не вѣдаю за что, Аксютинской мельницы, вами мнѣ при свадьбѣ дарованной, (которую я чрезъ восемь лѣтъ владѣю), пропитанія, и содержать себя и повѣренныхъ не имѣю силъ; съ даемого мнѣ вашею отческою милостію за три кола едного Коровинского, съ которого староста вашъ, владѣя онымъ, себя пропитать не моглъ, я доходовъ какъ не собиралъ, такъ и собирать не буду, и на послѣдокъ при всегдашнихъ моихъ съ домашними слезахъ (что за столь Богу и людямъ вѣстиміе труды и знатные по вашимъ дѣламъ понесенные убытки, поношу отъ вашей отческой милости крайнюю обиду). Остаюсь съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

Я, милостивѣйшій отче, можетъ быть предъ вами и погрѣшилъ, что не доложась по прежней моей къ вамъ просбѣ, взялъ на откосъ стирту сѣна, еднакъ будучи на милость отческую надежденъ, что вы въ нужномъ семъ мнѣ случаѣ простите (который мнѣ послѣдовалъ для пріѣзжихъ гостей) и прикажете старостѣ въ слѣдующую косовицу, какъ прежнія двѣ, такъ и сію принять отъ меня, чемъ и одолжить нижайше прошу.

2. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ м. Хмелова, 1760 г., 11 марта.

Милостивѣйшій отче и единій добродѣю. За пріѣздомъ моимъ въ домъ, извѣстился я отъ жены, что вы первое, ста-

росту присылали отказывать мнѣ отъ Аксютинской мелницы, которою я владѣю уже десять лѣтъ, а потомъ сами персонално заѣхавши съ Коровинецъ въ Аксютинцѣ, приказали мѣрочнику меня не слушатся, размѣръ же весь велѣли забрать, которого разного забрато пятьдесятъ четырѣ мѣрочки; причины же отбору оной я знать не могу, понеже я никакой такой причины вашей отческой милости не подалъ, за которую бъ такъ мене знатно обижать и свое всѣмъ людямъ извѣстное опредѣленіе ломать, которое ежели, какъ вижу, не содержится въ твердости, то я столь знатно будучи обидимъ при нынѣшней моей въ отдаленной походъ отлучкѣ, въ которой отъ вашей отческой милости ниже мало, хочай бы и должно по причинѣ моей служби за владѣнние вашею отческою милостію добра на часть мою полно надлежащіе, не снабденъ, принужденъ первое, на вашу отческую милость вамъ же и жаловатись, при чемъ всенижайше прошу, чтобъ ваша отческая милость десять лѣтъ послѣдовавшаго опредѣленія о мельницѣ Аксютинской, ломать не изволили для своей принаймнѣ чести и оставить оную при моемъ владѣніи спокойно, чтобъ за отходомъ моимъ въ походъ, не довелось би женѣ моей по-подъ-окнами хлѣба просить, буди же отъ вашей отческой милости, какъ отцу, должного милосердія не получу, то нижайше прошу позволить представить ясневелможному, что мнѣ столь тяжелыхъ походовъ нѣщего служить, понеже я отъ отца моего отдѣленной надлежащей на меня части не имѣю. Впрочемъ поручаю себя вашему отческому благословенію, есмь вашей отческой милости всего доброжелателный послушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

3. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану. 1763 г., 27 октября.

Любезній мой сыну Стефане. Получено мною твое писмо, въ коемъ ты производишь жалобу на подданныхъ моихъ Коровинскихъ, якобы они въ лузѣ твоемъ, которой ты купилъ коварно у Савченка, много срубили дерева на ключини. Я симъ тебѣ отвѣтствую, что ты, вижу, въ томъ свою жизнь прожи-

ваешь, чтобъ людей безпокоить своими ябедническими пенями и вязаться въ то, что тебѣ не принадлежитъ; я въ твоемъ лузѣ не велѣлъ рубать, который ты подложнымъ образомъ у Савченковъ, впротивность мнѣ и въ обиду братьямъ твоимъ, купилъ, а рубаютъ мои подданные въ томъ лузѣ, коимъ владѣли владѣльцы прежніе, принадлежащемъ къ сему Коровинцамъ, которого ты луга часть обыкновеннымъ своимъ нахалствомъ хочешь прихватить къ купленному у Савченка лугу, коего лугъ нестолько имѣлъ положенія, какъ ты себѣ присвояешь. Сіи обиды, происходящія отъ тебя не токмо мнѣ несносны, но и братьямъ твоимъ обидны, я тебѣ отческо совѣтую перестать безсовѣстничать и не задираться столько, чтобъ повременно не потерять себѣ всего того, ищучи чужого, что имѣешь, было тебѣ время сію жалобу произнесть мнѣ въ Кровинцахъ, когда я былъ; я думаю, что чинимая тебѣ обида не вчера тебѣ воспослѣдовала; и такъ я за пріѣздомъ моимъ въ Коровинцѣ прикажу изслѣдовать противъ твоей жалобы. *(Съ копіи).*

4. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану, изъ Ромна, 1765 г., 28 марта.

Сину мой Стефане. Не достаетъ моего ужъ болѣе терпѣнія, получая отъ тебя всегдашнія озлобленія и досады, и мнѣ кажется, что ты чрезъ мое снисхожденіе хощешь забыть вовсе должное къ родителю твоему почтеніе, а меня увѣрить, что я того отъ тебя и требовать права не имѣю; однако я чрезъ сіе тебѣ объявляю, что за всѣ твои противъ меня продерзости и досады не нахожу другого средства къ усмиренію тебя, какъ толко употребить способъ, которой родителское право надъ тобою мнѣ поручило, чего доказать въ непродолжителномъ времени уповаю, ибо ты, не унимаясь отъ причиняемыхъ тобою сколько разъ мнѣ оскорбленій, еще ихъ возобновляешь тѣмъ, что ни по какому праву тебѣ не принадлежащаго человѣка въ сусѣдяхъ у брата своего живучого и безгрунтового, неналежно заграбилъ, потому что ему волно хотя у брата, хотя у тестя жить, а право въ запрещеніи волного переходу обстоятельствамъ не касается

до его, того ради родителски тебѣ напоминаю вышепомянутому человѣку заграбленныя вещи возвратить и въ волномъ его къ тестю своему переходу не чинить препятствія, а ежели твой долгъ на ему, то повиненъ онъ заплатить, а ежели заграбленное сего человѣка почитаешь за правилное, то я долженъ у тебя взять моего подданного Моцаковово сина. Впротчемъ есмь. *(Съ копіи).*

Степана Андревича Полетрки къ зятю Аф. Пр. Шклеревичу, изъ с. Коровирецъ, 1765 г., 30 марта.

Милостивый государь швагиръ Аѳанасій Прокофьевичъ. Я сей послѣдней седмицы говѣючи, получилъ писмо отъ батюшки съ немалыми бранми и угрозами за моего купленного у Сохацкаго мужика, которіе яко отъ батюшки, которому я никакой еще причины по неведомому родителскому праву не подалъ, снести долженствую и не сожалѣю. Жаль мнѣ написавшого писмо, которого характера не могу догадатся, что тотъ человѣкъ или съ дѣтми никогда не конверсовалъ, не имѣя ихъ, или имѣя, намѣреваетъ съ ними поступить примѣрно написанному. Я ему не желаю ничего иного, чтобъ Богъ его посѣтилъ тѣмъ, что онъ мнѣ написалъ и желаетъ, не вѣдаючи въ томъ, въ чемъ писалъ вѣтрянно нѣкакихъ обстоятелствъ, мнѣ кажется, и писать, какъ сказуютъ простыя люди, знать какъ ховать, а безъ того не похвално, а при томъ же долженъ и то знать, что теперь въ свѣтѣ добримъ за худое не отдаютъ. Ежели вы, м. г-рь, швагеръ, будучи въ Ромнѣ, слыхали про сіе, то прошу покорнѣйше меня увѣдомить, за что пребуду съ моимъ всегдашнимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

6. Михаила Ивановича Гамалѣи къ сестрѣ Еленѣ Ивановнѣ Полетикѣ, изъ с. Клепалъ, 1779 г., 21 января.

М. г-ня моя, сестрица Елена Ивановна. Новымъ годомъ имѣю честь васъ проздравить, желаю усердно одной вамъ во истинномъ благополучіи провождать и ползоватца всякими благо-

щастіями. О себѣ же объявляю, что будучи крайнейше огорченъ непохвальнымъ поступкомъ вашего супруга, какъ видно забывшаго правила честности, неудоволствовавшагося разнообразно меня обидѣть несправедливѣйше, съверхъ того слышу поношенія, чести моей не принадлежащія, почему воспріялъ чрезъ сіи начертаніи вамъ обясница. Судите сами, любезная сестрица, безпристрастно: когда я еще не зналъ совѣсти вашего супруга, какъ онъ вошелъ неблагопристойнымъ ласкателствомъ въ покойницу Анну Ивановну [1]), которую удалось ему обойти, приведя со мною во вражду (чего, еслибы онъ имѣлъ отличную совѣсть, любя же васъ чистосердечно не слѣдовало бы и помыслить мнѣ зла, вашему брату) не токмо войтить въ оное предосудително и тѣмъ меня напрасно разорять, дружбу и любовь свойственную разорвать вѣчно, увидя же, что я началъ искать, вошелъ во всякія несоотвѣтствующія лѣтамъ и чести его пристойности и вражду, какъ онъ неусыпно старался, чтобъ Анна Ивановна по суду недвижимость и движимость мнѣ не отдавала, но и людей крѣпостныхъ, купленныхъ моимъ отцомъ и матерью отъ меня неправилно отторгнуть, присовѣтовавъ ей дать отпускныя, которыя онъ самъ сочинялъ и вомѣсто еи подписамся. Вотъ совѣсть, и душа, и любовь къ женѣ видна. Онъ радъ бы шурина и дневнаго пропитанія лишить. Нынѣ жъ, не вѣдаю за что, онъ на меня сердица и разные напрасные поговоры со укоризною и ругателствомъ чинитъ, какъ у васъ въ Стародубовскомъ полку, да и здѣсь въ путивлскомъ уѣздѣ нѣкоторымъ хвастая, произносилъ, будто онъ мнѣ по дѣлу помогъ въ Петербургѣ, чего никогда не бывало, и еслибы онъ помогъ, то бы я до сихъ поръ и кончилъ дѣло, ибо оное дѣло находилось у генерала рекетмейстера, куда онъ нарочно за онымъ дѣломъ никогда не ѣзжалъ и не просилъ, и денегъ вашъ супругъ своихъ ни полушки не терялъ, хотя онъ долженъ былъ старатца и денги тратить, ползуясь вашимъ имѣніемъ Путивлкимъ, какъ сіе есть общое наше дѣло. Буди жъ онъ завелико ставитъ сочиненіе писма, которое оставлено и въ дѣло не

[1]) Вторая жена Ивана Андреевича Гамалѣя, т. е. мачеха М. И. Гамалѣи.

пошло. Во вспомоществованіи же мнѣ по дѣлу отъ супруга вашего, времяны ему недоставало за обремененіемъ его собственными дѣлами, какъ зъ г. г. Корсаками и съ роднымъ его братомъ, чрезъ которые онъ также не по лѣтамъ его репутацію странную себѣ пріобрѣлъ, подвергая себя предосужденію крайнему; какъ и сіе ему не въ стыдъ, повѣреннымъ отъ Ивана Ивановича Бороздны быть противъ меня. Такія дѣйствія супруга вашого я вообразивши себѣ, часто содрагаюсь, что онъ, будучи человѣкъ степенныхъ лѣтъ, забываетъ себя. Отъ него бы слѣдовало мнѣ примѣры брать, если-бы они завидны были; но чего хорошаго мнѣ ожидать къ доброжелателству отъ него, когда онъ не пощадилъ своего родного брата вогнать тяжбами въ печаль, черезъ которую онъ лишился и жизни; что въ такомъ случаѣ остается для шурина безвиннаго, котораго онъ ищетъ на чести и славѣ вѣчно опорочить тамъ, гдѣ несправедливостью убѣдить не успѣваетъ. Однакъ сторонные люди доволно увидятъ и поразумѣютъ его и меня; а надобно бы супругу вашему, имѣвъ старыя лѣты, обозрѣтца и разсудить о женѣ и о дѣтяхъ малолѣтнихъ, дабы иногда не оставить для нихъ нескончаемыхъ клопотъ; съ моей же стороны я вамъ доволно оказалъ свойственной любви, когда по рѣшенію вотчинной коллегіи отдана было мнѣ село Николаевка, но я вамъ по одному человѣколюбію уступилъ, а супругъ вашъ ни какъ сего не почувствуетъ и за благодѣяніе но щитаетъ: видна такова его совѣстная благодарность. Однакъ я надѣюсь на Бога, который наградитъ мнѣ за усердіе и правилной мой поступокъ передъ вами. Хорошо вашему супругу свое благополучіе основывать на собственномъ моемъ имѣніи, которое предки мои кровью, не щадя своей жизни, заслужили, а супругъ вашъ мыслитъ сторонно попользоватца, толкуя злымъ переводомъ право, и будучи противъ совѣсти самъ виноватъ, меня же напрасно ругаетъ. О дѣлѣ жъ нашемъ общемъ хотя вашъ супругъ много кое чего говоритъ, однакъ формално не знаетъ на чемъ оное пріостановилось, а я вамъ чрезъ сіе увѣдомляю, что по оному оказался подлогъ, учиненный уже послѣ рукоприкладства нашихъ повѣренныхъ и послѣ рѣшенія припискою такой статьи, о которой и въ дѣлѣ не

было упомянуто, изъ чего суперникъ взялъ и апелляцѣю. И такъ оно началось уже слѣдствіемъ и взяты съ кого подлежало отвѣты. Надѣюсь на Бога, что Череповъ не будетъ правъ, почему я одинъ несу великіе убытки, а вы денегъ на дѣло не даете, а Николаевкою любите владѣть. И такъ оканчивая сіе, свидѣтелствую я и жена моя, наше вамъ почтеніе и прошу покорно васъ, любезная сострица, супруга вашего уговорите, чтобъ меня онъ впредь напрасно не злословилъ и не ругалъ, ибо сіе по его лѣтахъ и ученію не есть прилично меня ругать безвинно, а пусть бы сохранилъ при старости лѣтъ своихъ спокойствіе, чего усердно я желаю дождатца видѣть. Впрочемъ пребываю съ почтеніемъ васъ, м. г-нѣ, моей сестрицы покорнѣйшій слуга и усердный братъ Михайла Гамалѣя.

(конецъ).

ДНЕВНИКЪ ПЕТРА ДАНИЛОВИЧА АПОСТОЛА.

(май 1725 г.—май 1727 г.).

Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ 1894 г. въ библіотеку Кіевскаго Университета отъ наслѣдниковъ О. М. Судьенка, находится небольшая (въ осьмушку) рукопись, переплетенная въ формѣ портфеля въ кожу и заключающая въ себѣ дневникъ Петра Даниловича Апостола, одного изъ сыновей гетмана, писанный *на французскомъ языкѣ.* При какихъ обстоятельствахъ могъ изучить гетманичъ этотъ языкъ—сообщаетъ коротенькое указаніе М. И. Антоновскій (р. 1759 † 1816) въ своей „Исторіи о Малой Россіи [1])“, говоря, что, когда Данило Апостолъ поставленъ былъ гетманомъ, то „на мѣсто отца своего произведенъ старшій его сынъ Павелъ Апостолъ въ миргородскій полкъ полковникомъ, а меньшій Петръ Апостолъ *взятъ прежде еще ко двору императорскому и находился при князѣ Менщиковѣ...*“ [2]). Слѣдуетъ думать, что Петръ Апостолъ взятъ былъ въ Петербургъ въ качествѣ заложника, когда правительство, заканчивая счеты по Мазепинскому дѣлу, нашло нужнымъ принять нѣкоторую осторожность и по отношенію къ миргородскому полковнику Данилу Апостолу. Послѣдній, какъ извѣстно, принималъ

---

[1]) Составляющей четвертую часть книги Георги—„Исторія народовъ, обитающихъ въ Россіи“. См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., декабрь, стр. 374.

[2]) Опис. всѣхъ народ., обитающ. въ Россійск. Госуд., ч. IV, стр. 314. Антоновскій ошибается, называя Павла Апостола старшимъ сыномъ гетмана, Павелъ былъ третьимъ сыномъ послѣдняго, а Петръ былъ вторымъ. Первый сынъ гетмана—Иванъ умеръ молодымъ.

горячее участіе въ мечтаніяхъ Мазепы. Орликъ свидѣтельствуетъ, что Апостолъ, ободряя гетмана въ его замыслѣ, еще въ 1707 г. говорилъ ему: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!"—Когда Мазепа пошелъ 21 октября 1708 г. изъ Батурина, за нимъ пошелъ въ числѣ прочей старшины и Апостолъ. Какъ дѣйствовалъ онъ въ первое время послѣ соединенія Мазепы со шведами, видно изъ слѣдующаго письма Апостола, которое онъ писалъ 16 ноября 1708 г. изъ м. Красноколядина къ своему обозному Василію Онисимовичу:

„Мой велце ласкавый пріятелю, п. обозный полку нашого и на мѣстцу нашомъ зостаючій.

Отпускаючи сторожовъ нашихъ до Сорочинецъ, ознаймуемъ в. мсти о томъ, же войска шведскіе, почавши отъ самой Борзни, всюды по городахъ и селахъ для защищенія отчизни нашой отъ наступленія московскаго ажъ до самого Ромна постановлены на станціяхъ. Самъ зась найясн. король въ Ромнѣ свою станцію имѣтиметъ, гдѣ и мы съ ясн. добр. его м. п. гетманомъ завтрѣшнего дня, цѣле 17 число сего мѣсеца, прибити сподѣваемся, а оттоль не обявляючися скоро ку Гадячу ясн—ый добродѣй съ 10 тысечма шведовъ поспѣшати будетъ... Пилно прекладаемъ, абысте прислухаючи о поворотѣ рейментарскомъ, гдѣ обрѣтатимется, якъ скоро его в-ть до Гадяча прибудетъ, такъ заразъ в. м-ть съ п. судіею нашимъ и зъ п.п. сотниками для отданя поклону его м. п. гетману туди до Гадяча приѣздѣте. А если бы тамъ мѣлъ хто зъ грамотами государскими и нового гетмана Шкоропадского просмѣкатися, теди таковихъ ловѣте и до насъ ихъ присилайте [1])"...

Бант.-Каменскій полагаетъ, что письмо это Апостолъ писалъ по принужденію Мазепы, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ этого (21 ноября) Апостолъ писалъ уже изъ Сорочинецъ къ новоизбранному гетману Скоропадскому, поздравляя послѣдняго съ полученіемъ „превысокого степени гетманства". Тутъ

[1]) Съ копіи, находящ. въ бумагахъ М. О. Судьенка въ б-кѣ Кіевскаго Университета. Подлинникъ письма находится въ моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Мал. Россіи, III, примѣч. 134.

же Апостолъ просилъ у Скоропадскаго предстательства передъ царемъ за свою измѣну: „покорне упрошаю о таковой на мене респектъ, абы велможность ваша... многоважную свою за мною до пресвѣтлѣйшого монархи нашого внести рачилъ инстанцію, дабы его царское величество не мѣлъ на мене... якого гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царского величества бувшому гетману Мазепѣ до тихъ часъ обавилемся, поневажъ усиловне зъ онимъ затягненъ будучи, жаднимъ способомъ отъ него не моглемъ высвободитися и той его измѣнѣ (которая и неявна намъ била) сопротивитися [1])"... Отпущенный Мазепою для переговоровъ съ царскими совѣтниками о возвращеніи къ царю самого Мазепы, Апостолъ повинился передъ царемъ въ своемъ невольномъ будто бы уходѣ съ Мазепою къ шведамъ и затѣмъ ревностно служилъ полковничью службу противъ шведовъ до Полтавскаго сраженія. А когда шведы были прогнаны и когда русское правительство стало судить Мазепиныхъ сторонниковъ, Апостолъ оказался настолько обѣленнымъ своимъ поведеніемъ послѣ возвращенія отъ Мазепы къ Скоропадскому, что правительство не могло уже привлечь его къ суду и ограничилось одною предосторожностью—взятіемъ малолѣтняго сына его въ заложники... Такъ объясняемъ мы извѣстіе Антоновскаго о „взятіи Петра Апостола ко двору монаршему" и о порученіи его въ надзоръ Меншикову. Долго ли оставался юный Апостолъ заложникомъ мы не знаемъ, но полагаемъ, что въ Москвѣ (или въ Петербургѣ) провелъ онъ всю свою юность, потому что вернулся онъ въ Малороссію съ полнымъ знаніемъ трехъ европейскихъ языковъ—французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, какъ это видно изъ печатаемаго здѣсь его дневника. Можно догадываться, что своимъ образованіемъ Петръ А—лъ всецѣло обязанъ Меншикову, который, воспитывая въ это время своего сына,—могъ поставить около послѣдняго товарищемъ, для большей охоты въ занятіяхъ, юнаго заложника... Освобожденъ изъ заложничества Петръ А—лъ могъ быть послѣ того,

---

[1]) Тамъ же, въ бумагахъ М. О. Судьенка, въ копіи, а подлинникъ въ Моск. арх. М—ва иностр. дѣлъ.

когда въ к. 1723 г. былъ вызванъ въ Петербургъ его отецъ по дѣлу Полуботка. Извѣстно, что будущій гетманъ Данило Апостолъ принималъ, въ числѣ прочей старшины, горячее участіе въ томъ протестѣ, который начатъ былъ по смерти Скоропадскаго черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ противъ реформъ Петра В. въ Малороссіи, выразившихся въ учрежденіи глуховской коллегіи. Апостолъ, будучи старѣйшимъ полковникомъ, считалъ себя первымъ кандидатомъ на гетманство и потому горячо настаивалъ на разрѣшеніи приступить къ избранію гетмана. Въ сентябрѣ 1723 г. были отправлены изъ Глухова въ Петербургъ извѣстныя „коломацкія челобитныя", вызвавшія посылку А. И. Румянцова въ Малороссію для слѣдствія о происхожденіи послѣднихъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ арестъ и отправка въ Петербургъ нѣсколькихъ лицъ изъ старшины въ томъ числѣ и Апостола [1]). Слѣдствіе о протестахъ малороссійской старшины закончилось вмѣстѣ со смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. арестованная старшина была освобождена, причемъ большинству ея назначено было безвыѣздно жить въ Петербургѣ; къ этому большинству принадлежалъ и Данило Апостолъ. Семья Апостола оставалась въ Малороссіи. Тамъ жилъ и Петръ Апостолъ, въ это время уже женатый. Живя въ это время въ отцовскихъ маетностяхъ, Петръ Апостолъ и началъ вести печатаемый здѣсь свой дневникъ. Начатъ дневникъ въ концѣ мая 1725 г., причемъ писался онъ почему то на французскомъ языкѣ.—Между тѣмъ жившій въ Петербургѣ уже болѣе двухъ лѣтъ, старый Апостолъ, соскучившись по родинѣ и семьѣ, началъ хлопотать у всесильнаго Меншикова объ отпускѣ его домой. Конечно, для большаго успѣха въ этихъ хлопотахъ старый Апостолъ выписалъ къ себѣ въ Петербургъ сына Петра, который повидимому, долженъ былъ оставаться въ столицѣ вмѣсто отца. Дѣлалось это съ разрѣшенія Меншикова. Въ концѣ іюля 1725 г. въ дневникѣ Петра Апостола записано: „M—r le general de Weissbach (стоявшій въ это время съ

---

[1]) Прилож. къ „Кіевск. Стар." 1890 г., 102—110, и „Русск. Арх." 1880 г., I, 196, 206.

войсками въ южной Малороссіи) nous envoya un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg". Выѣхавъ изъ Глухова въ Петербургъ 27-го августа, П. А—лъ добрался туда только 15-го октября. Изъ записей дневника за время пребыванія въ столицѣ видимъ, что молодой А—лъ былъ свой человѣкъ у Меншикова; вѣроятно, это обстоятельство имѣло вліяніе и на отношенія Меншикова къ старому Апостолу. Но хлопоты о разрѣшеніи возвратиться на родину шли довольно туго. Только въ мартѣ 1726 г. Апостолы услыхали отъ Бассевича, что дѣла ихъ „находятся въ хорошемъ положеніи", а 28-го марта въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялось такое опредѣленіе: „полковника Апостоленка, до котораго къ задержанію здѣсь причины малой или никакой не касается, и положили, чтобъ его отсюды отпустить въ Малую Россію по прежнему въ Миргородскій полкъ полковникомъ [1])". Послѣ исполненія разныхъ формальностей старый Апостолъ выѣхалъ изъ Петербурга только 27 мая 1726 г. Молодой Апостолъ остался на мѣстѣ отца и продолжалъ еще свой дневникъ до половины 1727 г.

Печатаемый дневникъ, заключая въ себѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о частной жизни козацкой старшины, представляетъ собою важный документъ, указывающій при какихъ обстоятельствахъ старый миргородскій полковникъ могъ возвыситься до гетманскаго чина. Жившій въ Петербургѣ заложникомъ, юный сынъ Данила Апостола, приблизившись къ семьѣ Меншикова, впослѣдствіи, когда послѣдній сталъ въ Россіи всемогущимъ временщикомъ, былъ звеномъ, приблизившимъ къ этому временщику и его отца. Меншиковъ былъ небезкорыстенъ, а старый миргородскій полковникъ былъ богатъ; эти два обстоятельства затѣмъ были уже дополнительною причиною, по которой миргородскій полковникъ осенью 1727 г. сталъ гетманомъ. Петръ Апостолъ продолжалъ жить сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Въ сентябрѣ 1728 г. Петръ II пожаловалъ его „казацкимъ полковникомъ", но съ тѣмъ, чтобъ онъ

[1]) Сборн. Русск. Историч. Общ., LV, 150 и 293.

оставался жить въ Москвѣ [1]). На родину Петръ Апостолъ былъ отпущенъ только лѣтомъ 1730 г. [2]). Вступивъ въ управленіе лубенскимъ полкомъ, онъ оставался на этомъ урядѣ до 1757 г., когда былъ уволенъ съ чиномъ бригадира. Умеръ Петръ Апостолъ въ 1758 г.

Не разъ приходилось намъ слыхать, что послѣ Петра Апостола остались еще и мемуары (а можетъ быть такой же дневникъ), писанные имъ тоже на французскомъ языкѣ, которые де хранятся у екатеринославскаго помѣщика Алексѣева. Желательно бы получить въ печати болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мемуарахъ, если они дѣйствительно существуютъ.

Желая сдѣлать найденный теперь дневникъ болѣе доступнымъ, печатаемъ его въ русскомъ переводѣ, опустивъ неинтересныя записи мелочныхъ расходовъ во время путешествія П. А—ла въ Петербургъ и пребыванія его тамъ [3]).

7 іюня 1895. **А. Л.**

Дневникъ 1725 г.

Май. 22. 2-хъ лѣтній мальчикъ въ Суховцахъ, упавъ въ яму съ водой, гдѣ прежде обжигали известь, утонулъ.

Мой войтъ (Baillif) жаловался на то, что мои крестьяне обременены болѣе другихъ порціонами и раціонами. Поэтому я обратился къ комиссарамъ Сорочинецкой сотни и они представили мнѣ о томъ слѣдующій отчетъ:

Домовъ въ Сорочинцахъ 761. Болѣе зажиточныхъ между ними считается 98. Менѣе зажиточныхъ 161. Бѣдныхъ 502. Порціоновъ берется 67 Раціоновъ 74.

	Въ Савинцахъ	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портянкѣ.	Въ Ольхвировкѣ.
Общее число домовъ	165	107	118	34	31
Болѣе зажиточныхъ	8	10	8	5	9

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 84-й, стр. 54⁰.

[2]) Дневникъ Як. Марковича, изд. „Кіевск. Стар.“, Ш, 32.

[3]) Отрывки французскаго подлинника помѣщены нами въ „Кіевск. Стар.“ 1894 г., ноябрь, стр. 301.

	Въ Савинцахъ.	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портянкѣ.	Въ Олихвировкѣ.
Менѣе зажиточныхъ	57	18	4	12	8
Бѣдныхъ	100	79	70	17	14
Порціоновъ	9	11	12	1	3
Раціоновъ	9	12	13	2	3
					Здѣсь и на хуторахъ прибавлено 2 раціона.

	Въ Опанасовкѣ.	На хуторахъ.
Домовъ	42	24
Болѣе зажит.	5	3
Менѣе зажит.	13	9
Бѣдныхъ	24	12
Порціоновъ	4	2
Раціоновъ	4	2

Въ монастырскомъ селеніи (au village des moines): Совершенно бѣдныхъ домовъ 26. Порціоновъ 2. Раціоновъ 2.

Со времени основанія Глуховской коллегіи до настоящаго времени собрали 247 тысячъ руб. по отчету Скоропадскаго.

23. Я весьма хвалю точность Скоропадскаго, который, при отъѣздѣ изъ Сорочинецъ, далъ письменно нужныя инструкціи своему управляющему (homme d'affaires) относительно своего отца, жены и всего, что касается хозяйства, обязанностей слугъ и содержанія лошадей и др. животныхъ.

Скоропадскій счелъ *храбрецовъ*, находящихся въ различныхъ полкахъ: въ миргородскомъ—судья и его сынъ, сотникъ; въ полтавскомъ писарь Бучановскій (?), эсаулъ (рыжій); въ переяславскомъ Лукашъ Доброницкій; въ лубенскомъ Гамалія; въ прилуцкомъ Грищенко, сотникъ сребрянскій, Стороженко Старшій, но онъ опасливъ; въ нѣжинскомъ Пироцкій, человѣкъ книжный (l'homme d'étude); въ черниговскомъ — сотникъ березинскій Лисенко; въ стародубскомъ Antug...(?)

24. Скоропадскій выѣхалъ изъ Портянки, чтобы нагнать свои вещи въ Харьковѣ.

Миргородскій сотникъ научилъ меня сокрету, какъ поймать всѣхъ чужихъ пчелъ, которыя бросаются на нашихъ пчелъ, унося у нихъ весь медъ. Вотъ какъ нужно поступить: выставить одинъ улей, который нужно смазать для приманки медомъ, потомъ въ отверстіе вставить трубку, а у другихъ ульевъ заткнуть всѣ отверстія. Такимъ образомъ чужія пчелы, влетая черезъ сказанную трубку, не смогутъ уже выйти, потому что трубка, не касаясь другого конца улья, воспрепятствуетъ имъ найти выходъ.

25. Мой Артемъ возвратился съ Никифоромъ изъ Смоленска, пробывъ тамъ 6 недѣль и два дня.

26. Я слушалъ жалобу одного козака изъ Савинецъ по имени Яцко Бородаченко или Нестеренко, который купилъ себѣ лошадь на гадячской ярмаркѣ у мѣщанина, живущаго тамъ, по имени Ярмолы Неревигука, а ее отнялъ у него обуховскій казакъ, Лукіанъ Губріенко. Но его дѣло, кажется, не совсѣмъ справедливо, потому что Ярмола Неревигукъ хочетъ представить одного человѣка въ Крупашовкѣ (Croupachovka), у котораго онъ купилъ названную лошадь. Кромѣ того, Губріенко удалился изъ Гадяча, не ожидая рѣшенія этого спора. Губр. правъ.

Казаки, которые сопровождали меня въ Глуховъ: изъ Савинцевъ: Ярмола Кривовязъ, сынъ Ивана Кривовяза. Леонтій Кузменко. Изъ Хомутца: Остапъ Васильченко, Леско Болбенко. Изъ Поповки: Омелко Визиръ, Иванъ Павлюченко.

Въ Савинцахъ посѣяно: ржи $4^1/_2$ осьмачки въ двухъ мѣстахъ; овса 2 осьмачки, конопли 4 мѣшка, льна 13 мѣшковъ.

27. Я выѣхалъ изъ Савинецъ въ Гадячъ. Былъ у генерала Вейсбаха, отъ котораго узналъ о причинѣ увоза отца Condelier въ Петербургъ. Вотъ эта исторія: такъ какъ онъ былъ настоятелемъ всѣхъ миссіонеровъ, находящихся въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, и былъ облеченъ даже епископскимъ саномъ, то приказалъ одному изъ своихъ собратій, о. Роману, находившемуся на службѣ у французскаго резидента, прекратить всякія письменныя сношенія, которыя тотъ имѣлъ со Швеціей, такъ какъ они могутъ быть предосудительны для государства. Тотъ не хотѣлъ повиноваться ему,

но, вопреки его увѣщаніямъ, написалъ письмо въ Швецію, которое было перехвачено на финляндской границѣ. Вслѣдствіе этого о. Романъ былъ спрошенъ, зналъ ли о томъ его настоятель, на что онъ отвѣтилъ, что объ этомъ должно спросить настоятеля. Такимъ образомъ отецъ Аполлоній былъ вызванъ въ Петербургъ. Злоба, которую о. Романъ питалъ къ о. Аполлóнію, внушила ему этотъ отвѣтъ; а злоба была за то, что генералъ предпочелъ первому послѣдняго, выбравъ его своимъ проповѣдникомъ, такъ какъ не зналъ, что дѣлать съ монахомъ, вовсе не знавшимъ нѣмецкаго языка. О. Романъ когда то былъ въ службѣ французскаго короля въ чинѣ подполковника.

Я проѣхалъ черезъ деревню Хици, расположенную на рѣкѣ Груни и принадлежащую къ Гадячскому замку, потомъ проѣхалъ черезъ Цѣпки, деревню, принадлежащую судьѣ генеральному Чернышу и въ нѣсколькихъ верстахъ за ней ночевалъ.

28. Проѣхалъ черезъ деревню Подолки, принадлежащую Гречаному, и въ милѣ (à une mille) отъ нея остановился на полянѣ для обѣда.

Потомъ проѣхалъ черезъ Ольшану, принадлежащую Сумскому полку, и дальше черезъ Песчаный Бродъ, деревушку, которую Андрей, старшій сынъ Полуботка, получилъ въ приданое за женой. Здѣсь я остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Ночь провелъ въ деревнѣ, подлѣ болота.

29. Проѣхалъ черезъ Терны, и въ 4 миляхъ оттуда остановился на обѣдъ.

Переѣхалъ черезъ рѣку Сеймъ; переправа черезъ нее принадлежитъ императрицѣ, и это мѣсто называется Макшовицы. Здѣсь я заплатилъ перевозчикамъ 56 коп. Сборщикъ, русскій купецъ изъ Нѣжина, Максимъ Алексѣевъ сынъ, угостилъ меня свѣжей рыбой. Остановился подлѣ Вязенки для отдыха лошадямъ.

Проѣхалъ черезъ Вязенку и Холопки, оба селенія принадлежатъ Глуховскому монастырю, и совсѣмъ близко отсюда провелъ ночь, за лье (une lieue) отъ Глухова.

30. Прибылъ въ Глуховъ въ воскресенье утромъ. Сдѣлалъ визитъ прокурору и обѣдалъ у него, выслушавъ обѣдню въ церкви

duchesse de Camp. (?) Вечеромъ сдѣлалъ визитъ бригадиру, гдѣ оставался 3 часа. Въ тотъ же день мнѣ былъ сдѣланъ визитъ полковникомъ Иваненко и госпожей Савичъ.

31. Полковникъ и прокуроръ отправились на охоту. Я пригласилъ на обѣдъ Матвѣя Черняховскаго и Саковича. Князь Четвертинскій посѣтилъ меня утромъ и въ послѣ-полуденное время; бесѣдовали отъ 4 до 5 часовъ. Отъ него я услыхалъ острое словцо Веселовскаго, покойнаго шута короля Яна; онъ говорилъ ему, что польскій король вытиралъ (le cu?) великому князю литовскому; это очень напоминаетъ то, что говорилъ мнѣ кап. (Cap.) Іовъ: Майнцскій курфирстъ, нынѣ правящій, заставлялъ одного дворянина оказывать себѣ подобную услугу. Дорога, по которой я слѣдовалъ, отправляясь въ Глуховъ: Гадячъ, Цѣпки, Ольшана, Терны, Вязенка, Хицы, Подолки, Песчаный Бродъ, Макшовицы (переправа), Холопки, Глуховъ.

Іюнь 1. Авдиторъ сдѣлалъ мнѣ визитъ; потомъ я отправился къ прокурору, отъ котораго узналъ, что наши обязались строить въ Петербургѣ дома и что мой отецъ для спокойной жизни купилъ домъ духовника.

Послалъ просьбу въ коллегію. Передалъ Матвѣю письмо для моего отца, помѣченное 1-мъ іюня.

Жены опальныхъ послали провизію въ Петербургъ своимъ мужьямъ. Прокуроръ прислалъ мнѣ боченокъ пива. Экономъ княгини прислалъ мнѣ пива и меду. Потомъ пришелъ навѣстить меня, а также былъ князь, и затѣмъ Стаховичъ.

2. Былъ у прокурора и по возвращеніи меня навѣстили князь и Романовъ. Саковичъ угостилъ меня свѣжей рыбой, пивомъ и медомъ.

3. Былъ у прокурора и у бригадира, потомъ въ коллегіи. По возвращеніи, навѣстилъ меня князь, котораго я встрѣтилъ, направляясь къ полковнику Бальцеру. Вечеромъ пришли ко мнѣ экономъ княгини, а потомъ Андріашъ.

4. Былъ у бригадира, и собственноручно передалъ письмо моей матери его женѣ. Былъ въ коллегіи и, пообѣдавъ у г-жи Савичъ,

навѣстилъ секретаря на его квартирѣ, а потомъ сдѣлалъ визитъ полковнику Рудякову.

5. Сдѣлалъ визитъ майору Кроковскому, потомъ майору Молчанову и прокурору. Кроковскій посѣтилъ меня послѣ полудня. Получилъ наши бумаги отъ Булгакова. Надѣинъ, Кремеповъ и Самсоновъ, въ сопровожденіи еще одного лица, навѣстили меня.

6. Воскресенье. Былъ у бригадира и у прокурора и простился съ ними. Потомъ пошелъ въ церковь и послѣ того навѣстилъ Саковича, М-г Мишеля, секретаря Артельнаго, войта почепскаго Гавріила Никифорова сына Лукина, которому я адресовалъ письмо для моего отца, помѣченное сегодняшнимъ числомъ. Обѣдалъ у г-жи Савичъ, сдѣлавъ послѣдній визитъ Левенцу. Наконецъ, выѣхалъ изъ Глухова, проѣзжая 7-го числа черезъ Холопки, Путивль, Грузкую, 8-го Вовковцы, Лучки, Вязюнку, Били Береги, Смѣлу, Русановку. Прибылъ въ Сорочинцы.

9. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха, написанное моей матери, на которое я отвѣтилъ его превосходительству тотчасъ же. Въ то же время написалъ письмо отцу.

10. Видѣлъ представленіе комедіи черниговскими учениками.

Молнія ударила въ колокольню Николаевской церкви, разбила крестъ и повредила два столба.

12. Слушалъ тяжбу между Тищенкомъ изъ Савинецъ и Матвѣемъ Карпенкомъ, живущимъ въ Павловкѣ, въ Гадячскомъ повѣтѣ, по поводу земель, которыми владѣетъ Тищенко по правамъ своей жены. Изслѣдовавъ дѣло, я рѣшилъ этотъ споръ въ пользу Тищенка, которому присудилъ спорныя земли за то, что онъ содержалъ свою тещу, оставленную сыномъ, вплоть до ея смерти. Этотъ сынъ—отецъ Карпенка. Впрочемъ, я приказалъ уплатить въ пользу Карпенка судебныя издержки, на которыя онъ потратилъ 6 гривенъ съ присоединеніемъ 3 золотыхъ; эти деньги удержалъ мой войтъ (Baillif) до разрѣшенія дѣла, но уплатить подъ тѣмъ условіемъ, что Карпенко уступитъ свои права на сказанныя земли.

13. Мой братъ вернулся изъ Переяслава.

14. Денисевичъ прибылъ въ Сорочинцы въ сопровожденіи молодого человѣка, Григорія Дробицкаго, племянника харьковскаго полковника.

15. Видѣлся съ своей матерью въ Хомутцѣ, и, бесѣдуя по дорогѣ съ Денисевичемъ, узналъ отъ него причину опалы покойнаго полковника изюмскаго Захаржевскаго: онъ присваивалъ себѣ дорожныя пошлины (péages), и объ этомъ донесъ капитанъ Чирковъ.

По возвращеніи изъ Хомутца осмотрѣлъ пчелъ. Ихъ оказалось: старыхъ ульевъ 122, молодыхъ 78.

Вдова Якова, нашего слуги, бывшая потомъ замужемъ за маляромъ Дмитріемъ, выкрасившимъ мой экипажъ, умерла отъ чахотки.

17. Навѣстилъ брата въ Портянкѣ. Моя жена, въ сопровожденіи его жены, по выходѣ изъ воды при купаньи чуть было не упала въ ровъ.

Возвращаясь изъ Портянки, получилъ по дорогѣ письмо отъ лубенскаго полковника относительно рябой лошади, которую хотѣлъ бы купить прокуроръ. Уладилъ споръ Марьи Хведорихи, крестьянки изъ Поповки, съ ея племянниками изъ-за части лѣса, которую, по утвержденію Марьи, она получила въ наслѣдство отъ своей матери, передъ смертью той. Но она не могла выставить свидѣтелей, кромѣ одного сапожника, Яремы Крученка, уроженца борзенскаго. Потомъ оказалось, что не мать, а братъ ея Юско уступилъ ей часть лѣса. Наконецъ, такъ какъ дѣти Юска не желали лишать свою тетку того, что завѣщалъ ей ихъ отецъ, я утвердилъ за ней владѣніе названнымъ кускомъ лѣса, уступленнымъ ей ея племянниками, и запретилъ ей въ тоже время захватывать наслѣдство племянниковъ.

18. Иванъ Смола, потоцкій атаманъ, принесъ мнѣ двухъ козуль.

19. Въ субботу навѣстилъ свою мать въ Хомутцѣ. Она перемѣнила два слова въ моемъ отвѣтѣ лубенскому полковнику: лошадь нельзя ни подарить, ни продать. Самъ я на это не рѣшился.

20. Моя мать купила котелъ для пива у одной миргородской женщины, по имени Климихи, вѣсомъ 3 камня за фунтъ 25 коп. Всего 30 руб.

21. Возвратился изъ Хомутца въ Сорочинцы и узналъ отъ своего войта, что былъ такой сильный дождь, что всѣ улицы въ Савинцахъ были затоплены, и потонуло много свиней и телятъ. Пчелы, поставленныя на вершинѣ холма, были унесены дождевыми потоками, свергавшимися съ холма.

22. Былъ въ Савинцахъ.

23. Ѣздилъ въ Хомутецъ.

24. Моя мать пригласила обѣдать игумена Исаію Антоневича изъ Ковинскаго (de Kowin) монастыря, близь Буды, столицы Венгріи. У него былъ паспортъ отъ митрополита, живущаго въ Карловицѣ, Викентія Поповича. Онъ говоритъ, что въ Венгріи только одинъ православный монастырь, основанный старинными сербскими деспотами, которые поддерживали хорошія отношенія съ венгерскими королями путемъ взаимныхъ браковъ.

25. Одинъ козакъ изъ охочекомоннаго полка явился въ Хомутецъ требовать обратно свою бѣлую лошадь у моей матери; эту лошадь мой отецъ приказалъ взять у него 3 года тому назадъ вмѣстѣ съ своей собственной, которую нашли у его брата, Савки Стеслицкаго. А этотъ козакъ называется Стафанъ Стеслицкій. Онъ купилъ лошадь нашего завода арабскихъ лошадей отъ нѣкоего Стефана Бурки, живущаго въ Китай-городѣ. Онъ (Бурка) въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ въ Лукомлѣ, гдѣ его поймали въ воровствѣ.

27. Мы отправили нашего войта изъ Савинецъ въ Петербургъ.

28. Моя мать дала 4 рубля за лошадь и 1 рубль за сѣдло Стефану Стеслицкому. Навѣстилъ своихъ пчелъ, и тамъ узналъ отъ сына пасѣчника, что трава съ маленькими бѣлыми цвѣтами, растущая подлѣ прудовъ и называемая вехъ, губитъ овецъ, если тѣ поѣдятъ ее.

Іюль 1. Мы отправили Лискевича въ Польшу. Моя мать дала ему на дорожныя издержки 20 рублей и пять золотыхъ дукатовъ. Она дала еще 4 рубля Ястржембскому, который утверждаетъ, что потерялъ свои деньги, когда въ прошломъ году былъ посланъ въ Польшу.

Нужно замѣтить, что тотъ, кто имѣетъ право выкупа родового имѣнія, кромѣ того что уплатитъ за выкупъ отчужденнаго имѣнія не обязанъ возмѣщать издержки, въ которыя могъ войти покупатель. Но тотъ, кто продаетъ землю безъ вѣдома своихъ родственниковъ какому-нибудь чужеродцу (étranger), обязанъ уплатить (bonifier) ему издержки.

2. Былъ въ Сорочинцахъ, далъ 5 рублей маляру и къ вечеру возвратился въ Хомутецъ.

3. Въ польскомъ правѣ есть три основанія, по которымъ нельзя исполнять должность судьи, именно: рожденіе, право, полъ. По рожденію—тотъ не можетъ быть судьей, кто находится въ бѣшенствѣ, безуменъ, лунатикъ, нѣмъ, слѣпъ, глухъ и моложе 21 года. По праву исключаются изъ судебной должности—отлученные отъ церкви (maudits), банниты, схизматики, евреи, безчестные люди, незаконнорожденные, такъ какъ неприлично облекать какимъ-либо достоинствомъ человѣка, чѣмъ нибудь запятнаннаго.

Женщины исключены изъ всѣхъ должностей.

4. Крестьяне изъ Черевковъ завели споръ изъ-за полей съ крестьянами Поповки. Послѣдніе захватывали земли первыхъ, не довольствуясь раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ. Наконецъ, судья примирилъ противниковъ, приказавъ имъ удовлетвориться произведеннымъ раздѣломъ. И такъ какъ черевковскіе крестьяне все еще продавали общія поля, то онъ запретилъ имъ дальнѣйшую продажу, ссылаясь на договоръ, состоявшійся между крестьянами, въ силу котораго всякій вправѣ косить и пахать, гдѣ ему угодно, однако безъ присвоенія себѣ и малѣйшаго клочка земли.

Крестьянинъ изъ Поповки, Гаврило Полиеенко (?) жаловался на то, что его лугъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ скошенъ въ нашу пользу, былъ еще скошенъ и другими. Потому мы приказали ему, я и судья, забрать все сѣно, которое получилось съ его луга, у того, кто оказался настолько дерзокъ, что косилъ безъ позволенія; а если владѣлецъ луга сжалится надъ этимъ человѣкомъ, то пусть возьметъ третью или четвертую часть. Младшій сынъ Стешенка изъ Хомутца принесъ жалобу на то, что его

старшій братъ постоянно повреждаетъ фруктовыя деревья въ саду, завѣщанномъ ему отцемъ, всегда проходя черезъ этотъ садъ, и для доказательства, что его отецъ завѣщалъ ему названный фруктовый садъ, онъ показалъ завѣщаніе, которое было въ надлежащемъ видѣ, за исключеніемъ того, что было нѣсколько словъ, написанныхъ внѣ строки, что весьма подозрительно въ завѣщаніи. Старшій сынъ Стешенка дѣлалъ это по злости, и я запретилъ ему, подъ страхомъ наказанія, проходить черезъ садъ безъ позволенія брата.

Я ввелъ савинецкаго козака Стефана Остапенка, во владѣніе землей, которую онъ купилъ у одного крестьянина изъ Ольхвировки, послѣ того какъ его сестра уступила эту землю. Ставищенки, за двоюроднымъ братомъ которыхъ была его сестра, имѣя претензію изъ-за этого, бросили ему (Остапенку) назадъ деньги, и онъ принужденъ былъ взять ихъ по приказу сорочинецкаго сотника. Но я отмѣнилъ это постановленіе, присуждая названную землю Стефану Остапенку, ибо онъ состоитъ ея владѣльцемъ уже десять лѣтъ, по его объясненію.

Судья выѣхалъ въ Голтву, а мы поѣхали въ степь. Моя мать приказала мнѣ спросить у пастуха, сколько овецъ въ Стовбинской кошарѣ и онъ сказалъ мнѣ, что тамъ ихъ 780.

Конюхъ призналъ одного русскаго крестьянина среди нашихъ извозчиковъ Ивана Никитина, котораго извозчикъ Никита Чумаченко послалъ съ нами вмѣсто себя, какъ своего наймита (mercenaire). Мы тотчасъ отослали его назадъ въ Сорочинцы подъ надежной стражей. Этотъ русскій называетъ себя уроженцемъ окрестностей Бѣлева, принадлежащихъ какому то сержанту (à un serg), его зовутъ Иванъ Григорьевъ, служилъ сначала Бару, потомъ Иршенку и затѣмъ Чумаченку.

5. Хомутецкіе косари начали косить; я ихъ видѣлъ.

6. Такъ какъ крестьяне Поповки, Черевковъ и Бакумовки (Pop., Czerew. et Bak) не могутъ уладиться между собой, то я послалъ Александра съ миргородскимъ войтомъ и одного козака, Мамерича, въ качествѣ коммиссаровъ, которые приказали имъ удовлетвориться раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ.

Крестьяне (подданные) Поповки и Бакумовки начали косить. Мой братъ къ вечеру пріѣхалъ въ степь.

9. Я извлекъ изъ итальянской книги Teatro politico ceremoniale слѣдующія мѣста: (*Слѣдуетъ выписка*).

Получилъ письмо отъ Скоропадскаго, помѣченное Мигулинскимъ монастыремъ.

10. Кулябка съ женой пріѣхали въ степь.

11. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Les filles errantes: (*Слѣдуетъ выписка*).

13. Кулябка уѣхалъ въ Лубны, а Ломиковскій въ Шахворостовку.

Написалъ письмо капитану Штоффелю.

14. Навѣстилъ въ Еркахъ косарей, которыхъ было 37. Пришло 15 косарей изъ Черевковъ, которымъ я показалъ мѣсто, гдѣ они должны косить.

15. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи La coquette.

Мѣста изъ Ceremoniale Historico Politico

16. То-же самое.

17. Моя мать дала $2^1/_2$ руб. нашему конюху, чтобы былъ уплоченъ его долгъ сотнику Сѣнчанскому, сынъ котораго пришелъ съ жалобой на то, что конюхъ не уплатилъ долга.

Мы отправились въ Шахворостовку.

Число всѣхъ косарей: въ Хомутцѣ 120, Поповкѣ 200, Бакумовкѣ 40, Черевкахъ 15, Еркахъ 38, Зубовкѣ 30, Сорочинцахъ 22.

18. Получилъ въ Шахворостовкѣ письмо (пропускъ въ текстѣ), писанное моему отцу, въ которомъ онъ требуетъ назадъ лошадей, взятыхъ въ Хомутцѣ отъ крѣпостныхъ его господина за то, что хотѣли увезти жену вора (пропускъ въ текстѣ) по ту сторону Днѣпра.

Мой братъ прибылъ съ своей женой.

19. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха съ приложеніемъ кипы газетъ. Вотъ извлеченіе изъ нихъ: (*Слѣдуетъ выписка*).

20. Мы выѣхали изъ Шахворостовки: я и мой братъ въ степь, а наша матушка въ Хомутецъ.

21. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Ésope: (*Слѣдуетъ выписка*).

Сегодня утромъ начали стричь ягнятъ. Ихъ 1020.

Моя мать прибыла изъ Хомутца въ степь.

22. Мѣста изъ второй книги Ceremoniale Historico Politico: (*Слѣдуетъ выписка*).

23. Получилъ отвѣтъ отъ генерала Вейсбаха относительно газетъ, которыя я отослалъ ему назадъ.

24. Моя мать отправилась въ Шахворостовку вмѣстѣ съ моей женой.

Мѣста, извлеченныя изъ комедіи Deux Arlequins. (*Слѣдуетъ выписка*).

25. Отправились въ Шахворостовку, были тамъ у обѣдни, пообѣдали и поѣхали въ степь.

26. Выѣхалъ со степи и прибылъ въ Сорочинцы.

Моя мать подарила Ломиковскому мальчика (?) (d'un Roussin) въ возрастѣ четырехъ лѣтъ.

27. Отправился съ женой и дѣтьми въ Савинцы вмѣстѣ съ Григоріемъ и Лукой.

28. Мѣста изъ Ceremoniale Histor. (*Слѣдуетъ выписка*).

Генералъ Вейсбахъ черезъ капрала Псковскаго полка, по имени (пропускъ въ текстѣ), прислалъ намъ пакетъ съ письмами отъ моего отца съ присоединеніемъ паспорта отъ князя Меншикова для моей поѣздки въ Петербургъ.

29. Выѣхалъ въ Гадячъ.

30. Былъ у генерала Вейсбаха, гдѣ обѣдалъ, потомъ выѣхалъ изъ Гадяча и поздно ночью прибылъ въ Сорочинцы.

Августъ 1. Выѣхалъ въ Ахтырку и ночевалъ за Груньюю.

2. Прибылъ въ Ахтырку и выѣхалъ въ тотъ же день, пообѣдавъ у князя Голицына.

3. Проѣхалъ черезъ Гадячъ и, простившись съ генераломъ, поздно пріѣхалъ въ Сорочинцы.

4. Прочелъ у Петронія слѣдующіе стихи Нерона:

Въ тотъ мигъ, когда насъ посѣщаетъ скорбь
Нужно утопить горе въ фалернскомъ винѣ
И говорить безпрестанно: Рабъ, наливай вина!

9. Стрижевскій, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Уласомъ купилъ упряжку въ нашемъ заводѣ арабскихъ лошадей; далъ за это 900 флориновъ. Пархоменко съ другими полтавскими купцами далъ моей матери 4 рубля, обязываясь уплатить за все масло, по $4^1/_2$ флорина за камень, вѣсомъ въ 36 фунтовъ.

10. Я и братъ приказали взвѣсить серебряныя вещи нашего отца.

Вѣсъ и количество серебряной столовой посуды.

Фляша сребрная вѣсу гривенъ 6, лотовъ 12 и 1 золотникъ. Чара вѣсу ровно гривенъ 5. Куманъ вѣсу гривенъ 8 безъ едного лота. Пугаръ гладкій вѣсу гривна 1 и 12 лотовъ. Пугаръ пестрозлоцѣстий гривна 1, лотовъ десять безъ золотника. Два малыхъ гладкихъ пугаровъ вѣсу въ обоихъ гривенъ 2, лотовъ шесть. Два кубковъ пестрихъ вѣсу гривна 1 и девять лотовъ безъ золотника, кубковъ въ карпю лускgнѣкомъ 21, вѣсу во всѣхъ гривенъ 12. Кубковъ вибиванихъ съ пуклями, вѣсу въ нихъ гривенъ 3 и 4 лота. Кубочокъ такой же работы съ пуклями лотовъ осмь. Кубочковъ два зъ мушлями (sic) гривна одна и два лота. Чарочокъ горѣлчанихъ подъ цапу 12, а другихъ гладкихъ подъ бляхмалъ визолоченихъ 12, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 4 и пять лотовъ. Чайникъ еденъ вѣсу гривенъ 3 и 5 лотовъ безъ золотника. Тарелокъ 12, вѣсу гривенъ 14 и осмъ лотовъ. Пушка на цукоръ вѣсу гривна 1 и осмь лотовъ. Ложечокъ маленкихъ (пропускъ въ текстѣ) вѣсу 12 лотовъ. Ножовъ паръ 5, вѣделокъ 5, вѣсу гривна 1 и дванадцать лотовъ. Ложокъ зъ одливаними шталями 25, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 9. Ложокъ зъ еленями 9. Вѣсу въ нихъ гривенъ 2 и 3 лота безъ 1 золотника. Ложекъ нѣмецкихъ гладкихъ 36, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 14 и 6 лотовъ. Ложокъ кіевской роботи гладкихъ 24, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 6 и 6 лотовъ и 1 золотникъ. Великая креденсовая ложка, вѣсу въ ней гривна 1 и 3 лоти. Менша креденсовая ложка,

вѣсу въ ней 11 лотовъ. Таць двѣ срѣбрнихъ, вѣсу въ нихъ (не обозначено въ текстѣ).

Списокъ моего серебра съ обозначоніемъ вѣса.

Большой подсвѣчникъ вѣситъ 2 марки (marcs) и полъ унціи. Письменный приборъ съ подсвѣчникомъ и приборомъ для пудренія (le poudrier)—1 марка и 1 унція. Кофейникъ—2 марки $6^1/_2$ унцій и 1 треть. Маленькій чайникъ—2 марки безъ трети. Большой чайникъ—2 марки безъ трети. Два маленькихъ подсвѣчника—2 марки безъ полъ-унціи. Дюжина ложекъ—3 марки безъ трети. Малыя ложки—4 унціи. 8 ручекъ къ ножамъ—$1^1/_2$ марки. 7 вилокъ—1 марка и 1 унція. 4 малыхъ блюдца—1 марка. Шесть чашекъ (taces)—1 марка и $1^1/_2$ унціи. Малый кубокъ (pot) съ крышкой—1 марка и 3 унціи. Блюдо—3 марки. Щипцы—$2^1/_2$ унціи.

Списокъ сбруи и сѣделъ.

Рондзѣкъ турецкій съ поднаперсемъ и подогоннемъ. Рондзѣкъ съ поднаперсемъ безъ подогоння, якее Ромазанъ стратилъ.—Рондзѣкъ съ поднаперсемъ и зъ пидогоннемъ, на сафіянѣ сажени.—Кулбакъ оправнихъ 2, една червоная аксамитная, другая жовтая суконная съ платами и покровцями.—Сагайдаковъ 2, еденъ новій подъ бляхмалемъ, другий старий подъ позлотою.—Шабель двѣ, една зъ асписовимъ ренконстемъ; друга—зъ полскимъ крижемъ.

16. Получилъ отъ матери на дорогу въ Петербургъ 400 рублей, еще получилъ отъ нея на конфекты 12 червонцевъ. Она возвратила мнѣ то, что я издержалъ въ Ахтыркѣ, давъ 5 червонцевъ и еще дала 10 червонцевъ для того, чтобы у меня было ровно 200 серебряныхъ рублей, которые мы получили за 6 упряжныхъ лошадей, и изъ которыхъ уже не хватало 20 руб.

17. Выѣхалъ изъ дому въ С.-Петербургъ. Провелъ ночь въ Савинцахъ.

18. Хвеско принесъ слѣдующій списокъ нашихъ конскихъ заводовъ и нашего скота:

Въ хуторѣ Стовбинскомъ стада панского: Коней самихъ 176, кобилъ 49, лошатъ 29, стрижчатъ 24, комлицкихъ кобилъ 6, комлицкихъ коней 53, итого всего 337. Въ томъ же хуторѣ коровъ дойнихъ 32, телятъ 32, коровъ яловихъ 44, бугаевъ 6, итого всего 114. Въ хуторѣ Глобинскомъ стада панского: кобилъ 216, стрижчатъ 82, лошатъ малихъ сеголѣтнихъ 98, итого всѣхъ 396. Въ томъ же хуторѣ телицъ 48. Въ Пустовойтовомъ: биковъ 160. Въ Кибинскомъ: коровъ дойнихъ 38, телятъ 39, коровъ яловихъ 49, бугаевъ 4, всего того 130. Въ томъ же Кибинскомъ моего товару: коровъ дойнихъ 50, телятъ 48, бугаевъ 4. Въ Новачисѣ Павлусевого стада: кобилъ зъ дриґантами 74, стрижчатъ 19, лошатъ 22. Итого всего 115. Тамъ же товару: воловъ 48, коровъ дойнихъ 41, телятъ 38, коровъ яловихъ 14, телицъ третячокъ 18, бугаевъ 4. Въ Пустовойтовомъ Павлусевыхъ же: биковъ 44. Въ Глобиномъ его жъ: телицъ 14. Итого всего 221. Овецъ панскихъ всѣхъ по розанихъ хуторахъ 2000, зъ которихъ мнѣ едну тисячу панѣ отдѣлила.

Ягнятъ сеголѣтнихъ панскихъ 1000.

Моя мать хотѣла удѣлить на мою часть 100 кобылъ, изъ которыхъ у половины были бы годовые жеребята, а у другой половины двухгодовые.

19. Выѣхалъ изъ Савинецъ и ночевалъ въ деревнѣ по сю сторону Лучекъ, гдѣ козакъ Василій Охрименко принесъ мнѣ сотоваго меду.

20. Выѣхалъ изъ того мѣста, гдѣ ночевалъ, и остановился на обѣдъ по сю сторону Лучекъ. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Лучки, а потомъ мимо Русановки, гдѣ наши лошади чуть было не утонули въ болотѣ, подлѣ котораго мы ночевали.

21. Мы рано выѣхали и остановились на обѣдъ у поляны, принадлежавшей покойному Зеленскому.

Послѣ обѣда проѣхали Оксютинцы и ночевали подлѣ Будокъ, принадлежащихъ Несторовичу. Передъ Оксютинцами мы получили письмо отъ прокурора касательно одного мастера, который умѣетъ строить хаты (maisons), на манеръ той, которая находится въ нашей овчарнѣ (bergerie).

22. Провели весь день подлѣ Будокъ, выпивъ до излишества.

23. Разстался съ своей женой и братомъ, потомъ проѣхалъ черезъ Будки, черезъ Смѣлое и остановился на обѣдъ на полянѣ около Ромна. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Терновское болото, потомъ черезъ Грузкую, черезъ Красненское болото, черезъ деревню Козацкую и, наконецъ, провелъ ночь въ полумилѣ отъ сказанной деревни.

24. Всталъ до восхода солнца и переѣхалъ рѣку Сеймъ въ въ Мутинѣ въ двухъ мѣстахъ. Потомъ проѣхалъ Мутинъ, Ярославецъ и остановился для ночлега подлѣ мельницы Павловскаго, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Глухова.

25. Прибылъ въ Глуховъ и тотчасъ же былъ у прокурора, потомъ привѣтствовалъ бригадира въ коллегіи, гдѣ далъ объясненіе (je donnai une donossenie) касательно упряжныхъ лошадей.

26. Прокуроръ далъ мнѣ паспортъ, потомъ пригласилъ на обѣдъ; послѣ обѣда я простился съ нимъ. Савинецкій войтъ (le baillif de S) возвратился.

27. Простился съ бригадиромъ, съ герцогиней de Camp.. (?), потомъ съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Глухова.

Расходы, сдѣланные мною послѣ того какъ разстался съ братомъ:

Далъ г. Лукѣ червонцевъ 5, Удеру (à Uder?) одинъ дукатъ 1, слугамъ, оставшимся съ моей женой, 3 рубля; на мясо 18 коп.; нищимъ и на пиво 8 коп., на хлѣбъ 6 коп., за налаживаніе париковъ 30 коп., банщикамъ (aux baigneurs) 4 коп., почтарямъ (aux postillons) 1 руб. 8 коп., на вино 1 руб. 50 коп., на рыбу 22 коп., за рогожу (pour une mate) 12 коп., за боченокъ 4 коп., за телѣгу 98 коп., за наварку топора 4 коп., за буравъ (foret) 8 коп., за колесо 4 коп., за два малыхъ подосника (bares) 3 коп., за склейку сломаннаго стакана 2 коп., за мѣдный горшокъ 60 коп., стремянному (au palefrenier) 20 коп., на вино 16 коп., за колесо въ Товстодубовѣ 10 коп., почтарямъ въ Есмани на водку 3 коп.

Дорога отъ Глухова до Москвы. Глуховъ. В. 14. Есмань В. 17. Товстодубовъ. Ночлегъ. Мы заплатили здѣсь за двѣ оси и за два подосника 11 коп.

Мы доплатили здѣсь остальное почтарямъ серебромъ, именно рубль 36 коп.

28. Кузнецу за гвозди 2 коп. В. 35. Сѣвскъ. Ночлегъ. Посѣтилъ полковника Чернышева. Мы потратили здѣсь: Глуховскимъ почтарямъ 4 коп., слугамъ названнаго полковника 20 коп., на овесъ 5 коп., за мѣшокъ 3 коп., на сѣно 1 коп., Сѣвскимъ почтарямъ за 210 верстъ по 2 к. 1 рубль 68 коп. (sic).

29. 21 в. Обѣдали подлѣ моста. 30 в. Селеніе Домаха, принадлежащее волошскому господарю. Ночлегъ. Въ Сѣвскѣ на варъ (de poix de bouleau) 6 коп., на сѣно 1 коп., на овесъ 6 коп., на сѣно 2 коп.

30. 10 в. Дмитровка, принадлежащая тому-же господарю. На варъ 6 коп. На хлѣбъ и соль 4 коп. 10 в. Остановились среди кустарниковъ на обѣдъ. Послѣ обѣда 2 в. Лубенки, принадл. полковнику Тараканову. 3 в. Крупична графа Головкина. 2 в. Чуварино (Czuwaryna) Сенявина. 15 в. городъ Кромы. 2 в. Розсыльное (Rozsylna). Ночлегъ. На овесъ 4 коп. Солдатамъ въ Кромахъ Поповичу и Аѳанасію 4 коп.

31. Шахово князя Трубецкого. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку Оку, а потомъ черезъ ручьи Кубръ, Рыбянку, 30 в. Орелъ. За курицу 2 коп., за 12 яицъ 2 коп., за яблоки 4 коп., за квасъ 2 коп., и 3 полушки; за хлѣбъ 1 коп. Послѣ обѣда переправились черезъ ручьи: Оптуху (Obtucha) и Лысицу (Lysica) и, будучи застигнуты ночью, переночевали здѣсь, въ 25 верстахъ отъ Орла. (*Слѣдуетъ пропускъ незначительныхъ свѣдѣній о дорожныхъ издержкахъ*).

Дорога отъ Глухова въ Москву съ указаніемъ числа верстъ. Глуховъ. 14. Есмань. 17. Товстодубовъ. 35. Сѣвскъ. 21. Мостъ (Pont) 30. Домаха. 10. Дмитровка. 12. Лубенки. 3. Крупична. 2. Чуварино. 15. Кромы. 2. Розсыльное. 3. Шахово. 30. Орелъ. 28. Думчино. 10. Мценскъ. 10. Потриково. 10. Скуратово. 15. Малое Скуратово (Szkuratowa machenka). 20. Плава. 15. Лапотково. 5. Солово. 25. Ясная Поляна. 17. Тула. 3. Горѣлки. 7. Богучарово. 5. Тулище. 15. Вашана. 3. Телѣгино. 2. Антоново. 5.

Каменка. 10. Заводы. 5. Микола (Mikoła). 5. Городна. 10. Липецъ. 3. Ока. 2. Серпуховъ. 3. Паниковка. 4. Московка. 2. Кузьминка. 8. Сухая Лопасня. 5. Чепелево. 4. Красные Холмы. 1. Алексѣевка. 5. Молоди. 17. Кутузово. 3. Пахра. 5. Сырово. 1 1/2. Молодцы. 9. Абицы. 5. Городня. 5. Голубенки. 1. Чартаново. 8. Москва. Всего 500.

14. Слушалъ обѣдню въ Богоявленскомъ монастырѣ. Дочери Левенца 60 к. Священникамъ-арестантамъ (aux prêtres prisonniers) 1 к. 5 аршинъ сукна 7 р. 50 к.

15. Портному на прикладъ (garniture) къ шинели (manteau) 70 к. Серебряная шпага 11 р. 15. Перевязь (baudrier) 70 к.

17. Шляпка (bonnet) для моей жены 4 руб., шелковые чулки 2 р. 70 к., 2 пары шерстяныхъ чулокъ 43 к., du rach 90 к., за 1 четверть бархата 75 к. Туфли 30 к. за платяныя щетки 7 к., за пару куньихъ шкурокъ (martes) для г-жи Ломиковской 2 р. 50 к. Capres de l'argent моего брата 1 р. 95 к., за 2 билліардныхъ шара съ молотками и кіемъ (Pour deux *billes* avec une masse et une queue) 3 р. 50 к.

18. Парикъ 3 золотыхъ дуката. За налаживаніе моихъ париковъ 70 к.

Я пригласилъ обѣдать Горленка, Гамалію, Поставскаго Юрія и разныхъ другихъ лицъ. Вечеромъ посѣтилъ меня сынъ полковника Пантелеймонъ (Pantelemon). Купилъ для своего отца одноколку (chaise rulante) за 14 р.

19. Портному за фасонъ шинели (pour la façon du manteau) 1 р. 20 к. Сапожнику за пару сапогъ и за пару башмаковъ 2 р. 70 к. За двѣ куньихъ шкурки для моего брата 2 р. 75 к.

20. 13 фунтовъ имбирю по 70 к. фунтъ 9 р. 10 к., 5 фунтовъ гвоздики по рублю фунтъ—5 р., 5 фунтовъ мелкихъ лимоновъ по 80 к. фунтъ—4 р., за боченки 30 к., за конфекты (des sucres) для моихъ дѣтей 80 к. Двѣ русскихъ книги 80 к. Мѣшочекъ для волосъ 21 к. Бутылка элексира 24 к.

23. Съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Москвы и провелъ ночь въ Всесвятскомъ—4 версты,—принадлежащемъ царевичу Имеретинскому.

(*Опускаются числа 24 сент.—14 октября, какъ заключающія въ себѣ лишь незначительныя свѣдѣнія о дорожныхъ издержкахъ*).

15. 35 в. С.-Петербургъ. Благодаря Бога, нашелъ своего отца въ добромъ здравіи. Жураковскій, Лизогубъ, Валькевичъ, Корецкій, Грабянка навѣстили моего отца.

16. Мы были у князя Меньшикова. Прибылъ мой багажъ.

17. Утромъ мы посѣтили Бассевича. Оттуда я пошелъ передать письма князю Меньшикову. Послѣ обѣда насъ посѣтили Корецкій, Валькевичъ, обозный черниговскій, Лаврентій Ханенко, Вишневскій, Матвѣй (Math. ?).

18. Мы имѣли честь засвидѣтельствовать наше почтеніе его королевскому высочеству, герцогу Голштинскому.

Отправилъ письма Бандемиру (Bandemir). За то, что смотрѣли льва, персидскихъ кошекъ, двухъ черныхъ волковъ 15 к. Валькевичъ, Герцикъ и Армашенко были у моего отца.

19. Былъ при дворѣ князя, у Кочубея, потомъ былъ на почтѣ и, проходя, видѣлъ слона. 2 полка гвардіи упражнялись въ стрѣльбѣ изъ мушкетовъ въ присутствіи Ея Величества. На этомъ парадномъ ученіи присутствовалъ также царевичъ грузинскій.

20. Былъ у Бассевича, у духовника, на почтѣ, гдѣ заключилъ условіе съ г. Ашемъ (Asch) на полученіе французскихъ газетъ въ теченіе всего года, что обойдется мнѣ въ 14 р.

21. Былъ у Бассевича, при дворѣ князя Меньшикова, у Потемкина (Potempkin). Послалъ Ашу 14 р., чтобы весь годъ имѣть французскія новости, и далъ 1 р. 20 к. за индійскую трость.

22. Никуда не выходилъ со двора. Бунчужный, Корецкій и Валькевичъ навѣстили моего отца.

23. Былъ при дворѣ князя Меншикова, гдѣ видѣлъ графовъ Головкина и Толстого, Матвѣева, Ягужинскаго и генерала Брюса.

24. Обѣдали у князя Голицына, потомъ я былъ на почтѣ.

25. Отправили наши письма на Украйну съ Грабянкой, который поѣхалъ на Украйну съ Валькевичемъ и Корецкимъ. Былъ у князя Меньшикова, гдѣ видѣлъ Мамонова.

26. Мой отецъ пригласилъ Бибикова обѣдать.

27. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ фунтъ кофе 60 к. Я пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Лисеневича. Къ вечеру Шидловскій посѣтилъ моего отца.

28. Мой отецъ пригласилъ обѣдать Ливена. Передъ вечеромъ Обидовскій былъ у насъ въ сопровожденіи Лисеневича. Потомъ посѣтилъ меня M-r Mathieu.

29. Пригласилъ обѣдать Армашенка, который принесъ мнѣ словарь де-Поме; я заплатилъ за него 4 р. 68 к. Былъ у Шидловскаго.

30. Былъ у князя, гдѣ видѣлъ Бассевича; возвращаясь, пригласилъ обѣдать Бандемира и Ливена.

31. Андрею (à Mr André) 1 р. Мой отецъ пригласилъ къ обѣду Якимовича; послѣ обѣда былъ съ визитомъ Данило Перехристъ, потомъ Лисеневичъ доставилъ двумѣстную коляску (une chaise) и одноколку (une chaise roulante); мы усѣлись туда и вечеромъ отправились въ домъ Прокоповича, который принялъ насъ очень любезно. Празднество (le festin) кончилось угощеніемъ закусками и напитками (un régal de rafraichissements).

Ноябрь 1. Видѣлся съ Mr Mathieu.

2. Былъ у князя. Мировичъ, пришедши къ намъ, провелъ ночь въ нашей квартирѣ.

3. Былъ у Mr Mathieu, гдѣ договорился съ однимъ французомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ барометръ за 3 р. 10 к., и далъ 1 р. въ задатокъ.

4. Никуда не выходилъ.

5. Никуда не выходилъ.

6. Былъ у князя Меньшикова, который пригласилъ къ обѣду герцога Голштинскаго, а также иностранныхъ пословъ по случаю дня своего рожденія.

7. Былъ у кн. Меньшикова. Онъ опять пригласилъ обѣдать адмирала принца Гессенъ-Гомбургскаго и много другихъ знатныхъ особъ.

8. Мы были у адмирала. Я пригласилъ къ обѣду Потемкина.

9. Видѣлся съ Mr. André. Посѣтилъ могилу Его Величества.

10. Видѣлся съ Mr. André; потомъ отправился на Васильевскій островъ и, не заставъ князя Меньшикова, возвратился къ себѣ на квартиру. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ новгородскому архіепископу, но я не засталъ его дома.

11. Никуда не выходилъ. Жураковскій, бунчужный и Шидловскій навѣстили моего отца; послѣдній обѣдалъ у насъ. Къ вечеру Mr Mathieu въ сопровожденіи придворнаго пѣвчаго посѣтилъ меня.

12. Посѣтилъ Mr. André. Отецъ далъ мнѣ 10 руб.

13. Былъ у Mr. André, чтобъ поручиться за него (pour y en faire caution), но ихъ дѣло было отложено. Ханенко ночевалъ у насъ.

14. Слушалъ обѣдню въ церкви князя. Къ вечеру отправился въ сенатъ, гдѣ поручился за Mr André, и привелъ его въ свою квартиру.

15. Былъ съ отцемъ у князя; отецъ подалъ ему просьбу.

16. Mr. Mathieu пригласилъ насъ къ обѣду; мы оставались тамъ далеко за полночь. Проигралъ au lot 60 к.

17. Купилъ серебряную пряжку къ галстуху за 1 р. 20 к.

18. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его. Посѣтилъ Ливена.

19. Отправилъ письма на Украйну съ Молявкой, онъ уѣхалъ только на слѣдующій день. Былъ у Вишневскаго.

20. Приторговалъ мѣру вина за 5 р. Купилъ у разносчика мраморный письменный приборъ съ песочницей за 60 к.

21. Mr. André читаетъ молитвенникъ—это необычайная вещь. Отецъ далъ мнѣ страшный нагоняй по поводу пира у молодыхъ молдавскихъ князей, куда я собрался итти.

22. Хотѣлъ перейти на другую сторону рѣки, но былъ удержанъ сильной бурей. Казнены два человѣка; одинъ изъ нихъ былъ драгунъ и назвалъ себя царевичемъ. Вина другого мнѣ неизвѣстна. Предано землѣ тѣло покойнаго Отте (Otte), оберъ-цейхмейстера, съ обычными церемоніями.

23. Мы поздравили князя Меньшикова съ днемъ рожденія, Потомъ мы пригласили къ обѣду Кочубея, Обидовскаго, Танскаго. Ханенка, Лисеневича.

24. Присутствовали на богослуженіи въ церкви св. Тройцы, куда отправилась Ея Величество въ сопровожденіи своей фамиліи. О. Лопатинскій произнесъ трогательную рѣчь.

25. Былъ у Бассевича. Договорился съ парикмахеромъ за рубль въ мѣсяцъ, и тотчасъ уплатилъ деньги.

26. Былъ у игумена Кролика и у Обидовскаго, гдѣ получилъ письма изъ дому.

27. Никуда не выходилъ.

28. Былъ въ кофейнѣ, гдѣ издержалъ 30 к. Къ вечеру отправился повидать M—r Mathieu и по возвращеніи засталъ у отца Обидовскаго, Лисеневича и Зинковскаго.

29. Былъ въ кофейнѣ и истратилъ 10 к. Потомъ былъ у Обидовскаго, въ кабинетѣ рѣдкостей (à raretez) и у игумена Кролика, гдѣ оставался далеко за полночь.

30. Слушалъ обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ настоятель (l'Abbé) Кондоиди произнесъ очень прекрасную рѣчь. Послѣ обѣдни у меня былъ съ визитомъ Стефановичъ въ сопровожденіи дворецкаго (du maître d'hôtel) новгородскаго архіепископа. Пригласилъ къ обѣду Левицкаго и Лисеневича.

Декабрь 1. Никуда не выходилъ. Вечеромъ приходили къ намъ Мировичъ и Стефановичъ; первый поужиналъ съ нами.

2. Былъ у князя и, не заставъ его, пилъ чай у Ливена съ Обидовскимъ и Лисеневичемъ.

3. Ссудилъ 60 руб. Михаилу Солодушенку, роменскому купцу.

4. Былъ съ отцомъ у князя, гдѣ купилъ за 10 р. слѣдующія книги: Ésope en belle humeur. Le Spectateur 3 тома, Régles de le vie civile 2 тома, Лукіана (Lucien), грамматику Веперони, различныя сочиненія (oeuvres divers), Relazione di Russia, L'homme détrompé, L'homme de cour, La fortune des gens de qualité, Pastor fido, Traité de la civilité, De l'éducation des princes, французскій словарь и каталогъ новыхъ книгъ.

5. Былъ у Mr. Mathieu, а оттуда пошелъ послушать обѣдню въ римско-католической церкви. Уплатилъ Mr. André 1 р. и Mr. Mathieu 1 р.

6. Былъ у молдавскихъ князей, гдѣ меня пригласили на обѣдъ.

7. Отдалъ визитъ Лизогубамъ, у нихъ былъ еще генералъ Головинъ. Послалъ молдавскому князю словарь де-Поме.

8. Никуда не выходилъ. Русская газета 3 к. Описаніе (rélation) брака герцога Голштинскаго 6 к.

9. Михаилъ Солодушенко уѣхалъ на Украйну. Былъ у князя Меньшикова, но онъ находился въ военной коллегіи.

10. Танскій обѣдалъ у насъ. Послѣ обѣда я былъ у Шидловскаго.

11. Былъ у кн. Меньшикова. Возвращаясь оттуда, пригласилъ къ обѣду Баровскаго и Ливена. Вечеромъ посѣтилъ моего отца духовникъ Ея Величества.

12. Проигралъ au lot 50 к. Насъ посѣтили Обидовскій и Зинковскій.

13. Былъ у Алепли (Aleply), гдѣ также находился молдавскій князь и Ушаръ.

14. Обѣдалъ у духовника Ея Величества. Отецъ далъ мнѣ 12 червонцевъ, чтобы я заказалъ на нихъ одежду себѣ.

15. Былъ у духовника Ея Величества, потомъ въ лавкахъ для покупки сукна; по возвращеніи посѣтилъ во второй разъ Mr Mathieu, гдѣ былъ также молдавскій князь.

16. Купилъ 7 аршинъ сукна. Отецъ далъ мнѣ еще 3 червонца и 2 р.

17. Купилъ 3 аршина тафты для подкладки. Далъ портному 4 р. и 4 гривны на прикладъ. За 1 локоть (aune) полотна 1 р. Прибылъ сынъ Ершова.

18. Былъ у Лизогуба.

19. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; послѣ нея былъ допущенъ къ рукѣ княгини. Послѣ обѣда Лизогубъ и Жураковскій посѣтили моего отца.

20. Отрубили голову одному преступнику за то, что онъ задушилъ человѣка изъ-за пяти гривенъ. Передъ казнью его проводили по всѣмъ улицамъ, наказывая кнутомъ на всѣхъ перекресткахъ. Потомъ повѣсили за ноги одного матроса, который покончилъ самъ съ собою повѣшеньемъ; тѣло его сначала волокли по

всѣмъ улицамъ. Алексѣй (Alexiy) уѣхалъ въ Москву. За 6 русскихъ газетъ 13 к. Проповѣдь 10 к.

21. Фунтъ табаку 25 к. Пара чулокъ 1 р. 80 к.

22. Сынъ хозяина уѣхалъ на каналъ. Табакерка 2 р. 25 к.

23. Мы были у князя, который объявилъ моему отцу, что завтра доложитъ Ея Величеству объ его дѣлѣ. Былъ у князя, но, не заставъ его, просилъ придворнаго священника за одного каторжника (forçat). Потомъ повидалъ Ливена. Послѣ обѣда былъ у Аша, потомъ у М—г Mathieu.

24. Былъ у князя, не засталъ его. Портной принесъ мнѣ новое платье, которое съ фасономъ стоитъ 36 р.

25. Мы выслушали заутреню въ церкви князя, по выходѣ поздравили князя съ Рождествомъ Хр.; потомъ я пошелъ на квартиру, гдѣ пробылъ около получаса, и отправился въ ту-же церковь, гдѣ выслушалъ обѣдню, отслуженную архіепископомъ новгородскимъ; между тѣмъ мой отецъ посѣтилъ адмирала, Ягужинскаго, Толстого, потомъ имѣлъ честь поцѣловать руку Ея Величества. По возвращеніи я нашелъ обоихъ Лизогубовъ и Жураковскаго, которыхъ отецъ пригласилъ обѣдать.

26. Слушали обѣдню въ церкви св. Симеона. Послѣ того обѣдали у Лизогубовъ, откуда отецъ послалъ меня къ князю Меньшикову, гдѣ я засталъ почти всѣхъ пословъ (ministres).

27. Я присутствовалъ при рѣчахъ, которыя держали профессора, недавно прибывшіе изъ Германіи. Оттуда отправился обѣдать къ М—г Mathieu вмѣстѣ съ молдавскими князьями.

28. Обѣдалъ у молдавскихъ князей; тамъ была ихъ сестра.

29. Ушаръ посѣтилъ моего отца и до его ухода я былъ у князя, который при мнѣ отправился на крестины въ качествѣ кума новорожденнаго сына князя Шаховского; потомъ я говорилъ по французски съ молодымъ княземъ Меньшиковымъ. Послѣ обѣда Ушаръ прислалъ свои сани, чтобы отвезти меня къ нему. Оттуда я отправился къ отцу Кондоиди вмѣстѣ съ княземъ Антіохомъ. Наконецъ возвратился къ себѣ на квартиру.

30. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его дома. Возвратившись, нашелъ у насъ Шидловскаго, Танскаго и Ханенка. Послѣ обѣда былъ у М—r Mathieu, потомъ на почтѣ, гдѣ далъ списокъ книгъ секретарю почтамта.

31. Былъ у кн. Меньшикова; оттуда возвратился къ себѣ; потомъ зашелъ къ Ханенку, съ которымъ былъ у Петра Алексѣевича Ижорина.

Годъ отъ Р. Х. 1726.

Январь 1. Мы поздравили князя Меньшикова, потомъ адмирала, послѣ обѣдни, которую мой отецъ выслушалъ въ Троицкой церкви, мы находились на придворномъ пріемѣ, гдѣ имѣли честь поцѣловать руку Ея Величества. Въ 5 часовъ по полудни мы были приглашены къ обѣду въ Зимній дворецъ Ея Величества, гдѣ мы оставались далеко за полночь и смотрѣли черезъ окна на иллюминацію, которую зажгли по случаю Новаго года.

2. Выслушалъ обѣдню въ церкви князя, которому засвидѣтельствовалъ почтеніе, когда онъ садился за столъ. Сегодня утромъ бѣлгородскій архіепископъ посѣтилъ моего отца. Грицко отправился на Украйну.

3. Былъ при дворѣ князя, потомъ у отца Кондоиди, но не засталъ ни того, ни другого; затѣмъ отправился къ М—r Mathieu тамъ засталъ молдавскихъ князей и пригласилъ ихъ къ себѣ; они посѣтили меня. Послѣ обѣда простился съ игуменомъ Кроликомъ.

4. Ушаръ посѣтилъ моего отца; послѣ обѣда отецъ послалъ меня попросить въ займы 100 руб. у М—r Mathieu, которые тотъ далъ на слѣдующій день.

5. Былъ у князя, у отца Кондоиди, гдѣ взялъ 17 итальянскихъ книгъ; потомъ былъ два раза у новгородскаго архіепископа, но не успѣлъ поговорить съ нимъ; наконецъ, отправившись туда въ третій разъ, я выслушалъ обѣдню и ужиналъ съ его высокопреосвященствомъ.

6. Мы слушали обѣдню въ церкви князя; въ концѣ обѣдни Спираевъ (?) пригласилъ Тевяшова и меня; я оставался тамъ около четверти часа. Я отправился изъ дому обѣдать къ М—r Mathieu; потомъ мы присутствовали при водосвятіи.

7. Капитанъ Опочининъ посѣтилъ моего отца; Ханенко съ Самоторцевымъ обѣдали со мной. Капитанъ недавно прибылъ изъ Украйны. Были Обидовскій и Наркисъ, потомъ Алепли пригласилъ меня къ себѣ, гдѣ я оставался далеко за полночь. Проигралъ тамъ 15 к.

8. Крестилъ сына Григорія, слуги Ершова, съ женой Алепли, которой я подарилъ свой перстень. Истратилъ изъ своихъ денегъ: за золотой дукатъ 1 р. 5 к., починка часовъ 30 к. Мой крестникъ называется Павелъ.

9. Слушалъ обѣдню въ церкви князя, обѣдалъ на квартирѣ Потомъ былъ въ лоттереѣ, гдѣ проигралъ 2 р.

10. Былъ у князя, потомъ опять былъ во второй разъ съ просьбой, чтобы солдаты не выживали насъ изъ нашей квартиры, на что князь согласился, немедленно пославъ своего адъютанта Жеребцова къ полиціймейстеру (auprès du Général de Police), который приказалъ не выселять насъ.

11. Былъ у князя, а послѣ обѣда у отца Кондоиди, который продалъ мнѣ еще двѣ итальянскихъ книги: Исторію Фландріи и Исторію Венгріи за 13 руб.

12. Я взялъ въ долгъ у М—r Mathieu 10 р., изъ которыхъ 5 истратилъ на покупку двухъ названныхъ итальянскихъ книгъ. Былъ у бригадира Вельяминова, но, не заставъ его дома, говорилъ со Стаховичемъ, который сообщилъ мнѣ непріятнѣйшее извѣстіе. Былъ въ банѣ: по выходѣ оттуда думалъ, что умру отъ головной боли.

13. Былъ на квартирѣ бригадира Вельяминова, не засталъ его, потомъ посѣтилъ нѣжинскаго полковника; оттуда навѣстилъ молдавскихъ князей, у которыхъ пообѣдалъ; вечеромъ былъ у настоятеля (l'Abbé) Кондоиди, которому далъ 9 руб. отъ моего отца

за двѣ книги, и 5 р. изъ своихъ денегъ. 19 итальянскихъ книгъ обошлись всего 50 р.

14. Одинъ еврей принесъ мнѣ письмо отъ моего тестя; никуда не выходилъ изъ квартиры. Мой отецъ былъ у князя Голицына. Вечеромъ я навѣстилъ Алопли. Со мной обѣдалъ Ханенко.

15. Послѣ обѣда былъ у князя, послѣ того какъ мой отецъ возвратился отъ адмирала.

16. Слушалъ обѣдню въ церкви Пушкина; по возвращенiи пригласилъ обѣдать Борзаковскаго, Стаховича и Мировича. Послѣ обѣда духовникъ Ея Величества, Лизогубъ, Жураковскiй и Данило Перехристъ навѣстили моего отца. Послѣднему (Данилу) я сдѣлалъ визитъ вечеромъ. Максимовичъ ужиналъ и ночевалъ у насъ.

17. Написалъ письма домой и передалъ ихъ Ливену. По возвращенiи отъ князя засталъ у себя на квартирѣ Якимовича и Мировича младшаго, которыхъ я пригласилъ обѣдать. Подвергся ужасной зубной боли. Максимовичъ провелъ ночь у меня.

18. Никуда не выходилъ: вечеромъ Обидовскiй и Лисеневичъ навѣстили моего отца. Написалъ письмо глуховскому сотнику.

19. Лизогубъ и Жураковскiй навѣстили моего отца. Послѣ обѣда отецъ отправился къ князю Голицыну, которому подарилъ большую трубку. Что касается меня, я сидѣлъ дома. Вечеромъ Жураковскiй и бунчужный опять навѣстили моего отца, съ которымъ они разговаривали нѣсколько часовъ. Мой крестникъ умеръ.

20. Былъ у барона Вейсбаха, который передалъ мнѣ письма отъ моей жены и отъ M—r Lucas. Заплатилъ 2 р. за книгу Les curieuses assemblées d'Éva.

21. Никуда не выходилъ. Послѣ полудня отецъ былъ у князя Голицына, гдѣ оставался до вечера.

22. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ пару перчатокъ за 30 к. Фунтъ табаку. Потомъ былъ у князя Меньшикова.

23. Слушалъ обѣдню въ Исаакiевскомъ соборѣ. У отца былъ Жураковскiй.

24. У насъ были Шидловскiй и Ушаръ. Конюхъ принесъ мнѣ письма изъ дому вмѣстѣ съ книгами, полученными изъ Риги.

25. Никуда не выходилъ.

26. Былъ у переплетчика, потомъ у духовника Ея Величества, гдѣ пообѣдалъ; по возвращеніи былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Во время ученья Семеновскаго полка былъ убитъ выстрѣломъ изъ мушкета одинъ человѣкъ, смотрѣвшій на ученье. Похоронили жену Олсуфьева.

27. Капитанъ Штоффель принесъ мнѣ письма отъ моего брата и отъ M—r Lucas и обѣдалъ съ нами. Послѣ обѣда Le Pr. Mathieu, Обидовскій и Наркизъ были у насъ. Отецъ отправился съ Лизогубомъ и Жураковскимъ къ Ягужинскому, но имъ сказали, что онъ спитъ, и потому онъ вернулись, не видѣвъ его. За переплетъ двухъ нѣмецкихъ книгъ 25 к.

28. Справляли годовые поминки по покойномъ императорѣ. Ея Величество, въ сопровожденіи герцога Голштинскаго и всей августѣйшей фамиліи, присутствовала въ Петропавловскомъ соборѣ на обѣднѣ и панихидѣ; служилъ митрополитъ новгородскій съ другими епископами и игуменами. Послѣ обѣдни настоятель Троицкаго собора произнесъ проповѣдь на евангельскій текстъ: (*пропускъ*).

По выходѣ изъ церкви взялъ съ собою Ханенка, котораго удержалъ обѣдать. Танскій также обѣдалъ у меня.

29. Никуда не выходилъ. До полудня былъ капитанъ Штофкфель, а послѣ обѣда бунчужный и Жураковскій.

30. Далъ парикмахеру за половину февраля 50 к. Былъ у Герцика. Заплатилъ 8 р. за словарь Венерони, Genealogische Tabellen и Genealogische Fragen. Получилъ первую нѣмецкую газету.

31. Былъ у духовника, съ которымъ встрѣтился на улицѣ. Потомъ былъ у Вишневскаго.

Февраль 1. Алепли пригласилъ обѣдать отца и меня. Какъ разъ передъ обѣдомъ посѣтили меня въ моей квартирѣ Горлецкій (?) и Шишкевичъ. Утромъ былъ у Потемкина и у бригадира, но не засталъ ни того, ни другого. Вечеромъ сдѣлали намъ визитъ Вишневскій и M—r Mathieu. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Ивана Ершова.

2. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; онъ отправился цѣловать руку Ея Величества. Былъ у Лизогубовъ; купилъ табакерку за 3 руб.

3. Мы поздравили герцогиню Голштинскую со днемъ ея рожденія и поцѣловали у ней руку. Отецъ подалъ просьбу герцогу на французскомъ языкѣ.

4. Былъ у Бассевича, потому у М—г Mathieu; пригласилъ обѣдать Ханенка и Якимовича, послѣ обѣда отставной (licentié) капитанъ Георгій Потаіоти (?), въ сопровожденіи судьи Верховнаго Суда (juge du magistrat souverain) Паоло Арколео (?) пришелъ проститься съ моимъ отцемъ. Отецъ послалъ черезъ него письмо вдовствующей нѣжинской полковницѣ. Отецъ былъ у Бибикова. Максимовичъ ночевалъ у меня.

5. Отецъ всталъ въ 4 часа утра и вмѣстѣ съ обоими Лизогубами и Жураковскимъ ушелъ къ кн. Меньшикову. Онъ бесѣдовалъ съ княземъ полтора часа, и въ концѣ бесѣды князь приказалъ ему составить вѣрный отчетъ о всѣхъ доходахъ съ Украйны, которые получались до учрежденія Малороссійской коллегіи. Поэтому, послѣ обѣда съ бунчужнымъ и Жураковскимъ и черниговскимъ обознымъ, мой отецъ весь день составлялъ записку, заключавшую въ себѣ перечисленіе всѣхъ доходовъ Украйны. Въ это время полковникъ Пицъ (Пильцъ ?) былъ съ визитомъ у отца.

6. Были у обѣдни въ церкви князя, которому отецъ представилъ записку о доходахъ съ Украйны.

7. Былъ у духовника; оттуда отправился къ М—г Mathieu, съ которымъ пошелъ играть на бильярдѣ; проигралъ 25 к.

8. Искалъ квартиру. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ капитану Minsczyk (?); онъ повелъ меня на корабельныя верфи, потомъ на лѣсопильни. Передъ вечеромъ онъ возвратилъ мнѣ визитъ. Получилъ письма изъ дому черезъ Игната.

9. Никуда не выходилъ и все утро былъ занятъ; дописывалъ письма на Украйну.

10. Былъ у Өедора Стефановича, съ которымъ обмѣнялся табакерками, потомъ у пѣвчаго Лукьяна. Возвратившись, обѣдалъ

съ отцемъ. Послѣ обѣда принялся писать письма на Украину. Вечеромъ былъ съ визитомъ кап. Штоффель, потомъ пришли къ отцу бунчужный и асаулъ. Отецъ далъ мнѣ третій рубль на экипажъ.

11. Капитанъ нарвскаго драгунскаго полка, Матвѣй Андреевичъ Домагацкій пришелъ рано утромъ взять письма, написанныя мной на Украйну. Отецъ былъ у кн. Меньшикова, а потомъ у кн. Голицына.

12. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ алебастровую кружку за 15 к.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви князя и обѣдалъ съ офицорами его свѣтлости. Князь Долгорукій произведенъ въ генералъ-аншефы. Шидловскій, Потемкинъ, Кочубей, Борзаковскій и два козака, прибывшіе недавно изъ Глухова, посѣтили насъ. Получилъ отвѣтъ отъ глуховскаго сотника и письмо отъ моей сестры, Скоропадской.

14. Никуда не выходилъ; отдалъ переплесть въ кожаный переплетъ книгу.

15. Карпъ выѣхалъ рано утромъ. Послѣ его отъѣзда отправился смотрѣть экзекуцію, производившуюся на той сторонѣ рѣки. Сначала наказывали кошками на эшафотѣ пятерыхъ лицъ, потомъ парня и дѣвку; по окончаніи этого, повѣсили слугу и отрубили голову его господину, поручику (lieutenant) Безобразову за то, что тотъ приказалъ своему слугѣ утопить ямщика, чтобы завладѣть его лошадью, стоившею около 14 р.; слуга сдѣлалъ это. Послѣ обѣда у себя навѣстилъ бригадира Вельяминова, который радушно принялъ насъ.

16. Послѣ полудня отецъ, отправляясь къ князю Голицыну, приказалъ мнѣ ожидать его у князя Меньшикова. Пришедши къ послѣднему, я не засталъ его дома, черезъ часъ онъ возвратился, и мой отецъ явился туда-же. Мы были приняты самымъ ласковымъ образомъ.

17. Отецъ пригласилъ обѣдать Лярскаго, Швейковскаго, капитана Штоффеля и сына Швейковскаго. Всѣ трое оставались у насъ до вечера.

18. Обѣдалъ у М—г Mathieu; послѣ обѣда вмѣстѣ съ нимъ и Вишневскимъ былъ у валашскихъ князей, которые увели меня потомъ къ Ботвинкину.

19. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, гдѣ былъ также кн. Голицынъ. Къ вечеру былъ у Потемкина, оттуда мы отправились во дворецъ кн. Меньшикова. Князь, возвратившись отъ Ромодановскаго, отправился съ визитомъ къ Сапѣгѣ, который прибылъ въ Петербургъ въ сумерки въ сопровожденіи своего сына, старосты Здзѣтовскаго (starosta Zdzietowski), старосты Морецкаго (Morecki), старосты Любошицкаго (Lubossycki), старосты Душинскаго (Dussynski),

20. Сопровождалъ кн. Меньшикова, когда онъ утромъ отправлялся съ визитомъ къ Сапѣгѣ, и съ нимъ поѣхалъ въ дворецъ. Возвратившись оттуда, онъ всѣхъ ихъ (?) пригласилъ обѣдать. А я, пообѣдавъ съ отцемъ, былъ съ визитомъ у Лярскаго и Швейковскаго, которыхъ нашелъ у Бѣлошицкаго.

21. Первый день великаго поста; никуда не выходилъ.

22. Мы оставались въ монастырѣ до субботы.

26. Возвратились изъ Лавры къ себѣ на квартиру. Во время пребыванія въ монастырѣ истратилъ на бутылку горькаго вина 30 к. Ширяевъ пришелъ къ намъ въ полночь и пробылъ около 3 часовъ.

27. Пошелъ съ отцемъ къ Ширяеву, гдѣ пробыли до полудня. Вернувшись, обѣдали дома. На обѣдѣ присутствовалъ старшій Мировичъ. Послѣ полудня отправился къ Якубовичу, у котораго оставался около часу.

28. Отецъ послалъ меня къ кн. Меньшикову, котораго я не засталъ. Оттуда пошелъ къ М—г Mathieu и пробылъ около двухъ часовъ. Послѣ обѣда отецъ отправился къ кн. Голицыну. Въ его отсутствіе пришли ко мнѣ бунчужный, Жураковскій, Семенъ Обидовскій, Зинковскій и бандуристъ Сапѣги.

Мартъ 1. По случаю рожденія молодого князя Меньшикова, мой отецъ отправился съ Лизогубами и Жураковскимъ ко двору князя съ поздравительнымъ привѣтствіемъ. По уходѣ оттуда, мы были у старика Сапѣги.

2. Былъ у духовника Е. В. Долго разговаривалъ съ его сыномъ касательно Герасима. Возвращаясь оттуда, встрѣтилъ лакея Бассевича, который позвалъ меня къ своему господину. Отъ него я услыхалъ, что наши дѣла находятся въ хорошемъ положеніи. Танскій обѣдалъ со мной. Послѣ полудня отецъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ кн. Меньшикову, и я также; но я тотчасъ возвратился оттуда. Вечеромъ былъ съ визитомъ у насъ М—г Mathieu.

3. Отослалъ письмо на почту относительно Герасима, показавъ его напередъ духовнику. Въ 11½ часовъ мы были у Бассевича, а потомъ у герцога Голштинскаго.

4. Получили письма изъ дому, которыя послалъ намъ Ливенъ со своимъ слугой. Послѣ того отецъ ушелъ къ кн. Голицыну. Капитанъ Minsczyk былъ у меня.

5. Былъ у М—г Mathieu. Послѣ обѣда отослалъ свои письма къ капитану Альтенбургу, который сдѣлалъ мнѣ визитъ съ подполковникомъ Брюномъ.

6. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ герцогу Голштинскому, который говорилъ со мной относительно нашего дѣла. Кн. Меньшиковъ и оба Сапѣги обѣдали у его королевскаго высочества Кап. Альтенбургъ уѣхалъ на Украйну.

7. Былъ у Бассевича, отъ котораго получилъ обѣщаніе въ нашу пользу. Вечеромъ былъ у насъ Обидовскій. Ханенко ночевалъ у меня.

8. Былъ у Лярскаго, возвратившись оттуда, написалъ письма домой; послѣ обѣда, былъ у князя. Сегодня Танскій и переводчикъ иностранной коллегіи были у моего отца. Шидловскій, новый изюмскій полковникъ, пришелъ вечеромъ проститься съ отцомъ и въ полночь выѣхалъ изъ Петербурга.

9. Рано утромъ пришелъ къ намъ донской полковникъ Данило Ефремовъ, а потомъ Ливенъ. Въ 3 часа я былъ у князя Меньшикова.

10. По случаю годовщины погребенія Его Величества мы отправились въ Петропавловскій соборъ (à l' Église de St. Pierre),

гдѣ весь дворъ присутствовалъ при панихидѣ. По возвращеніи былъ у М—r Mathieu.

11. Бассевичъ прислалъ за мной слугу. Когда я пришелъ, онъ сказалъ мнѣ, что сегодня будутъ обсуждать наше дѣло.

12. Послѣ обѣда былъ у Гудовича и Потемкиныхъ, откуда послалъ Михаила позвать отца. Затѣмъ послѣдній отправился къ кн. Меньшикову, я явился туда, когда князь садился въ карету, чтобы ѣхать ко двору.

13. Кн. Меньшиковъ праздновалъ помолвку своей старшей дочери съ молодымъ Сапѣгою; туда направился дворъ и всѣ знатныя особы обоего пола. Небо посылаетъ мя утвердити союзъ вашъ.

14. Былъ у кн. Меньшикова, гдѣ засвидѣтельствовалъ почтеніе Бассевичу.

15. Былъ у князя, но его не было дома. Остальное время пробылъ у себя.

16. Былъ въ высшемъ судѣ за нашими бумагами. Въ три часа по полудни пошелъ къ Бассевичу, который пригласилъ обѣдать кн. Меньшикова и Сапѣгъ. Похоронили контръ-адмирала Гопа.

17. Былъ въ высшемъ судѣ за тѣмъ же самымъ, но меня отослали въ новый сенатъ. Секретарь высшаго суда называется Иванъ Никифоровичъ Винюковъ (Winiukow).

18. Былъ у М—r Mathieu; возвратившись домой, пригласилъ обѣдать Ханенка; послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова, потомъ посѣтилъ Штоффеля, затѣмъ капитана Опочинина.

19. Былъ у Бассевича, потомъ въ высшемъ судѣ. По возвращеніи домой, обѣдалъ съ отцомъ, а также съ Ханенкомъ и Суровцовымъ, чиновникомъ названнаго суда. Послѣ обѣда былъ съ отцемъ у князя, который далъ пиръ по случаю дня рожденія своей супруги. До полудня отецъ былъ у адмирала, который подарилъ его (le régala) саблей.

20. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; вечеромъ былъ кап. Штоффель.

21. Былъ въ высшемъ судѣ. Послѣ обѣда отправился ко двору князя; онъ поѣхалъ къ Высочайшему двору съ Сапѣгой; Ея Ве-

личество пожаловала орденъ св. Андрея Сапѣгѣ, а старостѣ Мерецкому—орденъ Александра Невскаго.

22. Кн. Меньшиковъ далъ публичный обѣдъ (dina en public), на немъ была вся его семья и оба Сапѣги.

23. Сапѣга уѣхалъ въ Польшу. Я былъ у Бассевича, потомъ у кн. Меньшикова. M—r Mathieu, кап. Штоффель и Майнъ (Mäyn) посѣтили насъ. Хапенко ночевалъ у насъ.

24. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ все послѣ-полуденное время писалъ письма домой.

25. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; остальное послѣ-обѣденное время провелъ у себя на квартирѣ.

26. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда ходилъ съ кап. Штоффелемъ къ одному купцу, у котораго купилъ серебряный cadran за 17 р. Взялъ у M—r Mathieu еще 10 р.; я долженъ ему 20 р.

27. Былъ въ церкви кн. Меньшикова и у Бассевича. Ханенко уѣхалъ на Украйну. Ханенку 1 р. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Потемкина.

28. Когда мой отецъ ушелъ къ кн. Голицыну, я, по его приказу, былъ при дворѣ кн. Меньшикова.

29. Утро провелъ въ писаніи писемъ домой, которыя я отправилъ черезъ Борзаковскаго, онъ сегодня уѣхалъ на Украйну.

30. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ у M—r Mathieu. Видѣлъ ученіе лейбъ-гвардіи, производившееся на льду Невы въ присутствіи Е. В. Оттуда только-что вернулся къ себѣ, какъ отецъ послалъ меня къ Бассевичу; тамъ я имѣлъ честь поцѣловать руку ея королевскаго высочества. Возвратившись, нашелъ Штоффеля, пришелъ также Бропевскій. Вечеромъ отецъ пригласилъ Ширяева.

31. Былъ у Лизогуба. Сегодня я S d'A. d. m. f.

Апрѣль 1. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ услышалъ отъ Суровцова, что уже состоялось рѣшеніе о возвращеніи намъ бумагъ. Оттуда пошелъ ко двору кн. Меньшикова, гдѣ пробылъ около получаса.

2. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ оставилъ кучера, чтобы взять наши бумаги. Онъ принесъ ихъ черезъ нѣсколько часовъ съ Суров-

цевымъ и съ другимъ писцомъ, которые обѣдали у насъ. Потомъ каждый изъ нихъ получилъ по рублю. Былъ у духовника и у Бассевича. Возвращаясь домой, присутствовалъ при экзекуціи надъ разными ворами, изъ которыхъ большинство было наказано кнутами, а другіе—кошками. Намъ сдѣлали визитъ Лярскій и полковникъ Лесси, потомъ Танскій, обозный черниговскій и М—г Mathieu съ пѣвчимъ Лукьяномъ.

3. Были съ отцомъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Забѣлы. Къ вечеру былъ съ Андреемъ у полковника Лесси, потомъ у Алепли.

4. Былъ у Бассевича. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

5. Отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Возвратившись домой, засталъ бунчужнаго. Послѣ обѣда Штоффель пришелъ проститься съ нами и уѣхалъ на Украйну. Я послалъ свои письма домой съ Аѳанасіемъ, слугой Данила Перехриста.

6. Рѣка Нева вскрылась, о чемъ было извѣщено тремя пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Я прогуливался вдоль рѣки После обѣда былъ у Кочубея вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ и Иваномъ Мировичемъ, пріѣхавшимъ въ этотъ день изъ Сибири.

7. Молодой Швейковскій пришелъ рано утромъ проститься съ нами отъ имени своего отца, который ѣдетъ сегодня. Я написалъ письмо своему тестю.

8. Великая пятница. Никуда не выходилъ.

9. Суббота. Весь день былъ у себя дома.

10. Свѣтлое Воскресенье. Былъ въ гостинницѣ (dans une hôtellerie) вмѣстѣ съ Андреемъ и Мировичемъ.

11. Поздравилъ кн. Меньшикова, когда онъ выходилъ изъ шлюпки напротивъ дворца герцога Голштинскаго, потомъ я имѣлъ честь цѣловать руку ея королевскаго высочества. Послѣ полудня былъ у Бассевича. Духовникъ пригласилъ насъ обѣдать. Я получилъ по почтѣ письма изъ дому, помѣченныя 14-мъ марта.

12. Всѣ сенаторы приглашены на обѣдъ ко Двору по случаю рожденія Ея Величества. Его слѣдовало бы праздновать 5-го числа, но торжество отложили на сегодня, чтобы не справлять его на стра-

стной недѣлѣ. Гулялъ противъ царскаго дворца, потомъ посмотрѣлъ, какъ качаются на качеляхъ, потомъ ходилъ смотрѣть слона, который проглотилъ мой платокъ. Передъ тѣмъ игралъ на бильярдѣ.

13. Былъ при кн. Меньшиковѣ, когда онъ отправился въ лѣтній императорскій домъ, чтобы дать необходимыя распоряженія къ переѣзду Е. В—ства. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

14. Видѣлъ церемонію представленія герцога Голштинскаго Преображенскому полку въ качествѣ подполковника. Ея Величество лично отправилась туда въ сопровожденіи большой свиты и дала алебарду и шарфъ его королевскому высочеству. Потомъ Ея Величество отправилась во дворецъ герцога, гдѣ былъ пышный пріемъ всего отборнаго общества.

15. Отправилъ письма по почтѣ.

16. Вышелъ, чтобы отправиться къ кн. Меньшикову, но узнавъ, что его нѣтъ дома, вернулся и обѣдалъ у Данила Перехриста; на обѣдѣ былъ и духовникъ съ двумя своими сыновьями и съ Куликовскимъ. Послѣ-обѣденное время провелъ въ игрѣ въ карты.

17. Былъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Гудовича.

18. Никуда не выходилъ. Къ вечеру Небеліусъ сдѣлалъ визитъ моему отцу.

19. Мы поздравили ея королевское высочество съ днемъ рожденія; Ея Величество для того же отправилась въ палаты ея высочества. Тамъ былъ устроенъ весьма пышный пріемъ всѣмъ знатнымъ особамъ обоего пола.

20. Были у кн. Меньшикова, тамъ были также Бассевичъ и Остерманъ.

21. Никуда не выходилъ; вечеромъ пришолъ къ намъ Гудовичъ.

22. Совсѣмъ не выходилъ изъ квартиры по причинѣ бури.

23. Только гулялъ весь день.

24. Всталъ рано утромъ и отправился во дворецъ князя, но не могъ выискать случая поговорить съ нимъ. Послѣ 12 часовъ опять отправился туда и имѣлъ возможность просить Е. С. за своего отца. У насъ былъ полк. Лесси.

25. Послѣ 12 часовъ былъ у кн. Меньшикова, а отецъ у адмирала Апраксина.

26. Никуда не выходилъ.

27. Были у кн. Меньшикова, который сказалъ намъ, чтобы мы потерпѣли до дня коронаціи Ея Величества. Вечеромъ посѣтили насъ хирургъ Шульцъ и полковникъ Лесси.

28. Былъ у кн. Меньшикова и просилъ взаймы 100 р., съ условіемъ отдать ихъ въ августѣ этого года въ Почепѣ. Донской полковникъ Данило Ефремовъ простился съ нами.

29. Былъ въ Синодѣ, потомъ у Игнатія.

30. Былъ у архіепископа Новгородскаго, сынъ духовника уѣхалъ на Украйну.

Май. 1. Наша Императрица получила при посредствѣ (par les maines) кн. Меньшикова орденъ Бѣлаго Орла, который прислалъ Ея Величеству польскій король черезъ графа Рабутина. Былъ съ Игнатіемъ у обѣдни, у резидента Гохгельцера. Послѣ обѣда игралъ на бильярдѣ. Дворъ катался въ каретахъ.

2. Былъ въ Синодѣ, гдѣ мнѣ дали копію съ донесенія, которое архіепископъ (sic) кіевскій представилъ на моего отца. Послѣобѣденное время провелъ въ составленіи опроверженія на его оправданія.

3. Ея Величество въ сопровожденіи кн. Меньшикова совершила прогулку по Невѣ на яхтѣ. Игнатій ссудилъ мнѣ 20 р. Передъ вечеромъ были у насъ Кочубей, Обидовскій и оба Мировича.

4. Поручился въ сенатѣ за Андрея вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Стаховичемъ. Послѣ обѣда былъ у архіепископа Новгородскаго; не заставъ его, провелъ нѣсколько часовъ у Обидовскаго.

5. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ Небеліусу. Къ вечеру пришелъ Ливенъ съ приказомъ отъ кн. Меньшикова явиться намъ на Васильевскій островъ; тамъ его свѣтлость, вернувшись изъ дворца, поздравилъ моего отца съ отпускомъ и пригласилъ его и меня обѣдать.

6. Я очень рано пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, который передалъ мнѣ черезъ Жеребцова, что моему отцу нужно отправиться въ два часа по полудни въ садъ лѣтняго императорскаго дворца.

Согласно увѣдомленію князя, мы съ отцомъ отправились въ назначенное мѣсто, гдѣ имѣли счастье поцѣловать руку Ея Величества.

7. День коронаціи Ея Величества; я отправился въ императорскій садъ, который былъ открытъ для всѣхъ. Кн. Меньшиковъ, увидѣвъ меня, приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ; я оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока зажгли иллюминацію; былъ транспарантъ съ надписью „Свѣтомъ и духомъ твоимъ укрѣплена". Другой транспарантъ имѣлъ надпись: „славимъ тя вси".

8. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, оттуда отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Мировичъ уѣхалъ въ Сибирь.

9. Мой отецъ отправился проститься съ герцогомъ Голштинскимъ и обѣдалъ у его высочества. Потомъ сдѣлалъ визитъ Бассевичу, который пригласилъ насъ завтра обѣдать.

10. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, котораго нашелъ въ новомъ дворцѣ, построенномъ для Военной Коллегіи. Въ два часа мы отправились къ Бассевичу и обѣдали у него вмѣстѣ съ графомъ Рабутиномъ, Штамкеномъ и Платомъ.

11. Обѣдалъ у духовника.

12. Былъ у архіепископа Новгородскаго и представилъ ему оправдательную записку въ отвѣтъ на донесенія Кіевскаго архіепископа. Кн. Меньшиковъ возвратился изъ Кронштадта.

13. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Отецъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ архіепископа Новгородскаго. Отецъ взялъ у Mathieu 1100 руб.

14. Вечеромъ былъ у кн. Меньшикова.

15. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда смотрѣлъ, какъ спустили на воду 4 галеры.

16. Были у князя Меньшикова, потомъ переправились черезъ рѣку съ цѣлью поговорить съ Степановымъ по поводу рѣчи, но, не заставъ его, переправились обратно и причалили передъ домомъ духовника; онъ далъ намъ свою коляску, въ которой мой отецъ отправился въ Верховный Тайный Совѣтъ. Отецъ далъ мнѣ 400 р.

17. Былъ съ отцомъ въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. По возвращеніи на квартиру, стослалъ за двѣ грамматики 2 р. 20 к.

Договорился съ Жаномъ Фоссе, которому буду давать 25 р. въ годъ и платье.

18. Былъ съ отцомъ въ Иностранной Коллегіи, потомъ отправились въ Троицкій соборъ къ обѣднѣ, послѣ которой мой отецъ тамъ-же присягнулъ на вѣрность въ присутствіи Маслова [1]). Купилъ себѣ сукна на платье у купца Сутгофа; платье заказалъ портному Трюну (Trün). Сукно съ прикладомъ стоитъ мнѣ 24 р. Послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова; онъ праздновалъ рожденіе младшей дочери.

19. Отецъ, отправляясь къ кн. Меньшикову, приказалъ мнѣ итти въ Сенатъ, что я исполнилъ. Кромѣ того, былъ у Анисима Семеновича Маслова. Возвратившись, сопровождалъ ко двору отца, имѣвшаго счастье поцѣловать руку Ея Императорскаго Величества. Мы ужинали съ кн. Меньшиковымъ.

20. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, потомъ пошелъ въ Сенатъ. Послѣ обѣда былъ у лакея барона Левенвольда (Lewold), у котораго купилъ портупею за 2 р. 50 к. Ссудилъ Игнатію 2 р. Шляпа 3 р. 50 к.

21. Былъ отцомъ у кн. Меньшикова. Князь сдѣлалъ распоряженіе относительно его отъѣзда и далъ паспортъ. Послѣ полудня былъ въ квартирѣ барона Левенвольда и купилъ у его камердинера перевязь для охотничьяго ножа. Возвращаясь на квартиру, видѣлъ Императрицу, которая ѣхала во дворецъ герцога Голштинскаго на празднованіе дня его бракосочетанія. Одолжилъ Игнатію 5 р. Далъ кумѣ 1 р. Перевязь къ охотничьему ножу 1 р. 20 к.

22. Выслушалъ католическую обѣдню въ церкви резидента Гохгольцера. Послѣ обѣда были у кн. Меньшикова. Тамъ далъ секретарю князя 5 червонцевъ. Портному Trün'у 5 р.

23. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Секретарь Андре (André) передалъ мнѣ приказъ князя въ почтамтъ, чтобы дали моему отцу подставныхъ лошадей. Послѣ обѣда былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова.

---

[1]) Эта любопытная присяга („Живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо сáмому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностью напечатана въ Сборн. Историч. Общества, LV, 294.

24. Находился при князѣ, когда онъ сдѣлалъ визитъ Макарову. Оттуда пошелъ къ кн. Голицыну, гдѣ обѣдалъ съ отцомъ. Потомъ, простившись съ нимъ, мы пошли къ кн. Меньшикову и равнымъ образомъ попрощались и съ нимъ. Далъ M-r André 1 р.

25. Были два раза у духовника, потомъ у архіепископа Новгородскаго.

26. Почтъ-директоръ вручилъ мнѣ письма изъ дому отъ 8-го апрѣля. Я и отецъ прощались съ графомъ Головкинымъ. Вышло затрудненіе съ засвидѣтельствованіемъ паспорта въ полиціи. Поэтому я взялъ другой паспортъ отъ кн. Меньшикова, но его отказались засвидѣтельствовать. Я заплатилъ за отпускъ 22 р.

27. Былъ у князя, онъ далъ мнѣ приказъ въ полицію, вслѣдствіе чего засвидѣтельствовали его паспортъ. Написалъ сегодня письма домой. Возвратилъ Игнатію остальной долгъ, то-есть 14 р. Мой отецъ съ помощью Божіей выѣхалъ на Украйну.

28. Былъ у кн. Меньшикова и имѣлъ честь поцѣловать его руку. Обѣдалъ съ Игнатіемъ у Ростокера. Послѣ полудня былъ во 2-й разъ у кн. Меньшикова.

29. Слушалъ обѣдню въ церкви кн. Меньшикова и обѣдалъ у Гудовича. Игнатій уѣхалъ послѣ полудня; послѣ того я перемѣнилъ квартиру. Былъ у князя, гдѣ меня пригласили ужинать за столомъ старосты. Чарнышъ ужиналъ съ Гудовичемъ.

30. Былъ у кн. Меньшикова, но не засталъ его дома. Передъ вечеромъ былъ тамъ второй разъ и нашелъ Нарышкина, генералъ-майора Шувалова и многихъ другихъ.

31. Отправился съ привѣтствіемъ къ кн. Меньшикову, который немедленно поѣхалъ ко двору.

Іюнъ 1. Князь обѣдалъ съ графомъ Рабутиномъ, потомъ отправился ко Двору.

2. Воловичъ пришелъ рано утромъ и разбудилъ меня. Я обрилъ себѣ голову. Написалъ письма домой, извѣщая объ отъѣздѣ моего отца на Украйну.

3. При дворѣ кн. Меньшикова справляли свадьбу полк. Тевешова, но княгиня вовсе не появлялась, вслѣдствіе нездоровья, продолжающагося уже нѣсколько дней.

4. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, къ вечеру опять отправился туда и ужиналъ за столомъ его свѣтлости.

5. Былъ съ гувернеромъ молодого кн. Меньшикова въ реформатской церкви, находящейся въ домѣ Пелютье. Послѣ полудня отправился къ кн. Голицыну, но, узнавъ отъ Якимовича, что онъ въ дурномъ настроеніи, вернулся, не повидавшись съ нимъ.

6. Былъ у Пелютье, но не засталъ его. Однако передалъ одному изъ его слугъ списокъ французскихъ книгъ, которыя приказалъ доставить себѣ.

7. Утромъ былъ у гувернера молодого кн. Меньшикова. Послѣ полудня вмѣстѣ съ Гудовичемъ отправился къ ген. Вельяминову. Возвратившись, пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, гдѣ находилась также принцесса, дочь покойнаго русскаго царя Іоанна Алексѣевича. Пелютье послалъ сегодняшняго числа заказъ на мои книги.

8. Помогъ перевести письмо Вигуры (de Vigourou), написанное Е. В.—ству. Взялъ 100 р. изъ большого мѣшка.

9. Кн. Меньшиковъ вернулся изъ Ораніенбаума.

10. Портной принесъ перелицованное платье (mon habit tourné).

11. Сопровождалъ князя въ садъ; въ его свитѣ былъ генералъ Пфугъ (Pfug), недавно прибывшій изъ Польши. Какой то капитанъ, имени котораго я не знаю, размозжилъ себѣ голову выстрѣломъ изъ пистолета.

12. Кн. Меньшиковъ сопровождалъ Ея Величество, когда она предприняла увеселительную прогулку на лодкахъ (lorsqu'elle se divertit sur la flote de boyers). Я обѣдалъ у фельдмаршала (Maréchal) Сапѣги.

13. Утромъ былъ у кн. Меньшикова.

14. Ливенъ уѣхалъ на почтовыхъ въ Ригу.

15. Былъ у кн. Меньшикова только послѣ полудня.

16. Князь пригласилъ къ обѣду всѣхъ иностранныхъ пословъ.

Получилъ письмо отъ Lucas отъ 22-го мая, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что моя жена родила дѣвочку.

17. Кн. Меньшиковъ обѣдалъ у посланнаго (envoyé) Императора.

18. Иличъ уѣхалъ въ Польшу. Много матросовъ и солдатъ посажено на суда, чтобы усилить флотъ. Пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Кочубея.

19. Кн. Меньшиковъ, въ сопровожденіи сына, отправился въ Невскую лавру, къ обѣднѣ. Потомъ его свѣтлость поѣхалъ на придворный обѣдъ, откуда вернулся только въ 3 часа по полуночи. Его вещи прибыли раньше на разсвѣтѣ.

20. Кн. Меньшиковъ приказалъ сказать всѣмъ, кто собрался проститься съ нимъ, что они должны удалиться подъ опасеніемъ его гнѣва.

21. Утромъ пробылъ у кн. Меньшикова до тѣхъ поръ, пока онъ отправится ко Двору въ верейкѣ.

22. Написалъ письмо родителямъ. Черезъ Петра Кара, слугу Рагузинскаго, получилъ письмо отъ своего шурина Горленка изъ Москвы отъ 12.

23. Князь Меньшиковъ въ полночь выѣхалъ въ Ригу. Княгиня со всей семьей провожала его до Екатерингофа.

24. Хитровъ, тесть (beau père) Андрея Корсака, утромъ пришелъ къ намъ. Вечеромъ я былъ у поручика Тетерлинга, потомъ у Лизогуба, которому передалъ письма къ моему отцу; онъ собирается уѣхать завтра. Получилъ письмо отъ отца изъ Москвы отъ 14-го числа текущаго мѣсяца.

25. Обѣдалъ у M. Mathieu, потомъ навѣстилъ своего хозяина.

26. Вечеромъ посѣтилъ меня поручикъ Тетерлингъ съ женой.

27. Отправился въ лодкѣ съ Воловичемъ и Потемкинымъ купить у одного купца золотой бахромы для перваго. Возвратившись, мы были въ свитѣ княгини, когда она отправилась въ церковь. Послалъ записку въ полицію, чтобы тамъ записали моего слугу Петра.

29. Пригласилъ обѣдать придворныхъ князя по случаю дня своего рожденія. Утромъ поздравилъ графа Сапѣгу со днемъ его

рожденія, а также съ полученіемъ чина капитана гвардіи, которымъ онъ былъ пожалованъ наканунѣ Е. В—ствомъ.

30. Молодой графъ Сапѣга далъ праздникъ въ честь Ея Величества.

Іюль 1. Гулялъ въ саду съ Воловичемъ, Ливеномъ и Потемкинымъ.

2. Пригласилъ обѣдать отца Луку, Спираева, Аѳанасія и другихъ.

3. Выслушавъ раннюю обѣдню, я привѣтствовалъ молодого кн. Меньшикова въ комнатахъ. Потомъ отправился обѣдать къ Тетерлингу, гдѣ были только вдова какого-то капитана, и ея сестра, дочь первой жены придворнаго музыканта Разена, который также находился въ нашемъ обществѣ.

4. Былъ у кн. Голицына, гдѣ пообѣдалъ. Возвратившись оттуда, пошелъ къ Шмидту, съ которымъ условился относительно того, что буду доставлять ему съѣстные припасы, а онъ научитъ меня играть на клавесинѣ.

5. Навѣстилъ Обидовскаго, который пустилъ себѣ кровь въ моемъ присутствіи.

6. Былъ въ надворномъ судѣ по поводу дѣла съ Броневскимъ. Возвращаясь оттуда, переправился назадъ черезъ рѣку съ секретаремъ Артельнымъ, котораго пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Къ вечеру подполковникъ, по имени (пропускъ въ текстѣ), въ сопровожденіи Кизарова (Kisarow), лейтенанта флота, недавно прибывшаго изъ Испаніи, своего шурина, посѣтилъ меня.

7. Былъ у англійскаго купца Ducker'a. Купилъ у него 18 локтей драгету (droguet) на одежду. Въ то время какъ я былъ тамъ, молодой князь пришелъ ко мнѣ на квартиру.

8. Былъ въ саду кн. Меньшикова.

9. Былъ у Небеліуса, потомъ у своего хозяина, затѣмъ во дворцѣ князя, откуда отправился обѣдать къ графу съ Воловичемъ и Ливеномъ. Взялъ 10 книгъ отъ Михея Васильевича.

10. Утромъ привѣтствовалъ молодого князя, а потомъ, по выходѣ изъ церкви, находился въ его свитѣ.

11. Былъ au barreau de la Cour После обѣда игралъ на бильярдѣ съ Потемкинымъ и Воловичемъ.

12. Никуда не выходилъ. Шмидтъ началъ учить меня игрѣ на клавесинѣ.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви на островѣ. По выходѣ оттуда сопровождалъ молодаго князя въ его квартиру и обѣдалъ съ нимъ. Послѣ обѣда прогулялся по рѣкѣ въ Екатерингофъ съ Воловичемъ, Потемкинымъ, Воронцомъ.

14. Никита Михайловъ Сумицкій, полицейскій чиновникъ, принесъ мнѣ росписку относительно моего слуги Петра, которую я подписалъ. Эта росписка помѣчена сегодняшнимъ числомъ. Передъ вечеромъ гулялъ съ Ливеномъ, Воловичемъ и Потемкинымъ. Получилъ письма изъ дому отъ 20-го мая. Написалъ въ Смоленскъ.

15. Никуда не выходилъ, чувствуя себя нездоровымъ.

16. Былъ во дворцѣ князя и, никого не заставъ, отправился къ Борисову. Потомъ, по возвращеніи домой, ходилъ по лавкамъ, чтобы купить себѣ башмаки. Послѣ обѣда сидѣлъ дома, такъ какъ мнѣ нездоровилось.

17. Послѣ обѣдни прочли манифестъ объ отлученіи автора пасквиля. Передъ вечеромъ Миньяти, навѣстивъ меня, велѣлъ взять въ аптекѣ лѣкарство (une essence) противъ лихорадочныхъ пароксизмовъ.

20. Написалъ домой черезъ Данила Перехриста, который ѣдетъ завтра. Меня посѣтили Лизогубъ и Жураковскій. Съ воскресенья никуда не выходилъ изъ квартиры вслѣдствіе нездоровья.

21. Былъ au barreau de la Cour. Въ 6 час. по полудни прибылъ изъ Риги кн. Меньшиковъ и прежде всего отправился во дворецъ.

22. Утромъ былъ у князя.

23. Былъ тамъ-же.

24. Ссудилъ младшему Ливену 30 р. серебромъ. Обѣдалъ у графа Сапѣги. Селитренниковъ прислалъ мнѣ смородины, вишенъ и лимоновъ. Написалъ отцу письмо черезъ Стаховича, который уѣхалъ съ Вельяминовымъ.

25. Лѣчился и потому никуда не выходилъ изъ квартиры.

26. Хотѣлъ выбраться съ квартиры, но наступила сильная буря и помѣшала мнѣ сдѣлать это.

27. Перешелъ, съ своей прежней квартиры и поселился съ Ливеномъ и Паревскимъ.

28. Кн. Меньшиковъ пригласилъ къ обѣду его королевское высочество и всѣхъ иностранныхъ пословъ по случаю своего возвращенія изъ Риги. Пиръ начался въ 3 часа по полудни и продолжался до 3 часовъ ночи.

29. Обѣдалъ съ графомъ Сапѣгой.

30. Въ канцеляріи князя мнѣ дали перевести различныя французскія и нѣмецкія бумаги (pièces); за этимъ дѣломъ провелъ весь день.

31. Переписалъ то, что перевелъ вчера. Ужиналъ съ княземъ, у котораго выпросилъ приказъ на счетъ свободной доставки провизіи.

Августъ 1. Писалъ письма къ себѣ домой.

2. Былъ у одного купца и купилъ 22 фунта голландскаго сыру по 12 к. фунтъ. Кн. Меньшиковъ отправился на яхтѣ въ Ораніенбаумъ.

3. Гудовичъ уѣхалъ на Украйну. Княгиня со всей семьей отправилась въ Ораніенбаумъ.

4. Иванъ Полуляхъ, которому я ссудилъ 120 р., уѣхалъ на Украйну. Я отправилъ съ нимъ письма своему отцу и брату.

5. Борковскій прибылъ изъ Астрахани. Я отправилъ своего слугу въ Ораніенбаумъ.

6. Ѣздилъ въ Ораніенбаумъ на шлюпкѣ съ Дурнымъ (Durnoy) и кап. Гастомъ.

7. Князь остался въ Ораніенбаумѣ.

8. Ея Величество прибыла въ Кронштадтъ въ сопровожденіи всего гребнаго флота. Тамъ князь и я присоединилися къ ея свитѣ.

9. Кн. Меньшиковъ сдѣлалъ визитъ ея королевскому высочеству, а обѣдалъ у Ея Величества.

10. Совершилъ поѣздку въ Ораніенбаумъ на лодкѣ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и Потемкинымъ.

11. Прибылъ на шлюпкѣ въ Ораніенбаумъ.

12. Кн. Меньшиковъ далъ мнѣ перевести различныя французскія и польскія (Pol.) письма. Даревскій уѣхалъ въ Митаву. Мы всѣ возвратились съ княземъ въ Ораніенбаумъ.

13. Ея Вел. прибыла изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ. Князь тотчасъ отправился туда. Я провелъ день въ переводѣ писемъ, которыя на слѣдующій день возвратилъ въ канцелярію.

14. Вмѣстѣ съ Ливеномъ отправился въ Петергофъ; осмотрѣвъ тамъ всѣ рѣдкости сада, мы отправились къ фавориту (à favorite), гдѣ провели ночь.

15. Прибыли въ Петербургъ и обѣдали у Ростокера.

16. Обѣдалъ у себя на квартирѣ съ Ливеномъ и Ивановскимъ.

17. Получилъ 11 книгъ отъ Пелютье, выписанныя мною изъ Германіи; онѣ стоятъ мнѣ 44 червонца и 20 су. (?).

20. Князь Меньшиковъ вечеромъ прибылъ изъ Ораніенбаума.

21. Князь никуда не выѣзжалъ.

22. Князь обѣдалъ у графа Рабутина Нѣкій смоленскій дворянинъ Колачевскій принесъ мнѣ письмо отъ тестя.

23. Вечеромъ Императрица возвратилась изъ Петергофа.

26. Написалъ письма къ себѣ домой, которыя отправлю съ Воейковымъ.

28. Обѣдалъ у валашскихъ князей.

29. Графъ С(апѣга) далъ балъ въ честь княженъ.

30. Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ персонъ, отправилась въ лавру на торжественное богослуженіе по случаю праздника св. Александра Невскаго. Вечеромъ она возвратилась оттуда и посѣтила кн. Меньшикова. Какъ только она вошла, образовался кругъ около нея, и польскій резидентъ Лефоръ сталъ на колѣни передъ Е. В. Она возвела его въ кавалеры ордена св. Александра Невскаго, сама надѣвъ на него красную ленту.

Сентября 3. Написалъ письмо тестю черезъ Цвилепева, который завтра уѣдетъ. Утромъ пришелъ Даревскій.

8. Борковскій уѣхалъ на Украйну; я послалъ съ нимъ письмо отцу.

21. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de Cour), однако не добился успѣха въ своемъ дѣлѣ съ Броневскимъ.

26. Ея Величество оказала честь кн. Меньшикову, поужинавъ у него.

29. Получилъ письма изъ дому черезъ подполковника Веревкина.

Октябрь 7. Передалъ кн. Голицыну письмо отъ своего отца.

9. Отправилъ письма въ Смоленскъ съ полковникомъ Колачевскимъ, обѣдалъ у Алепли.

13. Совершена экзекуція надъ Ларскимъ.

14. Графъ Сапѣга пригласилъ обѣдать иностранныхъ пословъ.

20. Отправилъ письма къ генералу Вейсбаху и къ своему отцу съ кіевскимъ курьеромъ.

22. Получилъ письма изъ дому черезъ Солодушенка.

26. Былъ на рынкѣ.

29. Отправилъ письма въ Смоленскъ черезъ своего тестя и въ то же время отправилъ письма отцу по почтѣ.

31. Было большое наводненіе, такъ что весь Петербургъ былъ затопленъ.

Ноябрь 1. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de la Cour) по дѣлу съ Броневскимъ.

6. День рожденія кн. Меньшикова. По этому случаю онъ пригласилъ различныхъ знатныхъ господъ.

8. Былъ у кн. Голицына.

9. Волковъ праздновалъ свою свадьбу.

13. Подалъ просьбу (requête) князю.

16. Былъ въ гостяхъ у молдавскихъ князей.

18. Отправилъ письма отцу съ Солодушенкомъ.

19. Въ первый разъ выпалъ снѣгъ.

23. Накануне дня св. Екатерины замерзла рѣка Нева.

Декабрь 2. Былъ въ надворномъ судѣ и представилъ просьбу рѣшить мое дѣло, не отсылая его въ Смоленскъ.

5. Пригласилъ свою жену прибыть сюда.

8. Крестилъ мальчика у Григорія, слуги Ершова, которому дали имя Николай. Потомъ обѣдалъ у Алепли.

14. Бальцеръ уѣхалъ на Украйну; съ нимъ отправилъ письма отцу.

15. Былъ у кн. Голицына, у котораго просилъ помощи въ Смоленскомъ дѣлѣ.

17. Былъ пиръ у кн. Меньшикова по случаю дня рожденія его младшей дочери.

18. Также былъ пиръ при дворѣ Ея В—ва по случаю рожденія принцессы Елизаветы. Туда отправились и наши княжны, я находился при нихъ.

30. Андреевскій праздникъ. Ея Величество пожаловала великаго герцога и епископа Любекскаго кавалерами сказаннаго ордена. Въ 5 часовъ по полудни Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ кавалеровъ ордена св. Андрея, оказала честь кн. Меньшикову своимъ посѣщеніемъ; она сѣла за столъ со всѣми кавалерами; столъ былъ устроенъ въ видѣ Андреевскаго креста.

25. Рождество. Поздравлялъ князя.

1727 г.

Январь 1. Княжны поручили мнѣ передать отвѣтное поздравленіе великому герцогу и великой герцогинѣ, отъ которыхъ онѣ первыя получили поздравленія. Въ 6 часовъ мы отправились ко двору въ свитѣ княженъ; тамъ была зажжена очень хорошая иллюминація.

6. Богоявленіе. Происходила церемонія водосвятія на льду Невы.

24. Булгакъ уѣхалъ отсюда; я ссудилъ ему 200 р.

26. Былъ балъ у кн. Меньшикова по случаю именинъ его старшей дочери.

Февраль 1. Моя жена пріѣхала въ Ямскую, гдѣ я провелъ ночь.

2. Перебрался съ нею въ Петербургъ.

8. Отослалъ Артема на Украйну.

16. Обѣдалъ у молдавскихъ князей.

17. Перевелъ слѣдующія вещи (pièces): 1) письмо генерала Вейсбаха; 2) письмо Іонштейна касательно оконныхъ стеколъ (les vitres); 3) просьбу... (не разобрано) придворнаго капельмейстера. Это отдано секретарю.

18. Князь призвалъ меня, чтобы спросить о подробномъ обозначеніи une spécification de certains biens en fonds en Allemagne. Я перевелъ: 1) письмо Булгака; 2) удостовѣреніе (l'assurance); 3) письмо Дюпре.

19. По случаю именинъ княгини Меньшиковой былъ балъ, на которомъ присутствовали принцесса Елизавета, великій герцогъ и великая герцогиня. Получилъ письма изъ Смоленска черезъ нѣкоего капитана Шупинскаго. Лярскій отправленъ въ ссылку.

20. Перевелъ слѣдующія вещи: 1) описаніе кабинета; 2) письмо Видебанта (Videbant) и Грегори (Gregori). Былъ въ академіи.

21. Прогулялся въ саняхъ къ мѣсту гвардейскаго ученья.

22. Написалъ въ канцеляріи князя письмо тестю и отправлю съ капитаномъ Шупинскимъ. Мнѣ сдѣлали визитъ валашскій князь, Mathieu и Ирвиковскій. (?)

23. Меня послали перевести процессъ Лярскаго. Я перевелъ: 1) письмо Боттигера; 2) копію съ письма, написаннаго къ названному Боттигеру; 3) письмо де-Линьи (de-Lini) къ князю; 4) аттестацію Аррарити (d'Arrariti) о вахмистрѣ кн. Шаховскомъ.

24. Прочелъ князю вышеупомянутые переводы. Мнѣ дали перевести: 1) письмо виленскаго епископа; 2) меморіалъ виленскаго каноника; 3) дипломъ на основаніе церкви въ Горкахъ. Въ 4 часа по полудни былъ у графа Бассевича, которому передалъ письмо моего отца.

25. Обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

26. Князь обѣдалъ у графа Головкина, потомъ былъ у графа Сапѣги. Меня навѣстили: полковникъ гвардіи Косоговъ, Максимовичъ, Стефановичъ, Иличъ, Нарамовскій и Мировскій.

27. Прочиталъ князю письмо виленскаго епископа и меморіалъ каноника Влодзимирскаго. Вымѣнялъ сукно, которое прислалъ мнѣ отецъ, у Сутгофа, прибавивъ ему 12 р.

29. Отправилъ виленскаго каноника Влодзимирскаго, съ которымъ отъ имени князя послалъ письма виленскому епископу, Булгаку и Потемкину.

30. Князь приказалъ перевести мнѣ помадныя этикетки.

Апрѣль 1. Меня пригласили перевести письмо прусскаго короля, письмо Видебанта и изложеніе причинъ ареста курляндскихъ депутатовъ.

2. Свѣтлое Воскресенье. Никуда не выходилъ.

3. Принесъ поздравленіе кн. Голицыну и его сыну адмиралу, графу Бассевичу и его королевскому высочеству, потомъ обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

4. Алепли съ женой сдѣлалъ мнѣ визитъ.

5. Секретарь далъ мнѣ извлеченіе изъ писемъ де-Линьи (de-Lini).

8. Отдалъ кн. Меньшикову письмо прусскаго короля, меморіалъ Бандемира и изложеніе причинъ задержанія курляндскихъ депутатовъ.

10. Кн. Меньшиковъ въ сопровожденіи княгини, своей супруги, и Варвары Михайловны, перебрался во дворецъ, примыкающій къ Зимнему дворцу Е. В.

12. Былъ на другой сторонѣ (Невы) у князя, чтобы отдать ему переводъ извлеченія изъ писемъ де-Лини, который я возвратилъ Пуговкѣ.

14. Рѣка вскрылась передъ полуднемъ.

15. Получилъ письмо отъ отца черезъ Михайла Сухарева, кіевскаго рейтара.

16. Обѣдалъ съ княжнами Меньшиковыми и игралъ тамъ съ барышнями въ жмурки (?) (j'y ai joué à l'ombre avec les demoiselles). По возвращеніи сдѣлалъ визитъ кн. Алексѣю Григорьевичу Долгорукому.

19. Написалъ отцу съ кіевскимъ рейтаромъ.

23. Былъ съ княжнами при дворѣ.

25. Былъ на другой сторонѣ у кн. Меньшикова. Послѣ полудня были у меня карлица (la naine) и. Татьяна.

29. Великій князь съ своей сестрою провелъ двѣ ночи у нашего князя.

Май 1. Племянница Е. В. провела двѣ ночи у нашихъ княженъ. Написалъ письма въ Смоленскъ съ нáрочнымъ Милашевича (par un exprès de Milaszewicz).

3. Моя жена родила преждевременно.

6. Меня посѣтили молодыя княжны вмѣстѣ съ княземъ, ихъ братомъ. Въ 9 часовъ вечера скончалась Ея Величество Государыня Императрица.

7. Великій князь провозглашенъ Императоромъ Всероссійскимъ. Въ этотъ же день я имѣлъ счастье быть допущеннымъ къ его рукѣ.

14. Принесъ вѣрноподданническую присягу теперешнему Императору въ присутствіи совѣтника Коллегіи Коммерціи Сувита (? Suvit); при этомъ былъ отецъ Іосифъ.

16. Тѣло Ея Величества Государыни Императрицы предано землѣ. Я присутствовалъ при этомъ, сопровождая княженъ. Непосредственно послѣ похоронъ Ея Величества Императоръ поселился во дворцѣ князя Меньшикова.

25. Его Императорское Величество обручился (épousa) съ старшей дочерью Меньшикова. Въ тотъ-же день она переѣхала въ Петергофъ.

26. Княгиня со всей семьей выѣхала туда-же.

Іюнь 16. Отправилъ (dépêchai) Mr. Lucas.

Іюль 25. Герцогъ Голштинскій уѣхалъ въ свои владѣнія.

Августъ 3. Конюхъ (l' Ecuyer) уѣхалъ на Украйну.

„ПОШИСТЬ“[1].

(Разсказъ изъ быта крестьянъ черниговской губерніи).

I.

Конецъ іюня... Дни стояли необыкновенно жаркіе. Давно не было такъ знойно.

Стада не паслись и искали тѣни. Рабочіе волы замѣтно тощали отъ жары. Собаки высовывали свои длинные языки и лежали въ тѣни, тяжело дыша и лѣниво лая на прохожихъ. Птички сидѣли на вѣткахъ и терпѣливо ждали дождя съ разинутыми отъ зноя клювами. Листъ на деревѣ вянулъ. Земля просила дождя; но небо было безъотвѣтно. Не было даже надежды на перемѣну погоды: вверху — ни облачка, ни подобія тучки. Словно раскаленный шаръ, ежедневно выкатывалось изъ-подъ горизонта солнце и, обходя по голубой лазури длинный лѣтній путь, накаляло землю съ утра до вечера. На нѣсколько лишь часовъ оно скрывалось за горизонтъ какъ-бы для отдыха, чтобы утромъ выйти и снова начать все ту же знойную работу.

Тяжело чувствовалъ себя хозяинъ землепашецъ, на глазахъ котораго засыхали его нива и огородъ. Еще тяжелѣе стало ему, когда съ его скотиной стало твориться что-то не совсѣмъ ладное.

---

[1]) *Пошистью* называется эпидемическая болѣзнь.

II.

Ефремъ,—одинъ изъ старыхъ хозяевъ деревни Кореневки,—войдя однажды въ свою „куню“,—стойло, гдѣ стоялъ скотъ,—замѣтилъ, что его корова стоитъ въ углу, опустивши голову, и ничего не ѣстъ. Всегда бывало бынька ѣла или жвачку жевала. Чуя приближеніе хозяина, она бывало привѣтливо голову поворотитъ, а теперь—на-ко, поди... мало что не ѣстъ, даже не поворачивается.

Екнуло слегка крѣпкое мужицкое сердце подъ толстой сермягой,—которую Ефремъ носилъ почему-то и въ жару, какъ завѣтъ предковъ,—бѣду почуяло: неладное творится съ бынькой. А бынька, извѣстно, въ хозяйствѣ статья не послѣдняя.

— „Бынь, бынь! На, дурна, поижъ“! Онъ подложилъ ей сѣна подъ ноги. Стоитъ корова, не двигается и не смотритъ на сѣно; уткнула морду въ уголъ, вниманья не обращаетъ. Ефремъ—толкъ ее ногой... Словно и не ее толкнули. Другой разъ—то же самое... Онъ повернулъ ей морду къ корыту, она послушно перешла на другое мѣсто, но ѣсть не стала. Что за притча такая? Вглядываясь пристальнѣе въ морду своей коровы, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что у нея изо рта течетъ пѣна. Совсѣмъ растерялся старый Ефремъ, да изъ „куни“ скорѣй въ хату, жену бабу крикнулъ:

— Иди, кричитъ, скорійше!

Пришла и баба. Посмотрѣла—ахнула. Она уже нѣсколько дней замѣчаетъ, что бынька меньше стала выдѣлять молока и какъ будто худѣетъ... Анъ, оно вотъ что!

Заголосила баба.

Нужно дать „раду“ какую-нибудь, нужно помочь. А какъ помочь? Съ чего тутъ начнешь? Никто ничего не знаетъ. Перевязать ее штанами что-ли по брюху?! Такъ гдѣ-же опять такихъ-то штановъ достать? У Ефрема по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ длинныхъ, да и не было никогда. Или кровь ей пустить? пьявки ставить?.. Господи, Боже мой! Наказанье какое! Что дѣлать то? „Фершала“ бы... Да гдѣ ты его теперь найдешь?

Одинъ онъ здѣсь на всю округу. Его не докличешься. Рѣдко онъ бываетъ въ Кореневкѣ. Развѣ случаемъ какъ-нибудь проѣдетъ, остановится, привьетъ оспу дѣтямъ, да и укатитъ дальше. Потъ крупными каплями покатился по морщинистому лбу Ефрема отъ жары и отъ волненья, отъ мыслей всякихъ, что приходили ему въ голову. А мысли приходили все нехорошія. Чуяло сердце, что придется разстаться съ бынькой.

— Бынька, бынь, бынь! чого ты? що зъ тобою?

Какъ заревётъ въ эту минуту корова, вытянувши шею, да такъ-то необычно, такъ-то жалобно, словно и голосомъ не своимъ. Ревнула разъ, другой, третій и пошла безъ перерыва, разъ за разомъ, до тѣхъ поръ, пока силы хватило. Словно-бы духъ изъ нея выворачивало. А какъ не хватило силы, упала сначала на переднія ноги, а потомъ на заднія. Такъ и повалилась.

Сбѣжался народъ. Какъ? что? почему? Пошли распросы, но ничего не выяснилось, потому что никто не могъ сказать, отчего такое приключилось. Раньше какъ будто такихъ напастей на скотъ не было. Случалось, правда, охватится она, или ногу тамъ зашибетъ, или покашляетъ зимой. Но все это ничего,— проходило. А теперь—на-ко, поди... Надо полагать, отъ наговоровъ, отъ чего-же другого?

— И чудное это, братцы, дѣло такое, разсказывалъ словоохотливый Ефремъ собравшимся крестьянамъ. Пришовъ я—дывлюсь: въ кутку стоить, морду опустивши, не исть... Я ій—сина, а у нея уже пѣна потягла, такъ и тягне...

Кореневцы рѣшили, что нужно непремѣнно выгнать ее изъ стойла, посмотрѣть, какова она будетъ на улицѣ, на солнцѣ. Били, били быньку сначала осторожно, потомъ посильнѣе. Встала она, зашаталась, заревѣла опять словно не своимъ ревомъ, но не вышла изъ „куни“. Ее насильно вывели и повели по выгону. Начали осматривать: ничего, какъ есть корова... Похудѣла только немного.

— А стоить-то вона чудно... Дывись,—ноги разставила...

Дѣйствительно, корова стояла на необычно раздвинутыхъ

ногахъ и тяжело, порывисто дышала. Носъ у нея былъ совершенно сухой. Кто-то взялъ ее за рога.

— Братцы, у неи одинъ рогъ якъ бы горячій, а другій холодный.

— Не чепай, оступысь, бо ще на тебе перейде часомъ...

— И що за напасть такая, прости Господи!..

— Во всемъ—воля Божія... Або — бѣшенство, або—наговоры.

Во время такихъ разговоровъ изъ плетня огорода слетѣла курица и пошла по выгону. Корова какъ-то неестественно оживилась, выпрямилась, навострила уши: одну секунду—впилась въ курицу глазами, а въ другую какъ прыгнетъ къ ней... да такъ и влѣпилась рогами въ плетень, за которымъ съ рѣзкимъ крикомъ скрылась курица. Откуда, подумаешь, и сила взялась...

Въ это время бѣжала мимо черная собака. Корова бросилась и за ней, долго ее преслѣдовала, но не догнала и въ безсиліи упала, споткнувшись, на переднія ноги. Также бросалась она и на лошадей. Человѣка не трогала; развѣ только кто-нибудь быстро бѣжалъ въ черной свиткѣ. Но и на того, впрочемъ, она не кидалась, а только бѣжала рядомъ съ нимъ, наклонившись немного на бокъ.

Замѣтивъ, что „бынька" то и дѣло норовитъ бѣжать за кѣмъ-нибудь, кореневцы стали ее гонять по выгону. Но мѣра не удалась: корова забѣжала въ уголъ построекъ и никакими ударами нельзя было ее оттуда выгнать. Прививали ей пьявки къ шеѣ и животу, натирали солью, обливали даже дегтемъ—ничего не помогало. Такъ и не спасли „быньку": чрезъ нѣсколько дней она совсѣмъ зачахла и околѣла, уткнувшись головой въ уголъ плетня. Ее выволокли за деревню, но не черезъ ворота, а тѣмъ путемъ, куда указывала ея морда. Хорошо еще, что она уткнулась головою въ плетень (плетень не трудно разобрать); а если-бы уткнулась въ хату—сохрани Богъ!.. По настоящему, пришлось-бы разбирать и хату, чтобы вытащить ее;

иначе,—крестьяне вѣрятъ,—весь скотъ издохнетъ у того хозяина, который вздумаетъ повернуть назадъ голову издохнувшей скотины.

III.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, этимъ бѣда не кончилась. Послѣ Ефремовой коровы заболѣла другая, потомъ—третья. Кореневцы прежде всего обратились за помощью къ своей знахаркѣ, но безъуспѣшно. Хотя баба Ирина шептала больной скотинѣ, держала ее за рога, давала пить какую-то свою воду, но скотъ все-таки продолжалъ болѣть. Крестьяне, впрочемъ, этого и ждали. Старый Ефремъ былъ всегда того мнѣнія, что кореневская Ирина не знаетъ своего дѣла. При томъ-же, эта знахарка сама повредила своей репутаціи тѣмъ, что взялась лѣчить одну больную еврейку и вылѣчила ее. Лечить евреевъ православному человѣку грѣшно. Въ этомъ кореневцы свято убѣждены. Жидъ—нехристъ. Это—извѣстно. Въ бѣдѣ ли онъ какой, боленъ-ли онъ, все равно... пусть онъ издохнетъ совсѣмъ, кореневецъ и голотовецъ ни за что не дадутъ ему помощи. А Ирина вылѣчила Ривку,—это все село знаетъ,—и получила за это не мало. За то знахарская сила отступила отъ нея, и для крещенаго человѣка она теперь ничего не знаетъ.

— Треба послаты въ Чернецкъ за Оленой! Та поможе...

И дѣйствительно, нужно было послать, нужно было торопиться. Слухъ, что стадо „порченое“ распространился среди кореневцевъ по мѣрѣ того, какъ эпидемія брала все больше и больше жертвъ. Знахарка нужна была столько-же для помощи, сколько и для поддержки упавшаго духа кореневцевъ. Лишиться стада для нѣкоторыхъ было то же, что совсѣмъ разориться.

Одновременно послали и за ветеринаромъ, на всякій случай. Одно другому не мѣшаетъ. Но ветеринара не было дома. Онъ былъ разъѣздахъ. Привезли знахарку.

Авторитетъ держится отдаленностью. И не удивительно, что дальняя знахарка пользуется большей славой, чѣмъ ближняя.

Прибытію чарнецкой знахарки предшествовалъ слухъ, что она знаетъ такое слово, которое, если сказать, скотина выздоровѣетъ.

Олена, — женщина еще молодая,—которую, впрочемъ, въ окрестности почему-то всѣ называли „бабой Олеськой“,—принялась лѣчить. Она обходила скотъ у разныхъ хозяевъ и осматривала его, выслушивала и сказала: что нужно считать, сколько разъ зареветъ заболѣвшая скотина: если четное число разъ,— то выздоровѣетъ, если нечетное, то, по всей вѣроятности, умретъ. Давала она скотинѣ хлѣбъ. Если скотина принимала хлѣбъ, знахарка говорила, что болѣзнь не опасна и скоро пройдетъ; если корова не хотѣла брать,—Олеська авторитетно объявляла, что корова очень больна и, быть можетъ, подохнетъ. Давала она и воду съ тѣми-же замѣчаніями. Крестьяне ходили за знахаркой и съ тревогой ждали рѣшенія участи своей скотины.

— Зробы вже ты намъ... Заговоры ты стадо... обращались довѣрчивые, безпомощные крестьяне къ знахаркѣ, надѣясь на нее больше, чѣмъ на всѣхъ докторовъ въ свѣтѣ.

Знахарка медлила. Конечно, ей очень хотѣлось поддержать свою медицинскую извѣстность въ окрестности. Въ случаѣ неуспѣшности лѣченія, этой извѣстности грозило паденіе. Создавши свою репутацію доктора на двухъ-трехъ случаяхъ успѣшнаго лѣченія разныхъ неопредѣленныхъ болѣзней, она теперь положительно терялась, не знала, что дѣлать, и внутренно даже сожалѣла, что взялась за это дѣло. Въ ея практикѣ это былъ первый случай лѣченія скота.

Но отказываться было нельзя. И она стала усерднѣе нашептывать скотинѣ на ухо и на хлѣбъ, который тыкала ей въ зубы. Подойдя къ одной больной коровѣ и осматривая ее, она какъ-то совершенно случайно высказала предположеніе: не отъ укуса ли это какой-нибудь собаки.. Она боялась сказать „бѣшеной“, потому что нигдѣ не слышала, чтобы въ окрестности гдѣ-либо бѣгала бѣшеная собака. Олена была осторожна и, какъ всѣ осторожные люди, не столько говорила, сколько

слушала и, если затѣмъ говорила, то говорила кстати. На этомъ создавалась ея карьера.

Скоро прибылъ и батюшка съ дьячкомъ. Онъ служилъ молебенъ и кропилъ стадо святой водой. Въ батюшку и его священную воду кореневцы вѣрили не меньше, чѣмъ въ знахарку и ея таинственныя нашептыванія на хлѣбѣ. И когда о. Иванъ, обходя стадо, торжественно пѣлъ „Спаси Господи" и кропилъ все окружающее водою, кореневцы внимательно считали ревъ коровъ и никакъ не могли досчитаться: „до пары" ли тутъ выходило, или не „до пары". Кто его разберетъ, въ самомъ дѣлѣ?...

IV.

Мѣстность, гдѣ была расположена деревня Кореневка, была мѣстомъ вполнѣ здоровымъ. Здѣсь давнымъ давно не было никакихъ эпидемій ни на животныхъ, ни на людяхъ. Недавняя холерная эпидемія совершенно не коснулась ни Кореневки, ни сосѣднихъ селъ и деревень.

Чуть замѣтный ручеекъ, извиваясь по зеленой лужайкѣ, окружалъ небольшой холмикъ, поросшій густымъ березнякомъ, въ которомъ скрывалась отъ взоровъ путешественника деревня. Вся деревня состояла изъ десятка избъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Густыя, высокія деревья, нависшія съ обѣихъ сторонъ дороги, сохраняли тутъ постоянную сырость въ обыкновенный лѣтній день и прохладу въ знойную, жаркую пору. Въ одномъ мѣстѣ среди деревни дорога раздвигалась и давала мѣсто маленькому выгону. Это было любимое мѣсто кореневцевъ для отдыха. „Ось тутъ такъ холодокъ!" говорилъ почти каждый крестьянинъ, растягиваясь на досугѣ на зеленой, бархатной травѣ въ жаркій день. Тутъ-же любили играть и дѣти, выпрашивавшіе обыкновенно гостинцевъ у какого-нибудь проѣзжавшаго пана. Смѣлость дѣтей доходила до того, что, завидя издали какую-нибудь бричку, они гурьбой становились на

дорогѣ и такъ назойливо кричали „гостинца“, „копѣечку“, что панъ долженъ былъ останавливаться...

Былъ праздникъ. Группа крестьянъ лежала на травѣ радіусомъ около пня недавно срубленной березы, изъ котораго стекалъ березовый сокъ. Густая влага вытекала изъ центра пня и осаждалась на сторонахъ въ видѣ густыхъ пѣнокъ блѣдно розоваго цвѣта. Одинъ изъ крестьянъ ковырялъ пѣнки хлыстикомъ.

— Не чепай, наставительно замѣтилъ ему другой крестьянинъ. Нехай тиче, бо якъ у кого око часомъ заболить, то помогае...

Тотъ оставилъ хлыстикъ, вздохнулъ, молча перевернулся на спину и, смежая вѣки глазъ, сталъ глядѣть на небо. Отъ неба такъ и несло удушливымъ, раскаленнымъ зноемъ. На загорѣвшихъ, крестьянскихъ лицахъ выступалъ потъ, не смотря на тѣнистую прохладу.

— Иване, ты чого такъ сумно вздыхаешь?

— Багато будешь знать—хутко постаріешь, а мени хочется, щобъ ты бувъ молодый, отвѣтилъ Иванъ, щобъ тебе Марья любыла.

— Отъ того-то ты такъ и постаривъ певне, що дуже багато знаешь, не оставался въ долгу тотъ.

— Запевне, що бильше твого знаю.

— Хиба зъ батькомъ та зъ маткою... то може выйде и бильше.

— Мовчи, Василю... перестаньте! сказали старики, которымъ непріятна была эта перебранка, начавшаяся съ пустяковъ.

Иванъ, глядя въ верхъ, началъ насвистывать; а Василь взялъ брошенный хлыстикъ и сталъ ковырять березовый пень—единственный предметъ, невольно обращавшій вниманіе то одного, то другого крестьянина.

— Чи то правда, що Іуда повисився на березі и зъ теи поры вона плаче? спросилъ Василь, тыкая хлыстомъ въ зёвъ, изъ котораго медленно вытекала влага. Кажуть, що слёзы березы отъ всякои болѣзни...

— Кажуть, що колысь твоя маты ракомъ свистала, а теперь соловейкомъ кудахтае, не утерпѣлъ, чтобы не огрызнуться Иванъ.

Они опять готовы были сцѣпиться, но ихъ опять заставили замолчать. Изъ всей кореневской молодежи Иванъ отличался наибольшей грубостью и дерзкимъ характеромъ. У него былъ языкъ „якъ швайка, торкни—она и колется". Его въ деревнѣ не любили. Быть можетъ его нѣсколько испортили клинцовскія фабрики, куда онъ ходилъ въ будніе дни на работу. Только по праздникамъ онъ приходилъ въ Кореневку провѣдать родныхъ, да посмотрѣть на хороводъ и игры, въ которыхъ, впрочемъ, участія не принималъ.

— А що, якъ-бы даты худоби напытыся березовои воды, може-бъ и полегшало, сказалъ кто-то.

— Эге, треба попробовать. Але щось вона помалу бижить...

— Хиба въ лиси березы нема?! Можно нацидыты...

— Ничого не поможе, хладнокровно замѣтилъ Иванъ, даремна праця.

— Чому?

— А потому, що якъ болила въ Губинцахъ скотина, то тамъ давали всякую воду пиıы и березовую и свяченую,—и все дарма.

— Ой, мовчавъ-бы ты лучше, сказалъ одинъ изъ стариковъ, отодвигаясь отъ лучей солнца, въ тѣнь, дуже ты у насъ розумный.

— А ты, старый, погривъ бы ще свою лысыну на сонци, то може-бъ порозумнійшавъ, та може бъ и волосье за едно выросло...

Кто-то засмѣялся. Старикъ вступилъ въ перебранку съ Иваномъ. Ивана опять заставили замолчать.

— Эхъ, Ивапе, Иване! обратился къ нему со вздохомъ Ефремъ, твои батьки не таки були, царство имъ небесное. Не поправди ты живешь.

— Лыхо зъ правдою, лыхо и зъ брехнею, огрызнулся Иванъ. За правду бьють, а за брехню виры не дають.

— Зъ такою мудростью, що у тебе въ голови, на свити тяжко житы, Иване.

— Ничого, якось-то проживу. Ще, здается, у тебе грошей на житье не позычавъ?

Молчаніе. Иванъ всё глядѣлъ вверхъ, заложивъ ногу на ногу, и свистѣлъ. Его ботфорты, сложенные въ складки, блестѣли на солнцѣ. Старики глядѣли на него съ досадою, молодежь—съ завистью.

— Якъ Богъ не поможе чоловику, нихто не поможе, сказалъ какъ бы про себя Ефремъ, кивая сѣдою головою.

— Якъ-бы Богъ хотивъ помогты, то давно-бы не було такои спекоты, возразилъ Иванъ, тай певне-бъ и болисти на худоби не було-бъ...

— А зъ чого-жь по твоему худоба здыхае?

— А хто еи знае? Може объилась чого, а може запалъ...

— Якъ-то запалъ?

— А такъ, я чувъ бувае въ кишкахъ... воспаленіе, якъ клинцовскій докторъ еденъ казавъ. Кишка начинае гныты, тай бувае запалъ.

— Брешешь, брешешь! Що брешешь, то брешешь! раздалось разомъ нѣсколько голосовъ. Олена казала, що то може буты порча отъ наговоривъ якихъ-нибудь, або собака укусыла...

— Хе, хе, хе!.. засмѣялся Иванъ. Ничого ваша Олена не знае, тай вы зъ нею. Напала на дурнивъ, та зъ дурнивъ и живе.

— Якъ-то?! Олеська ничого не знае?!

Споръ обѣщалъ принять большіе размѣры, но въ это время заревѣла въ хлѣву больная скотина и крестьяне принялись считать, четное или не четное число она ревнетъ. Одновременно почти заковала кукушка, и одна крестьянка, сидѣвшая на призьбѣ съ ребенкомъ, выкрикнула—„зозуля, зозуленька, скильки мини житы?“ и тоже стала считать... Заревѣла другая корова и крестьяне совершенно сбились съ толку въ счетѣ.

V.

— Ѣде, ѣде! Панъ ѣде! кричали дѣти, бѣжа къ выгону врозь и въ одиночку. Ставайте, ставайте! Попросымо у пана копѣечку Дѣти-малыши засуетились, забѣгали.

Дѣйствительно, вдали показалось непроницаемое облако пыли, совершенно окутывавшее двигавшуюся бричку. Бричка, въѣхала въ березнякъ, и кореневцы могли разглядѣть въ ней толстаго, жирнаго пана, изнывавшаго отъ нестерпимой, душной жары и пыли. Пыль покрывала всё его лицо—усы, бороду и щеки, по которымъ бѣжали капли пота, превращавшія пыль на лицѣ въ грязь, отъ которой панъ напрасно старался избавиться... Жирный потъ просачивался на поверхность бѣлаго чесучоваго пиджака подъ мышцами и ложился замѣтными полосами на спинѣ. Панъ тяжело дышалъ...

— Го-стин-ца! Ко-пѣ-ѣ-ечку! заголосили звонкіе дѣтскіе голоса, когда бричка поровнялась съ выгономъ. Панъ велѣлъ остановить лошадей.

— Воды! Дайте воды, зашипѣлъ панъ, сплевывая съ губъ грязный потъ. Ф-уу!..

Крестьяне встали, сняли шапки и обступили бричку. Подали воду. Панъ пыхтѣлъ и пилъ жадными, жирными губами, отрываясь на секунду, чтобы передохнуть... Онъ страдалъ... Крестьяне съ удивленіемъ и съ чувствомъ нѣкотораго соболѣзнованія смотрѣли на эту жирную тушу, которая широко раздвинувъ въ просторной бричкѣ свои толстыя, короткія ноги, жадно выливала уже вторую кружку воды въ свое круглое, пространное вмѣстилище, то подымавшееся вверхъ, то опускавшееся. Фигура пана была очень оригинальна. Такихъ пановъ можно еще встрѣтить въ Стародубьи.

— Жарко, сказалъ Иванъ, считавшій вправѣ, по своему культурному превосходству, первымъ заговорить съ проѣзжимъ паномъ. Товарищи уступили ему это право.

— М—м... мычалъ панъ, отдуваясь и отдавая кружку молодицѣ.

— Тутъ у насъ затишокъ, прохлада, замѣтилъ кто-то... Панъ обвелъ кругомъ своими сонно-усталыми глазами и крякнулъ.

Онъ не безъ труда сошелъ съ брички, велѣлъ кучеру взять на лѣво въ холодокъ, подъ тѣнь, а самъ легъ на травѣ и, отдышавшись, вступилъ въ тѣ разговоры съ кореневцами, которые хорошо знакомы каждому, кто ѣзжалъ по дорогамъ. Узнавши, что у кореневцевъ скотъ падаетъ, панъ очень обстоятельно распросилъ про признаки болѣзни и ея ходъ. Крестьяне охотно разсказывали.

— Скажите вы намъ, что это за напасть такая и какъ её лѣчить?...

— Какъ лѣчить? смотря какая болѣзнь... отвѣчалъ панъ. Должно быть это—воспаленіе въ легкихъ,—эта болѣзнь нынче очень распространена... Она передается чрезъ зараженіе, а зараженіе происходитъ чрезъ сообщеніе животныхъ между собою... примѣрно, чрезъ кормъ.

И панъ пустился въ объясненіе знакомой ему болѣзни. Онъ немножко путался... Но если-бы онъ и не путался, всё равно крестьяне его не вполнѣ поняли-бы.

Иванъ торжествовалъ. Его такъ и подмывало сказать: „ а что? не говорилъ я про запалъ?"

— Признаки болѣзни такіе, продолжалъ панъ: дыханіе у скотины затрудняется, примѣрно скажемъ.

— Такъ, такъ, затрудняется, говорили крестьяне.

— Аппетитъ и отдѣленіе молока уменьшается.

— Такъ, такъ... Молока нема.

— Бываетъ жаръ, уши и рога попеременно становятся то холодными, то горячими; скажемъ такъ, если взять за ухо...

— Эге, эге, такъ... ухо холодніе...

— Пьетъ воду больная скотина съ остановками.

— Такъ, такъ, панъ все знае...

— Ноги неправильно стоятъ.

— Що правда, то правда! Ей-Богу! У насъ точнисенько такъ, якъ це вы кажете! удивлялись кореневцы всевѣдѣнію пана. Ноги стоять раскарачившись... Якъ-же теперь, проше пана, еи выличиты?

— Какія средства?.. Нужно выдѣлить больной скотъ, очищать дворы карболкой или сулемой...

— Такъ, такъ, довѣрчиво подтверждали крестьяне.

— А самое лучшее ветеринарнаго доктора позвать, онъ скажетъ... Онъ на то и поставленъ начальствомъ докторомъ, на случай, примѣрно, какой-нибудь болѣзни на скотинѣ...

— А у насъ тутъ Олеська есть! Такъ она также лѣчитъ!..

— Какая Олеська?

— Чарнецкая... знахарка!.. баба...

— Ну, ничего ваша Олеська не знае. Ну посудите вы сами: докторъ, скажемъ, въ школахъ учился, всякія болѣзни изучалъ...

— Такъ, такъ, изучалъ...

— А Олеська, скажемъ, какая-нибудь, примѣрно, баба... Пф... Какъ жарко!.. Ну, такъ гдѣ же ей, примѣрно, знать всякую болѣзнь. Она, скажемъ, простая, ничего не знающая, обыкновенная баба пф...

— А таки такъ, баба и есть, запевне.

— Ну, такъ вотъ вамъ... сказалъ панъ, заключая свое собесѣдованіе съ кореневцами. Онъ велѣлъ подавать лошадей, которыя, выбивались изъ упряжи отъ назойливыхъ мухъ. Кореневцы помогли барину взобраться на бричку. Дѣти опять обступили бричку, панъ выбросилъ имъ мелкую монету и скоро облако пыли опять взвилось надъ дорогою, скрывая отъ крестьянъ всезнающаго пана.

— А что, не говорилъ я?! не утерпѣлъ Иванъ и вызывающе посмотрѣлъ на товарищей. Но, какъ бы считая для себя излишними всякія дальнѣйшія объясненія послѣ того, какъ такъ открыто была засвидѣтельствована предъ людьми справедливость его словъ относительно „запала“ и невѣжества Олеськи, онъ, рисуясь предъ крестьянами, взялъ свой хлыстикъ и, сказавши „до свиданья“, надвинулъ свой парусиновый картузъ на бекрень и отправился на фабрику въ Клинцы. Онъ замѣтно рисовался предъ крестьянами-сельчанами и то и дѣло ударялъ себя хлыстикомъ по ботфортамъ, составлявшимъ предметъ зависти для кореневскихъ парней. Скоро со стороны мостика раздалась

громкая пѣсня: „раскудра-кудра-кудра... раскудрава голова"... И всѣ знали, что Иванъ Нечипорукъ выходитъ изъ Кореневки.

— Не въ батька пишовъ...

— Эге, зъ нашого поля, та не наша ягода.

— Якъ не звыхнется зъ колеи, то може и въ люде выйде.

— Але однако чудно, що Иванъ казавъ про запалъ, и панъ казавъ... Иванъ казавъ про Олеську... и панъ тее саме казавъ.

Для крестьянъ это совпаденіе мнѣній Ивана съ словами пана не могло не казаться удивительнымъ. Нѣкоторымъ чуялось, что Иванъ какъ будто и правъ, но никто не осмѣливался высказать этого въ слухъ. Авторитетъ и вліяніе чарнецкой Олены держалось выше мнѣній случайно проѣзжавшаго пана.

VI.

Панъ укатилъ. „И слиду писля него не осталося". Кто онъ былъ, откуда и куда ѣхалъ? никто этого не зналъ, никому изъ кореневцевъ и въ домекъ не пришло распросить объ этомъ пана или по крайней мѣрѣ узнать, какъ зовутъ пана.

Кореневцы очень пожалѣли, что не распросили, кто былъ проѣзжавшій. Дѣло въ томъ, что на другой день послѣ его выѣзда случились новыя заболѣванія скота, и въ Кореневкѣ стали говорить, что это „справа вчерайшого пана", что этотъ самый панъ развозилъ болѣзнь по всей округѣ. Въ пользу этого предположенія были всѣ данныя вчерашняго визита. Во-первыхъ, зачѣмъ панъ ѣхалъ въ жару? Ну, скажите, какой-же панъ поѣдетъ въ этакую-то „спекоту"? Во вторыхъ, пріѣхавши, даже не сказалъ „здравствуйте", какъ всѣ крещеные люди говорятъ, а „закомандовалъ"—воды, воды... Подай, слышь, ему сейчасъ воды!.. Такъ и „закомандовалъ"... А эти дуры такъ сейчасъ и бросились за водой! Одна съ кружкой, другая съ „шклянкой"...

— Ей-Богу, то не я... отпиралась Ганна, несшая пану кружку. То́ Марина...

— Отъ, присяй-бижъ, то не я... И всими святыми присягну, що не я перша подала пану воду, а Ганна.

— Брешешь, бо ты! прислужиться хотила, протестовала Ганна.

— Отъ, щобъ я скисла на сему мисци, колы не ты перша подала воду.

— Нехай мини симъ болячокъ, колы я...

— Брешешь, брешешь, бо ты.

— Ой, мовчи, облизлая жабо.

— Сама ты облизлая жаба... тьфу!

— Тьфу! Я тоби припамятаю еще, якъ твій чоловикъ въ мене обручи на даху покравъ...

— А пожды—но, пожды... и я еще згадаю тоби, хто то у мене яйця зъ пидъ рябои курки кравъ... Я ще твою лысую голову намну, пожды—но!

— Пожды, лысый чортъ, не дождешь! На моій голови ще коса держится, а на твоей вже давно чорты блынци печуть. „Молодыци" приближались одна къ другой, грозя руками, и такъ стараясь перекричать одна другую, что даже присѣдали. Безъ сомнѣнья, такой крупный разговоръ двухъ кореневскихъ дамъ, хотя и доставилъ нѣкоторое оживленіе на скучной кореневской улицѣ, на которую, при первомъ крикѣ, со всѣхъ избъ потянулись всѣ, кто только могъ ходить; но тѣмъ не менѣе „чоловики" стали разнимать и урезонивать расходившихся бабъ.

— Перестаньте, перестаньте, говорили имъ со всѣхъ сторонъ, а старый восьмидесятилѣтній Ничипоръ Опенько, давно не вылѣзавшій изъ своего угла, выглянувши по этому случаю на своихъ клюкахъ на улицу, только почесалъ затылокъ да сплюнулъ при видѣ двухъ наступавшихъ другъ на друга бабъ.

— Тьфу, сказалъ онъ, тряся своей старческой головой, ажъ свыни сміются, и поворотилъ свои клюки обратно, придерживаясь за ворота. И такъ чимало лыха на свити, а воны ще човптысь захтилы.

Самымъ важнымъ слѣдствіемъ „гомона" бабъ было то, что на улицѣ собралась большая громада,—словно земскій началь-

никъ пріѣхалъ съ старшиной,—и вопросъ о панѣ сталъ обсуждаться живѣе и всестороннѣе при большомъ количествѣ голосовъ.

Общій, бойкій разговоръ о случайномъ мимолетномъ посѣщеніи паномъ кореневской улицы выяснилъ такія обстоятельства, которыя сначала трудно было даже и предвидѣть. Обращено было, напр., особенное вниманіе на то, что „кони перлы пана по дорози що есть духу“ и, когда стояли на отдыхѣ,—„храпилы и пужалысь“. Всѣ видѣли, какъ они били копытами землю и слѣды даже остались... Развѣ настоящіе паны такъ ѣздятъ? У настоящаго пана кони никогда такъ не путаются, „мовъ скаженыя“. Затѣмъ, немаловажнымъ оказалось то, что панъ по выѣздѣ изъ деревни останавливался на мостикѣ. Зачѣмъ онъ останавливался? Одни говорили, что панъ хотѣлъ „кони“ поить, да раздумалъ, другіе—что распрашивалъ дорогу въ Клинцы; а Степанъ Кривый утверждалъ даже, что панъ сыпалъ какой-то порошокъ въ воду. Всё это было очень подозрительно. Да и самый панъ былъ какой-то подозрительный—толстый, черный, въ бричку самъ не влѣзетъ и говоритъ хрипя... Кореневцы давно не видали такого пана. Но когда кто-то сообщилъ, что панъ везъ съ собою въ бричкѣ какія-то „ланцуги“, желѣзныя палочки съ кольцами и кругленькіе столики съ раздвижными ножками, сомнѣній больше не могло оставаться: панъ знался съ „куцымъ“ и развозилъ разныя эпидеміи по губерніи.

Олеська по крайней мѣрѣ очень поддерживала это мнѣніе. Усиленье эпидеміи она именно тѣмъ и объясняла, что „той панъ проихавъ“.

— Его зовсимъ не тра було приниматы, а тильки сказаты—„произжайте соби, пане, зъ Богомъ! широка дорога!“

Оказалось, что нѣкоторые были такого именно мнѣнія, что кто-то даже именно и хотѣлъ сказать громадѣ „що не тра его приматы“, но почему то не сказалъ.

— Шкода, що мене не було, а я бы сказала, вставила кстати Олеська. Не дождавъ бы винъ статы на сему мисти.

И большинство крестьянъ вѣрило, что будь въ этотъ день Олеська, съ паномъ обошлись бы иначе.

— Щожъ мы теперь будемо робыты? Худоба боліе все бильше тай бильше!..

— А що робыты?! отвѣчала смѣло Олеська. На все воля Божа. Якъ бы то не той панъ, то може-бъ що и можно було порадыты; а теперь що подіешь?!

И она разводила руками и задумывалась, соображая, чтобы такое предпринять.

Проѣздъ пана былъ ей на руку. Онъ оправдывалъ её въ глазахъ крестьянъ въ случаѣ неудачи лѣченія. Но за то малѣйшій случайный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ могъ сразу поднять ее авторитетъ знахарки и лѣкаря. Она знала это и при каждомъ удобномъ случаѣ разсказывала много разныхъ исторій, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ панъ, развозившій „хоробу по людяхъ“.

VII.

Скоро у кореневскаго помѣщика,—мелкаго, бѣднаго пана,—тоже заболѣла корова и ревмя ревѣла въ „клунѣ“. Хотя въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего необыкновеннаго, потому что стадо пана паслось вмѣстѣ съ крестьянскимъ, но тѣмъ не менѣе оно оказало нѣкоторое вліяніе на настроеніе толпы. Горе было уравновѣшено между богатымъ и бѣднымъ, и крестьяне стали еще равнодушнѣе относится къ своей бѣдѣ.

Въ сосѣднихъ селахъ тоже были случаи заболѣванія. Эпизоотія распространялась. Жара не унималась. Казалось, она еще усиливалась.. Поля стали чернѣть отъ зноя, и ихъ видъ приводилъ въ безнадежное уныніе земледѣльца, схоронившаго свой тяжелый трудъ въ знойныхъ лучахъ солнца... Ежечасно, по старой привычкѣ, посматривалъ крестьянинъ вверхъ, вздыхая о дождѣ, но небо было неумолимо. Оно даже какъ бы перемѣнило свой естественный видъ, и вмѣсто обычной синевы глазамъ представлялась какая-то мутная, дымчатая оболочка, грандіозным шатромъ раскинувшаяся надъ землей. Кругомъ надъ горизонтомъ

стояла густая мгла. Было что-то ужасное въ этомъ стихійномъ сочетаніи бѣды отъ солнца съ бѣдою отъ эпидеміи.

Суевѣрный умъ терялся въ объясненіи этихъ губительныхъ явленій природы. Отъ чего жара? Говорили, что вѣтеръ хмары занесъ куда-то далеко-далеко и онѣ тамъ растаяли. Говорили, что пророкъ Илія разгнѣвался на „хрещеныхъ людей“ и нарочно не даетъ дождя и т. п. Въ суевѣрномъ воображеніи нѣкоторыхъ крестьянъ предносился даже таинственный образъ антихриста, появленію котораго на землѣ, — они знали,—должна предшествовать страшная „спекота“ и неразрывный съ нею неурожай. Впрочемъ, нѣкоторые не соединяли съ бѣдствіемъ такихъ крайнихъ представленій и были убѣждены, что „хмару“ держитъ пани Заславская, которая живетъ въ Клинцахъ и отъ которой цѣликомъ зависитъ, пустить-ли дождь на землю или удержать его. Нашлись старожилы, утверждавшіе, что это бѣдствіе не безпримѣрное, что такая-же „спекота“ была, когда они лѣтъ тридцать тому назадъ гнали дерево Днѣпромъ въ Екатеринославъ. А въ общемъ,—кто же его знаетъ? Кто можетъ знать? Тоже самое и падежъ скота. Отъ чего эпидемія? Ничего тутъ не разберешь... Можетъ—наговоры, можетъ—бѣшенство, можетъ—отъ спекоты... Опять-же этотъ панъ...

— На человѣка тоже иной разъ находитъ, говорилъ Ефремъ, которому особенно жаль было своей быньки. Не приведы Богъ... Прыйшлося мини зъ однымъ повозиться чимало. Якъ, наприкладъ, пройде у его болизнь, то, здается, и ничого... Чоловикъ—якъ чоловикъ, дывится кругомъ, бачить—люде стоять... Пустить вы, каже, мене. За що вы мене держите?“... Да такъ гарно просытся, такъ гарно, що й годи... Запевне, що чоловикъ въ повную память пришовъ. Балакаты зъ нимъ почнуть, ничого—балакае соби... Отъ возмуть тай выпустять его, развяжуть... Тильки що развяжуть, винъ зновъ почне бушоваты... Дмется, лизе на що попало и все, значить, ему поломаты що нибудь хочется. Потимъ въ церкву его повели. Думали бачь,—батюшка одчитае. И направди, въ церкви нибы очнувся—дывытыся ставъ, мовъ здоровый чоловикъ. „Слава тоби Господи, думаю, прошло“... Такъ куды тамъ! Якъ запинывся винъ зновъ,

якъ пишовъ образамы швыряты... И не приведы Боже... Господи, скильки винъ страху тоди задавъ, ажъ по сю пору ще памятно. Ей—Богу...

— Вмеръ?

— Эге, вмеръ. Не довго живъ. Да яке ему житье? Сталы у Бога прохаты, щобъ хутнійше ёго взявъ...

Въ толпѣ вздыхали.

— Чоловикъ хутко вмре. А отъ якъ китъ збисится, або собака...

— Эге, отъ того смерти не хутко жды...

— Попобигають воны, покиль здохнуть. Особливе китъ... Собаку, того можна хоть втриматы, а кота ни за що не втримаешь. Винъ и черезъ комынъ въ хату влизе.

— Эге, по цилымъ мисяцямъ буде бигаты, не ивши ничого. Тутъ укусыть чоловика, тамъ—скотину...

— Кажуть, що якъ кобель укусыть корову, то болизнь у неи настане ривно черезъ мисяць.

Старый москаль Павлюкъ, стоявшій до той поры молча, тревожно взялся за голову и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Братцы, сказалъ онъ, словно припоминая что-то, а вѣдь у меня никакъ кобель пропалъ... Собаченка значитъ... Кажись ровно мѣсяцъ тому будетъ... Я запамятовалъ.

На секунду все смолкло. Не смотря на то, что почти всѣ кореневцы знали о пропажѣ Павлюковой собаки, извѣстіе это было новостью по той связи, какая неожиданно устанавливалась между бѣгствомъ собаки и заболѣваніемъ скота. Стали считать да высчитывать, такъ и есть—ровно мѣсяцъ прошелъ... Какъ разъ на Петра и Павла былъ мѣсяцъ, какъ собака пропала. Около того же времени случились и первыя заболѣванія.

Лица всѣхъ обратились къ Павлюку съ нѣмымъ упрекомъ. Всѣ лица какъ бы говорили: какъ же это ты такъ?.. позволилъ, чтобы у тебя кобель пропалъ.

Словно угадывая этотъ упрекъ, Павлюкъ переминался съ ноги на ногу и какъ-бы извинялся.

— И Богъ его знаетъ, какъ это вышло... точно... кобель пропалъ, Ей—Богу, пропалъ... повторялъ нѣсколько разъ москаль, разводя въ недоумѣніи руками и словно теряясь.

Теперь стало вполнѣ ясно, отчего скотъ падаетъ въ Кореневкѣ и другихъ селахъ. Всему виной этотъ кобель. Слова знахарки, высказанныя совершенно случайно о какой-нибудь пропавшей собакѣ, подтверждались. Она еще больше поднялась въ глазахъ крестьянъ, когда явившись, сказала, что давно говорила, что это дѣло бѣшеной собаки. Собственно она никогда этого не говорила, напротивъ, недавно она говорила, что это дѣло „того пана", но настроеніе толпы было таково, что она въ эту минуту могла приписать себѣ какое угодно мнѣніе и ей безпрекословно повѣрили-бы. Да и почему знать, въ самомъ дѣлѣ,—можетъ она это и говорила? Мало-ли чего она не говорила, переходя изъ одной избы въ другую.

Конечно, послѣ того, какъ открылась причина эпидеміи, ей ничего не стоило совершенно подорвать довѣріе къ словамъ проѣзжаго пана о воспаленіи легкихъ и о признакахъ, какъ узнать эту болѣзнь. То, съ чѣмъ такъ охотно соглашались кореневцы въ присутствіи пана и что было нѣсколько поколеблено по его выѣздѣ,—теперь потеряло въ глазахъ крестьянъ всякое довѣріе. Нѣкоторое согласіе словъ пана съ мнѣніемъ Ивана Нечипорука набрасывало сильную тѣнь неблагонамѣренности на послѣдняго. Объ Иванѣ крестьяне избѣгали даже говорить, считая его заговорщикомъ противъ благосостоянія людей, участникомъ нечистой таинственной силы, вредящей православнымъ людямъ.

VIII.

— Ну, то слухайте-жъ, теперь я знаю що робыты, говорила самоувѣренно Олеська. Треба даты худоби покой до другои зори. Колы вона на другу зорю визьме хлибъ, то певне що выздоровіе, а колы не визьме, а тильки понюхае, то мабуть здохне... Колы на третью зорю ще визьме хлибъ, то ще надія есть, ну, а пisля третеи зори безприминно здохне.

Ее слушали и дивились ея мудрости, хотя,—странное дѣло,—она собственно ничего не говорила кореневцамъ. Все это было извѣстно и раньше.

— Я также казавъ, що певне худобу скажена собака покусала, бо на собаку кидается, сказалъ одинъ крестьянинъ, желавшій блеснуть передъ „громадой" своими познаньями. Но его тотчасъ-же перебила знахарка.

— Не правду ты кажешь, Опанасъ. Хиба-жъ здоровая корова або вилъ не кидается на собаку? И здорова также кидается... Та ще не сказылася, що кидается на собаку... А та, що кинется на человика, або на коня, та запевне вже скаженая.

— Правда, правда... послышалось въ толпѣ. Крестьянинъ заявившій такъ не кстати свои показанія, скрылся за спинами своихъ товарищей.

— А то ще бувае,—начала Олена, ободренная общимъ вниманіемъ и ходомъ дѣлъ, ясно складывавшимся въ ея пользу,—а то ще бувае, що товарина объистся травы такой... И она стала разсказывать, хвастать своими познаньями и опытностью. Есть такая трава, росте вона въ болоти и называется „вѣха̀"... То якъ наистся скотына теи трави, то такъ и пиде у неи зъ рота пина, такъ комками и пиде. Але то не бѣшенство. То самая простая хороба. Еи можно зразу познаты, у худобины животъ разопре що и годи...

Олеська умѣетъ распознавать, она знаетъ и лѣкарство противъ этой болѣзни—слово такое.

Чего, чего только не знаетъ знахарка. Ее слушали съ такимъ вниманіемъ, какого рѣдко кто удостоивается въ деревнѣ. Да и какъ было ее не слушать? Она говорила такъ просто и такъ естественно, такъ понятно и, главное, не брала денегъ за свои услуги. Она всегда предпочитала взять кусокъ полотна или сала, или крупъ, или еще чего-нибудь... Она заключала въ себѣ всѣ лучшія качества, для того чтобы нравиться крестьянамъ, и вполнѣ подходила къ той роли, которую совершенно случайно усвоила себѣ. Ей можно было предсказать хорошій успѣхъ въ медицинской практикѣ. Когда ее спросили, отчего бываетъ бѣшенство, она наговорила такъ много, что и не перескажешь всего.

— А ось, наприкладъ, муха... говорила она. Вона также буває скаженая. И знаете, отъ чого вона казыться?

Въ толпѣ отрицательно кивали головой.

— Я вамъ скажу. Колы, наприкладъ, лежить на дорози, або на улыци горшокъ, або гладышка, або наветь черепокъ зъ дырочкою,—бо буває часомъ въ черепки дырочка,—то якъ тильки муха пролетыть черезъ тую дырочку, такъ заразъ и сказыться. Сяде на собаку, укусить,—собака сказыться... Собака укусыть корову,—корова сказыться... А тамъ часомъ и до чоловика дойде... Такъ и пиде бѣшенство по свити.

Кореневцы внимали.

Но разсказами, извѣстно, дѣлу не поможешь. Нужны мѣры въ бѣдѣ. Какія средства противъ бѣшенства? На этотъ вопросъ знахарка благоразумно умолкала или отвѣчала на него слишкомъ неопредѣленно. Впрочемъ, она посовѣтывала на всякій случай, мазать дегтемъ голову коровы и особенно лобъ. Можетъ быть, это и предохранитъ скотину отъ бѣшенства; хотя, конечно, въ жизни какъ человѣка, такъ и скотины воленъ одинъ Богъ. Уѣзжая въ другое село, куда ее тоже требовали для борьбы съ той-же эпидеміей, она сказала, что если скотина тяжко заболѣла, то лучше, не прикасаясь къ ней, вытянуть ее веревками за село и закопать живой. Къ этому, по ея выѣздѣ, кто-то прибавилъ, что закопать слѣдуетъ не какъ-нибудь, а именно въ стоячемъ положеніи.

— Ну, люде добры, колы таке вже лыхо выпало на нашу долю, то треба вже закопаты по настоящему, на встоячки...

— Эге, эге, а на спыну закопуваты не можна, бо тее мисце буде нечисто и на нему ничого не можна буде поставыты—ни хаты, ни куни... Хоть перенесы хату на друге мисце.

Стали припоминать кореневцы разные случаи, когда и гдѣ скотина падала, что и какъ люди тогда дѣлали... Средство было по существу такое простое. Нѣкоторые хозяева, особенно потерпѣвшіе, даже удивились, какъ это средство не пришло имъ раньше въ голову. Если-бы первую павшую скотину,— Ефремову быньку,—да закопать такимъ именно образомъ, быть можетъ, и эпидеміи тогда не было-бы.

Когда заболѣла слѣдующая корова, ей уже не дали подохнуть. За куней, на огородѣ кореневцы вырыли яму въ ростъ человѣка. Больную корову обвязали веревками, поволокли ее въ яму, долго старались поставить на ноги и, наконецъ, при большомъ шумѣ и „гомонѣ", закопали, засыпали землей.

Падежъ все таки не прекращался.

— Святый Боже, що се за напасть такая! Нищо не помогае.

— То певне брешуть все, що худобу треба навстоячки закопаты. Одинъ чортъ—що на спину, що на ноги... говорили скептики, потерявшіе довѣріе къ испытанному средству.

Но ихъ мнѣніе тотчасъ-же разбивалось.

— А ты почемъ знаешь, що не поможе? Бо хочь мы и закопалы еи, але все таки не по настоящему, не такъ якъ треба. То бокомъ вона ледащая ляже, то все ноги пидъ себе хоче подложиты. А якъ-бы то еи закопаты, якъ слѣдуе, то тоди...

Дѣйствительно, закапываніе было всегда такъ суетливо, что одна слава была, что ее закопали „навстоячки", а на самомъ дѣлѣ кто ее разберетъ, какъ она закопана, когда она ворочаетъ ногами и туда, и сюда и не дается и когда всѣ кореневцы въ одно и тоже время кричатъ безъ умолку, совѣтуютъ одинъ другому, при непрерывномъ ревѣ больной коровы.

Эпидемія, взявши достаточное количество жертвъ, стала сама собою стихать. Случилось такъ, что одну изъ ея послѣднихъ жертвъ крестьянамъ удалось закопать именно такъ, какъ это требовалось правилами неписанной народной медицины. Больную корову поддерживали кольями, пока засыпали яму и не дали ей пасть на ноги. Прекращеніе эпидеміи объяснилось именно этимъ послѣднимъ случаемъ удачнаго зарытія больной скотины. И самые упорные скептики должны были признать силу предпринятаго для ослабленія эпидеміи средства.

IX.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Кореневку ветеринарный врачъ, до котораго дошли слухи объ эпидеміи.

Онъ попалъ прямо на благодарственный молебенъ, который батюшка служилъ торжественно на улицѣ. Ветеринару ничего не оставалось, какъ присоединиться къ молящимся и возблагодарить Господа Бога, что эпидемія кончилась. Онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ однако, какими мѣрами кореневцы прекратили бѣду, врачъ обратился къ крестьянамъ не то съ упрекомъ, не то оффиціально съ рѣчью о непринятіи должныхъ медицинскихъ мѣръ и о вредѣ суевѣрій и предразсудковъ, вообще.

— Ну, скажите пожалуйста... Подумайте вы хорошенько, такіе вы этакіе, что толку въ томъ, что вы живьемъ ее закопали? Она бы, можетъ, и выздоровѣла, а вы...

— Де вже ій, пане, выдужаты, колы вона на ноги падае и чахне...

— Въ такомъ случаѣ убить ее...

— Зачимъ убивать? Ще може, бороны Боже, кровь брызне на чоловика, або кобель лизне... И пошла бы, эта самая зараза, якъ вы кажете...

— А все таки вы не хорошо дѣлаете, что по близости закапываете.

— А дежъ по вашому ей закопать? На могилки ей занесты, подшутили крестьяне,—да хреста поставыты...

— Ну, скажите пожалуйста.. Зачѣмъ на могилки? Подальше куда нибудь можно, на поле что-ли...

— На чье поле? возразили крестьяне. Кто позволитъ у себе на поли закопать такую скотину? Поле перестанетъ родить.

Молчаніе.

— Почему вы не дали мнѣ сейчасъ знать?—спросилъ врачъ, зная, впрочемъ, что отвѣтятъ на это крестьяне.

— Бо васъ дома не було. Да що бы вы намъ помоглы?

— Ну, скажите пожалуйста... а все таки. Можетъ и помогъ-бы...

— Э, хе, хе... Що мы вамъ скажемъ, паночку. Вже колы намъ приключилося таке лыхо, то чоловикъ тутъ ничого не подіе. Бо, наприкладъ, якъ чоловикъ заслабне, то и винъ не завше выздоровіе... Винъ и говорить може, его и спытаты можно: що у тебе болыть и де? Та и той вмре... А тутъ на скотыни...

почемъ тутъ узнать, що у неи за болпзнь такая? Мовчить соби да реве, да и годи... Що тутъ чоловикъ зробыть? Воля Божа...

Ветеринару не кстати было, конечно, распространяться о своихъ медицинскихъ познаніяхъ и ветеринарной опытности; но и онъ не могъ внутренне не сознаться, что вопросъ, поставленный крестьянами, имѣлъ полный свой резонъ. Онъ, дѣйствительно, затруднился бы опредѣлить, устранили-ли бы его мѣры эпидемію, при современномъ санитарномъ положеніи деревни и при недовѣріи кореневцевъ къ медицинѣ. Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, пользуясь собраніемъ крестьянъ почти цѣлой деревни, онъ началъ давать общіе совѣты крестьянамъ, какъ слѣдуетъ обращаться при той или другой болѣзни скота.

— Ну, вотъ чума, напримѣръ, говорилъ онъ... Эта болѣзнь, слышно, распространяется въ разныхъ губерніяхъ. Тоже вѣдь опасная... А что вы съ ней подѣлаете, если не обратитесь къ доктору...

— Что подѣлаемъ? Натремъ жевтачки...

— Это что такое?

— Трава такая, жевтачка прозывается. Вона росте всюды... Треба еи натерты, то изъ неи пиде такій сокъ. А потимъ той сокъ треба перемишаты зъ селитрой,—тай даваты скотыни... У насъ такъ кажуть.

— Ни, це ще не все, прибавилъ другой крестьянинъ. Треба ще до цего добавыты... Ой, якъ еи зваты... Крестьянинъ задумался, припоминая.

— Сулемы, вспомнили другіе.

— Эге, эге,—сулемы, якъ еи называютъ. Та змишаты все, збовтаты въ бутылки, тай влыты въ ротъ худоби.

— Ну, скажите пожалуйста, не утерпѣлъ докторъ, ну вотъ хоть бы сулемы... Вѣдь нужно знать сколько положить и до чего.

— Ни, у насъ скильки придется. Якъ дуже крычыть худобына, то мы бильше положимо.

— Но вѣдь это ядъ? Вѣдь вы можете этимъ повредить...

— Ни, не що... стояли на своемъ крестьяне.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ врачъ узналъ, что отъ кровавой мочи у кореневцевъ практикуется издавна какое-то зелье

подъ названьемъ „кривавныкъ“, а отъ запора прекрасно дѣйствуетъ василекъ и петрушка, и что если человѣкъ взбѣсится, то самое лучшее стереть въ порошокъ засушеннаго „маеваго жучка“ и дать ему выпить... и „чоловику зразу полегшае, очнется, мовъ нибы писля крипкого сну“ и т. п. Много узналъ интереснаго ветеринаръ и чѣмъ больше разговаривалъ, тѣмъ больше узнавалъ медицинскихъ новостей. Но замѣчательно, что крестьяне не заикнулись ни объ одномъ заговорѣ. О заговорахъ и нашептываніяхъ можно было говорить кому угодно, только не ветеринару. Зная, что ветеринаръ лѣчитъ „своими“ лѣкарствами, крестьяне словно хотѣли противопоставить ему свою медицину.

Задавъ еще два-три вопроса, касающихся непосредственно эпидеміи, для того, чтобы написать отчетъ о ней главному врачу, врачъ тронулся въ путь дальше... Онъ спѣшилъ. У него положительно не хватаетъ времени и голова идетъ кругомъ отъ множества занятій, ожидающихъ его въ каждомъ селѣ.

X.

Когда онъ трясся въ простой, деревенской телѣгѣ по кореневской плотинѣ, онъ очень удивился, что его возница въ одномъ мѣстѣ быстро соскочилъ съ воза, подбѣжалъ къ лежавшему въ сторонѣ глиняному черепку, энергично разбилъ его въ дребезги, такъ что даже лошадь насторожила уши, и притопталъ черепки ногами.

— Это зачѣмъ?

— Пытаете—зачѣмъ? А затѣмъ, значить, чтобъ на скотину здоровійше було.

— Черепокъ-то зачѣмъ разбилъ? крикнулъ съ досадой врачъ, думая что возница глухой. Чего съ воза слѣзалъ?

— Зачимъ розбывъ? началъ возница, медленно влѣзая въ возъ. А затымъ, що пече дуже, то може буты на муху не добре, то щобъ не було часамы того, щобъ не сказылася...

Ветеринаръ выпучилъ глаза и посмотрѣлъ въ такіе же выпяченные глаза возницы. „Муракъ, или идіотъ, или сумасшедшій“, мелькнуло ему въ головѣ.

— Вьё—ё... сказалъ возница, примащиваясь на передкѣ и дергая то одной возжей, то другой. Лошадь понатужилась. Телѣга тронулась.

— Да ты скажи толкомъ: зачѣмъ черепокъ разбилъ?

— А? повернулся къ нему тотъ. А затѣмъ, значитъ, какъ въ этомъ самомъ черепкѣ, да буде скажемъ, дырка... а какъ муха, пролетѣвши этую самую дырку, да укуситъ, значитъ, кобеля... а кобель скрутытся...

— Что—о?!. Возница повернулся лицомъ къ ветиринару.

— Эге, эге, ей—богу, скрутытся... такъ и скрутытся, значить, сказытся... скаженный буде. А кобель укусить корову и корова также скрутытся... Ей—Богу, повторялъ нескладно возница слова знахарки. А корова, значитъ... Вьё—ё—ё! крикнулъ онъ, видя, что лошадь, пользуясь отдаленными медицинскими соображеніями хозяина, готова была остановиться совсѣмъ.

Врачъ ничего не понялъ въ этой белибердѣ.

— Кто тебѣ говорилъ это?

— Кто? Олеська казала... И на кошку перейде потимъ, и коняка скрутытся... А отъ коняки и на чоловика часомъ, и чоловикъ скрутытся...

— Ну, ну, поганяй, съ досадою сказалъ врачъ, напрасно старавшійся понять что либо въ словахъ кучера, который въ полголоса долго еще бормоталъ про себя что-то такое, время отъ времени то и дѣло вставляя слово „скрутытся“. „Кретинъ, настоящій кретинъ“, думалъ врачъ, съ соболѣзнованіемъ глядя на лоснившійся и совершенно потемнѣвшій отъ загара затылокъ крестьянина.

Проѣзжая выгономъ и кореневскимъ лугомъ, ветеринаръ увидѣлъ кореневское стадо, благополучно пасшееся и значительно порѣдѣвшее въ своемъ числѣ. Худыя, истощавшія коровы, отгонялись хвостами отъ назойливыхъ мухъ и изрѣдка ревѣли, должно быть по своимъ братьямъ, павшимъ въ первой борьбѣ съ эпидеміей.

Невдалекѣ съ пастухомъ во главѣ стояло другое стадо: группа кореневцевъ разсуждала всё о томъ-же, т. е. „что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, что никто какъ Богъ“... И удивительно, въ этомъ старомъ, какъ свѣтъ, изреченіи крестьяне умѣли находить всё новыя и новыя стороны, и толки длились безъ конца... При появленіи барина, они сняли шапки.

— Да смотрите-же, немедленно увѣдомьте меня, если еще что случится, крикнулъ ветеринаръ такимъ тономъ, въ основаніи котораго слышалось: „если случится что нибудь, то, по всей вѣроятности, меня и тогда не будетъ дома или почему нибудь недосужно будетъ“.

— Нехай Богъ бороныть! крикнули въ отвѣтъ крестьяне тономъ равнодушія, въ основаніи котораго слышалось: „и безъ тебя обойдемся... какъ и теперь обошлись“.

Грустныя всё мысли приходили въ голову ветеринара. Но онъ прогонялъ ихъ, стараясь обдумывать форму оффиціальнаго донесенія о томъ, что „эпидемія началась безъ его увѣдомленія и оная прекратилась, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, о чемъ честь имѣю“... Впрочемъ, зной не благопріятствовалъ умственнымъ упражненіямъ врача, и онъ сталъ равнодушно смотрѣть то по сторонамъ, то на курчавую, густоволосую голову, которую возница обнажилъ, „щобъ не такъ потно було“...

— Одиннадцать, двѣнадцать... пятнадцать... считалъ между тѣмъ про себя тотъ, откладывая у себя по пальцамъ. Потомъ, вдругъ оборотившись къ сѣдоку, спросилъ: скажить вы мини, скильки буде—пять рубливъ, да еще четыре безъ двухъ злотивъ и двадцятки да ще шисть рубливъ?

— Зачѣмъ это тебѣ знать?

— А значитъ у мене три коровы сказылыся. А на ярмарки въ Клинцахъ мини за одну давали пять рубливъ, за другую четыре безъ двухъ злотивъ и двадцатки, а за третью—шесть... То я теперь жалкую, що не продавъ... Мавъ-бы багато грошей лыхо-ма.

— А теперь у тебя осталось что нибудь?

— Два телятка. Колысь будуть добрыи бычки.

— Ну, поганяй-но, трогай!

— Вьё—ё! крикнулъ возница, снова дергая возжи и неперестава посматривать по сторонамъ, нѣтъ-ли еще гдѣ нибудь зловреднаго черепка?

Ѳ. Кудринскій.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Ученіе пошло своимъ порядкомъ.—Словесность преподавалъ у насъ Александръ Власіевичъ Огіевскій, бывшій священникъ Варварской церкви, прежній префектъ, впослѣдствіи каѳедральный протоіерей. Онъ же былъ и экономомъ семинаріи. По происхожденію онъ былъ чистый малороссъ, родомъ изъ нѣжинскаго уѣзда, села Талалаевки, сынъ священника. Характера онъ былъ добраго. Читалъ онъ словесность, риторику, а иногда дѣлалъ выписки изъ другихъ источниковъ, которыя служили большимъ подспорьемъ къ нашимъ познаніямъ, тѣмъ болѣе, что многіе, какъ попугаи, учили латинскія дефиниціи, не зная перевода. Потому многіе задачъ латинскихъ не приготовляли и не подавали, а если нѣкоторые изъ плохихъ учениковъ и подавали, то часто онѣ возвращались безъ поправокъ. Однажды, не знаю, по какому случаю, я опоздалъ въ классъ. Въ это время по тамбуру тогдашнему и входнымъ сѣнямъ ходили учитель Огіевскій и Силятицкій. Тутъ мнѣ досталось отъ послѣдняго: онъ началъ обзывать меня лѣнтяемъ и другими обидными словами, говоря, что я переведенъ не по достоинству, а подкупомъ и что меня вовсе нужно исключить изъ семинаріи. Не знаю, какъ я вошелъ въ классъ, совершенно растерявшись и думая, что я пропащій человѣкъ.—Конечно, послѣ горя бываетъ иногда и радость. Со мною на квартирѣ стоялъ Николай

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 4.

Васильевичъ Митькевичъ изъ селенія Жуковки, сынъ священника. Я ему первому, вышедши изъ класса, разсказалъ мою горестную встрѣчу. Онъ меня ободрилъ: „Развѣ ты не знаешь Силятицкаго? Онъ злился на тебя и въ своемъ классѣ за то, что ты не согласился стоять у него на квартирѣ: но все-таки ты много лучше третьей части переведенныхъ. Не унывай, а какъ учился, такъ и учись". Слова его на меня сильно подѣйствовали: онъ былъ изъ первыхъ учениковъ и прилежный въ высшей степени; нынѣ архіепископъ калужскій Григорій. Я училъ лекціи прилежно. Исторію Шренка читалъ намъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Образцовъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Человѣкъ онъ немного своенравный. По множеству учениковъ, онъ за первую треть одинъ только разъ спросилъ меня. Помню, я отвѣтилъ хорошо, но, вѣрно по рекомендаціи того же Силятицкаго, онъ все-таки поставилъ меня первымъ въ третьемъ разрядѣ за первую треть предъ Рождествомъ. Онъ же читалъ греческій языкъ, но я былъ на низшихъ грекахъ параллельнаго класса. Здѣсь находились словесники, всѣ второго разряда и третьяго, и часть философовъ. Лекторомъ у насъ былъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко. Здѣсь я стоялъ во второмъ разрядѣ. Кончилась треть... Прочитали списки. Товарищъ и другъ мой Иванъ Дроздовъ стоялъ высоко во второмъ разрядѣ (это уже въ общихъ спискахъ), а мною и Борзаковскимъ Ефимомъ кончался 3-й разрядъ. Послѣ сего человѣкъ десять исключили за неуспѣшность и нехожденіе въ классъ. Тотъ же Митькевичъ опять мнѣ говоритъ: „вотъ какая правда: Донцовъ ничуть не лучше, а во второмъ разрядѣ, да еще и высоко. Одно, что ты пишешь нехорошо и неразборчиво. Однако не унывай: ты свое возьмешь; я вижу твое стараніе". Слова его впослѣдствіи оправдались. На праздникъ Рождественскій Огіевскій далъ намъ тему: „Праздность вредна", чтобы мы послѣ праздниковъ подали 12 періодовъ. Мы разъѣхались по домамъ. Послѣ Крещенія мы собрались на ту же квартиру Высокоцкой и начали подготовлять періоды къ подачѣ. Вечеромъ я и говорю: „Николай! Посмотри мой періодъ и, сколько можно, исправь"! „Я около своихъ вожусь и го-

товлю къ перепискѣ, а тутъ еще твои неразборчивые періоды читать". Онъ замолчалъ, но вскорѣ сказалъ: „а ну подай, да и самъ смотри". Прочитавши первый періодъ и исправивши, онъ началъ читать сравнительный, содержаніе котораго, на сколько помню, слѣдующее: какъ искусный птицеловъ, насыпая подъ сѣти кормъ, уловляетъ птицъ, такъ діаволъ празднаго человѣка завлекаетъ въ свои сѣти, дѣлаетъ его орудіемъ гнусныхъ и противозаконныхъ поступковъ. Прочитавши сей періодъ, онъ сказалъ: „я твое сравненіе возьму себѣ, а тебѣ отдамъ написанное мною, какъ искусный рыболовъ". Перечитавши и исправивши всѣ періоды, онъ сказалъ: „возьми чистой бумаги, какъ можно тоньше, полиней и перепиши. Тогда резиною вычистишь линейки и подавай. Повыучивалъ ли ты русскія выписки?"—„Очень исправно"—говорю я. Періоды подавались на русскомъ языкѣ. Почти всю ночь провозились мы съ перепискою ихъ. На другой день всѣ ученики должны были подать. Тѣ, у кого были готовыя тетрадки, складывали ихъ на столикъ. Пришелъ въ классъ Огіевскій. По прочтеніи лекціи, выходя изъ класса, онъ завязалъ въ платокъ тетрадки и забралъ всѣ на домъ. Домъ его былъ близъ Варварской церкви, нынѣ принадлежитъ діакону Лавровскому. Онъ сказалъ, что всѣ, кто не подалъ періодовъ, могутъ принести ему на домъ. Затѣмъ, разсортировавши тетради лучшихъ учениковъ, выставилъ для пересмотра своего, а прочихъ сдалъ первому ученику Костюрову для поправокъ и подписи похвалъ. Этотъ ученикъ данъ былъ Огіевскому въ помощники по сему предмету вслѣдствіе множества словесниковъ (ихъ было больше ста). Прошла недѣля, и Огіевскій приноситъ въ классъ большой платокъ тетрадей. Начинается раздача. Сначала раздаются сочиненія ученикамъ перваго разряда и читаются во всеуслышаніе похвалы. Это длилось около часу. Наконецъ, доходитъ рядъ и до меня. Взявши мою тетрадь, онъ сказалъ: очень прилежно, если самъ приготовлялъ; на вопросы его я началъ репетитовать такъ, что онъ только губу закусывалъ и говорилъ: „recte". Онъ долго меня спрашивалъ, и я на все отвѣчалъ удовлетворительно. Я сидѣлъ въ концѣ второй партіи, между большаками, но ослами. Ни

одинъ изъ нихъ ни въ зубъ не зналъ. Тогда онъ сказалъ: „подери всѣхъ ихъ за уши". Я принужденъ былъ исполнить приказъ. Они отворачиваютъ головы, но я свое дѣло исполнилъ, что произвело всеобщій смѣхъ. Затѣмъ учитель сказалъ: „оставь ословъ, а вы ступайте всѣ до порога"—и велѣлъ сѣсть вторымъ на второй партіи, помню, со словами: „достигнешь своей цѣли". Выходя изъ класса, обиженные начали меня толкать, но другіе вступились за меня, говоря, что я не виноватъ, такъ какъ мнѣ было приказано. Митькевичъ былъ въ восхищеніи; напротивъ, Донцовъ надулся, не хотѣлъ говорить со мною, потому что я посаженъ выше его, старался меня упрекать, но я, зная его характеръ, переносилъ все хладнокровно, тѣмъ болѣе, что я по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ ѣздилъ къ нему въ домъ, въ Кіянку, въ 7 верстахъ отъ Чернигова, и всегда былъ принимаемъ его родителями, какъ членъ ихъ семьи. У него былъ еще братъ Илья, тоже учившійся, но плохо, бездарный. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ по гражданской службѣ, ѣздилъ въ Петербургъ на службу, но мало добраго выслужилъ. Онъ воспользовался большею частью отцовскаго имѣнія; жилъ въ Черниговѣ, но, кажется, велъ незавидную жизнь. У нихъ была еще одна сестра, Марія. Отецъ Донцовыхъ—священникъ Василій; жена его—Екатерина Алексѣевна. Первый былъ очень суровый человѣкъ и скрытный; онъ любилъ выпить, но тайно: живя близъ города, онъ берегся. Впослѣдствіи онъ сгорѣлъ въ овинѣ, вѣроятно заснувши пьянымъ. Жена же его была очень добрая женщина, любившая чрезмѣрно своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего и я былъ, какъ свой, въ ихъ домѣ.

Ученіе мое послѣ случившейся для другихъ катастрофы пошло гораздо успѣшнѣе по всѣмъ предметамъ. Много служило подспорьемъ неусыпное занятіе Митькевича, особенно въ зимнее время. Ночью онъ, во избѣжаніе помѣхи, поужинавши, всегда ложился раньше и, какъ только всѣ начинаютъ засыпать, онъ выкресываетъ огонь, зажигаетъ свою свѣчу и занимается за полночь. Я тутъ же подсаживаюсь къ нему. Онъ всегда первоначально разсердится, что я ему мѣшаю и что его собственная свѣча горитъ. Наконецъ, наступаетъ тишина. Я

стараюсь, сколько возможно, чтобы ему чѣмъ-нибудь не помѣшать, и только, когда увижу, что онъ уже пресытился своими занятіями, начинаю его спрашивать и просить пояснить мнѣ прочитанное или же перевести латинскую лекцію. Если онъ въ духѣ, то дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, а нѣтъ—на отрѣзъ откажетъ. Но большею частію мы сходились. Подкупа онъ не любилъ, и своего не любилъ тратить, такъ что, если онъ привезетъ съ собою 50 коп. сер., то еще у него останется третья часть, когда онъ выѣзжаетъ домой. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова за нимъ пріѣзжаетъ челядникъ верхомъ съ двумя лошадьми. Такимъ образомъ они верхами отправляются домой, черезъ Десну на паромѣ, а тамъ до Жуковки сухимъ путемъ. Впослѣдствіи онъ окончилъ семинарію вторымъ и посланъ въ кіевскую академію, на второй годъ поступилъ въ монахи. Послѣ онъ былъ инспекторомъ кіевской академіи, ректоромъ ярославской семинаріи, наконецъ, ректоромъ же казанской академіи, которой былъ и строителемъ и изъ которой хиритонисованъ въ Епископа Калужскаго 9 декабря, кажется, 1848 года. Нынѣ онъ Архіепископъ Калужскій.—Я только одинъ годъ простоялъ у Высокоцкой вмѣстѣ съ нимъ. На другой годъ его квартира была за Стрижнемъ, гдѣ онъ и окончилъ семинарію, стоя на квартирѣ постоянно вмѣстѣ съ родственниками. Я же и Донцовы остались на той же квартирѣ. Послѣ экзаменовъ я стоялъ по всѣмъ предметамъ во 2-мъ разрядѣ, въ половинѣ.—У Высоцкой же занималъ отдѣльную комнату Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій. По моему прошенію, мать поручила меня на треть подъ его инспектуру. Сначала онъ усердно по утрамъ или вечеромъ занимался со мною не болѣе двухъ мѣсяцевъ, послѣ наотрѣзъ отказался, говоря, что у него нѣтъ свободнаго времени, отдавалъ мнѣ причитающіеся 10 рублей ассигнаціями, но я не взялъ, а потому въ свободное время онъ звалъ меня, велѣлъ при себѣ писать, послѣ поправлялъ. Въ началѣ декабря онъ перешелъ съ квартиры, такъ какъ здѣсь напротивъ была кухня, а онъ любилъ тишину и просиживалъ, занимаясь, ночи. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Нѣжинскаго лицея и далѣе директоромъ.

Въ началѣ второго года выбылъ профессоръ Образцовъ. На мѣсто его прибылъ профессоръ Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ и еще для преподаванія греческаго языка профессоръ Іосифъ Іоакимовичъ Самчевскій. Образцовъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ. Онъ уже лѣтъ двадцать живетъ на покоѣ въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Полагаю, что ему нынѣ не менѣе 90 лѣтъ.—Профессора были для меня очень полезны. Особенно Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Вскорѣ онъ женился на Марьѣ Федоровнѣ Крапивинцовой. Онъ былъ великороссъ. Когда онъ, бывало, разсердится въ классѣ, то крѣпко ругается. Но вскорѣ онъ утихалъ и тогда становился кроткимъ и немстительнымъ. Онъ рѣдко воодушевлялся, но за то въ этихъ случаяхъ его историческій разсказъ доставлялъ ученикамъ полное наслажденіе. Большею же частью онъ читалъ по книгѣ, и то приходя постоянно на одинъ часъ на лекціи; а занимался онъ въ правленіи. Вообще, можно сказать, онъ былъ лѣноватъ. Напротивъ, Самчевскій былъ въ высшей степени исполнителенъ по своей должности. Едва пробьетъ колокольчикъ, уже онъ не идетъ, а бѣжитъ въ классъ. Я и Донцовъ были на низшихъ грекахъ, гдѣ преподавателемъ былъ окончившій курсъ студентъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко.—Однажды, на послѣдней трети второго года, на словесности входитъ къ намъ въ классъ профессоръ Самчевскій и спрашиваетъ, кто изъ учениковъ наилучше занимается уроками и переводомъ греческаго языка. Дорошенко отвѣтилъ: „Кистяковскій, Нагорскій и Донцовъ“. Тогда онъ сѣлъ въ кресло около столика и перваго вызвалъ меня къ столику и заставилъ переводить изъ хрестоматіи только недѣлю назадъ переведенныя нами повѣсти. Я бойко началъ читать и переводить и перевелъ болѣе четвертушки. При каждомъ продолженіи перевода онъ спрашивалъ склоненія и спряженія греческаго языка и остался очень доволенъ. Затѣмъ вызвалъ Донцова и Нагорскаго и велѣлъ мнѣ не садиться на партію, а ожидать. Затѣмъ, окончивши съ вызванными учениками, всталъ. Ему прочитали выходную молитву, а онъ велѣлъ слѣдовать за нимъ на высшіе

греки. Когда прочли молитву, онъ опять сѣлъ въ кресло около столика, всегда занимаемаго имъ, и предложилъ мнѣ переводить опять ту же самую повѣсть, при чемъ безпрерывно спрашивалъ меня спряженія и склоненія. Когда я окончилъ, онъ сказалъ, обратясь ко всѣмъ ученикамъ: „стыдно намъ, господа, что на профессорскихъ греческихъ лекціяхъ многіе изъ васъ не знаютъ ни склоненій, ни спряженій, ни прочихъ правилъ, между тѣмъ, какъ на лекторскихъ отлично знаютъ, чему вы очевидцы, а между тѣмъ оканчивается ваше двухгодичное занятіе греческимъ языкомъ. Наступаютъ экзамены и переводъ въ высшій классъ. Постарайтесь повторить, чтобы не было вамъ отвѣтственности за неуспѣхи. Къ тому же въ этомъ году будетъ строгій экзаменъ по случаю ожидаемаго пріѣзда ревизора" [1]). Я оставался покоенъ на счетъ перевода: Огіевскій задачи мои отдавалъ всегда съ хорошими отмѣтками, а на послѣдней третной, представлявшей собой что-то въ родѣ проповѣди, написалъ: „сочинитель достоенъ перевода въ высшій классъ". Таковые успѣхи мнѣ очень льстили, и я, сколько можно, старался не ослабѣвать, чтобы на экзаменахъ не ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ экзамены прошли благополучно. Я, помню, вызывался на двухъ предметахъ. Ревизоръ, архимандритъ Смарагдъ, кажется, тогда инспекторъ кіевской академіи, былъ очень добръ къ ученикамъ, такъ что всѣхъ классовъ ученики оставались весьма довольны его обхожденіемъ и снисходительностью. Помню, говорили, что по богословію онъ былъ болѣе строгъ и самъ по испытаніи назначилъ четырехъ учениковъ въ академію, и только двухъ тѣхъ, которыхъ предполагала послать семинарская власть, а двухъ по собственному его выбору, совсѣмъ не ожидавшихъ назначенія.—Послѣ экзаменовъ намъ прочитали списки удостоенныхъ къ переводу. Я переведенъ высоко во 2-мъ разрядѣ. Помню, насъ перевели 60 слишкомъ душъ. Болѣе двадцати душъ исключены и непереведены. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ свѣтское званіе, другіе женились и сдѣлались діаконами, а вскорѣ и священниками.

---

[1]) Кажется, Смарагда, впослѣдствіи Архіепископа Орловскаго.

Тогда это весьма возможно было, и впослѣдствіи были и благочинные, особенно кто побогаче; тогда не было выборовъ, а зависѣло отъ консисторіи. Наставникомъ нашимъ по философіи былъ іеромонахъ Филадельфъ, онъ же и инспекторъ семинаріи, человѣкъ, обладающій небольшими знаніями. Когда онъ читалъ логику, то часто доходилъ въ своихъ объясненіяхъ до нелѣпостей и такой неясности, что принужденъ былъ оканчивать и говорилъ: „пора выходить изъ класса, читайте молитву". Вторые классы были посвящены греческому языку. Читался большею частію Новый Завѣтъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность пояснять священное писаніе. Этотъ классъ занималъ тотъ же профессоръ Самчевскій. Послѣ обѣда преподавалъ математику или алгебру кандидатъ Игнатій Пахаревскій, невзрачная личность; многіе по математикѣ отставали даже изъ первыхъ учениковъ, а отличался въ познаніяхъ изъ второразрядныхъ учениковъ Ѳедотъ Мануйловичъ, такъ что и стоялъ онъ первымъ по математикѣ, что доставило ему по общимъ спискамъ степень студента. Впослѣдствіи онъ былъ священникомъ села Мезина Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, бывшій въ одно время со мною и благочиннымъ. Онъ часто заѣзжалъ къ намъ въ домъ, бывши уже благочиннымъ и отвозя своихъ дѣтей въ Черниговъ. Предъ выходомъ Николая изъ Богословія онъ заѣзжалъ и предлагалъ, чтобы Николай пріѣхалъ посмотрѣть его дочерей-невѣстъ. Онъ обѣщалъ полторы тысячи приданаго. По моемъ предложеніи Николай не захотѣлъ. Теперь онъ уже два года, какъ въ царствѣ мертвыхъ.

Ученіе въ философскомъ классѣ было гораздо привольнѣе. Новый ректоръ, архимандритъ Елецкій былъ человѣкъ добраго характера. На одинъ глазъ онъ не видѣлъ. Самъ онъ поздненько ѣздилъ въ классы, отчего и учителя не слишкомъ спѣшили, и одинъ только Филадельфъ сейчасъ приходилъ послѣ колокольчика. Это былъ небольшой черненькій монахъ съ совершенно обросшимъ лицомъ; небольшіе глаза быстро смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей. За то неумолкаемо тарабанитъ, а толку мало выходитъ: обратится онъ къ кому-нибудь изъ учениковъ съ предложеніемъ повторить объясненное. Тотъ гово-

ритъ, что ничего не понялъ. Тогда онъ обращается къ Митькевичу или Крыловскому; тѣ не то что повторятъ, а еще лучше разскажутъ изъ читанной лекціи, и онъ тогда остается доволенъ и говоритъ, обращаясь къ прочимъ ученикамъ: „видите, вы не хотѣли со вниманіемъ слушать". А тамъ въ другомъ углу кто-нибудь отзывается: „сами они изъ своей головы разъясняли". Тогда онъ кричитъ: „до порога! Журавскій, вы знаете, кто это кричалъ? Укажите". А тотъ отвѣчаетъ: „не замѣтилъ". Тогда онъ указываетъ на кого-нибудь въ томъ углу и говоритъ: „ступай до порога! Слѣдующій .... и такъ далѣе. Тогда опять начинаетъ читать, и стоящіе у порога говорятъ: „Ваше Высокопреподобіе, мы не виноваты... Позвольте сѣсть за партіи". На это онъ отвѣчаетъ: „Укажите, кто говорилъ,—тогда ступайте на мѣста".—„Мы не слышали"... И кончается тѣмъ, что простоятъ они до выхода изъ класса.

Наиболѣе замѣчательнымъ событіемъ за первую треть по вступленіи въ философію было слѣдующее: не знаю, по какому случаю, вдругъ начали говорить, что въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учениковъ. Дѣйствительно, въ предыдущемъ году много воспитанниковъ туда отправилось. Отъ разговоровъ перешли къ дѣлу: болѣе двадцати душъ въ началѣ декабря мѣсяца (должно быть, 1817-го года) подало прошенія Министру Народнаго Просвѣщенія, князю Голицыну. Я также былъ не прочь, только съ тою разницей, что квартировавшій со мною у Высоцкой почтамтскій чиновникъ Кульчицкій сказалъ мнѣ, что Голицынъ за границей, а исправляетъ его должность чиновникъ Ланскій, титулъ коего онъ мнѣ доставилъ. Такъ какъ онъ писалъ хорошо, то по моей просьбѣ онъ переписалъ прошеніе, по титулу законвертовавъ, а мнѣ доставилъ квитанцію въ отсылкѣ. Мое прошеніе подано предъ самымъ Рождествомъ и было уже послѣднее, такъ что, вѣроятно, уже тогда рѣшена была и участь подававшихъ, потому что другіе подавали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Всѣмъ было въ классѣ извѣстно о подавшихъ, обо мнѣ же знали только немногіе. Въ это время наступили праздники Рождества Христова, и всѣ отправились по домамъ. По возвращеніи въ семи-

нарію послѣ Крещенія, спустя недѣлю, письмоводители начали говорить въ классѣ, что получены обратно прошенія всѣхъ подавшихъ въ медицинскую хирургическую академію и что всѣ взяты въ контору, что на этихъ дняхъ назначено засѣданіе и судъ надъ произвольно поступившими. То-то было разговоровъ, то-то страху! Даже страшили, что будутъ наказывать тѣлесно, а что уже карцера не избѣгнуть. Послѣднее насъ не страшило и признаваемо было за должное. Между тѣмъ еще болѣе страха придало то, что Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ, секретарь семинарскаго правленія, началъ уже говорить: „какое своеволіе! безъ вѣдома начальства утруждать Министра, да притомъ за первый курсъ философіи. Дурачье!—говорилъ онъ—достанется имъ за это“.

Между тѣмъ чрезъ недѣлю послѣ сего слуха ректоръ пріѣхалъ, но не въ классъ, а прямо въ семинарское правленіе. Тамъ собранъ былъ весь авторитетъ семинарскій. Нашъ Филадельфъ также не приходилъ въ классъ. По прошествіи получаса мы увидѣли съ тамбура, что ректоръ, инспекторъ и секретарь со связкою бумагъ подъ мышкою идутъ въ классъ. Все какъ будто бы замерло, и водворилась тишина. Вдругъ распахнулась дверь философскаго класса. Прочли молитву. Ректоръ остановился на срединѣ класса, а около него прочіе. Началось увѣщаніе и выговоръ за сдѣланное самовольно отношеніе съ прошеніями министру. Много было сказано. Наконецъ, первое прошеніе Николая Волынскаго министру на высочайшее имя. Его послали къ порогу, къ грубкѣ. Ректоръ сказалъ: „становись на колѣна“. Тоже было приказано и слѣдующимъ, дошло до самыхъ плохихъ учениковъ. Инспекторъ и секретарь начали говорить: „на что вы надѣялись? Васъ слѣдуетъ повыгонять вовсе изъ семинаріи. Вы настоящіе ослы: не только въ медицинскую академію не годитесь, да и въ пономари не способны“. Моего прошенія вовсе не оказалось. Затѣмъ ректоръ сказалъ секретарю Мерцалову прочитать протоколъ семинарскаго правленія, гдѣ между прочимъ опредѣлилось ученикамъ цѣлую недѣлю ходить послѣ класса въ столовую, гдѣ сидѣть за особымъ столомъ за кружкою воды и ломтемъ хлѣба; послѣ этого являть-

ся въ классъ и стоять у печки, не садясь на партіи, послѣ чего вызвать въ правленіе и обязать подпискою, не утруждать высшаго начальства никакими просьбами безъ разрѣшенія ближайшаго начальства, о чемъ объявить по вѣмъ классамъ семинаріи, и если кто осмѣлится преступить это правило, тотъ немедленно исключенъ будетъ не только изъ семинаріи, но, по сообщеніи епархіальному начальству, изъ духовнаго званія, о чемъ по волѣ архипастыря и въ протоколѣ значится. Такъ кончилась катастрофа медиковъ. Но помню я, что человѣка два было потребовано въ концѣ года отъ начальства; это же продолжалось и въ слѣдующемъ году, а на другой годъ по окончаніи Богословія сами уѣхали. Я отъ страха почти оставилъ заниматься приготовленіемъ къ медицинѣ. Между тѣмъ Филадельфъ, когда спрашивалъ, то всегда говорилъ: „нутъ-ка, господинъ медикъ, вы латынью занимаетесь? Иногда, когда не знаешь, то отвѣтишь, что это къ медицинѣ не относится. Конечно, непріятно смотрѣть, какъ онъ карандашемъ черкнетъ,—а безъ списка онъ никогда не ходилъ, да къ тому же еще былъ и близорукъ: всякую книгу или бумагу поднесетъ къ самому носу. Изъ опасенія получить нули нужно было не отставать.

Прибывши на праздникъ Воскресенія Христова домой, я увидѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится бѣдность и уменьшеніе во всемъ. А тутъ еще и другая бѣда: сестра Мавра, уѣхавши или бѣжавши съ капитаномъ Савицкимъ, жила съ нимъ при полку не вѣнчанная. Мать подала прошеніе на высочайшее имя, но безрезультатно. Тогда мать отправилась со мною въ Черниговъ и явилась къ Григерію Петровичу Милорадовичу и объяснила ему все. Милорадовичъ зналъ хорошо мать, такъ какъ онъ бывалъ въ Стольномъ и проживалъ у графа цѣлые мѣсяцы; къ тому же по смерти графа Ильи Андреевича Безбородко, въ 1815 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ опекуномъ. Онъ принялъ живѣйшее участіе и сказалъ, что сейчасъ ѣдетъ къ губернатору, тогда, кажется, Фролову-Багрѣеву, который обо всемъ долженъ былъ извѣстить мать. Вскорѣ послѣ того явился г. Савицкій съ сестрою, и здѣсь въ Стольномъ повѣнчались. Нужно было мате-

ри одѣть, прилично справить свадьбу и дать 500 рублей, потому что онъ былъ произведенъ маіоромъ, и ему нужно было сдать роту и пополнить ротныя издержки, что всегда бываетъ съ ротными командирами при сдачѣ ими ротъ. Изъ Елецкаго полка онъ былъ переведенъ на вакансію младшаго штабъ-офицера и постоянно былъ въ командировкѣ, то по слѣдственнымъ дѣламъ, то по свидѣтельству коммиссіонеровъ и запаса въ магазинахъ. По этому случаю онъ былъ въ Черниговѣ, гдѣ я съ нимъ въ первый разъ увидѣлся, какъ съ родственникомъ. Помню, какой-то коммиссіонеръ Рефельтъ каждое утро присылалъ лошадей въ крытыхъ рессорныхъ дрожкахъ, и это продолжалось недѣли двѣ. Это было весною, въ маѣ или іюнѣ. Съ перваго знакомства онъ показался мнѣ человѣкомъ добрымъ. Такимъ онъ оставался и до конца жизни. Послѣ отъѣзда Савицкаго изъ Чернигова мнѣ нужно было вознаградить потерянное время, проведенное въ бесѣдѣ съ нимъ, а потому я усердно занялся приготовленіемъ къ экзаменамъ, а время летитъ какъ на крыльяхъ. Еще не все успѣлъ повторить, а тутъ наступили экзамены. Съ помощью Божіей все пошло какъ по маслу. Только что окончились экзамены, какъ пришло требованіе въ медико-хирургическую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства. Эти ученики избраны и посланы въ гимназію при участіи двухъ профессоровъ: отъ семинаріи были посланы Самчевскій и математикъ Пахаревскій. Два дня съ ряду продолжался экзаменъ въ тамошней черниговской гимназіи. Между тѣмъ на третій день, когда я пришелъ въ классъ, то меня уже ожидалъ письмоводитель Иванъ Чернявскій. Подошедши ко мнѣ, онъ сказалъ; „вчера въ полдень получено почтой именное требованіе тебя въ медицинскую академію. Сегодня послѣ первыхъ часовъ секретарь назначилъ засѣданіе. Секретарь Мерцаловъ сказалъ: „мы его не пошлемъ, а изберемъ сами кого-нибудь другого на мѣсто его“. Вышли мы изъ класса, не успѣли еще пообѣдать, какъ явился посланный отъ Мерцалова, чтобы я немедленно явился къ нему, въ домъ Крапивинцова. Я почти по стопамъ посланнаго поспѣшилъ. Являюсь... Встрѣчаетъ меня Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ съ услащеннымъ видомъ и даже

приглашаетъ садиться, что не случалось при явкѣ ученика. Свою рѣчь онъ такъ началъ: тебя требуютъ въ медицинскую академію. Мой отеческій совѣтъ—откажись! Ты здоровья слабаго, никогда не выдержишь экзамена; къ тому же климатъ петербургскій для слабыхъ убійственный. А мы примемъ тебя на полное казенное содержаніе, а, если не окажется помѣщенія, то мы выдадимъ тебѣ денежное полное пособіе. Семинарское правленіе уже распорядилось о посылкѣ сообщенія въ консисторію о доставленіи справокъ о принятіи тебя въ духовное званіе. Я тебѣ дамъ записку, и ты отправляйся въ консисторію и подашь секретарю; тебѣ, вѣроятно, отдадутъ въ руки справки". Выслушавъ такую рѣчь, я наотрѣзъ отказался сдѣлать это безъ матери, такъ какъ мать объ этомъ сама хлопотала, бывши у директора гимназіи Самарскаго съ письмомъ отъ его родича доктора Березнинскаго.—„А потому то на завтрашній день тебѣ и назначенъ экзаменъ въ гимназіи и есть отношеніе о семъ отъ гимназіи въ семинарское правленіе. Въ такомъ случаѣ ты пошли къ матери нарочнаго, чтобы она немедленно по полученіи прибыла въ Черниговъ". Я сказалъ, что моя мать находится въ настоящее время въ весьма бѣдномъ состояніи, вышедши нѣсколько лѣтъ назадъ замужъ за капитана Лазарева, который, по военному обычаю, постарался все прожить, любя бесѣды, чтобы покутить; да къ тому же въ этомъ году выдала дочь замужъ за маіора Савицкаго, которому и послѣднее, что имѣла, отдала. Онъ тотчасъ отправился къ своей полнухѣ Марьѣ Ивановнѣ, гдѣ находился и братъ ея, мой соученикъ, Михаилъ Крапивинцовъ. Онъ оттуда выходитъ и тотчасъ отдаетъ мнѣ десять рублей ассигнаціями, говоря: „пошли нарочнымъ къ матери на подводу ей". Ауденція продолжалась болѣе часа; между тѣмъ стукъ чашекъ и шипѣніе самовара означали время чаепитія. Тотчасъ подали ему и мнѣ чай въ большихъ русскихъ чашкахъ. Выпивши чашку, я поднялся благодарить, но онъ остановилъ, пока не подали другой, послѣ чего я отправился на квартиру, нанялъ отставного гарнизоннаго солдата, жившаго здѣсь на квартирѣ, жена коего была кухаркою, и, вложивши пять рублей ассигнаціями въ письмо, отправилъ его

того дня на Стольное, полагая, что онъ на другой день къ раннему обѣду поспѣетъ въ домъ матери, а на другой день послѣ того и мать пріѣдетъ. Такъ и случилось. Между тѣмъ я все-таки отправился съ однимъ Пахаревскимъ на экзаменъ въ гимназію, по неотложному второму требованію. На первый разъ мнѣ дали переводъ изъ Корнелія Непота. Я перевелъ болѣе двухъ чвертокъ. Изъ ариѳметики тройное правило и еще что-то. Но это все было очень легко, такъ что я все сдѣлалъ. Мнѣ приказано черезъ два дня опять явиться, потому что первое испытаніе было въ субботу. Между тѣмъ пріѣхала мать изъ Стольнаго. Часа чрезъ два послѣ пріѣзда мы часу въ пятомъ отправились къ Мерцалову. Онъ встрѣтилъ мать весьма привѣтливо. Послѣ непродолжительнаго сидѣнья онъ завелъ рѣчь: „Матушка, вы напрасно жертвуете вашимъ сыномъ: онъ здоровья слабаго и притомъ одинъ у васъ. Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ вашъ черезъ три года будетъ священникомъ. Что же касается содержанія, то мы ему дадимъ до окончанія ученія казенное денежное содержаніе. Онъ до сего времени числился въ свѣтскомъ званіи, а теперь найденъ указъ между оставшимися бумагами покойнаго архимандрита Іеронима, и семинарское правленіе сообщило въ консисторію справку о принятіи сына вашего въ духовное званіе. Пусть онъ откажется вслѣдствіе нежеланія васъ, матери, и его слабаго здоровья отъ поступленія въ медицинскую академію. За сей годъ и за три будущіе онъ получитъ за каждый по шестидесяти рублей ассигнаціями (тогда очень большія деньги). А въ томъ, что онъ окончитъ хорошо свои науки, я вамъ порукою. Для васъ это благонадежнѣе и вѣрнѣе“. Много, много было еще говорено, при томъ съ радушіемъ и угощеніемъ вышла его благовѣрная Марья Ивановна. Я сейчасъ удалился, а они задержали мать мою еще часа на три и достигли своей цѣли: мать согласилась. Этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе. Промыслъ Вышняго назначилъ другое призваніе, что и совершилось чрезъ три года. Мать отправилась вечеромъ къ директору Самарскому, и когда она передала все сдѣланное Мерцаловымъ, наконецъ прослушавши всѣ обстоятельства домашняго

быта, онъ согласился и сказалъ: „иначе мы не уважили бы семинарскаго дѣйствія и все-таки послали бы того, кого требуетъ начальство. Онъ первый экзаменъ выдержалъ, да и другой бы сошелъ успѣшно. Мать, переночевавши, поѣхала домой. Въ понедѣльникъ меня позвали въ семинарское правленіе, прочитали мнѣ приготовленную подписку. Я прочиталъ ее и тотчасъ же подписалъ. Тогда Мерцаловъ далъ мнѣ записку къ секретарю консисторіи, съ которою я туда и отправился. Дѣло было уже на столѣ у столоначальника. Я прочиталъ весь протоколъ о принятіи въ духовное званіе и здѣсь же прочиталъ приложенное письмо графа Ильи Андреевича Безбородко, на которомъ положена и резолюція преосвященнаго Михаила: „принять въ духовное званіе Кистяковскаго и зачислить его пономаремъ въ Нѣжинскую лицейскую церковь, о чемъ посланъ указъ по принадлежности“. На другой день меня опять позвали въ семинарское правленіе и объявили мнѣ, что я принятъ на полное денежное содержаніе семинарское съ назначеніемъ мнѣ 60 руб. ассигнаціями. Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ Крапивинцовъ вмѣсто меня держалъ экзаменъ въ гимназіи и былъ назначенъ къ посылкѣ въ медицинскую академію. Дня черезъ два мнѣ велѣно было явиться къ эконому о. Александру Огіевскому, отъ котораго я и получилъ чистыми восьмигривенниками 60 руб. ассигнаціями, нынѣ 15 рублей серебромъ. Я никогда не имѣлъ на рукахъ своихъ столько денегъ и почиталъ себя Крезомъ. Я расплатился за квартиру, справилъ себѣ сапоги, сюртукъ, брюки и жилетъ шерстяные и явился на каникулы въ обновкѣ. Здѣсь я познакомился съ архитекторомъ графскимъ; онъ жилъ въ графскомъ флигелѣ и завѣдывалъ графской библітекой.—Черезъ него я сталъ пользоваться книгами, преимущественно театральными: Коцебу и другими авторами, а также попадалось много и историческихъ книгъ. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ, не поѣду ли я въ Черниговъ на подводѣ, нанятой отъ него, чтобы доставить тамъ Добрянскому изъ оранжерей два дерева--лимонное и апельсинное уже съ плодами. Я съ большою охотой согласился.

На другой день къ намъ во дворъ прибыла подвода съ означенными деревьями, изъ которыхъ на каждомъ было штукъ по десяти плодовъ, почти полузрѣлыхъ, увязанныхъ садовникомъ по его умѣнью. Я отправился и подъ вечеръ, часу въ шестомъ, прибылъ въ Черниговъ, остановясь на своей квартирѣ у Высокоцкой. Я, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не испортилъ деревьевъ или не поворовалъ плодовъ, переодѣвшись тотчасъ отправился къ Дебрянскому, а здѣсь собралось любопытствующихъ десятки душъ. Чтобы кто-нибудь не сорвалъ плодовъ, къ деревьямъ была привязана записка о числѣ ихъ. Въ домѣ я засталъ все семейство въ небольшомъ садикѣ пьющимъ чай. Я подалъ письмо. Всѣ бросились смотрѣть деревья. Точасъ ихъ внесли въ комнаты и поставили въ гостинной къ окнамъ; развязавши деревья, они отправились опять въ садикъ, пить чай. Хозяева были со мной весьма радушны. Сестры дѣвочки, Марія, Анна и Евдокія, дочери ихъ, съ любопытствомъ меня разсматривали. Послѣдней было семь лѣтъ, остальныя же постарше. Изъ разговоровъ я узналъ, что имъ очень нуженъ учитель, что съ ними занимался гимназистъ, но не захотѣлъ учиться и поступилъ въ военную службу. Они спросили меня, не могу ли я найти имъ учителя изъ семинаристовъ. Я предложилъ имъ себя къ ихъ услугамъ, и мы здѣсь же покончили дѣло: я согласился заниматься за 6 рублей ассигнац. въ мѣсяцъ; заниматься надо было каждый день по $2^1/_2$ часа. Начало занятій съ 20 августа, съ тѣмъ, что я до перваго сентября имѣю у нихъ обѣдъ. Съ квартиры я долженъ былъ приходить къ нимъ заниматься. Добрянскій занимался столярствомъ и имѣлъ много работы: у него рабочихъ было болѣе двадцати душъ, изъ своихъ крестьянъ двѣ души. Иванъ Пощупь, его крестьянинъ, былъ подмастерьемъ. Онъ обучался въ Ремесленномъ Училищѣ. За годъ въ ономъ былъ директоромъ Семенъ Ивановичъ Добрянскій, получалъ хорошее жалованіе, да и доходы имѣлъ порядочные: у него было душъ 120 учениковъ по столярной, слесарной и прочимъ отраслямъ. Рабочіе получали отъ города содержаніе, куда поступали и доходы отъ продаваемыхъ издѣлій. Домъ ремесленный, очень обширный, находился на базарной

площади, около магистрата, гдѣ нынѣ помѣщается пожарная команда. Онъ просуществовалъ послѣ того лѣтъ десять, а затѣмъ упраздненъ. Послѣ Добрянскаго директоромъ былъ одинъ изъ его учениковъ, Черниговскій мѣщанинъ Бѣлявскій, имѣвшій довольно приличный домъ, за магистратомъ и поведшій семью на панскую ногу: у него была дѣвица Марья, къ которой я былъ неравнодушенъ, имѣя впослѣдствіи квартиру въ домѣ купца Веприцкаго, противъ дома Бѣлявскаго. Возвратился я изъ Чернигова и къ радости родителей объявилъ, что я буду изъ своихъ средствъ платить за квартиру и справлять себѣ одежду, кромѣ бѣлья, а они будутъ доставлять мнѣ только годовые харчи.—19-го августа я выѣхалъ въ Черниговъ и началъ заниматься съ усердіемъ и почти все время проводилъ тамъ, возвращаясь домой только на ночь.—Прошли каникулы, начались занятія второго курса: философіи удѣлялось каждый день четыре часа. Отправился я на свою кондицію и получилъ деньги за два мѣсяца впередъ, расплатился за квартиру и отдалъ харчевыя деньги.—Дѣла шли все хорошо. Между тѣмъ, по выбытіи архіепископа Симеона, на епархію прибылъ епископъ Лаврентій. Симеонъ былъ очень вспыльчивый человѣкъ и нерѣдко при одѣваніи на служеніи давалъ такіе стусаны, что порой бывали хуже удара. Онъ очень былъ близокъ къ дому Добрянскихъ, часто бывалъ, пилъ кофе, чай съ разнымъ вареньемъ, потому что они тогда жили аристократами, были близки съ военнымъ губернаторомъ Волконскимъ и съ мѣстнымъ губернаторомъ Могилевскимъ. У него въ саду была отличная паровая баня, послѣ которой онъ угощалъ посѣтителей приличнымъ образомъ, каковое угощеніе имѣло впослѣдствіи для Добрянскаго большія непріятности. Когда пріѣзжалъ князь Репнинъ и Волконскій, то Добрянскій отправлялся и требовалъ отъ дворецкаго нѣсколько бутылокъ вина для угощенія послѣ выхода. Конечно, дворецкій полагалъ, что это дѣлается съ вѣдома князя; между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени дворецкій докладываетъ, что вина осталось небольшое число бутылокъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ дворецкій представилъ ему отчетъ объ израсходованныхъ бутылкахъ вина и вмѣстѣ о взятыхъ Добрян-

скимъ каждый разъ, когда князь былъ у него. Князь вспылилъ и потребовалъ отчета о взятыхъ бутылкахъ. Пошла кутерма и разрывъ съ домомъ Добрянскихъ. Между тѣмъ до этого инцидента онъ такъ былъ близокъ, что бралъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ выхлопоталъ себѣ потомственное дворянство, войдя въ знакомство съ высокопоставленными лицами при посредничествѣ Репнина и князя Виктора Павловича Кочубея, къ которому я впослѣдствіи писалъ письмо по его программѣ съ посылкою въ миніатюрномъ видѣ памятника полтавской битвы. Этотъ памятникъ былъ изящно сдѣланъ изъ краснаго дерева съ употребленіемъ, гдѣ нужно было для красоты, бронзы. Князь отвѣтилъ благодарнымъ письмомъ, прося его прислать второй экземпляръ съ написаніемъ стоимости онаго. По словамъ Добрянскаго, модель памятника стоитъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ онъ будетъ посылаться, болѣе ста рублей. Ящикъ былъ сдѣланъ тоже изъ краснаго дерева и обшитъ замшей. Все это такъ хорошо было отполировано, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, все можно было видѣть. Жена его, Анна Петровна Добрянская, иначе воеводиха, до того была близка къ губернаторшѣ, что, бывая у послѣдней, сидѣла на кровати, по обычаю азіатскому поджавши ноги, потому что губернаторша была грузинка, вышедшая замужъ за правителя канцеляріи при Ермоловѣ, Павла Ивановича Могилевскаго, получившаго мѣсто губернатора въ Черниговѣ. Марья Ивановна—такъ звали губернаторшу—была полная, очень красивая женщина. Совѣтницы и прочія дамы высшаго круга сидѣли на табуреткахъ у ногъ ихъ. Родная сестра губернатора Евфросинія Ивановна Веприцкая безъ вниманія была принимаема, отъ чего между Добрянскою и Веприцкою существовала ужасная непріязнь и одна другую при возможномъ случаѣ укоряли, первая—купчихою-банкроткою, а вторая—столяркою, вслѣдствіе чего онѣ избѣгали другъ друга и рѣдко сталкивались: если Веприцкая узнавала, что Добрянская у губернаторши, то, увидѣвшись съ братомъ, тотчасъ уѣзжала, посѣтивъ родного племянника отъ родной сестры правителя канцеляріи, который иногда пріѣзжалъ и къ ней въ домъ.—Я уже жилъ тогда у Веприцкихъ, будучи домашнимъ учителемъ,

занимаясь съ двумя сыновьями, Исидоромъ и Николаемъ; дочь же ихъ Марія ходила въ какой-то частный пансіонъ. Еремѣй Васильевичъ Веприцкій былъ богатый купецъ. Въ десятые и послѣдующіе за симъ годы братъ его торговалъ за границей въ Кенигсбергѣ, а здѣсь были приказчики; но онъ рано умеръ. Жена его впослѣдствіи вышла замужъ за исправника Левонтѣева, обративши торговлю въ капиталъ, послѣ чего и Веприцкій упалъ въ торговлѣ, такъ что имѣлъ только приказчика Лаврентія Обухова, курскаго мѣщанина, который допродавалъ остальные товары; онъ же почти никогда не бывалъ въ лавкѣ и содержалъ домъ Веприцкой, съ которой сошелся до извѣстныхъ отношеній, какъ мужъ. Мнѣ часто приходилось разнимать ихъ драку съ Еремѣемъ. Онъ постоянно кутилъ, исправляя старые долги съ помѣщиковъ при посредствѣ губернатора и правителя канцеляріи, и если только захватитъ присланныя деньги, то жена получаетъ мало, а идутъ они на кутежъ. Впрочемъ онъ изъ дома никуда не ходилъ, а иногда лѣтомъ велитъ запречь въ дрожки пару лошадей, довольно уже не-ѣзжалыхъ, однако еще крѣпкихъ и рысистыхъ, и отправляется въ Бѣлоусъ, къ какому-нибудь панку, гдѣ онъ уже напьется до положенія ризъ. Впрочемъ онъ былъ изрядный юмористъ, и иногда нужно было имѣть большое терпѣніе, чтобы не смѣяться до умору. Все описанное случилось уже по переходѣ моемъ въ „богословію“. Послѣдній годъ философскій прошелъ удачно. Я почти не имѣлъ ни въ чемъ нужды, занимался однако не такъ усердно наукою, но все-таки не отставалъ, имѣя добрую память, такъ что въ богословію перешелъ между первыми во второмъ разрядѣ. Всего перешло сорокъ четыре человѣка, но къ окончанію вышло только тридцать девять учениковъ. На каникулы домой я неохотно ѣздилъ, потому что тамъ царила ужасная бѣдность отъ худой жизни капитана Лазарева; онъ жилъ отдѣльно: мать ему выстроила большую хату на огородѣ Кульмановскомъ съ сѣньми и коморою, гдѣ онъ жилъ съ женщиною, купленною въ Городищѣ у стараго Харченка, Луки Ивановича, у котораго она тоже была подставною. Съ нею и отчимъ велъ подобную жизнь, получая отъ матери полное содержаніе, а пен-

сіонъ его служилъ на водку: чаю онъ не любилъ, а отъ пунша не прочь, что въ тогдашнее время особенно было въ ходу, да и какъ не быть, когда въ Стольномъ до десяти винокуренъ, отлично перегонявшихъ спиртъ. Особенно славился отецъ Василій Воронкевичъ, который изъ яблокъ и грушъ выгонялъ спиртъ лучше всякаго рома, здѣсь продаваемаго. Сей священникъ (онъ же приходскій) былъ большой хлѣбосолъ: у него въ столовой во всякое время дня не сходила со стола водка и закуска. Онъ былъ большой практикъ: у него была ветчина, колбасы, копченые языки, и все это приготовленное въ винокурнѣ. Кто-бы ни пріѣзжалъ изъ чиновниковъ, судей или слѣдователей или тогда засѣдателей исправниковъ,—всѣ тамъ бывали, а сколько наливокъ разныхъ родовъ и сортовъ. При небольшомъ земельномъ имуществѣ онъ жилъ аристократомъ; къ тому онъ не имѣлъ семейства, кромѣ постоянно больной жены и тещи, которая завѣдывала женскимъ хозяйствомъ, и родной матери, которую впослѣдствіи онъ устроилъ на огородѣ, принадлежащемъ Воронкевичамъ. Затѣмъ прибыло еще два брата его родные: Григорій Ивановичъ съ Кавказа, штабсъ-капитанъ, кутила, женившійся и не имѣвшій дѣтей отъ польки, дочери управляющаго имѣніемъ Лизогуба, Анастасій Ивановичъ, женившійся на Тимоновской, Пульхеріи Дмитріевнѣ; семейство его и теперь существуетъ, въ числѣ коего и Олимпіада Анастасіевна Симоновичъ, и три сына: Василій въ Новозыбковѣ былъ частнымъ приставомъ; Николай служилъ въ гвардіи, а послѣ въ Архангельскѣ и не имѣлъ семейства. Третій сынъ (имя неизвѣстно) былъ полковникомъ въ гвардіи, нынѣ уѣздный Сосницкій военный начальникъ, женившійся въ чинѣ капитана въ селѣ Величковкѣ на дочери окружного начальника Владиміра Сахновскаго и имѣющій трехъ дѣтей. Онъ теперь вдовъ. Дочь воспитывается въ кіевскомъ институтѣ, а два сына въ Петербургѣ въ какой-то военной гимназіи на казенный счетъ, а дочь—на собственный. Отецъ Василій умеръ уже въ бытность мою благочиннымъ. Онъ позже лишенъ былъ мѣста и прихода вслѣдствіе вдовства и послѣдствій онаго. Онъ умеръ въ полномъ довольствѣ. Брату его Анастасію досталось боль-

ше 10 бочекъ водки, а сколько наливокъ, а также много столоваго серебра. Старшему брату Григорію удѣлена была самая малая толика. Впрочемъ, ему досталась бочка водки, которая и явилась причиной его смерти. Послѣ него винокуреніе было прекращено въ Стольномъ, такъ какъ его винокурня была послѣдней, прекратившей свое существованіе, вѣроятно, въ 1847 году. Въ бытность мою благочиннымъ я много отъ него пользовался особенно спиртомъ, наливкою и рѣдкимъ уксусомъ, и при томъ безмездно.

Въ половинѣ каникулъ, а можетъ и позже, 7-го или 8-го августа я отправился изъ дома въ Черниговъ, прямо къ Веприцкому, собственно для занятія съ дѣтьми и поступленія въ богословію. Черниговскій преосвященный (это было въ 1825 году) былъ тогда и ректоромъ семинаріи. Это былъ архимандритъ Іеронимъ, кривой на одинъ глазъ, лѣтъ 50-ти. И какъ архіерей, и какъ ректоръ, онъ отличался добротою и простотою особенно. Преосвященный Лаврентій, уроженецъ владимірской губ., тогда объѣздовъ не дѣлалъ по епархіи, а преосвященные ѣздили только по монастырямъ, куда и онъ ѣздилъ, но не въ каретѣ, а просто крытою рессорной бричкой, и не въ простяжъ. Онъ заѣзжалъ по дорогѣ къ священникамъ и вовсе не былъ требователенъ: пилъ чай ужиналъ и ночевалъ безъ всякихъ требованій, какъ будто какой протопопъ. Онъ, казалось, былъ предвѣстникомъ, что послѣ него поставятъ или пришлютъ преосвященнаго, который будетъ бичемъ духовенства.

Такъ я поступилъ въ богословію, гдѣ только сначала (первую треть) занимался усердно, а подъ конецъ, на другую треть, не сталъ носить и книгъ на квартиру, а увлекался знакомствами, опускалъ вторые часы подъ предлогомъ изобрѣтенныхъ болѣзней, а послѣ обѣда почти спалъ, когда ходилъ на еврейскій языкъ, преподавателемъ котораго былъ профессоръ словесности Охотинъ. Это классъ былъ послѣ-обѣденный всего два раза въ недѣлю. Однажды былъ переводъ изъ ветхаго завѣта, первой главы книги Мойсея. Онъ спросилъ меня, а до того я съ Митькевичемъ разбиралъ ее и немного усвоилъ, вслѣдствіе чего отвѣтилъ весьма удачно, такъ что онъ поставилъ

меня послѣднимъ въ первомъ разрядѣ. Охотинъ не любилъ ревностно заниматься, да и не было болѣе трехъ или четырехъ учениковъ, которые усердно занимались и могли правильно читать и легко переводить. На богословіи я тоже успѣвалъ порядочно; къ тому же я ходилъ къ ректору Іерониму въ Елецкій монастырь два раза въ недѣлю, читать ему книги духовнаго содержанія, преимущественно въ то время издаваемыя при духовныхъ академіяхъ. Поводомъ къ тому было, что я имѣлъ квартиру, близкую къ Елецкому, а другое, что онъ былъ въѣзжъ къ семейству Должикова, нѣкогда богатаго откупщика винныхъ сборовъ, но разорившагося. Должикова была уже вдовой и имѣла одну дочь. Домъ ея былъ за магистратомъ, сейчасъ черезъ улицу, въ разстояніи не болѣе 100 шаговъ отъ дома Веприцкихъ, такъ что мнѣ нерѣдко приходилось относить ему кофе, совсѣмъ уже приготовленное, въ нарочитомъ кофейникѣ, обшитомъ толстою фланелью. Вслѣдствіе этого кофе доставлялось ему горячимъ. Все это служило мнѣ покровительствомъ въ пропущеніи классовъ, особенно вторыхъ и послѣобѣденныхъ; да и самъ то ректоръ не любилъ рано пріѣзжать, непремѣнно за часъ до вторыхъ часовъ, отъ чего часто слышались жалобы отъ философскихъ и словесности профессоровъ на постоянный шумъ у богослововъ въ сѣняхъ и на тамбурѣ. Къ тому же у насъ былъ ученикъ Тимофей Орловскій, ужасная пройдоха. Онъ былъ регентомъ семинарской пѣвчей. Это былъ большой балагуръ, изобрѣгательный разскащикъ новостей. Классъ запирался на ключъ, чтобы никто не выходилъ, а онъ своими разсказами всѣхъ смѣшилъ. Изъ окошка было видно, когда ректоръ на своей парѣ буланыхъ взъѣзжалъ на Красный мостъ. Онъ всегда своимъ юморомъ заставитъ классъ посмѣяться и замолкнуть, какъ только ректоръ высаживается изъ своей кареты, благоговѣйно, важно входитъ въ классъ, прослушавъ молитву, всходитъ на каѳедру и говоритъ: „Господи, къ кому идешь? Ты глаголеши живота вѣчнаго имаши“. Тогда онъ беретъ съ каѳедры приготовленную развернутую книгу, Богословіе Ѳеофилактова, и, прочитавъ нѣсколько, остановится и говоритъ: г. Митькевичъ (или кто другой), разскажите прочитанное вами

съ присовокупленіемъ текстовъ священнаго писанія. Въ тоже время скажите кто-нибудь подходящій текстъ". Онъ всегда обходился со мною благоволительно и отмѣтки о небытіи въ классѣ оставлялъ безъ послѣдствій. Однако же, когда приходилъ читать какой нибудь журналъ, то я тутъ придумывалъ обстоятельство, заставившее меня это сдѣлать. Наконецъ журналистъ увидѣлъ, что его отмѣтки не имѣютъ никакихъ послѣдствій, и пересталъ отмѣчать меня. Къ тому же я постарался журналиста задобрить, прося посѣтить мою квартиру и угостивши его квартой добраго пива, которое я получалъ отъ откупщика, гдѣ я обучалъ его двухъ маленькихъ дочерей русскому языку и грамматикѣ. Но этимъ не кончались мои кондиціи: меня по совѣту сестры губернатора, а также Добрянскаго, пригласили къ губернатору Павлу Ивановичу Могилевскому заниматься съ двумя дочерьми, Маріей и Екатериной, священной исторіей и катихизисомъ три дня въ недѣлю, съ платой по 10 руб. ассигнацій въ мѣсяцъ. Я съ охотой согласился, болѣе изъ честолюбія, такъ какъ у меня оказалось уже четыре кондиціи: у Веприцкаго, у Добрянскаго и откупщика, гдѣ я училъ русскому языку и читать по-французски; нѣмецкому и еврейскому языку училъ ихъ нѣмецкій еврей Фрештъ; получалъ онъ въ четыре раза большее содержаніе, чѣмъ я, да кромѣ того и жилъ тамъ же. Самъ хозяинъ рѣдко бывалъ въ Черниговѣ, постоянно жилъ по богатымъ откупамъ въ другихъ губерніяхъ. Жена управляла всѣмъ домомъ, а кассиры завѣдывали суммами, казначей отпускалъ водку и прочее.

Такъ я мало занимался богословскими предметами, тратя больше времени на кондиціи. Въ субботу я почти вовсе не бывалъ въ классѣ, т. к. въ этотъ день ректорскаго класса не было. Весной и лѣтомъ раза четыре ходили мы въ компаніи знакомыхъ дѣвицъ въ Троицу. Здѣсь была и Бѣлявская, дочь директора ремесленнаго училища, моя сосѣдка. Она впослѣдствіи вышла замужъ за моего сотоварища Тимофея Орловскаго, нашего семинарскаго регента, бывшаго по окончаніи полковымъ священникомъ въ кавалеріи. Онъ рано окончилъ свое земное поприще вслѣдствіе разгульной жизни. Лѣтъ черезъ пять я уви-

дѣлъ его въ Синявкѣ растолстѣвшаго. Онъ пріѣзжалъ въ Александровку послѣ смерти отца своего, бывшаго тамъ священникомъ Александровской Покровской церкви. Когда я его увидѣлъ, меня даже зависть взяла: пріѣхалъ онъ фаэтономъ на парѣ рысаковъ, одѣтъ былъ въ богатую рясу и такой же подрясникъ, въ то время, какъ на мнѣ была бѣдная демикотонная ряса; а потому я, наговорясь съ нимъ, имѣлъ непремѣнное намѣреніе проситься въ полкъ священникомъ; но когда я предложилъ это покойницѣ Иринѣ Феодоровнѣ, она не согласилась, говоря: на одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ, а оно и вышло на правду. Жена его послѣ его смерти пріѣхала къ отцу въ Черниговъ и вскорѣ вышла замужъ за купца Пригорскаго, который продалъ лавку со всѣми товарами и кредитомъ и жилъ частно въ своемъ богатомъ домѣ съ женой; дѣтей у нихъ не было. Она сдѣлалась очень тучной женщиной,—да и онъ нехуже; завѣдывалъ только своею кладбищенской церковью, какъ староста, гдѣ погребена его жена и дочери—дѣвицы, употребивъ на постройку ея, училища, богадѣльни и дома для священника и причта около 50000 р. серебр.

Такъ я окончилъ семинарское ученіе въ іюлѣ мѣсяцѣ 1821 года, но не выѣзжалъ домой на каникулы, а рѣшилъ остаться въ Черниговѣ на годъ на занимаемыхъ мною кондиціяхъ. По разсчету моему, я долженъ былъ получить болѣе 500 рублей ассигнаціями, на каковыя деньги, за вычетомъ расходовъ, я и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію. Но homo proponit, Deus disponit... Оставаясь свободнымъ отъ обязательныхъ занятій, я за день передъ заговѣнами Спасовскими задумалъ отправиться на охоту подъ Калачовку, на извѣстныя мнѣ мѣста и озера, пѣшкомъ, почти въ полночь. Охота была весьма удачная, такъ что, возвращаясь предъ заходомъ солнца домой на квартиру, я уже имѣлъ 8 штукъ. Между тѣмъ по дорогѣ случилось небольшое озерцо. На моихъ глазахъ пролетѣла пара крыжныхъ и сѣла. Я выстрѣлилъ и убилъ одну на повалъ, а другую подстрѣлилъ. Попробовалъ за ними полѣзть въ воду—глубоко! Со мною былъ ножъ. Я вырѣзалъ двѣ лозины, связалъ ихъ и съ ихъ помощью вытащилъ одну утку, а дру-

гая заплыла въ траву. Между тѣмъ солнце уже сѣло, а мнѣ осталось еще верстъ семь пути. Я шелъ, бѣжалъ, но ружье и убитыя утки представляли большую тяжесть. Добрался я до квартиры, когда всѣ спали. Въ кухнѣ разбудилъ прислугу и сдалъ ей дичь, а самъ легъ спать. Меня пронялъ холодъ, а къ свѣту я лежалъ уже въ горячкѣ. Помню, во время обѣда я схватился и вбѣжалъ въ столовую въ однихъ порткахъ и рубашкѣ, съ ужаснымъ крикомъ. Еремѣй Васильевичъ схватилъ меня и отвелъ въ мою спальню, позвалъ кучера смотрѣть за мною. Тотчасъ послѣ обѣда Веприцкая отправилась къ брату, и къ вечеру изъ Богоугоднаго заведенія явился главный тогда докторъ Калашъ съ фельдшеромъ, осмотрѣлъ меня, поставилъ пьявки, далъ какой-то микстуры и оставилъ фельдшера при мнѣ на ночь. На слѣдующій день, часу въ десятомъ, онъ опять пріѣхалъ, велѣлъ мнѣ перемѣнить платье, далъ какіе-то порошки и, взявши съ собой фельдшера, сказалъ, что опять пріѣдетъ часа черезъ три, а ко мнѣ приставилъ для стражи кучера. Фельдшеръ прибылъ только къ вечеру, поставилъ мнѣ промывательное, а вечеромъ и самъ докторъ прибылъ съ какимъ-то лѣкарствомъ, которое приказалъ давать черезъ часъ. На третью ночь мнѣ стало лучше, и я спалъ спокойно. Докторъ прибылъ, посмотрѣлъ и сказалъ, что теперь фельдшера не нужно, т. к. опасность была, да миновала. Онъ сказалъ Веприцкому, чтобы давать микстуру чрезъ часъ. Мнѣ постоянно готовили супъ съ цыплятами. Я почти ничего не ѣлъ, поутру выпивалъ почти насильно стаканъ чаю. Все окошко въ моей комнатѣ было заставлено лѣкарствами. Но конечно—я чужой, всѣ стѣсняются, даже моихъ учениковъ не пускаютъ въ мою комнату. Затѣмъ, у нихъ по улицѣ стоялъ домикъ, комнаты въ четыре, пустой. Его очистили и перевели меня туда. Семенъ Ивановичъ Добрянскій черезъ день навѣщалъ меня. Я просилъ его нанять мнѣ извозщика и отправить домой къ матери, потому что я началъ уже, хотя съ трудомъ, ходить по комнатѣ. Веприцкая отправилась къ губернаторшѣ, и на другой день, т. е. 10-й моей болѣзни, пріѣхала буда съ евреемъ. Передъ этимъ у меня былъ докторъ и снабдилъ меня лѣкарствами и инструкціей, позволивъ ѣхать.

Все мое имущество уложили въ повозку, куда положили много подушекъ. Я болѣе всего заботился о ружьѣ и его принадлежностяхъ. Добрянскій на сильныхъ лошадяхъ проводилъ меня до Бобровицы, а вечеромъ я былъ уже въ Стольномъ. Мать въ это время была на огородѣ и что-то рвала. Я окликнулъ ее. Она перелѣзла черезъ плетень и, увидѣвъ меня, залилась слезами и дошла до дома съ подводою. Съ повозки меня почти снесли. Ночью со мной было нехорошо, но Настасія не отходила отъ постели, давая мнѣ пить прописанные докторомъ порошки и микстуры. Поутру мнѣ стало легче, и я, напившись чаю, вышелъ въ садъ и хотѣлъ, чтобы мнѣ тамъ поставили постель, но они ввели меня въ комнату. Тамъ я провалялся еще около недѣли. Наконецъ сталъ выздоравливать и гулять по двору и саду. Затѣмъ, уже вполнѣ выздоровѣвши, я сталъ опять охотиться, при томъ всегда удачно, такъ что для стола всегда достаточно было дичи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. Въ январьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1886 годъ была напечатана замѣтка г. О. Лев—аго: «Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ временъ, къ которой были приложены: а) «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французами побѣды 1807 года, генваря 27 числа» и б) «Ода на изгнаніе французовъ изъ Россіи». Вторая ода напечатана по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ найденъ въ старинномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ лицу, служившему въ гадячской полковой канцеляріи въ послѣдніе годы ея существованія, а другой, относящійся къ 50-мъ годамъ, полученъ отъ одного волостного писаря въ полтавской губерніи. Но, не смотря на то, что въ виду г. Лев—аго было два списка, въ трехъ мѣстахъ напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» оды недостаетъ строчекъ, по поводу чего авторъ замѣтки высказываетъ сожалѣніе о томъ, что за неимѣніемъ другихъ, болѣе исправныхъ списковъ, приходится возстановлять полузабытыя оды по спискамъ, хотя и старинымъ, но весьма неисправнымъ, съ пропусками строкъ и порчею стиховъ. Говоря объ этой второй одѣ и сдѣлавъ нѣсколько сопоставленій ея съ Энеидою Котляревскаго, г. О. Лев—ій оканчиваетъ свою статью вопросомъ: «нельзя-ли на основаніи всего этого признать И. П. Котляревскаго авторомъ если не обѣихъ, нынѣ публикуемыхъ одъ, то по крайней мѣрѣ второй изъ нихъ, имѣющей особенно близкое сходство съ подлинными его сочиненіями?»

Этотъ поставленный г. О. Лев—имъ вопросъ, на который до сихъ поръ никто не отвѣтилъ, мы имѣемъ возможность разрѣшить, благодаря одной маленькой, современной самой войнѣ съ французами, книжечкѣ, составляющей библіографическую рѣдкость, повидимому

неизвѣстную нашимъ библіографамъ (въ «Покажчикѣ українськоі літератури» М. Комарова, ровно какъ и въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова нѣтъ никакихъ указаній на это произведеніе украинской литературы). Ода, о которой идетъ рѣчь, была издана въ видѣ особой книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *«Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году»* (напечатана въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Ив. Глазунова, 1813 г., 8⁰, 22 стрн.). На заглавномъ листѣ имени автора не означено, но въ концѣ книги, подъ одою имѣется подпись: *«Петръ Данилевскій»*. Къ одѣ приложенъ краткій малорусскій словарь, занимающій 10 страницъ (13—22).

При сравненіи текста оды въ этой книгѣ съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Кіевской Старинѣ», въ послѣднемъ, кромѣ пропуска строкъ въ трехъ мѣстахъ, замѣчаются значительныя отступленія отъ подлинника. Нѣкоторыя изъ нихъ слѣдуетъ объяснить невольною порчею со стороны переписчиковъ, другія же сдѣланы съ видимымъ желаніемъ исправить литературныя достоинства слога и выраженій, употребленныхъ въ подлинникѣ; причемъ въ виду того, что ода вѣроятно много разъ переходила изъ рукъ въ руки и многократно переписывалась, конечно нельзя опредѣлить, кто именно это сдѣлалъ. Вотъ для сравненія первый и третій куплеты по обоимъ текстамъ:

По тексту книги Данилевскаго:

Слава Богу (,) стало гарно,
Мовъ видлыгло въ животи;
Було дуже гирко (,) хмарно,
Якъ видъ дыму на печи.
Ніякійсь було поганець
Звидтиль, кажутъ, выструганець
Де все сонечко сида (,)
Черезъ царства (,) черезъ панства,
Да й до нашого гетьманства,
Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О! яке то зло вродылось,
Скилькы нивець [1]) повернувъ
Да ище не насытылось
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни (,) втопивъ у воду,

По тексту г. Лев—аго:

Слава Богу, стало тихо,
Мовъ на мори писля бури;
Страхъ минувся и спить лихо,
Мовъ на сидали ти кури.
Це якійсь зъявивсь поганець,
Звидтиль, кажутъ, выструганець,
Де все сонечко сида,
Черезъ царства, черезъ панства,
Та й до нашого гетьманства
Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О якій же злый вродывся!
Скильки царствъ винъ осягнувъ!
Та и тымъ не насытывся,
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни втопивъ у воду,

[1]) „Нивець“, объясняетъ авторъ въ своемъ словарѣ, значитъ ни во что.

Скильки виська зопсувавъ,	. . . .
Скильки царствъ уже ограбывъ,	Скильки царствъ уже ограбывъ,
Срибра (,) золота наглабывъ [1]),	Скильки золота награбывъ—
Все голоденъ бусурманъ.	Той голодный бусурманъ!

Изъ имѣющейся въ книгѣ помѣты цензора видно, что къ печатанію она была разрѣшена 12 февраля 1813 года; это подтверждаетъ высказанное въ статьѣ г. О. Лев—аго предположеніе, что ода была написана въ декабрѣ 1812 года и во всякомъ случаѣ не позже января 1813 г. Что-же касается до замѣченнаго г. О. Лев—имъ близкаго сходства оды съ сочиненіями И. П. Котляревскаго, выражающагося, какъ въ одинаковой постройкѣ десятистрочной хореической строфы, такъ и въ буквальномъ почти повтореніи нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся у Котляревскаго [2]), то это очевидно объясняется вліяніемъ на Данилевскаго произведеній Котляревского, «Энеида» котораго, вопреки увѣренію С. Катранова, объясняющаго въ своей біографіи Котляревскаго [3]), что будто три первыя части Энеиды были написаны въ 1803 году, была издана въ первый разъ (иждивеніемъ М. Парпуры) въ 1798 году, а «Ода до князя Куракина», изданная гораздо позже книги Данилевскаго, но написанная въ 1805 году, могла быть извѣстна ему по рукописнымъ спискамъ. Однако, сравнивая словарь, приложенный къ книгѣ Данилевскаго, со словаремъ, который былъ приложенъ къ Энеидѣ, мы замѣтили, что многія малорусскія слова Данилевскій объясняетъ иначе, чѣмъ Котляревскій

---

[1]) Изъ того же словаря видно, что употребляя слово „наглабывъ", авторъ не дѣлаетъ въ немъ описку: „наглабывъ", объясняетъ онъ, значитъ—разбойнически отнялъ; такимъ образомъ для того, чтобъ создать рифму, авторъ дѣлаетъ изъ одного слова, которое одни произносятъ какъ „награбивъ", а другіе какъ „наглабивъ", два слова.

[2]) Напримѣръ выраженіе 8-ой строфы: „надъ Москвою спимстывсь дуже бусурманъ, зробывъ зъ неи скирту гною",—напоминающее строчки изъ Энеиды: „Греки якъ спалывши Трэю, зробили зъ неи скирту гною"; или выраженія послѣдней строфы:

„Да и музы попотіють,
Пяту долю поки вспіють
Славу спить его до ладу",—

напоминающія строчки изъ „Оды до князя Куракина":

„Да и музы лобъ нагріють
Поки проспивать поспіють
Половину дилъ твоихъ".

[3]) И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій, изд. подъ редакціей С. П. Катранова (Кіевъ, 1874 г.), стран. V и VII.

и притомъ не всегда удачно; повидимому, это указываетъ на то, что въ то время, когда Данилевскій писалъ и издавалъ свою оду, у него не было подъ рукою словаря, приложеннаго къ Энеидѣ.

Кто такой былъ этотъ Петръ Данилевскій—объ этомъ въ печати не имѣется никакихъ свѣдѣній. И хотя произведеніе его музы представляется слабоватымъ, но въ виду того, что послѣ Энеиды Котляревскаго оно было третьимъ [1]) литературнымъ произведеніемъ, изданнымъ на малорусскомъ народномъ языкѣ, было бы желательно получить о немъ какія-нибудь свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

Кіевскій обыватель грекъ Іотій (1741—61). Въ составѣ населенія г. Кіева въ прошломъ столѣтіи встрѣчается не мало грековъ, пріѣзжавшихъ сюда по торговымъ дѣламъ, а затѣмъ и поселявшихся навсегда. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ мѣщанство, подлежали юрисдикціи магистрата, въ которомъ иногда и являлись урядниками; нѣкоторые же, проживая на Подолѣ, въ составъ мѣщанства не входили и подлежали вѣдѣнію губ. канцеляріи. Въ 1726 г., какъ видно изъ одного напечатаннаго мною документа, проживало въ Кіевѣ 22 грека торговца.

Раньше другихъ греческихъ фамилій встрѣчаются въ имѣвшихся у меня до сихъ поръ документахъ прошлаго вѣка фамиліи Терновіота, Кармалея, Константинова и Лакерды, какъ постоянныхъ уже обывателей г. Кіева.

Біографическія свѣдѣнія, хотя бы и отрывочныя, объ отдѣльныхъ обывателяхъ представляютъ нѣкоторый интересъ для болѣе живого представленія общей такъ сказать физіономіи населенія города. Въ виду этого я собиралъ такого рода свѣдѣнія о названныхъ выше греческихъ фамиліяхъ, и со временемъ, быть можетъ, мнѣ удастся сгруппировать эти крупицы въ нѣчто цѣльное. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія касаются кіевскаго грека, попавшаго не въ мѣщане, а въ войсковые товарищи и, какъ видно, не прочно осѣвшаго въ Кіевѣ, и привожу я ихъ лишь какъ указаніе на тѣ способы, какими иноземные «искатели фортуны», устраивались въ мѣстномъ обществѣ. Павелъ Іотій, очевидно, игралъ роль шпіона и употреблялся для

---

[1]) Вторымъ была напечатанная въ Вѣстникѣ Европы ода Копицъ-Квитвицкаго.

«секретныхъ развѣдываній» въ турецкой области, почему начальство и считало своею обязанностію вознаградитъ его матеріально, какъ видно это изъ слѣдующей грамоты, послѣдовавшей изъ Кол. Ин. Д. на имя гетмана Разумовскаго отъ 14 октября 1750 г.: «Кіевской житель греченинъ *Павелъ Іотій* во время послѣдней, бывшей между нашею имперіей и Оттоманскою Портою войны, какъ отъ губернаторовъ кіевскихъ, такъ и отъ другихъ командировъ употребленъ былъ въ нужныхъ по тогдашнему времени посылкахъ въ разнія мѣста турецкой области и въ секретныхъ провѣдованіяхъ немалія услуги показывалъ, за что онъ въ прошломъ 1641 году отъ малорос. войск. канц. и чиномъ войсковаго товарища награжденъ и за старостію отъ всякой службы уволенъ. Но потомъ онъ билъ челомъ въ нашей коллегіи Ин. Д., представляя, что, будучи въ таковыхъ посылкахъ, не только частымъ злоключеніямъ, но и потерянію живота былъ подверженъ и претерпѣлъ несносные убытки и разореніе, якоже за тою службою и купеческаго своего промыслу лишился, и чтобъ ему при старости для пропитанія съ женою и дѣтьми и для росплатки долговъ награжденіе учинить и домъ его въ Кіевѣ отъ постою свободить и противъ живущихъ тамъ козаковъ напитками торговать позволить. И по тому его прошенію отъ нашей коллегіи Ин. Д. ему на оплату долговъ нѣкоторое небольшое награжденіе деньгами учинено, и о прочемъ его награжденіи для пропитанія съ женою и съ дѣтьми и освобожденіи дому его отъ постоя и о позволеніи ему въ продажѣ напитковъ писано было изъ той коллегіи въ 1742 году въ Войск. Генер. Канцелярію, чтобъ оная разсмотрѣла и опредѣленіе учинила по своему разсужденію. И на то изъ В. Г. К. отвѣтствовано, что о увolненіи дому его отъ всякихъ постоевъ въ Кіевѣ къ генералу-губератору писано и на свободное шинкованіе напитками, противъ живущихъ въ Кіевѣ козаковъ, откровенній указъ ему Іотію данъ; а что надлежитъ до награжденія его къ пропитанію, то онъ Іотій просилъ тамо въ войск. генер. канц. о удостоеніи его дворовымъ числомъ по разсмотренію той Г. В. К., съ чего бы онъ при своей старости съ женою и съ дѣтьми пропитаніе имѣть и долги уплатить могъ, но Войск. Генер. Канц. не въ состояніи себя предъявила назначить, до коликого бы числа дворовъ ему, Павлу Іотію, дать надлежало, и тако сіе безъ рѣшенія осталось и по нынѣ. А въ нынѣшнемъ 1750 году отъ 28-го марта, по возобновленному отъ него, Павла Іотія, прошенію, изъ помянутой В. Г. К. представлено въ нашу коллегію Ин. Д, что въ разсужденіи бывшей сего Іотія службы, дабы

онъ пропитаніемъ снабдѣнъ былъ, то В. Г. К. признаваетъ за прилично опредѣлить его въ Кіевъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ дозорцею индуктного збору зъ жалованіемъ на годъ по сту рублевъ изъ тогожъ збору. А онъ, Павелъ Іотій, здѣсь нынѣ о награжденіи за свои службы къ вѣчному его съ женою и дѣтьми пропитанію повторительно и докучно для того проситъ, что, никакого пропитанія не имѣя, въ долги необходимо войтить, да и домъ свой въ Кіевѣ заложить принужденъ былъ. Но яко со времени, когда мы васъ, нашего гетмана въ Малой Россіи всемил. опредѣлили и учредили, какъ помянутой индуктной, такъ и всѣ другіе тамошніе зборы въ диспозиціи вашей состоятъ, тако и опредѣленіе къ тѣмъ сборамъ потребныхъ людей вамъ же принадлежитъ, и понеже оказанныя сего греченина Павла Іотія во время минувшей войны службы, для которыхъ онъ своего купеческаго промыслу лишился, справедливую причину подаютъ, чтобъ онъ зъ женою и дѣтьми безъ пропитанія не оставленъ, но опредѣляя его къ какому либо мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или инако дачею нѣкотораго числа дворовъ изъ маетностей или же какихъ угодьевъ, тѣмъ для его пропитанія снабдѣнъ былъ, сіе же опредѣленіе ему способнѣе учиниться не моглобъ, какъ въ Малой Россіи, ибо онъ тамошній житель есть, того ради мы за благо разсудили чрезъ сіе вамъ, нашему гетману, всемил. повелѣть, дабы вы опредѣлили его по способности и по его состоянію, гдѣ удобнѣе будетъ въ Малой Россіи къ збору индуктному или къ другому какому мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или, по вышеписанному, съ инымъ награжденіемъ, отчего бы онъ зъ женою и дѣтьми пропитаніе имѣть могъ»... Получивъ эту грамоту, графъ Разумовскій, «респектуя на оную его Іотія скудость» предписалъ генер. канц. опредѣлить его съ наступающаго 1751 года въ Кіевъ дозорцею индуктнаго сбору съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ изъ того же индуктнаго сбора, «а кто тамъ въ Кіевѣ до сего на дозорчествѣ индуктнаго збору обрѣтался, тѣхъ отставить, его же Іотія изъ того въ Кіевѣ дозорчества безъ нашего собственнаго повелѣнія не перемѣнять».

Но Іотій, оставаясь въ Петербургѣ, какъ видно, не удовлетворился этимъ назначеніемъ и вновь подалъ на высоч. имя челобитную съ просьбой о выдачѣ ему «награжденія», заявляя, что ему не на что и въ Кіевъ выѣхать, и потому изъ кол. Ин. Д. вновь послѣдовала высоч. грамота Разумовскому отъ 30-го февраля 1751 г., въ которой предлагалось, что-бы Іотій получалъ годовое жалованье «по смерть свою неотмѣнно», а кромѣ того, чтобы гетманъ назна-

чилъ ему, а по смерти его женѣ и дѣтямъ, «хотя небольшой какой хуторъ изъ войсковыхъ свободныхъ или изъ другихъ какихъ угодьевъ во владѣніе». Для отъѣзда же Іотія въ Малороссію выдано ему изъ Кол. Ин. Д. сто рублей.

Такъ какъ Іотій «докучалъ» своими просьбами, то ему дана была на руки третья грамота на имя Разумовскаго, которую онъ и доставилъ въ іюлѣ 1751 года; въ ней требовалось исполнить указанное въ первыхъ двухъ грамотахъ «безъ дальняго продолженія, дабы онъ не имѣлъ причины болѣе о томъ докучать». Но, какъ видно изъ доношенія Іотія въ Войск. Ген. Канц., поданнаго въ октябрѣ 1754 г., онъ назначеннаго ему жалованья «ни за еденъ годъ не получалъ», съ деревеньки» же, которую пожаловалъ ему гетманъ, онъ «за едвалъ пропитать себе въ нужномъ чемъ» могъ, почему и просилъ о выдачѣ ему хоть за одинъ годъ назначеннаго жалованья. Изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно, былъ ли удовлетворенъ въ этомъ отношеніи Іотій.

Изъ одного дѣла 1759 г. видно [1]), что онъ въ это время проживалъ все таки въ Кіевѣ, гдѣ и имѣлъ винокуренный заводъ. Въ названномъ году онъ жаловался на войта Сычевскаго, который запретилъ было ему винокуреніе, и по этой жалобѣ послѣдовалъ изъ Войск. Ген. Канц. ордеръ кіевскому магистрату о томъ, чтобы войсковому товарищу Павлу Іотѣ «въ содержанію виннаго куренія на два котла не возпрящать».

Наконецъ, имя этого же грека встрѣтилось мнѣ въ указахъ, полученныхъ кіев. губ. канцеляріей въ 1761 году: въ одномъ изъ нихъ предписывается выдать «*толмачу* Павлу Іотію» за сентябрскую треть 1758 и за 1759—60 г.г. по 60 руб. въ годъ. Едва ли онъ, уже въ 1741 г. уволенный «за старостію отъ всякой службы», какъ сказано въ вышеприведенной высоч. грамотѣ, могъ въ дѣйствительности нести службу толмача, требовавшую постоянныхъ разъѣздовъ, да при томъ и не соотвѣтствовавшую званію «войсковаго товарища»: надо думать, что *званіе* толмача было ему предоставлено лишь для полученія жалованья.

Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній. (1751—53 г.г.). Нарушеніе извѣстнаго рода установленныхъ формъ при пись-

---

[1]) Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр., вып. 7-й, стр. 143.

менныхъ сношеніяхъ вызывало въ старину весьма ожесточенныя пререканія между должностными лицами и цѣлыми учрежденіями. Пререканія эти обострялись, когда учрежденія, принадлежа къ различнымъ так. сказ. вѣдомствамъ и тщательно оберегая свою независимость одно отъ другого, не могли сосчитаться своими «рангами», а между тѣмъ въ своей дѣятельности приходили въ частыя столкновенія, вызывавшія необходимость письменныхъ сношеній. Для такихъ учрежденій, какъ кіевскій магистратъ и кіевская полковая канцелярія, въ прошломъ столѣтіи сталкивавшихся весьма враждебно, вопросъ о формѣ переписки представлялъ существенную важность. Магистратъ, считая себя ничѣмъ не подчиненнымъ по отношенію къ полковой канцеляріи, всячески избѣгалъ адресовать ей свои бумаги, какъ «доношенія», считая себя въ правѣ сноситься съ нею «промеморіями». Полковая же канцелярія этимъ обижалась. При отсутствіи на этотъ счетъ прямыхъ указаній магистратъ просто обходилъ наименованіе своихъ бумагъ, адресуемыхъ въ полковую канцелярію, тѣмъ или другимъ канцелярскимъ терминомъ, не именовалъ ихъ ни доношеніемъ, ни промеморіей. Это обстоятельство послужило предметомъ жалобы со стороны полковника кіевскаго Дарагана, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1753 г. обратился за указаніями по этому вопросу въ Генеральный Судъ. Дараганъ жаловался, что кіевскій магистратъ, въ отвѣтъ на его, полковника, требованіе о розыскѣ бѣжавшихъ колодниковъ, прислалъ въ полковую канцелярію письмо «съ таковымъ надписомъ: изъ кіевскаго магистрата въ полковую канцелярію,—а доношеніе ль, промеморія или предложеніе—не означено, изъ чего я и полковая канцелярія не малую признаетъ себѣ обиду: ибо, какъ по справкѣ явилось, прежде сего бывшіе въ полку кіевскомъ полковники съ полковою канцеляріею въ тотъ магистратъ и указами подъ высоч. Е. И. В. именемъ предлагали, а отъ того магистрата въ полковую канцелярію доношеніями предоставленно; нынѣ же тотъ магистратъ, невѣдомо почему, полковую кіевскую канцелярію почти уже ордируетъ; о чемъ оному Ген. Суду къ высокому разсмотрѣнію въ покорности своей симъ представляю и, какъ точно впредь мнѣ и полк. кіев. канцеляріи съ онымъ магистратомъ, а тому магистрату со мною и полк. канцеляріею письменно повелѣно будетъ сноситься, о томъ милостивой резолюціи покорно прошу».

Ген. Судъ уклонился отъ прямого отвѣта «понеже никакова вида не имѣется» у него по этому вопросу и препроводилъ его на

разрѣшеніе Войск. Ген. Канцеляріи; какъ его разрѣшила въ данномъ случаѣ эта послѣдняя, неизвѣстно.

Какъ тонко понимался вопросъ о формѣ письменныхъ сношеній самою Войсковой Канцеляріей, это видно изъ одного любопытнаго документа, имѣвшагося у меня въ рукахъ. Это письмо Андрея Безбородка къ г.г. присутствующимъ въ Кіевской Духовной Консисторіи отъ сентября 1751 г. Увѣдомляя о полученіи въ Ген. Войск. Канцеляріи «промеморіи» изъ Дух. Консисторіи, подписанной присутствующими, Безбородко писалъ: «и хотя уповаю отъ вашихъ высокопреподобій такое зъ Ген. Канцеляріею сношеніе чрезъ промеморію *и нынѣ* произошло изъ той причины, яко оное прежъ сего съ присутствовавшими во оной Канцеляріи г.г. генеральною старшиною, опредѣленными до прибытія его ясневельможности (слѣдуетъ полный титулъ гетмана), чинилося, но нынѣ, яко во оной Канцеляріи особаго присутствія нѣтъ, а зависитъ теченіе дѣлъ отъ собственного Е. Я. именного повелѣнія, для того и сношеніе уже чрезъ промеморію зъ Ген. Канцеляріею несходственно есть, по случаючимся же дѣламъ отъ оной дух. консисторіи Его Преосвященству самому прилично къ Его Ясневельможности адресоваться письмомъ, а кромѣ Е. Пр—ва Дух. Консисторіи *не инако, какъ доношеніемъ*, къ Е. Я. представлять надлежитъ». При этомъ возвращена была и упомянутая промеморія Дух. Консисторіи.

Народные обычаи и обряды, пріуроченные къ „Спасу".

Въ числѣ праздниковъ, которые наиболѣе почитаются простымъ народомъ и къ которымъ наиболѣе пріурочено разныхъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, чисто религіознаго характера, послѣ Пасхи и Рождества Христова, несомнѣнно однимъ изъ первыхъ является праздникъ «Спаса» (6 августа).

Насколько великъ и важенъ въ глазахъ простого народа, этотъ праздникъ—можно судить по тому, что въ числѣ страшной божбы, сильной «клятьбы» народа,—есть одна клятва—«якъ я брешу, то щобъ недочыкавъ (или недочыкала) свяченого яблока покушаты».

А клятвъ праздниками у простого народа только и есть двѣ: «щобъ я по цій правди свяченого яйця дочыкала (или дочыкавъ»), и вторая, сейчасъ приведенная.

По этимъ клятвамъ можно судить, что праздникъ «Спаса» во мнѣніи народа, стоитъ если не наравнѣ съ Велыкоднемъ,

то во всякомъ случаѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ него,—и что для простого народа одинаково важно, одинаково большое наказаніе, какъ «не дождаты покушаты свяченого яйця», такъ и «не дождаты свяченого яблока». По обилію или количеству народныхъ обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ этому празднику—«Спасъ» занимаетъ третье мѣсто въ ряду особенно чтимыхъ простымъ народомъ праздниковъ.

Для того, чтобы не дѣлать постоянныхъ ссылокъ на мѣстности, къ коимъ эти обычаи и обряды относятся, и указаній на села, въ коихъ они записаны, я долженъ сказать, что сообщаемые мною народные обычаи и обряды относятся къ староконстантиновскому и заславскому уѣздамъ волынской губерніи и записаны въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ—перваго уѣзда, с. Городищѣ и м. Шепетовкѣ—второго.

Прежде всего простымъ народомъ считается тяжкимъ грѣхомъ, неуступающимъ въ тяжести и важности грѣху—ѣсть въ постъ скоромное,—ѣсть до «Спаса» фрукты: яблоки и груши. Прежде нужно дождаться «Спаса», попробовать свяченаго яблока, а тогда можно уже ѣсть и не свяченое.

Впрочемъ, постъ въ отношеніи фруктовъ обязателенъ не для всѣхъ; онъ обязателенъ лишь и нарушеніе его почитается тяжкимъ грѣхомъ для родителей, потерявшихъ дѣтей и для дѣтей, потерявшихъ своихъ родителей.

Родители, потерявшіе дѣтей, должны поститься до «Спаса» въ отношеніи фруктовъ потому, что чаще всего Господь за несоблюденіе постовъ вообще и между прочимъ поста на фрукты, караетъ тѣмъ, что у такихъ родителей дѣти не живучи, а умираютъ. Даже если кто совсѣмъ безплоденъ, но строго будетъ блюсти этотъ постъ,—у того могутъ быть дѣти.

Смерть дѣтей—именно кара Божья за несоблюденіе постовъ вообще и на фрукты въ особенности.

Есть еще другое объясненіе простаго народа, почему нельзя ѣсть фруктовъ до «Спаса»: если родители, потерявшіе дѣтей, или дѣти, потерявшія родителей, ѣдятъ до Спаса фрукты,—то умершимъ дѣтямъ первыхъ и родителямъ вторыхъ на томъ свѣтѣ очень плохо и тяжело; на «Спаса» они тамъ горько плачутъ, и жалуются на оставшихся въ живыхъ своихъ родителей или дѣтей, что «наши диты (или батькы) свыни» (д. Григоровка, староконст. у., волын. губ.).

По другому же повѣрію, нельзя ѣсть до Спаса фрукты потому, что «на ‹Спаса› Божа Матирь роздае всимъ дитямъ по яблочку; тимъ же дитямъ, котрыхъ батькы на цимъ свити илы яблокы до Спаса—не дае яблокъ и воны стоятъ особлыво, въ сторони и гирько плачутъ на своихъ батькивъ« (с. Молчаны, старок. у., волын. губ. отъ бабы Купріяныхи).

Подобное же повѣрье—о роздачѣ Божьей Матерью на Спаса умершимъ дѣтямъ «золотыхъ яблокъ», равно какъ и обычай не ѣсть до «Спаса» фруктовъ,—какъ видно изъ статьи С. А. Чернявской ‹Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсонской губ.› (Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общ. т. 5—1893 г.) существуетъ и въ херсонской губерніи.

У пчеловодовъ и пасѣчниковъ въ обычаѣ наканунѣ ‹Спаса› «пидризоваты пчелъ» и добытый медъ на другой день, «на Спаса», святить вмѣстѣ съ фруктами (волын., кіев. и подол. губ.).

Изъ воска отъ свяченаго меду дѣлаютъ свѣчу, которую сохраняютъ, какъ святыню, и которая въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни играетъ важную роль, какъ цѣлебное средство — свѣчой этой поджигаютъ свяченыя зелья и травы, при накуриваніи ими отъ «бешыхы», «пропасныци» и др. «хоробъ».—Кусочки этого воска, въ видѣ пилюль, глотаютъ при лихорадкѣ (старокон. у., волын. губ.). Куски свяченаго меда или воска сохраняютъ до весны и бросаютъ въ первую «сыту» при первомъ закармливаніи весною пчелъ (староконст. у., волын. губ.). Свяченое на «Спаса» яблоко тоже засушиваютъ и сохраняютъ, какъ цѣлебное средство отъ «пропасныци» (старокон. у., волын. губ.).

Вмѣстѣ съ фруктами и медомъ существуетъ также очень распространенный, строго и свято крестьянами соблюдаемый обычай, святить на ‹Спаса› всевозможныя травы, цвѣты, зелья —однимъ словомъ злаки, которыхъ приносятъ въ этотъ день бабы въ церковь просто снопами, (каждая по снопу) кучами и горами.

Освященныя зелья и травы засушиваются и сохраняются, какъ священный предметъ, и тоже почти на каждомъ шагу въ народномъ быту онѣ играютъ важную роль, какъ лѣкарство отъ всевозможныхъ и почти всѣхъ болѣзней, не только людей, но даже и домашняго скота.

Всѣ освященныя зелья вообще употребляются при всевозможныхъ болѣзняхъ и недугахъ,—какъ внутреннее цѣлебное средство,—въ видѣ питья, отвара и настойки, и какъ наружное, для на-

куриванія имъ при рожѣ, лихорадкѣ, простудѣ и пр. Наконецъ, носятъ на шеѣ въ видѣ амулетика тоже при лихорадкѣ, когда во снѣ часто снится кто-нибудь изъ близкихъ умершихъ, или же, когда «мрець ходытъ».

Изъ «свяченого зилля» дѣлаютъ подушку «мерцеви въ труну», имъ же выстилаютъ и самую труну.

Затѣмъ каждый сортъ зелья или цвѣтовъ имѣетъ свое особое, спеціальное значеніе, какъ цѣлебное средство отъ той или другой болѣзни.

Прежде всего по полезности и найбольшей употребительности первое мѣсто занимаетъ «свяченый макъ».—Какъ цѣлебное средство, макъ наиболѣе употребляется при безсонницѣ; для этой цѣли его кладутъ дѣтямъ подъ подушку; варятъ изъ него дѣтямъ купель; даютъ отваръ мака пить. Впрочемъ, отваръ мака отъ безсонницы пьютъ и взрослые.

Свяченый макъ употребляется и въ другихъ случаяхъ крестьянскаго быта, какъ средство отъ вѣдьмъ; такъ, въ староконстантиновскомъ уѣздѣ среди крестьянъ есть повѣріе, что если макомъ обсыпать только что отелившуюся корову,—то вѣдьма не можетъ подступить къ ней и выдоить. Для этого нужно, обсыпая вокругъ коровы свяченымъ макомъ,—«примовляты»: «тоди до коровы доступышъ, якъ весь цей макъ зберешь».

Въ заславскомъ же уѣздѣ на этотъ счетъ совсѣмъ другое, противоположное повѣріе: здѣсь народъ вѣритъ, что если корову обсыпать свяченымъ макомъ, чтобы къ ней не подступила и ее не доила вѣдьма, то въ отместку за это вѣдьма въ первую-же ночь убьетъ эту корову.

По поводу этого суевѣрія, въ с. Городищахъ, заслав. у., баба Параска разсказывала мнѣ слѣдующее: «Отъ вы не вирыты тому, що якъ корову обсыпаты макомъ, то видьма въ ночи задушитъ ей; вы кажете: бабськи выдумкы; ось послухайте—що въ мене зробылось: заслабла въ мене корова, зпухло вымя, а замисть молока, стала кровъ доитысь, взяла я пидкурыла ей свяченымъ зилля̀чкомъ, а на ничь свяченимъ макомъ обсыпала, щобъ та поганка (видьма) не могла бильше до неи приступыты; догадалась я, що то ей, нечисти, робота; але-жъ що-жъ вы думаете?—прихожу на другый день рано до своеи коровы,—а она вже й захолола: такы проклята видьма задушыла ей, видомстыла мыни».

Также есть повѣрье, что если «мрець ходытъ, або упырь», то нужно такой домъ тоже обсыпать освященнымъ на Спаса макомъ «и примовыты: «тоди до хаты ввийдешь, якъ цей макъ зберешъ». Съ той же цѣлью макъ посыпаютъ и на могилѣ неспокойнаго покойника, шатающагося по ночамъ. При продолжительной засухѣ извѣстное число зеренъ свяченаго мака (9, а въ иныхъ мѣстахъ больше), бросаютъ въ колодезь, чтобы пошелъ дождь.

Вотъ цѣлебныя свойства и значеніе другихъ травъ и цвѣтовъ, освящаемыхъ на Спаса.

Сонъ даютъ пить въ отварѣ или кладутъ подъ головы лицамъ, страдающимъ безсонницей [1]).

Васильки даютъ пить при внутреннемъ жарѣ, отъ запоя и перепоя; изъ нихъ дѣлаютъ купель для дѣтей отъ многихъ болѣзней и между прочимъ отъ «жовтяныци»; освященными на Спаса васильками принято наичаще подкуриваться отъ разныхъ болѣзней: рожи, падучей болѣзни и при многихъ другихъ. Изъ свяченыхъ васильковъ дѣлаютъ вѣнки на голову умершимъ дѣвушкамъ, подъ головы или въ подушку въ «труну» умершимъ женщинамъ тоже кладутъ васильки [2]). «Чернобрывци» тоже употребляются въ купель для дѣтей.

Когда дѣти худы и тощи,—то купаютъ въ отварѣ изъ освященныхъ на Спаса «повнякивъ»,—чтобы пополнѣли.

Кромѣ зелій и цвѣтовъ, на «Спаса» святятъ чернобыль, морковъ, лукъ, «коноплю-матерчану самосѣйку», и пр.—Всѣ эти растенія, кромѣ своего общаго назначенія и употребленія,—какъ наружныя и внутреннія средства при всевозможныхъ болѣзняхъ людей и домашняго скота, имѣютъ каждое свое спеціальное цѣлебное значеніе отъ той или другой болѣзни.

Впрочемъ, обычай святить на Спаса растенія существуетъ не вездѣ. Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ обычай этотъ распространенъ, а уже въ сосѣднемъ заславскомъ, — на «Спаса» ихъ не святятъ, а несутъ ихъ святить на «зелени свята», когда въ первомъ уѣздѣ само собой святятъ злаки въ этотъ день.

Почти во всей волынской губерніи есть одинъ весьма похвальный обычай: къ Спасу обыкновенно озимь бываетъ покончена и съ

---

[1]) Подобное же свойство сонъ-цвѣтка описано у Маркевича въ его „Обыч. и повѣр.“, 29 и въ „Этнографическихъ замѣткахъ „Н. Ф Сумцова, стр. 2—„Сонъ-трава въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ“ (от. изъ „Этногр. Обозр.“ 1889 г. кн. III).

[2]) О цѣлебныхъ свойствахъ василька упоминается въ тѣхъ же „Этнограф. замѣт.“ Н. Ф. Сумцова, стр. 4 и въ ст. Флоринскаго въ V кн. Казанск. Универ. Извѣст. за 1879 г.

нею бывають «обжынки», поэтому вѣнки ржи и пшеницы, сдѣланные при «обжынкахъ», на Спаса приносятъ въ церковь вмѣстѣ съ фруктами и травами и святятъ; затѣмъ вымолачиваютъ, и вымолоченнымъ изъ нихъ зерномъ послѣ «Спаса» начинаютъ новый посѣвъ озими.

Этотъ прекрасный обычай имѣетъ двойное значеніе: какъ принесенной Богу отъ посланнаго Богомъ урожая жертвы, такъ и въ смыслѣ зачатія новаго посѣва съ благословенія Божія, освященнымъ зерномъ. Этотъ обычай имѣетъ широкое распространеніе.

Заговоривъ объ обжынкахъ, вѣнкахъ и «Спасѣ», кстати не могу не сказать нѣсколько словъ объ общеизвѣстной у простого народа «Спасовой Бородѣ».

Обычай при уборкѣ и жатвѣ озими, оставлять горсть или пучокъ хлѣба не сжатымъ по дословному выраженію народа «Спасу на бороду», общеупотребителенъ и общераспространенъ положительно по всей Волыни и Подоліи. Изъ статьи С. Л. Чернявской «Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсон. губ.» (Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. т. 5. 1893 г.) видно, что этотъ обычай, безъ всякаго измѣненія въ сравненіи съ волынской губерніей существуетъ въ херсонск. губерніи.

Объ обычаѣ этомъ на Волыни распространяться не буду, такъ какъ онъ описанъ Н. Ф. Сумцовымъ въ его этнографич. замѣткахъ: «Спасова борода» (Этногр. Обозр. т. III—1889 г.) я лишь хочу сказать, что при объясненіи и толкованіи этого обычая—нельзя не видѣть въ немъ жертвоприношенія Богу плодородія по уборкѣ жатвы, каковымъ Богомъ плодородія въ древности, когда были наши предки язычники—были языческіе боги, но съ принятіемъ христіанства—естественно Богомъ плодородія для насъ есть Спаситель, или кратко по простонародному «Спасъ».

По народной примѣтѣ на «Спаса» лѣто съ осенью встрѣчаются.

И. Бѣньковскій.

Матеріалы, относящіеся къ исторіи звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кіева. Въ архивѣ Кіевской Консисторіи подъ № 18055 хранится «Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця въ Уездѣ кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года—іюня—д-», описаніе, дающее довольно интересныя свѣдѣнія о звѣринецкомъ кварталѣ нынѣшняго г. Кіева за 1786 годъ.—Цѣль «Описанія» ука-

зана въ заключительныхъ строкахъ предисловія «Описанія» и полагается въ томъ, чтобы сообщить свѣдѣнія «ктожъ оние посполитие» (жители Звѣринца) «по именамъ и прозваниямъ, что сних Усебе имѣетъ и чемъ упражняется». Изъ приложенныхъ къ «Описанію» рубрикъ видно, что авторъ «Описанія» желалъ дать цифровыя данныя за 1786 годъ касательно «числа дворовъ, числа обоего пола душъ, хатъ и при дворахъ принадлежностей, разныхъ угодій, скота и пчелъ, кто чѣмъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ, какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно и какую кто несетъ повинность»

«Описание слободи Звѣринця» начинается коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ замѣчанія, относящіяся къ топографіи звѣринецкой слободы и быта населенія ея. Предисловіе приводимъ цѣликомъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

«Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця, въ уѣздѣ Кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года іюня—д—».

Оная слободка Звѣринецъ имѣетъ свое положеніе на мѣстѣ гористомъ между буеракамы надрекою Днѣпромъ къ проезду и проходу крайне трудномъ. Земля подоною частию пѣсковатая, а больше глееватая, разстояніемъ отъ губернскаго города Кіева въ полтори версти. Посполитие сего села, выдубыцкому монастирю принадлежащие, упражняются нѣкоторие сапожничествомъ, плотническимъ и камещискимъ майстерствомъ, а болѣе простою крестянскою работою, большею частию пѣшо, и крайне неимущественные за неимѣниемъ хлѣбопашества всѣ снискивають себѣ пропитание, нанимаясь у посторонникъ людей вработу; воду почерпають изъ Днѣпра и колодцевъ вберегу онаго. Но по крутости горы идалености скрайнею трудостию до жиллей своихъ приносятъ на себѣ ведрами. Лѣсъ строевой иради отопливания дрова сколько кому надобно дозволяемо было отъ монастиря вывозить и изъ пущи монастирской велянской понеимѣнию при оной слободѣ никакова лѣсу.

Ктожъ оние Посполитие поименамъ и прозваниямъ, что сних усебе імѣетъ ичемъ упражняется о томъ ниже слѣдуетъ».

Дѣйствительно далѣе слѣдуютъ графы, въ которыхъ имѣли быть отмѣчены интересныя данныя относительно того, что «посполитие усебе имѣютъ ичемъ упражняются». Къ сожалѣнію, въ самыхъ интересныхъ графахъ, отведенныхъ для показанія экономическаго благосостоянія подданныхъ Выдубицкаго монастыря, жителей звѣринецкой слободы, нельзя отыскать даже признаковъ какихъ либо отмѣтокъ.

Изъ графъ, заполненныхъ цыфрами, первая надписана: «число дворовъ». Изъ этой графы ясно, что въ 1786 году въ звѣринецкой слободѣ, кіевскаго уѣзда, дворовъ было 35.

Во второй графѣ, надписанной: «Званіе людей», помѣщены имена, отчества и фамиліи жителей той же слободы съ указаніемъ кто женатъ, какимъ бракомъ и на комъ, кто замужемъ и за кѣмъ; тутъ же поименованы и дѣти съ указаніемъ отъ какого брака они произошли. Противъ 2-й графы въ особой графѣ, надписанной: «имъ лѣтъ», проставлены годы.

Не указаны лѣта лицъ умершихъ или бѣжавшихъ неизвѣстно куда, и отмѣченныхъ въ графѣ: «убывшихъ после ревизіи».

Заглавія графъ, не заполненныхъ цифрами, выписываемъ, придерживаясь орѳографіи подлинника:

«бездворнихъ хатъ»
«садовъ»
«огородовъ».

A. «Разнихъ угодій»

α. «Пустыхъ плецовъ»
β. «Левадъ или пастовниковъ»
γ. «Пахатной Земли посѣвомъ четвертей»
δ. «Сѣнокосу копенъ»
ε. «лѣсовъ строевыхъ»
ζ. «лѣсовъ дрованыхъ»
ψ. «озеръ рибнихъ»
θ. «винокурень»
ι. «мельницъ водяныхъ»
ια. «мельницъ вѣтранихъ».

B. «Скота и пчелъ»

α. «лошадей»
β. «рогатого скота»
γ. «овецъ»
δ. «козъ»
«свиней»
«пчелъ пней».

C. «Кто чемъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ»

D. «Какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно».

E. «Какую кто несетъ повинность».

Подводя итоги во всѣхъ заполненныхъ цифрами графахъ, получаемъ слѣдующую статистику:

A. «Послѣ ревизіи записанныхъ на лицо»:

α. «мужеска пола» . . . 96.

β. «женска пола» . . . 89.

B. «Убившихъ после ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 15.

β. «женска пола» . . . 20.

C. «Прибившихъ противъ ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 16.

β. «женска пола» . . . 26.

D. «Дворовыхъ хатъ» . . . . 27.

Группируя жителей Звѣринецкой Слободы по возрастамъ, получаемъ:

Отъ	1 дня	до	10 лѣтъ	включительно	. . . . .	61.
Отъ	10 лѣтъ	»	20	»	. . . . .	53.
»	21 »	»	30	»	. . . . .	43.
»	31 »	»	40	»	. . . . .	30.
»	41 »	»	50	»	. . . . .	26.
»	51 »	»	60	»	. . . . .	8.
»	61 »	»	64	»	. . . . .	6.
и 73 года					. . . . .	1.

Мужчины—до 20 лѣтъ включительно всѣ не женаты, а изъ имѣющихъ 21 годъ и болѣе, за исключеніемъ трехъ (21 года), всѣ женаты. Между незамужними есть старше 25 лѣтъ.

Браки заключены между представителями и представительницами звѣринецкой слободы, и въ 1786 году имѣемъ только 4 исключенія: одинъ женился на подданой Пустынно-Никольскаго монастыря, два на обитательницахъ д. Осокорокъ и, наконецъ, одна дѣвица вышла замужъ за жителя м. Лѣтки.

Бѣжало безызвѣстно въ 1784 году двое: мужъ и жена.

«Описание» оканчивается указаніемъ границъ звѣринецкой слободы и перечнемъ строеній, составляющихъ собственность Выдубицкаго монастыря. Заключеніе переписываемъ безъ измѣненій.

«Оная слободка Звѣринецъ состоитъ при видубыцкомъ монастирѣ которой ограниченіе по крѣпостямъ подъ № 6-мъ. Такъ между протчаго описивается почавши отднѣпра въ верьхъ озера Затона и зъ озера въ далину глобокую ровчакомъ и поточкомъ Наводницкимъ Простуючи до колодязей уверьбъ граничнихъ отвербъ и колодязей

тоюжъ долиною Наводницкимъ ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое вдолинѣ изтого озера набывшій борокъ отборочка на перепеличь долину, и чрезъ дорогу Трипольскую просто врѣчку либедь Либедю нанизъ до млина выдубицкого тою либедью вднѣпръ.

внутрѣ сего ограниченія состоятъ:

1. Мельница[1]) нарѣчки либеди объ едномъ мучномъ поставѣ рубленая вновь вистроеная на малой плотинѣ. (Подробно перечисляется все находящееся въ ней).

2. вне отдалености от монастиря надрѣкою днѣпромъ при урочищѣ Козовицѣ имѣется кирпичний монастирской заводъ[2]),

из которой часть една уступлена кіевской казенной палатѣ поконтракту усего прилагаемому подлитерою А.

Другая часть[3]) заведеная Кіевскимъ купцу Михайлѣ Григаренку и мѣщанину Тимофѣю Заренбѣ по контракту у сего прилагаемому подлитерою—В (подробный перечень всѣхъ построекъ и предметовъ въ них).

Третая занята армизоною командою безвсякого оной отмонастиря от воду и Позволения,

а четвертая часть бывшая около двадцяти лѣтъ взавѣдованіи Кіевософѣйского кафодрального монастиря обратно сему монастирю отдано (подробный перечень).

3. Тамъ же на Либеди между кирпичними артилерійскими заводами близъ мельнички въ обивательской избѣ Григория Телички продается только цѣнная горѣлка въ оного обывателя монастирской посуды: кварта—1; полкварта—1; чвертка—1, жестяныя,

4. в Урочищи Козовища шинокъ монастирской внемъ изба една рублена с'чуланомъ сѣнми и коморкою вставку досками здѣланые,

дверы накрукахъ и петляхъ желѣзнихъ въ избѣ окошекъ спростого стекла—разбитихъ—4 и до оних ставень на крукахъ и пет-

---

[1]) Оная мельница тогда только дѣйствующая, когда днѣпровая вода, которою сія мельница биваетъ подтопляема всвои береха вступитъ, а спрудовъ 3-х в верху состоящихъ вода пущена будетъ. Зимою за вимерзаниемъ врѣчки воды и что сверхъ сего окружена оная казенными артилерійскими кирпичними многими сараями ипечми то изъ онои никакой отнюдъ прибили неполучалъ мн-тиръ и не получаетъ кромѣ что наквасъ вмн-тиръ иногда малое число солоду смолото бываетъ.

[2]) За содержаніе сего завода получалъ монастирь з казни вгодъ по—60 ру.

[3]) За содержаніе сего завода отъ означенихъ откупцовъ получаемо было вгодъ денегъ по 120—рублей.

ляхъ желѣзнихъ—3. Печь варистая згрубою простихъ кафель—1. Оное строение весма веткое покритое драню [1]).

5. Тамъ же уберегу надрѣкою днѣпромъ караульня Кіевского четвертого баталиона вистроеная однакожъ никакой нивчемъ помѣхи недѣлаютъ.

6. Отъ артилерийской команди сарай или амбаръ для складки лѣсовъ строевихъ такожъ караульня для того и привозимаго наарсеналъ камѣня выстроенна безвсякого отъ монастиря отводу и позволения, въ слободки Звѣринцѣ.

7. Шинокъ перехрестний. . . . . 1 [2])

в немъ строения избъ . . . . . . 2 (подробный перечень).

Принем небольшой оогродъ для посѣву овещей огороднихъ шинкарю ничемъ неогороженъ и запущеній,—1.

8. шинкъ Неводницкій [3])

внемъ строения изба съ чуланомъ—1; (подробный перечень).

9. [4]) Убывателя звѣринского надъ Днѣпромъ живущого. Уберегу въ собственой своей избѣ трофима чорного кой монастирской напитокъ продаетъ,

Посуди монастирской.

Кварта—1, полкварта—1, чвертка—1, лѣйка — 1, жестяние; боченокъ небольшой одинъ.

Прочее все хозяйское.

---

[1]) Сіи оба шинки одани въ откупъ начетири года кіевскому купцу Михайлѣ Григоренку и матвѣю Заренбѣ По контракту усего прилагаемому Подъ литерою С. съ платежемъ въ годъ по 250—рублевъ. Стихъ шинковъ влибедскомъ випродано въ 784-мъ году пѣнной покупной горѣлки 172 вѣдеръ. Получено было прибили 50—рублевъ.

а въ Козовицкомъ випродано пѣнной горѣлки покупной въ томъ же году 255—вѣдеръ. Получено прибили 100—рублевъ.

[2]) въономъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнной горѣлки покупной 215—вѣдеръ да сочку приливного покупногожъ горѣлкою 16—вѣдеръ. За весь оной напитокъ вприбиль монастиръ получилъ 100 рублей Пива жъ имеду вшинки семъ непродавано ибо внемъ на сей напитокъ нѣтъ сходу.

[3]) всемъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнного покупного вина 178—вѣдеръ; приливного сочку 10—вѣдеръ, за который въемъ капиталу полученно вприбиль 80—су. Пива и меду не продавалось Поелику на сей напитокъ сходу нетъ.

[4]) випродано чрезъ годъ пѣнной горѣлки 170—вѣдеръ покупной Закоторою получено вприбили 50—рублей. Пиважъ и меду непродавалось никогда ибо и дершать вѣгде дай сходу на него вося нетъ.

10. Дворъ подвладѣніемъ Кіевского Гп-дина оберъ комендanта, внемъ жительствуетъ солдатъ для присмотру большого саду неподлежаще завладѣннаго, очемъ явствуетъ писменое свидѣтельство отъ бывшаго вице оберъ коменданта штока въ 1723-мъ году въ монастиръ выдубыцкий данное между крѣпостми под—№ 60-мъ записанное.

11. На той же Землѣ близъ неводницкой пристанѣ выстроенна для нашихъ то лошадей большая рубленная конюшня при ней жилая изба, караулня и ковалня и занятъ огородъ безъ вѣдома монастирского, состоитъ въ видѣнійи Кіевского Гп-дина оберъ коменданта.

12. По близу той конѣшнѣ занятъ на время огородъ бывшимъ плацъ маіоромъ Іваномъ Троскинимъ, очемъ явствуетъ съ его росписки между крипостними под № 72-мъ записанной.

К. И. Т—ъ.

Перечень имѣній гр. П. В. Завадовскаго. Біографія П. В. Завадовскаго (р. 1739 † 1812), разсказанная недавно мужемъ одной изъ его внучекъ [1]), заключаетъ въ себѣ подробныя и любопытныя свѣдѣнія, какъ нажиты были фаворитомъ-малороссомъ имѣнія, перечень которыхъ, взятый изъ юридическихъ документовъ, сообщается здѣсь.

Экономія Драбовская. Въ золотоношскомъ повѣтѣ: с. Драбовъ—1924, слоб. Дуниновка—772, с. Великій Хуторъ—1237, слоб. Великохуторянская—660, с. Бѣлоусовка—752, хх. Чумгацкій, Зенченокъ и Мехедовскій—85, с. Митлашевка—350, с. Шабельники—377. Въ Пирятинскомъ повѣтѣ: д. Кантакузовка—592, х. Коховщина—42. Въ лубенскомъ повѣтѣ: слоб. Ступаковка—393. Всего въ Драбовской экономіи: 7184 души, изъ нихъ мужч.—3633 и женщ.—3551.

Экономія Тепловская. Въ пирятинскомъ повѣтѣ: м. Тепловка—940, д. Смотрики съ хх. Кириловскимъ и Адовою левадой—529, д. Сурмачовка—236, с. Алексѣевка—541, д. Наталовка—286, г. Пирятинъ—20. Всего въ Тепловской экономіи: 2552 души, изъ нихъ мужч.—1246 и женщ.—1306.

Экономія Толкачевская. Въ прилуцкомъ повѣтѣ: с. Толкачовка—1418, хх. Полаговскій, Островъ, Умѣновскій, Малѣновскій и Княжія Липы—18. Всего въ Толкачевской экономіи: 1473 души, изъ нихъ мужч.—698 и женщ.—775.

---

[1]) Русск. Арх. 1883 г., № 3.

Экономія Лялицкая. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Лялячи—1034, д. Мановка—185, х. Кисловка—256, д. Каменекъ—280, д. Поповка—289, с. Красновичи—93, д. Ивановка—42. Въ мглинскомъ повѣтѣ: с. Дохновичи—89. Всего въ Лялицкой экономіи: 2370 душъ, изъ нихъ мужч.—1187 и женщ.—1183.

Экономія Ущерпская. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Ущерпье—1335, д. Малоудебное—727, с. Петровка и х. Петровскій—634, с. Великоудебное и х. Великоудебнянскій—687, д. Пирятинъ—719, с. Городечня—847, д. Веприкъ и хх. Винокуренный и Красный—134, д. Халѣевская и х. Ягодный—307, слоб. Кузнецъ—143, с. Теремошка—440, д. Смялчъ (она жъ и Александровка)—618, д. Рудня Халѣевская—170 и х. Рѣчица—101. Всего въ Ущерпской экономіи: 7912 душъ, изъ нихъ мужч.—3437 и женщ.—3475.

Экономія Юрковская, Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Стар. Юрковичи—1212, с. Поповка—1323, слоб. Рудня Барановская—72, д. Завидовка—583, д. Ивановка—160, с. Круговецъ—829, д. Лукьяновка—137, с. Сѣровка—688, с. Озаричи—484, д. Плутовка—608 и д. Кажинова—443 и д. Веселовка—349, слоб. Цата—126 и слоб. Быстри—44. Въ городницкомъ повѣтѣ: д. Жеведь—127, д. Ключи—446; и въ Новозыбковскомъ повѣтѣ: д. Раковка—164. Всего въ Юрковской волости: 7795 душъ, изъ нихъ мужч.—4057 и женщ.—3738.

Экономія Новосельская. Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Новоселки—286, с. Даниловичи—337, д. Пиханѣ—314, д. Конторовка—312 и д. Замостье—172. Всего въ Новосельской экономіи: 1421 душа, изъ нихъ мужч.—713 и женщ.—708.

Фольварокъ Сухаревскій. Въ чаусовскомъ повѣтѣ: с. Сухари—458, д. Хорошки—189, д. Рики—204, д. Ивановка—227, д. Ходневъ—97, д. Васильевичи—156, д. Пласковница—32, д. Акулинцы—280, д. Тинковщина—99, д. Яганы—172, д. Кадинъ—157, д. Супоничи—190, д. Романовичи—288, д. Пудовня—334 и д. Плютъ—52. Всего въ фольваркѣ: 2945 душъ, изъ нихъ мужч.—1535 и женщ.—1410.

Фольварокъ Ничипоровскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Ничипоровичи—198, д. Потаповка—228, д. Черепи—215, д. Дубровка—6, и д. Ладыжинъ—21. Всего въ фольваркѣ: 670 душъ, изъ нихъ мужч.—354 и женщ.—316.

Фольварокъ Августовскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Плющи—795, д. Подгайцы—260, д. Локута—229 и д. Биль—342. Всего въ фольваркѣ: 1624 души изъ нихъ мужч.—801 и женщ.—823.

Фольварокъ Озерскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: д. Доманы—344, д. Озерье—238, д. Нижн. Пруды—114, д. Завороты—100 и д. Кручи—163. Всего въ фольваркѣ: 1059 душъ, изъ нихъ мужч.—515 и женщ.—544.

Экономія Петровская, въ херсонской губерніи—12000 дес. и 299 душъ крест.

Всего крестьянъ об. пола: *37304.*

Сообщ. А. Л.

Милыя шалости добраго стараго времени. Недавно мнѣ передали любопытный документъ, который предлагаю вниманію читателей; это—*печатное объявленіе* на восьмушкѣ бумаги, безъ обозначенія года, типографіи и цензурнаго разрѣшенія. Соображая обстоятельства жизни лица, теперъ уже отошедшаго къ праотцамъ, въ бумагахъ котораго найдено объявленіе, слѣдуетъ предполагать, что послѣднее напечатано въ 50-хъ годахъ. Вотъ текстъ этого оригинальнаго объявленія:

«Прибывшій изъ Александрійскаго уѣзда, маленькій помѣщикъ Федоровъ, желая провести съ пріятностію время въ г. Елисаветградѣ, приглашаетъ охотниковъ сдѣлать ему честь обѣдать съ нимъ, или ужинать, являться ежедневно въ Парижскую гостинницу. Принимая всѣ издержки на себя, онъ обязанностію считаетъ предупредить, что тотъ, кто расчиталъ бы на гастрономическій столъ, легко можетъ ошибиться. Обѣдъ будетъ заключать въ себѣ 4 вкусные блюда, 1 бутылку Шато д'Икему и 1 шампанскаго, означенное количество вина полагается на особу. Ужинъ 3 блюда, но вина, смотря по расположенію духа въ какомъ Г. Федоровъ возвратится отъ балетныхъ танцовщицъ, будетъ добавляться еще 2 бутылки».

В. Я.

Кое-что о м. Вчорайше. Недавно одинъ мой знакомый, В. А. М-цъ, разговорился со мною о своей родинѣ, мѣстечкѣ Вчорайше, сквирскаго уѣзда кіевской губ., и я по свѣжей памяти записалъ тѣ изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній и воспоминаній, которыя привлекли мое вниманіе. Свѣдѣнія и воспоминанія г. М-ца имѣли отрывочный характеръ и, сверхъ того, въ записи моей утратили живость и колоритность устной бесѣды, но я все таки признаю небезполезнымъ

подѣлиться записаннымъ мною съ любителями и изыскателями старины, въ томъ предположеніи, что мое сообщеніе можетъ вызвать кого либо изъ нихъ на поѣздку въ этотъ любопытный уголокъ кіевщины и на научное его обслѣдованіе.

М. Вчорайше расположено на рѣчкѣ Верховенькѣ. На лѣвомъ берегу рѣчки находится *Городисько* или *Валъ*—урочище, окруженное валомъ, занимающее около трехъ десятинъ пространства и имѣющее около полуверсты наибольшей длины отъ Юго-Востока къ Сѣверо-Западу; съ Запада валъ этотъ упирается въ обрывистый берегъ рѣчки. Внутри вала стоитъ церковь во имя св. Михаила Архангела. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городиська почва состоитъ изъ золы, иногда находили здѣсь въ почвѣ разныя древности; такъ, однажды нашли золотую римскую монету, которую видѣлъ самъ разскащикъ, и которая была потомъ продана еврею за 10 рублей. Въ самомъ валу находили желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, удила, стремена, мѣдныя изображенія пѣтушковъ, а однажды, при рытьѣ погреба, наткнулись на обильный запасъ истлѣвшаго проса. Въ валу есть въ одномъ мѣстѣ подземный ходъ, о существованіи котораго составили понятіе по тому, что дождевая вода уходитъ въ этомъ мѣстѣ въ землю и показывается наружу уже внизу, у берега рѣки, въ видѣ сильнаго ключа. Старики разсказывали, что кто-то лазилъ въ это подземелье и видѣлъ тамъ, кажется, конскую сбрую.

На выходѣ изъ села находится урочище *Хресты*. Тамъ дѣйствительно торчали прежде изъ земли каменныя плиты, сохранявшія форму креста; но мѣстные жители растащили большую часть изъ нихъ для золенія бѣлья, потому что на мѣстѣ камня нѣтъ. Мѣстность эта представляетъ собою торфяное болото съ *течеей*, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ; невдалекѣ отъ моста стоялъ курень для сторожа, а сторожемъ на памяти разскащика былъ таинственный Лукьянъ Завируха, слывшій знахаремъ и носившій прозваніе Гадючій Пипъ; прозвище это объясняется странной привычкой Завирухи набирать водившихся тамъ во множествѣ гадюкъ и обматывать ими себѣ шею и голову, чѣмъ онъ сильно импонировалъ мѣстное населеніе. Однажды разскащикъ, застигнутый въ полѣ дождемъ, укрылся въ сторожкѣ у Завирухи. Онъ и раньше того слышалъ выраженія *добрый дывъ, лыхый дывъ* и зналъ поговорку «зъ доброго дыва» (сталось) [1]) и воспользовался этимъ случаемъ, для того чтобы разспро-

---

[1]) Въ смыслѣ неожиданности (несчастнаго случая—напр.).

сить о лыхомъ дывѣ столь компетентное лицо, какъ Завируха. По словамъ послѣдняго оказалось, что лыхый дывъ въ полночь встаетъ изъ болота, такой сухой, да высокій и съ раздвоенной головою; если увидишь его, то тикай скорѣе, потому что, если поймаетъ, то такая пропасныця (лихорадка) нападетъ, что жизни не радъ будешь. А отъ пропасныци лѣчились тамъ такъ: брали на Хрестахъ земли и, бросивши ее въ воду, обливались той водою; на то мѣсто, откуда взята была земля, считалось необходимымъ положить яйцо.

Населеніе мѣстечка, занимавшее мѣстность тотчасъ по выходѣ изъ вала, называлось, неизвѣстно почему, *Галичъ*. Эта часть населенія представляла собою совершенно оригинальную въ этническомъ отношеніи группу, рѣзко отличавшуюся отъ остальной массы населенія. Всѣ они были блондины, мужчины брили не только бороду, но и усы, а также и голову, оставляя на ней только *чичку*—клокъ волосъ, который начесывали на бока головы; женщины ихъ отличались необыкновенной красотой; въ отношеніи нравственномъ всѣ они отличались утонченной вѣжливостью, честностью и природнымъ благородствомъ.

Другая часть населенія,—бѣдняки, жившіе на выходѣ изъ мѣстечка,—называлась почему-то *Шуя*.

На противоположномъ берегу рѣки расположенъ кутокъ *Кулышивка*. Тамъ есть глубокое провалье, про которое говорили въ народѣ, что здѣсь «дзвиныця пидъ землю пишла» и что на Пасху звонъ на провалившейся колокольнѣ становится слышнымъ. Провалье это соединяется съ Новымъ ставомъ (новымъ-только по имени), въ которомъ во время купанья нерѣдко находили древности; однажды, напримѣръ, нашли кадильницу; древности эти попадались въ ставу въ такомъ изобиліи, что, отправляясь купаться въ немъ, мѣстные жители имѣли обыкновеніе брать съ собою палку для обыскиванія дна.

Съ версту къ востоку отсюда, какъ разъ напротивъ вала, виднѣется многочисленная группа мелкихъ могилъ, или кургановъ.

В. Я.

Польскій бунтъ на Волыни 1864 года. Въ г. Острогѣ мнѣ удалось достать тетрадку, содержащую стихотворное описаніе повстанья на Волыни. Тетрадь эта (in 8⁰) состоитъ изъ 7 листиковъ, писана дѣтскимъ почеркомъ лѣтъ 20—25 тому назадъ; озаглавлена она

«Польскій бунтъ на Волыни 1864 года». Содержаніе рукописи вкратцѣ слѣдующее: сперва разсказывается объ освобожденіи крестьянъ (при чемъ кстати описываются и безобразія крѣпостного права) и о недовольствѣ этимъ поляковъ; дальше идетъ ироническое приглашеніе ихъ стать на защиту своихъ правъ въ надеждѣ на помощь Франціи; затѣмъ слѣдуютъ двѣ картины неудачнаго возстанія поляковъ и, наконецъ, слѣдствіе возстанія—ссылка пановъ въ Сибирь.—Все стихотвореніе раздѣлено на 4 части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое заглавіе.

Стихотвореніе это не ново: на страницахъ «Кіев. Ст.» уже дважды помѣщались пѣсни объ этомъ бунтѣ: одинъ разъ въ XV-мъ томѣ вмѣстѣ съ пѣсней о панщинѣ, другой—въ XLI-мъ т. подъ заглавіемъ «Вирша объ освобожденіи крестьянъ»; въ послѣднемъ случаѣ заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію стихотворенія: помимо описанія ужасовъ рабства и освобожденія крестьянъ, въ «Виршѣ» разсказывается еще и про бунтъ поляковъ.

Сравнивая «Бунтъ» съ «Виршей», мы находимъ между ними слѣдующую разницу: 1) въ «Бунтѣ». нѣтъ вступленія, обращенія къ «пану-Радактору», которое есть въ «Виршѣ»; за то 2) въ «Виршѣ» нѣтъ ироническаго приглашенія поляковъ защищать свои права; 3) въ нашей рукописи главное вниманіе обращено на описаніе бунта (почти $^3/_4$ всего стихотворенія); между тѣмъ въ «Виршѣ» большая половина ея посвящена описанію рабства.—Такимъ образомъ, «Бунтъ на Волыни» и «Вирша объ освобожденіи крестьянъ» въ значительной степени пополняютъ другъ друга, и поэтому ни одно изъ этихъ стихотвореній нельзя признать за точный списокъ оригинала (какъ это думаетъ В. Я. относительно «Вирши»): ихъ слѣдуетъ считать варіантами другого, болѣе полнаго, но неизвѣстнаго пока стихотворенія о польскомъ возстаньѣ.

А. Малинка.

Польске панованне.

Нещасныи часы пройшлы
Якъ въ неволи хлопы булы;
Паны былы, забывалы,
До сорочкы обдыралы;
Що хотилы, съ хлопивъ бралы,
А хто не давъ, шкуру дралы;
Хоць-бы мужыкъ на викъ згынувъ,

Мусивъ даты дысятыну.
Звалы паны добра (добре?) ззисты
Да въ костели въ лавку систы;
На лавочкахъ посядають.
Са панночкамы розмовляють.
Гроши воны много малы,
По Парыжамъ розъизжалы
Зъ золотыми пидкивкамы
Пидъ киньскымы копытамы.
Нашу виру зневажалы,
Церкви жыдамъ оддавалы;
Православныхъ дуже гналы,
Съ собакамы ихъ ривналы.
Отаманы наблюдалы
Тяглы хлопивъ нагайкамы,
Ще й лякалы рыкрутамы,
Прыказавши осаули:
Гоны хлопа швыдше кули,
Гоны хлопа на панщину;
Якъ ны хоче, лупы въ спыну.
Царъ нашъ Русскій змылувався
И за те дуже добре взявся,
Щобъ мужыкамъ волю даты,
Изъ рукъ ляцькихъ одибраты.
Ляхы тымъ ся зажурылы,
Чорны трійци надилы,
Въ Житомири Хрыста ставлять,
Свѣнту Тройцу они славять;
Хлопськи свыты натягають,
Воны тымъ ся ны встыдають,
Бо то буйность, не подлеглость,
За идне наша хвалебность.
Чорны ходять, мовъ ти галки,
Паны, пани и пидданкы
И зъ вылыкымъ дуже жаромъ
Крычать писню: „дымъ пожаровъ“...
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костёли Бога молять:
„Вырны вольность намъ ойчизны,
Нема ляха вже жывого,
Ныма ёму быты кого;
Ходыть ляшокъ и вздыхае,
Чорну думку винъ думае.
Ны журыся, паны-брате,
Пидымъ русскихъ воёваты,
Треба Польщу выдыбраты,

Назадъ хлопивъ соби взяты
Чы въ костёли, чы въ палацу,
Чы на поли, чы на плацу,—
На те треба много часу!
Ходимъ лучше ажъ до лясу,
Звидьте будемъ воюваты
Да москаливъ розбываты;
А що полякъ самъ не зможе,
То намъ Французъ съ тымъ поможе.—

Pan Ružickij.

Миропильскій балъ.

Вражи ляхы збунтувалысь
Противъ русскихъ ся збыралысь;
Машыруютъ пидъ лисамы
Да съ пикамы и косамы.
На коныкы посядалы,
Мовъ чортыкы, извывалы.
Каждый ляшокъ изъ усамы,
Скаче, пляше, якъ чортъ самый.
Попереду нашъ Ружыцкій
Грае виськомъ и дурлычкы (?),
Стае за нымъ клубомъ пыль
Веде висько въ Миропиль.
Отамъ була гарна баня:
Ляхъ наткнувся на москаля;
Надъ Случею да на мости.
Потрощылы ляхамъ кости.
Доньски пикы зачорнилы,
Русски штыкы заблыстилы,
Посыпалысь кули градомъ.
Стрелывъ козакъ съ пистолета;
Крычытъ полякъ: нѣхъ панъ вцѣка!
Вдарывъ москаль съ карабина,
Нима ойця, нима й сына:
Котрый зъ ляку та у воду,
Зробывъ ракамъ винъ выгоду;
Другій лыжыть пидъ вербою
Съ задертою бородою;
Мужыкъ того, котрый дрыгавъ,
Мовъ собаку у лобъ двыгавъ:
Отакъ тоби, вражій сыну,
Колысь сыпавъ мини въ спыну.—

Ляцьки кони сполохались,
Надъ ляшкамы поглумылысь;
Де забачить, що кинь бижыть,
Коло сидла ляшокъ высыть.
Кухвары и пихота
Якъ отъ пана отъ охоты
По единому радылися
И посли ся розбиглыся.
Охъ, горяче було дило!
Вода въ Случи червонила;
Тамъ мишалась кровъ съ водою,
Тутъ пизнався ляхъ зъ бидою.
Воюваты ныма кому,
Треба втикаты додому
Мовъ бувало на маивку,
Теперъ ходимъ на мандривку.
Мужыкъ зъ бучкомъ
Крычыть ляшокъ: не позволимъ!
Мужыкъ на те не вважае,
Бучкомъ спыну винъ ровняе.
—Зачыкай-но ты проклятый,
Треба съ тобой сквытуватысь.
Теперъ мужикъ даликатный,
За хлибъ, за силь тоби вдячный,
Дочыкався мужыкъ того,
Зловывъ за чубъ пана свого,
Звязавъ ёму назадъ рукы,
Оддавъ ёго на порукы
Тамъ Ружыцькій залякався,
Свого виська одцурався,
Ставъ проклятый умыкаты,
До Ав(с)тріи утикаты;
Зобравъ соби висько нове:
Ходимъ да moji panowe,
Бо тутъ для насъ дуже тисно
Да ще й дають исты пизно.
А москали за ляхамы
Трома двыгались шляхамы,
На догонци убывалы
И на пикы ихъ нызалы.
Биглы, биглы вражи ляхы,
Биглы воны на тры шляхы,
А москали на четыры,
Ляшкивъ панкивъ погубылы.

Pan Cichockij пидъ Заславлемъ.

Грымыть писня Bożo polskij!
Появывся панъ Цихоцкій.
Пидъ Заславлемъ межъ лисамы
Зибравъ ляхивъ винъ стадамы.
Не бувъ панъ сей въ Миропили
На крывавымъ тимъ велили,
Де гулялы та на дыво,
Де кровае пылы пыво;
Тамъ блыскало и гримило,
Ясне сонце потемнило,
Де глумылись надъ ляхамы
Штыкъ, нагайка та щей хамы.
Отъ якъ бачте, ны знавъ того
Панъ Цихоцькій щастя свого;
Добро свое покидае,
Счастя въ лиси винъ шукае.
Нема хлопивъ и панщизны,
Тра шукаты намъ ойчизны,
Котра въ лиси заблукалась,
Сынивъ ляцькихъ видцуралась.
Бидна Польща въ лисъ зибралась,
Заблудывшись тамъ скончалась.
Идуть ляхы въ лисъ шукаты,
Мертву Польщу воскресаты.
Тамъ въ Цвитоси межъ лисамы,
Межъ топкимы болотами
Ляхы стыйку закладалы,
Пыть горылку посядалы.
Илы, пылы та гулялы,
Та съ чаркою воювалы,
Не скончывшы ще гербаты,
Вже пыкета дае знаты.
Въ рукы бралы та хутенько
(Бо москали вже блызенько)
Карабины набывають,
Штыкы свои оглядають.
Сполошылысь ляхи дуже,
Крычать зъ ляку: що це буде?
Иденъ каже: нема рады;
Другій каже: рейтырады!
Давай броню, давай палашъ!
И пиднялы крыкъ да галасъ.
Зувсимъ ляхы опьянилы
И зо страху одурилы,

И ны знае иденъ съ другимъ,
Що робыты въ тымъ одури,
Чы фузію набываты,
Чы гарбату допываты.
Бъють москали въ барабаны,
Барзо шумно крычать паны.
Москаль писню запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае;
Безъ доклада начинають,
Зъ карабиновъ посылають
Кули ляхамъ на снидания:
Не йды, ляше, до повстаня!..
Штыки пидъ грудь пидставляють,
Въ лобъ прикладомъ убывають.
Ныма ляхамъ щастя й доли
А ни въ лиси, а ни въ поли.
Ксендзъ ынфулу натягае,
Въ гору руки пидіймае,
Благословыть ляхивъ панивъ,
Щобъ побылы всихъ москаливъ.
Москаль на те съ ружа двынувъ;
Ксендзъ на землю, а ни дригнувъ.
Нема ксендза и казаня;
Не йды, ляше, до повстаня.
Нашъ Цихоцкій умыкае;
Его куля доганяе,
На голову ёму сила
И на землю повалыла
Въ кинци лиса межъ травою
Зъ розбытою головою
Спыть Цихоцкій и чыкае,
Польща зъ лиса выглядае:

Паньске щасте.

Отакъ паны опарылысь,
Межъ собою обрадылысь:
—Проигралы теперъ справу,
Ходимъ въ Сибиръ на забаву.—
Помолиця, паны, Богу
Та й рушайте въ путь-дорогу.
Щаслывого вамъ подружа,
А за вамы мы байдуже.
Покидайте тутъ палацы,
Бо вже кинець вашій праци.

Сибиръ дверы видчыныла,
Панивъ на баль запросыла.
Тамъ холода стоять довше,
А для панивъ це здоровше.
Не даремне тая хмара!
Верне въ Сибиръ польска вяра.
Мыжъ высокими горами,
Межъ каминемъ и скалами
Бунтовшыкивъ тамъ пакують..
. . . .

(На этомъ рукопись обрывается).

Мелкія извѣстія.

Денисовскій сказочникъ Р. Ѳ. Чмыхало. Какъ сообщилъ В. В. Лесевичъ въ рефератѣ, прочтенномъ въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1894 г. и напечатанномъ только недавно въ журналѣ «Міръ Божій» (1895 г. № 4), въ селѣ Денисовкѣ, лубенскаго уѣзда, въ настоящее время проживаетъ сказочникъ Радіонъ Ѳедоровичъ Чмыхало, имѣющій около 60 лѣтъ отъ роду. Это—рослый, статный и красивый старикъ, помнящій больше 30-ти сказокъ и присказокъ, которымъ онъ выучился отъ своего отца еще въ юности. Разсказываетъ онъ эти сказки, по сообщенію г. Лесевича, осмысленно, выразительно и изящно, съ оживленіемъ и съ явнымъ увлеченіемъ своимъ разсказомъ. Память у него твердая, удерживающая полнотою всѣ подробности изложенія. Вслѣдъ за плавной и слитной передачей какой-нибудь сказки, онъ можетъ опять повторить ее медленно, слово за словомъ, отъ начала до конца, вслѣдствіе чего записывать за нимъ такъ-же легко, какъ писать подъ диктовку.—По содержанію сказки Чмыхала, примыкая къ всесвѣтному сказочному фольклору, представляютъ довольно значительный и разнообразный запасъ типичныхъ инцидентовъ. Изложеніе присказокъ, сравнительно съ изложеніемъ сказокъ, полнѣе, разнообразнѣе, цвѣтистѣе, игривѣе; разсказчикъ не довольствуется здѣсь голыми схемами, а явно стремится къ художественной рисовкѣ окружающей его жизни. Что касается до языка сказокъ и присказокъ, то языкъ этотъ далеко отходитъ отъ чистоты народнаго и приближается къ жаргону отставныхъ солдатъ и писарей, вслѣдствіе чего художественная сторона

сказокъ много страдаетъ отъ этого неизящнаго и притомъ крайне неровнаго языка. Быть можетъ, на этомъ отразилось то обстоятельство, что отецъ разсказчика служилъ въ 1812 году погонцемъ и провелъ годъ или болѣе въ Великороссіи. Въ своемъ рефератѣ г. Лесевичъ даетъ нѣсколько отрывковъ записанныхъ имъ отъ Чмыхала сказокъ и присказокъ въ переводѣ на русскій литературный языкъ. Было бы желательно, чтобъ всѣ сказки и присказки, которыя помнитъ и разсказываетъ Чмыхало, были кѣмъ либо записаны и изданы.

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. На окраинѣ стараго кладбища въ Полтавѣ стоитъ кирпичный столбъ, который, будучи самъ по себѣ не изящнымъ, много пострадалъ отъ времени, обсыпавшаго штукатурку и вывѣтрившаго многіе кирпичи. Только двѣ буквы, уцѣлѣвшія на этомъ столбѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что когда то на немъ была надпись, а какая именно—этого по двумъ буквамъ нельзя опредѣлить. Должно быть, въ виду этого кто-то, чтобъ облегчить поиски для туристовъ, карандашемъ на основаніи столба обозначилъ, что этотъ памятникъ стоитъ надъ могилой И. П. Котляревскаго. Въ такомъ видѣ мы видѣли этотъ памятникъ въ апрѣлѣ этого года и пожалѣли, ибо могила автора «Наталки Полтавки» и «Энеиды» находится въ такомъ печальномъ запустѣніи. Теперь «Полтавскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ полтавской губернской земской управѣ идутъ дѣятельныя приготовленія по устройству памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго. Для этой цѣли губернское земское собраніе ассигновало въ распоряженіе губернской управы 1000 рублей. Памятникъ будетъ состоять изъ гранитнаго монолита съ чугуннымъ крестомъ на верху; на лицевой сторонѣ памятника будетъ помѣщенъ бронзовый медальонъ съ изображеніемъ покойнаго поэта. Рисунокъ памятника сдѣланъ мѣстнымъ художникомъ В. А. Волковымъ, а медальонъ предполагается отлить въ мастерской земскаго Дегтяревскаго училища по мысли извѣстнаго скульптора Л. В. Позена, уроженца полтавской губерніи.

Къ вопросу объ устройствѣ музея въ Кіевѣ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, которыя по этому вопросу помѣщены въ предъидущей книгѣ «Кіевской Старины», мы, со словъ кіевскихъ газетъ, можемъ сообщить, что кіевскій вице-губернаторъ Д. С. Ѳедоровъ увѣдомилъ кіевскаго городского голову о томъ, что въ засѣданіи коммиссіи по устройству музея въ Кіевѣ, состоявшемся 8 мая, было постановлено просить городского голову сдѣлать думѣ предложеніе о принятіи му-

зея, по окончательномъ его устройствѣ, въ вѣдѣніе города съ обязательствомъ содержанія его на городскія средства, причемъ высказано было предположеніе о возможности отвода въ зданіи музея соотвѣтственнаго помѣщенія для книгъ, пожертвованныхъ городу Б. М. Юзефовичемъ. Городской голова предложилъ это на разсмотрѣніе думы въ засѣданіи 17 мая; въ виду того, что не выяснены размѣры расходовъ, которые могутъ потребоваться отъ города на содержаніе музея, дума постановила: передать дѣло на заключеніе финансовой коммиссіи.

Объ устройствѣ музея въ Прилукахъ. По сообщенію «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», прилукская уѣздная земская управа обратилась къ полтавскому губернатору съ просьбою о разрѣшеніи открыть въ г. Прилукахъ музей при земской управѣ. Вопросъ объ открытіи музея былъ рѣшенъ въ послѣднемъ прилукскомъ земскомъ собраніи, причемъ собраніе постановило открыть музей на основаніяхъ, выработанныхъ с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей и изложенныхъ въ изданномъ этимъ обществомъ проэктѣ нормальнаго устава, для чего ассигновать на содержаніе музея ежегодно по 300 рублей и единовременно 200 рублей.

Премія профессора Потебни. Согласно утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія положенія о преміи профессора А. А. Потебни, какъ извѣщаетъ «Южный Край», въ первый разъ присужденіе ея послѣдуетъ 29 ноября 1895 года, а затѣмъ она будетъ выдаваться ежегодно изъ процентовъ съ капитала въ 2600 рублей, собраннаго по подпискѣ между почитателями покойнаго профессора.

Новое этнографическое общество. Еще въ 1893 году группа польскихъ писателей, проживающихъ въ Львовѣ, подняла вопросъ объ основаніи этнографическаго общества и даже составила проэктъ устава такого общества, который однако не получилъ утвержденія со стороны намѣстничества. Затѣмъ, при участіи предсѣдателя антропологической коммиссіи при краковской академіи наукъ профессора Бодуэна де-Куртне и другихъ лицъ, былъ доставленъ новый уставъ, который утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ. По уставу новое общество называется «*Towarzystwo ludoznawcze*», пребываетъ въ Львовѣ и имѣетъ цѣлью научное изслѣдованіе польскаго и *сосѣднихъ* съ нимъ народовъ, а также опубликованіе собранныхъ по этому предмету свѣдѣній. Для насъ эта цѣль имѣетъ особое значеніе въ виду того, что ближайшими сосѣдями галиційскимъ полякамъ являются малороссы. Для преслѣдованія означенной цѣли по уставу служатъ

слѣдующіе способы: 1) засѣданія, отчеты, рефераты и бесѣды членовъ общества, 2) собраніе всякихъ свѣдѣній, могущихъ служить для познанія народа, 3) опубликованіе собранныхъ свѣдѣній въ журналахъ и другихъ изданіяхъ, а также при помощи собственнаго литературнаго органа и собственныхъ изданій, 4) вспомоществованіе литературнымъ трудамъ и изданіямъ, описывающимъ или представляющимъ народъ, а также всякимъ инымъ трудомъ на этомъ полѣ, 5) основаніе библіотекъ и музеевъ, 6) назначеніе делегатовъ для собранія нужныхъ свѣдѣній въ данной мѣстности, 7) основаніе отдѣловъ общества въ уѣздахъ и 8) образованіе научныхъ секцій внутри общества. Общество состоитъ изъ членовъ-основателей и членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Членами могутъ быть также и женщины. Съ этого года общество издаетъ свой журналъ подъ названіемъ «Lud», съ которымъ нашъ журналъ въ своемъ библіографическомъ отдѣлѣ познакомитъ читателей по мѣрѣ появленія въ немъ свѣдѣній, которыя будутъ касаться южноруссовъ.

Собраніе украинскихъ народныхъ мелодій. Напечатанныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о предпринятомъ собираніи русскихъ народныхъ мелодій вызвало въ Львовѣ мысль о собраніи украинскихъ мелодій. По этому поводу въ Львовскихъ журналахъ напечатано, за подписью О. Нижанковскаго, Ф. Колессы и другихъ лицъ, въ количествѣ девяти, заявленіе, въ которомъ, обращая вниманіе на то, что народныя мелодіи уничтожаются съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ порядковъ новѣйшей культуры и что настала крайняя пора спасти, на сколько можно, отъ гибели этотъ цѣнный матеріалъ, они, подписавшіеся, чтобъ удовлетворить этой потребности, образовали комитетъ, который поставилъ себѣ задачею систематично публиковать народныя мелодіи періодическими выпусками подъ заглавіемъ: «Русько-українські народні мельодії». Изданіе будетъ ведено такимъ способомъ, что каждый выпускъ или томъ будетъ представлять изъ себя нѣчто цѣлое, но, для избѣжанія однообразія, будетъ заключать въ себѣ пѣсни разныхъ категорій. Обращая главное вниманіе на мелодіи, издатели будутъ печатать при каждой пѣснѣ всѣ доступные имъ варіанты ея мелодіи съ обозначеніемъ мѣстности, гдѣ пѣсня такъ или иначе поется, и съ указаніемъ лицъ, исполнявшихъ пѣсни и записавшихъ ее. Комитетъ уже имѣетъ въ своихъ рукахъ нѣсколько сотъ народныхъ мелодій, и этого матеріала уже теперь хватило бы на нѣсколько томовъ. Однако, чтобъ изданіе было на сколько можно полное и обнимало при каждой ме-

лодіи наибольшее число извѣстныхъ варіантовъ, комитетъ обращается къ землякамъ, владѣющимъ сборниками народныхъ мелодій или записавшимъ нѣсколько пѣсенъ изъ устъ народа, съ просьбою прислать въ скорѣйшемъ времени свои рукописи въ комитетъ. Точно также комитетъ проситъ всѣхъ пѣснолюбивыхъ земляковъ, которые, живя въ провинціи, имѣютъ возможность послышать народную пѣсню изъ источника, т. е. изъ устъ народа,—о томъ, чтобы они записывали мелодіи пѣсенъ съ текстами и присылали въ комитетъ. Адресъ для этихъ присылокъ указанъ слѣдующій: Осипу Нижанковскому, въ г. Львовъ, Городецкая улица, № 33 а.

Новое изданіе сочиненій М. Л. Кропевницкаго. Въ Харьковѣ въ настоящее время печатается полное собраніе сочиненій М. Л. Кропивницкаго, въ которое войдетъ семь еще не бывшихъ въ печати драматическихъ пьесъ («Вусы», «Пидгоряне», «Зайдыголова», «Дви семьи», «Чмырь», «Олеся» и «Джигунъ»).

Каменныя орудія на берегахъ Буга и Стыри. На 8-мъ очередномъ собраніи Варшавской «Komisyi teoryi ogrodnictwa i nauk przyrodniczych», состоявшемся 18 апрѣля 1895 г., г. Е. Маевскій (E. Majewski) прочелъ докладъ о доисторическихъ каменныхъ орудіяхъ, находимыхъ въ верховьяхъ рѣкъ Буга и Стыри, и представилъ большую коллекцію этихъ орудій. Это—каменные топоры грубой работы, весьма однообразнаго типа и изъ однороднаго матеріала; они нешлифованы и снабжены высверленными отверстіями для продѣванія рукоятокъ. Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что они сдѣланы не изъ кремня, а изъ мѣстныхъ мелкозернистыхъ песчаниковъ и известняковъ сарматскаго яруса третичной системы. Однообразіе ихъ матеріала и выдѣлки указываетъ на ихъ одновременность и общее мѣсто происхожденія, но распространеніе ихъ—спорадическое по всему краю. Подобныхъ топоровъ докладчикъ не встрѣчалъ въ музеяхъ какъ мѣстныхъ, такъ и иностранныхъ. Только въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго въ Львовѣ находится нѣсколько совершенно тождественныхъ орудій, также происходящихъ съ верховьевъ Буга. Отмѣтивъ мѣста нахожденія этихъ орудій на картѣ, докладчикъ указалъ, что они встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни аллювіальныхъ, ни дилювіальныхъ отложеній, и гдѣ выступаетъ на поверхность верхній мѣлъ; сарматскія горныя породы, изъ которыхъ сдѣланы топоры, находятся повсюду въ довольно значительномъ разстояніи (нѣсколько десятковъ миль) отъ мѣстъ нахожденія орудій,

но по близости нѣтъ никакихъ твердыхъ камней. Область распространенія этихъ орудій ограничивается верховьями Буга и Стыри.

(Изъ журнала „Wszechswiat", 1895, № 18).

Поправка. Въ іюньской книгѣ Кіевской Старины за текущій годъ въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ (стр. 107, строка 5 сверху) *напечатано*: «воспоминаній Pro domo sua»; *слѣдуетъ читать*: «воспоминаній, *напечатанныхъ въ книгѣ* Pro domo sua».

БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Провидник по вистави краевій у Львови з особлнвим оглядом на виддил етнографичний и на павильон руских народних товариств. Львив. 1894 г. 197 и 60 стран.

2. Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894. Katalog illustrowaný wystawy sztuki polskiej od roku 1764—1886. We Lwowie. 1894 г. XXIV, 384 и 75 ненум. стран.

Къ намъ такъ нескоро доходятъ не только книги, издающіяся въ Галиціи, но и свѣдѣнія объ нихъ, что нерѣдко приходится радоваться, если какую-нибудь книгу, изданную въ Галиціи, удается увидѣть чрезъ годъ послѣ ея выхода, а большей части книгъ, издающихся тамъ, мы вовсе не можемъ видѣть и ничего о нихъ не знаемъ, почему и нѣтъ возможности своевременно давать отзывы объ этихъ книгахъ. Но, держась правила, что «лучше поздно, чѣмъ никогда, мы предпочитаемъ дать запоздалый отзывъ о книгѣ, если она заслуживаетъ вниманія, чѣмъ вовсе не говорить о ней.

Изъ краткихъ извѣстій, которыя печатались въ русскихъ газетахъ въ прошломъ году, мы знали, что въ Львовѣ была устроена выставка въ большихъ размѣрахъ, но опредѣленныхъ и подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣли, потому что ни одного описанія, ни одной обстоятельной корреспонденціи объ этой выставкѣ въ русской печати мы не находили. И только теперь, когда намъ удалось просмотрѣть книги, названія которыхъ мы выписали, мы увидѣли изъ нихъ, какой большой интересъ для насъ представляла эта выставка, хотя упомянутыя книги описываютъ не всю выставку, а лишь нѣкоторыя части ея.

Первая книга — «Провидник по вистави краевий у Львови» — имѣетъ въ виду преимущественно тѣ предметы выставки, которые были выставлены русинами, и прежде, чѣмъ описывать выставку, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о той странѣ и томъ городѣ, гдѣ эта выставка была устроена. Именно книга раздѣляется на слѣдующія части: 1) Галичина, — 2) Провидник по Львови, — 3) Вистава краева,— 4) Катальог вистави дилу етнографічного,—5) Церков и 6) Павильон руских народних товариств.

Первая часть подраздѣляется на двѣ главы: а) Земля и б) Люди. Здѣсь вкратцѣ описывается Галиція и даются свѣдѣнія объ ея народонаселеніи, преимущественно статистическія. Главы эти представляются тѣмъ болѣе умѣстными въ книгѣ, что съ наибольшею подробностью въ ней описывается этнографическій отдѣлъ выставки.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ три главы: 1) З минувшини,— 2) Цикавійши будивли и институции и 3) Інформации для приизжих. Первая глава представляетъ краткій историческій очеркъ г. Львова, вторая глава заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о болѣе интересныхъ мѣстныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ, въ третьей даны необходимыя для пріѣзжихъ свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ, гостинницахъ, мѣстахъ развлеченія и т. п. Изъ этихъ главъ читатель между прочимъ можетъ узнать, то въ то время, когда мы, кіевляне, только мечтаемъ о томъ, какъ бы намъ устроить музей, въ Львовѣ, имѣющемъ жителей почти въ два раза меньше, чѣмъ Кіевъ (119.350 человѣкъ по спискамъ 1890 года), существуютъ слѣдующіе музеи, архивы и библіотеки: 1) музей Ставропигійскій.—2) институтъ Оссолинскихъ, заключающій въ себѣ богатую библіотеку съ большою коллекціею рукописей (болѣе трехъ съ половиною тысячъ) и картинную галлерею,— 3) помѣщающійся при томъ же институтѣ Оссолинскихъ музей Любомирскихъ, заключающій въ себѣ кабинеты археологическій, монетный и рисунковый (въ немъ болѣе 25.000 гравюръ и литографій), а кромѣ того три комнаты наполнены разнородными предметами;— 4) музей гр. Дидушицкаго, заключающій въ себѣ коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи преимущественно Галиціи, коллекціи по этнографіи польской и русской и библіотеку;—5) городской промышленный музей;—6) музей и библіотека «Народнаго Дома» (этотъ музей еще не вполнѣ устроенъ),—7) университетская библіотека съ находящимся при ней архивомъ,—8) городской архивъ,—9) архивъ намѣстничества,—10) архивъ бернардинскій, — 11) библіотека гр.

Баворовскаго съ 3.000 томовъ рукописей,—12) библіотека Свято-онуфріевскаго монастыря съ цѣнными русскими рукописями и проч.

Въ третьей части книги сначала разсказывается о томъ, какъ возникла мысль объ устройствѣ выставки и какъ она устраивалась, но затѣмъ дается краткій путеводитель по выставкѣ. Пропуская промышленные отдѣлы выставки, для изложенія свѣдѣній о которыхъ понадобилось бы слишкомъ много мѣста, остановимъ вниманіе на нѣсколькихъ интересныхъ павильонахъ. Павильонъ города Львова заключалъ въ себѣ все, что городъ дѣлаетъ для просвѣщенія, украшенія улицъ, асенизаціи и проч. Успѣхамъ просвѣщенія посвящены были павильонъ университетовъ львовскаго и краковскаго и политехники львовской и павильонъ намѣстника гр. Бадени, заключавшій въ себѣ выставку училищнаго совѣта (графическія таблицы его дѣятельности, училищная статистика, учебныя руководства, модель школы, планы наукъ, издѣлія ремесленныхъ школъ, модель дѣтскаго сада и т. п.). Въ павильонѣ литературно-журнально-фотографическомъ были собраны изданія краковской академіи наукъ, львовскаго историческаго общества и другіе литературные труды; здѣсь же помѣщались мѣстныя произведенія литографическія, фотографическія и проч. Большая красивая палата посвящена была польскому искусству и раздѣлялась на три части: 1) ретроспективную выставку польскаго искусства, заключавшую въ себѣ произведенія польскаго искусства прошлаго времени, начиная съ 1764 года,—2) выставку современнаго польскаго искусства, которая была устроена въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ никогда нигдѣ поляки еще не устраивали художественныхъ выставокъ: болѣе 400 современныхъ польскихъ художниковъ прислали на эту выставку свои произведенія,—и 3) выставку польскихъ древностей.

Въ четвертой части книги описывается этнографическій отдѣлъ выставки. Устройство этого отдѣла, какъ объясняютъ составители описанія въ предисловіи къ нему, представляло особаго рода трудности вслѣдствіе множества существующихъ въ Галиціи національныхъ оттѣнковъ и разницъ въ населеніи, какъ русинскомъ (гуцулы, верховинцы, бойки, лемки, пидгоряне, долиняне, заболотіи, покутяне, подоляне, полѣсяне, побережане), такъ и польскомъ (краковяки, мазуры, горалы). Исчерпать всѣ формы и показать въ систематическомъ сопоставленіи всѣ оттѣнки этнографическихъ типовъ края—это былъ идеалъ, практическое осуществленіе котораго при данныхъ средствахъ и въ данное короткое время было почти невозможно. Въ

виду этого комитетъ, устраивавшій этнографическій отдѣлъ, поставилъ себѣ болѣе скромную и исполнимую задачу: изъ многочисленныхъ оттѣнковъ въ мѣстныхъ этнографическихъ типахъ выбрать только нѣкоторые, наиболѣе характерные, и представить ихъ какъ можно полнѣе и вѣрнѣе, а изъ другихъ оттѣнковъ брать и показывать по мѣрѣ возможности тѣ части, которыя дополняли бы главный образъ.

Для такого представленія лучшимъ способомъ было признано построить хату и заселить её людьми изъ той мѣстности, гдѣ данный характеристическій оттѣнокъ отчетливѣе проявляется. Такая хата, построенная мѣстными людьми и тѣмъ способомъ, который въ данномъ мѣстѣ практикуется, изъ матеріала, тамъ употребляемаго, окруженная тою обстановкою, какая въ той сторонѣ бываетъ, убранная и украшенная, какъ тамъ обыкновенно водится, снабженная всѣми снарядами и приборами, какіе тамъ въ хатѣ можно найти, заселенная тамошними людьми въ ихъ мѣстныхъ костюмахъ, занятыми тою роботою, какою они у себя занимаются—все это, по мнѣнію устроителей, могло дать наилучшій образъ матеріальнаго этнографическаго типа данной мѣстности. Для дополненія же этой живой картины былъ собранъ богатый матеріалъ въ большомъ этнографическомъ павильонѣ.

Согласно съ этимъ, въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки были возведены слѣдующія типичныя постройки: а) сельскій дворъ изъ Полѣсья, б) мазурская хата изъ Нивискъ, в) хата изъ Закононаго, г) сельскій дворъ изъ Подола д) поднѣстрянскій дворъ изъ Катаринецъ, е) гуцульскій дворъ изъ Яворова, ж) вѣтряная мельница Жовковскаго уѣзда и з) шесть придорожныхъ крестовъ изъ разныхъ мѣстъ.

Кромѣ этихъ построекъ, возведенныхъ въ ихъ натуральную величину и обставленныхъ согласно съ вышеизложеннымъ, въ этнографическомъ павильонѣ находились многія модели разныхъ народныхъ построекъ. Въ этомъ же павильонѣ были собраны: а) древнія орудія, утварь и другіе предметы, найденные при археологическихъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи,—б) манекены руссинскихъ типовъ, числомъ 32,—в) коллекція фотографическихъ снимковъ, представляющихъ народные типы, постройки, обычаи. (Напримѣръ освященіе пасокъ и плодовъ, свадебные и похоронные обряды, сѣяніе, дожинки, возка сноповъ и проч.),—г) народные костюмы и бѣлье (насколько великъ былъ этотъ отдѣлъ—видно изъ того, что однихъ

головныхъ уборовъ было собрано 57, и изъ нихъ только два женскихъ головныхъ убора было доставлено изъ Украйны, а остальные принадлежатъ галиційскимъ русинамъ разныхъ мѣстъ),—д) узоры украшеній стѣнныхъ, тканей и проч.,—е) предметы, имѣющіе связь съ обрядами и обычаями (писанки, пасхи, короваи, вѣнки и проч.), ж) разные предметы домашней обстановки (столы, сундуки и проч.), з) упряжь и орудія,—и) народные музыкальные инструменты,—і) разнообразная коллекція разныхъ народныхъ издѣлій,— и к) наконецъ въ этомъ же павильонѣ помѣстилась цѣлая этнографическая библіотека, заключавшая въ себѣ русскія, малорусскія, польскія и чешскія изданія, имѣющія отношеніе къ малороссамъ и полякамъ (здѣсь нашли себѣ мѣсто и разныя статьи, напечатанныя въ «Кіевской Старинѣ»).

Первоначально предполагалось въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки помѣстить модель церкви, какъ образчикъ народной архитектуры и стиля въ постройкѣ церквей. Потомъ явилась потребность въ особомъ павильонѣ для предметовъ церковнаго искусства, и этотъ павильонъ рѣшили устроить въ видѣ церкви типичной мѣстной архитектуры. Эта постройка была сооружена гуцулами. Здѣсь были помѣщены предметы мѣстнаго иконописанія и рѣзьбы, церковная утварь и облаченія, старинныя книги и рукописи, имѣющія отношеніе къ богослуженію, и фотографическіе снимки древнѣйшихъ церквей, колоколовъ и иконостасовъ. Описанію этого отдѣла посвящена пятая часть книги.

Наконецъ, въ шестой части описанъ «павильонъ русскихъ товариствъ». Какъ видно изъ описанія, экспонентами въ этомъ павильонѣ явились общества учено-литературныя, музыкальныя, педагогическія, нѣкоторыя учебныя заведенія и общества, имѣющія характеръ клубовъ. Одни выставили полныя коллекціи своихъ изданій, другія—отчеты о своей дѣятельности и разные предметы, относящіеся къ этой дѣятельности.

Составленный очень обстоятельно путеводитель по выставкѣ еще болѣе былъ бы цѣннымъ, еслибъ былъ иллюстрированъ, что въ особенности важно было бы для отдѣла этнографическаго. Но отсутствіе иллюстрацій нельзя ставить въ вину издателямъ, такъ какъ это зависѣло не отъ нихъ, а отъ тѣхъ средствъ, которыми они располагали для изданія.

Вторая книга, заглавіе которой мы выписали, составляетъ подробный каталогъ того отдѣла выставки польскаго искусства, кото-

рый, какъ упомянуто выше, былъ названъ «ретроспективною выставкою польскаго искусства» и который заключалъ въ себѣ произведенія польскаго искусства съ 1764 по 1886 годъ въ количествѣ 1359. Каталогъ этотъ составленъ на столько обстоятельно, что можетъ послужить справочною книжкою для интересующихся исторіею польскаго искусства, и, кромѣ названія художественныхъ произведеній, которыя были выставлены, даетъ свѣдѣнія о размѣрахъ этихъ произведеній и объ ихъ постоянномъ мѣстонахожденіи, краткое указаніе содержанія ихъ и краткія біографическія свѣдѣнія о художникахъ. Къ книгѣ приложено 75 фототипическихъ снимковъ съ произведеній польскихъ художниковъ.

Какъ извѣстно, польскіе художники нерѣдко брали сюжеты для своихъ картинъ изъ малорусскаго быта. Но изъ каталога не видно съ достаточною ясностью, какія именно картины изображаютъ польскій бытъ и какія—малорусскій; приложенные же къ книгѣ снимки воспроизводятъ картины изъ польскаго быта, за исключеніемъ одного рисунка А. Орловскаго, изображающаго двухъ танцующихъ запорожцевъ, и акварели Юлія Коссока: «Переправа черезъ Днѣстръ». Вслѣдствіе этого, не видѣвши самой выставки, а имѣя въ рукахъ лишь каталогъ части ея, ничего нельзя сказать о томъ, какъ велико было число произведеній изъ малорусскаго быта на выставкѣ и какъ именно этотъ бытъ въ нихъ изображался. На основаніи указаній каталога отмѣтимъ только три портрета Мазепы (одинъ работы Норблина и два работы Келесинскаго), крестьянскіе типы, преимущественно изъ Подоліи, Глоговскаго, восемь галиційскихъ типовъ Родаковскаго, Русины Михаловскаго, Фурманъ Луцкій Плонскаго, Гуцулъ Келесинскаго, «Гетманскіе кони» Ю. Конона, «Козакъ коня напувавъ, Дзюба воду брала» Іосифа Брандта и бюстъ г-жи Лубенской— «Украинка».

Обозрѣвая содержаніе Львовской выставки, на сколько это возможно при помощи тѣхъ двухъ книгъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, нужно удивляться тому, что русская печать не только не извлекла изъ этой выставки всей той пользы, какую могла извлечь въ научномъ отношеніи, но вовсе не обратила на нее вниманія, ограничившись сообщеніями по нѣсколько строкъ о томъ, что въ Львовѣ открылась-молъ большая выставка, и ничего больше о ней не сказавши. А между тѣмъ значительная часть выставки такъ близко касалась насъ. Съ грустью приходится сознаться, что сравнительно съ прежнимъ временемъ когда у насъ явились цѣнные этнографи-

ческіе труды, народоизученіе сдѣлало у насъ шагъ назадъ, а не впередъ, что ослабѣлъ въ обществѣ интересъ къ этому предмету и уменьшилось чисто литературныхъ силъ, работающихъ на этомъ поприщѣ. Дай Богъ, чтобъ въ будущемъ этотъ интересъ снова оживился и чтобъ намъ удалось наверстать то, въ чемъ мы такъ отстали въ послѣднее время.

Н. Ш—въ.

Eu..j Heleniusz. Wspomnienia polskich czasów dawnych i późniejszych. Tt. I—II. (Lwów, 1894). Стр. 461 и 431.

Опубликованная въ прошломъ году серія замѣтокъ Ев. Геленіуша заключаетъ въ себѣ матеріалы самаго разнороднаго характера. Въ первомъ соединены отдѣльные экскурсы, преимущественно относящіеся къ церковной исторіи давней Польши и б. кіевской діецезіи, въ частности къ исторіи различныхъ католическихъ орденовъ и отдѣльныхъ монастырей. Большею частью это сухіе біографическіе перечни, пользованіе которыми затруднено вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ-либо ссылокъ на источники или пособія. Перечень церковно-исторической литературы, сдѣланной авторомъ (I, 27—38), мало помогаетъ дѣлу, и для научной разработки исторіи церкви въ Польшѣ настоящій трудъ, кажется намъ, не принесетъ особенной пользы, да повидимому авторъ вовсе и не задавался этою цѣлью. Помѣщенныя въ первомъ томѣ біографическія замѣтки о дѣятеляхъ свѣтскихъ, какъ напр. кн. Константинъ и Янушъ Острожскіе, Левъ Сапѣга, Юрій Оссолинскій, кн. Радзивилы, Любомирскіе, Потоцкіе, Замойскіе, Пацы, Ржевускіе, Владиславъ Немиричъ и др., трактуютъ вопросъ съ точки зрѣнія отношеній этихъ дѣятелей къ государственной церкви и вообще представляютъ мало интереса по своей сжатости и своеобразной окраскѣ. Такого же характера и біографіи польскихъ женщинъ, остановившихъ своимъ благочестіемъ вниманіе автора. Больше интереса представляютъ опубликованныя г. Геленіушемъ выдержки изъ мемуаровъ и писемъ базиліанъ Іоны Солтановскаго и Иліи Андрушкевича (I, 202—248), относящіяся къ текущему столѣтію и имѣющія отношеніе къ новѣйшей политической исторіи нашего края. Статья «Древняя діецезія кіевская и позднѣйшія церкви на Украинѣ» (I,251—313) почти сплошь состоитъ изъ голаго перечисленія именъ и мѣстностей и по отсутствію указаній

на источники едва-ли можетъ служить для справокъ. Въ концѣ перваго тома напечатаны нелишенныя нѣкотораго интереса выдержки изъ хроники винницкаго капуцинскаго монастыря съ 1745 по 1861 годъ (стр. 322—449). Здѣсь, между прочимъ, находимъ отмѣтки о нападеніяхъ гайдамакъ, о провинціальныхъ сеймикахъ, о передвиженіяхъ русскихъ войскъ, о моровыхъ повѣтріяхъ и т. д. Любопытно напр. описаніе борьбы съ заразой въ Браиловѣ въ августѣ 1770 г. Приглашенный туда изъ Старой Винницы знахарь потребовалъ 12 паробковъ и бѣлаго коня, выкопалъ изъ могилы тѣло умершаго отъ заразы, привязалъ его къ хвосту лошади и въ сопровожденіи 12 паробковъ волочилъ по городу. Зараза усилилась. Знахарь, опасаясь смерти, на томъ же конѣ бѣжалъ въ Винницу, гдѣ роздалъ полученные отъ браиловцевъ подарки своимъ родственникамъ, и зараза распространилась въ Винницѣ. Нѣкоторые капуцины ходили по домамъ для оказанія помощи заболѣвшимъ, о чемъ впослѣдствіи сожалѣли, такъ какъ сами подвергались большой опасности. Населеніе частью скиталось по полямъ и лѣсамъ и здѣсь погибало. Часто не было кому погребать умершихъ, и псы разносили части труповъ. Капуцины заперлись въ церкви съ нѣкоторыми прихожанами и оставались взаперти до февраля 1771 г. Милостыню убогимъ въ видѣ пищи разнаго рода подавали чрезъ дубовую трубу, вдѣланную въ церковной стѣнѣ. Въ Винницѣ погибло отъ заразы 330 чел. (стр. 350). Подъ 1774 г. записано въ хроникѣ о еврейскомъ погромѣ, произведенномъ учениками іезуитской школы подъ предлогомъ употребленія евреями христіанской крови. Буяновъ пришлось усмирять русскими войсками (стр. 355). Далѣе слѣдуютъ замѣтки изъ времени 4-лѣтняго сейма, раздѣла, описывается посѣщеніе генерала Тутолмина и т. д. Подъ 1826 г. занесена любопытная замѣтка о всеобщемъ переполохѣ въ Винницѣ, вслѣдствіе слуховъ о задуманной, будто бы крестьянами поголовной на Пасху рѣзнѣ пановъ, ксендзовъ и евреевъ. Обыватели селъ бѣжали въ города, по цѣлымъ ночамъ никто не спалъ, все было поставлено на военную ногу, подозрительныхъ или неизвѣстныхъ лицъ задерживали. Конечно, слухи оказались вымышленными, и крестьяне боялись больше всего (стр. 423). 4 февраля 1856 г. братъ Даніилъ распустилъ слухъ, что весною православные священники будутъ истреблены турками, французами и англичанами. За это его увезли въ Каменецъ, гдѣ содержали въ Кармелитскомъ монастырѣ, а затѣмъ онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ въ брусиловскій монастырь (стр. 441). Очень жаль, что г. Геленіушъ издалъ только выдержки

изъ хроники, снабдивъ ихъ своими собственными, весьма пространными, но мало интересными разсужденіями.

Нѣсколько разнообразнѣе по содержанію восемь статей, помѣщенныхъ во II томѣ изданія г. Геленіуша. Въ первой статьѣ частью приводится, частью комментируется рѣдкое нынѣ стихотворное произведеніе (1773 г.) кіевскаго р.-к. епископа Іосифа Залускаго, гдѣ описаны обстоятельства ссылки въ Калугу шести польскихъ сенаторовъ въ 1767—1773 гг. Статья вторая даетъ списокъ конфискованныхъ въ 1793—4 и 1832—35 гг. польскихъ имѣній, къ сожалѣнію, безъ указаній на источники, по усвоенному авторомъ обычаю. Въ статьѣ третьей находимъ интересныя выдержки изъ замѣтокъ члена р.-к. коллегіи въ С.-Петербургѣ, прелата Якобѣльскаго, съ 1839 по 1856 гг. и нѣкоторыя біографическія подробности о р.-к. архіепископѣ Головинскомъ. Въ четвертой статьѣ сведены нѣкоторыя данныя о ссыльныхъ 1848 г. Пятая глава посвящена біографическимъ подробностямъ изъ жизни польской шляхты на Украинѣ, преимущественно въ текущемъ столѣтіи. Съ нѣкоторыми выдержками изъ этой не лишенной интереса статьи, касающимися Кіева, мы надѣемся ознакомить читателя подробнѣе въ «Кіев. Старинѣ». Весьма любопытны также помѣщенныя въ слѣдующей статьѣ выдержки изъ дневника Ильи Осташевскаго (съ 1809 по 1861 г.), частью касающіяся и Кіева (стр. 224—379). Наконецъ, двѣ послѣднія статьи даютъ біографическія подробности о Садикъ-пашѣ (Мих. Чайковскомъ) и эмирѣ Вацлавѣ Ржевускомъ.

По всей конструкціи своей и направленію идей кн. г. Геленіуша отзывается сѣдой стариной и едва-ли можетъ встрѣтить сочувственный откликъ даже въ наиболѣе расположенныхъ къ автору читателяхъ. Новое время приноситъ и новыя задачи, которыхъ невозможно достигать вращаясь въ старомъ и, такъ сказать, порочномъ кругѣ идей и вѣрованій. Тѣмъ не менѣе должно отмѣтить, что въ названной книгѣ найдется нѣсколько живыхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія историковъ новѣйшаго времени, и если изданіе г. Геленіуша сохранило ихъ отъ забвенія, то въ этомъ его заслуга передъ наукой. Должно пожалѣть, что авторъ почти исключительно посвящаетъ свое вниманіе отдѣльнымъ лицамъ изъ среды польской шляхты и не останавливается на судьбахъ мѣстнаго общества во всей его совокупности. Отъ этого рисуемыя имъ детальныя картинки теряютъ серьезное значеніе, нарушается историческая перспектива и получается такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ Silva

rerum или новѣйшимъ сборникомъ достопримѣчательныхъ анекдотовъ. Интересные сами по себѣ, это все же только анекдоты, но не правдивая и безпристрастная исторія.

Н. М.

А. Н. Пыпинъ: Матеріалы для біографія А. А. Котляревскаго. Спб. 1894. CL стр.

Книга представляетъ собою, дѣйствительно, не болѣе, какъ «матеріалы» для жизнеописанія покойнаго славяновѣда, и настоящая біографія его появится, вѣроятно, еще нескоро. Какъ собраніе «матеріаловъ», книга г. Пыпина представляется намъ достаточно полною, хотя и не безъ пропусковъ [1]); изложеніе въ общемъ довольно живое и интересное, хотя и страдающее иногда нѣкоторою отрывочностью, что, впрочемъ, можетъ быть объяснено самымъ свойствомъ работы — сведеніемъ разрозненныхъ и иногда случайныхъ біографическихъ данныхъ въ одно цѣлое... Къ книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ, вполнѣ передающій характерныя дорогія черты незабвеннаго славяновѣда. Кіевскому времени жизни Котляревскаго составитель книги посвятилъ всего 12 страницъ ея (124—136) «Такова скудость данныхъ!» скажетъ иной читатель. Нѣтъ, данныхъ, собственно говоря, много, но, вѣроятно, они почему либо не дошли до составителя біографіи. Въ самомъ дѣлѣ, о нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности Котляревскаго въ Кіевѣ можно было сказать очень много; такова, напримѣръ, дѣятельность его въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, въ славянскомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ особенно трудную пору сербо-турецкой войны; свойства этой дѣятельности покойнаго слависта были таковы, что вполнѣ заслуживали бы основательнаго изложенія и правильнаго освѣщенія. Правда, метеріалы, относящіеся къ этой сторонѣ вопроса, туго появляются въ свѣтъ; но кое что выходитъ и, вѣроятно, будетъ постепенно появляться въ свѣтъ; такъ, въ 1894 году появилась историческая записка о 25-лѣтіи кіевскаго славянскаго общества, въ ко-

---

[1]) Для читателей „Кіевской Старины“ можно, наприм., отмѣтить пропускъ замѣтки объ А. А. Котляревскомъ, помѣщенной въ этомъ изданіи за 1892 годъ (Кн. III стр. 478—482). Какъ бы ни незначительна была эта замѣтка въ сборникѣ жизнеописательныхъ „матеріаловъ“, она могла бы найти мѣсто хотя бы только въ общемъ спискѣ матеріаловъ (I—III стр.).

торой есть нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ предсѣдателя этого общества; но этой книжкой г. Пыпинъ уже не успѣлъ, видимо, воспользоваться.

Передавать богатаго содержанія книжки г. Пыпина мы не будемъ: нашей цѣлью было только отмѣтить ея появленіе и привлечь къ ней вниманіе тѣхъ изъ читателей «Кіев. Старины», коимъ дорога личность и память покойнаго А. А. Котляревскаго.

И. Степовичъ.

Обзоръ табаководства въ Россіи. Выпускъ II—III. Малороссія и Туркестанскій край. В. С. Щербачева. Изданіе Департамента Земледѣлія. Спб. 1894 г.

Какъ вообще оффиціальныя изданія, монографія г. Щербачева не предназначена для продажи. Весьма интересный трудъ автора заключаетъ, между прочимъ, историческій очеркъ развитія табаководства въ Малороссіи и изслѣдованіе о восточномъ происхожденіи табака. Историческій очеркъ начинается замѣчаніемъ автора, что «табаководство въ Малороссіи ведется издавна, и начало его слѣдуетъ отнести во всякомъ случаѣ не позднѣе XVI столѣтія». Указаніе на это, говорится далѣе, существуетъ въ козачьей пѣснѣ временъ гетмана Петра Кононовича (Конашевича?) Сагайдачнаго, который, по ея словамъ, идя войною на турокъ «проминявъ жинку на тютюнъ и (та?) люльку, необачный!» Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ уже не возвращается къ этому случайно брошенному «историческому факту», а между тѣмъ въ той же пѣснѣ, нѣсколько далѣе, имѣется какъ бы объясненіе побудительныхъ причинъ или условій козачьяго быта и военныхъ походовъ. Среди тревогъ и случайностей войны и походной жизни, не приходилось козаку «зъ жинкою возытьця, а тютюнъ та люлька козаку въ дорози знадобытця». Это служило своего рода удовольствіемъ и если не отрадой, то развлеченіемъ. Въ параллель съ этимъ, въ другой пѣснѣ—блуждающій въ лѣсныхъ трущобахъ взываетъ: «гей, хто въ лиси обизвыся! та выкрешемъ огню, та покуримъ люльки, не журися». Болѣе обстоятельны изысканія автора о восточномъ происхожденіи табака. «Самое слово тютюнъ», по выраженію автора, указываетъ на то, что къ малороссіянамъ табакъ перешелъ съ востока, изъ мусульманскихъ странъ, а не съ запада, такъ какъ тютюномъ называютъ табакъ татары, турки

и персы. Это предположеніе авторъ подкрѣпляетъ еще и тѣмъ, что кромѣ тютюна (нынѣшняя махорка) въ Малороссію проникъ и другой сортъ табака, «бакунъ», котораго корень bak или bach, общій съ bach въ бахчѣ (огородъ, садъ), чисто татарскаго или тюркскаго происхожденія. Мы встрѣчаемъ, продолжаетъ авторъ, эти названія для табаковъ и въ нѣкогда бывшихъ областяхъ турецкой имперіи: Румыніи, Бессарабіи (баконъ, махорка), Сербіи (тутунъ, тутумъ), Имеретіи, Гуріи (тутуни), а также въ Венгріи и Галиціи (бакунъ, тютюнъ) въ Польшѣ (Tytun, Tuton, Bakon). (стр. 1). Какъ видно далѣе, приведенную цитату авторъ считаетъ весьма цѣнною, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ «лингвистическимъ образомъ доказывалъ, что бакунъ пришелъ въ Малороссію съ мусульманскаго востока; такое толкованіе (догадывается авторъ) могло быть признано гадательнымъ или даже сомнительнымъ, но къ счастію для автора, имѣются данныя для болѣе твердаго основанія, подтверждающія правильность его толкованія. Въ сочиненіи нѣмецкаго ученаго и Эрфуртскаго профессора Готгарда, при перечисленіи табаковъ, воздѣлываемыхъ въ Турціи (Салоникахъ, Болгаріи), въ числѣ другихъ (іенидскій, кирмалу, кирджали, кицильдели, узунъ-табакъ, румели-тютюнъ, дщи-тютюнъ, аби-тютюнъ, докша-тютюнъ), упоминается и о сортѣ «Маріа-бахе», о которомъ говорится: «Маріа-бахе» такъ называется на Черномъ морѣ табакъ, извѣстный въ Россіи подъ именемъ *«козацкаго тютюна,* который дѣйствительно самымъ лучшимъ сортомъ почесть можно». Эта выписка, по мнѣнію автора, ясно доказываетъ происхожденіе нашего *бакуна* (*бахунъ*) отъ турецкаго табака, распространеннаго въ давнія времена по Черному морю и носящаго названіе Маріа-бахе, что можетъ значить садъ Маріи. Этотъ сортъ перешелъ въ Малороссію, сохранивъ только коренное слово *бахъ*, для своего обозначенія *«бахинъ, бакунъ»*. (стр. 80).

Опровергая распространенное мнѣніе о голландскомъ происхожденіи махорки и о порчѣ слова, авторъ высказываетъ мнѣніе, что махорка «обозначаетъ тотъ же самый тютюнъ (по-персидски дымъ или табакъ) и имѣетъ корень чисто персидскаго происхожденія: персидское слово *«bouhour»*, что значитъ благовонное куреніе, фиміамъ, было передѣлано въ «mahour» (махорка), при чемъ персидская буква *б* перешла въ русское *м*, какъ это бываетъ въ другихъ словахъ и обратно—наприм. *махрома-бахрома, мусульманъ-басурманъ.* Кромѣ того, голландскій (амерсфордскій) табакъ—американскаго происхожденія и имѣетъ красные или розовые цвѣты, между тѣмъ какъ махорка или

тютюнъ желтые» (стр. 2). Предоставляя спеціалистамъ филологамъ и лингвистамъ судить объ основательности лингвистическихъ соображеній автора, слѣдуетъ обратить вниманіе, что, по словамъ автора, табаки виргинскіе, мариландскіе и голандскіе, изъ нихъ происшедшіе, имѣютъ цвѣты розовые или красные, а потому никоимъ образомъ не могло даже по ошибкѣ быть придано голландское названіе—амерсфордъ улучшенной породѣ простого табака (тютюнъ). Когда собственно и изъ какихъ мѣстъ появилось слово «махорка», отождествившее слово тютюнъ какъ наименованіе простого народнаго табака, въ литературѣ, говоритъ авторъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; одно только можно сказать, что это слово получило общераспространенное значеніе въ нашемъ вѣкѣ, а въ литературѣ стали его употреблять, какъ названіе лучшаго малороссійскаго простого табака, якобы происшедшаго изъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ Амерсфорда (Голландія) и якобы выродившихся на почвѣ Малороссіи. Такое мнѣніе появилось въ печати въ 1852 г., затѣмъ повторилось въ статьѣ Базинера въ 1855 г. и въ концѣ концовъ принято было за безспорно правильное нѣкоторыми дальнѣйшими изслѣдованіями. Между тѣмъ голландскіе сорта табака введены въ малороссійскую культуру вмѣстѣ съ виргинскими и мариландскими, заботами императрицы Екатерины II. Раньше того, при Петрѣ Великомъ заведена табачная плантація 500 дес. около Ахтырки, но разводимые табаки были американскихъ сортовъ и обрабатывались на ахтырской казенной фабрикѣ по голландскому способу. (Эта плантація и табачный заводъ были переданы въ содержаніе ахтырскому полку 17 апрѣля 1733 г.) (стр. 81—82).

Вывозъ табака изъ Малороссіи въ Московію сдѣлался столь значительнымъ, что вызвалъ строжайшія запрещенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1661, 1663, 1669 и 1683 г. Но уже въ 1697 г. Петръ Великій разрѣшилъ привозъ табаку со взятіемъ въ казну пошлинъ, съ черкасскаго листового свитка табака съ фунта по 10 денегъ, т. е. съ пуда 2 руб., а вслѣдъ за тѣмъ въ 1698 г. Мазепа установилъ въ Гетманщинѣ акцизъ на *тютюнные шинки*. Табачная десятина собиралась съ козаковъ и посполитыхъ на гетмана и войсковую старшину, но въ 1723 г. обращена въ казну государеву, и кромѣ того, къ такой подати привлечены привиллегированныя лица, какъ старшины, войсковые товарищи, монастырскіе и церковные владѣльцы, до того времени не вносившіе табачной десятины. По сенатскому указу 1724 г. взято пошлины по 60 коп. съ пуда табака, и количество урожая исчислено въ полкахъ:

Лубенскомъ. . .	23616 п. 10 ф.
Гадячскомъ. . .	6635 — 30 —
Прилуцкомъ . .	2426 — 10 —
Полтавскомъ . .	554 — 20 —
Миргородскомъ .	1116 — 10 —
Нѣжинскомъ . .	3535 — —
Итого. .	37884 —

Съ возстановленіемъ гетманства, табачная десятина отошла «до скарбу войскового» и взымалась съ пуда по 6 коп., а съ сотни листьевъ по 2 коп., за табакъ же, вывозимый въ Великороссію, съ пуда 20 к., а въ Сибирь и въ Астрахань вдвое. Сборъ съ табачной десятины продолжался до 1761 г. Табакъ Малороссіи шелъ въ Литву, Польшу, Сибирь, Астрахань, Персію, а также составлялъ предметъ заграничнаго вывоза въ запад. европу (стр. 3). До Петра Великаго, въ Малороссіи воздѣлывались сорта простые: тютюнъ (махорка) и бакунъ, и только съ начала XVIII в. введены въ культуру американскіе сорта: мариландъ, виргинія, амерсфордъ. По порученію императрицы Екатерины II, извѣстнымъ Тепловымъ была составлена инструкція для разведенія иностранныхъ табаковъ и устроена малороссійская контора въ г. Ромнѣ, а въ каждомъ полку были назначены плантаторы, на обязанности которыхъ лежалъ учетъ плантацій и обученіе плантаторовъ собиранію и сохраненію табака. Сѣмена раздавались изъ конторы даромъ, и торговля табакомъ была свободна отъ всякихъ пошлинъ. По словамъ автора, въ настоящее время въ Малороссіи, кромѣ тютюна и бакуна, выдѣлываются американскіе сорта преимущественно въ Черниговщинѣ, въ уѣздахъ мглинскомъ, суражскомъ, стародубскомъ, новгородсѣверскомъ, черниговскомъ и въ очень незначительномъ количествѣ въ другихъ уѣздахъ. Въ Полтавщинѣ культура американскихъ табаковъ получила развитіе главнымъ образомъ подъ г. Ромномъ, въ м. Житномъ и сосѣднихъ поселкахъ, гдѣ ежегодное производство доходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 10 т. пуд. Въ половинѣ 50-хъ г. американскіе табаки воздѣлывались и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Полтавщины. Однако по отчету г. Базинера въ началѣ 40-хъ г. воздѣлывалось американскихъ табаковъ въ Малороссіи до 10 т. пуд. (столько, какъ прежде въ окрестностяхъ одного Ромна). За послѣднее время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ежегодный урожай высшихъ сортовъ табака въ полтав. и черниг. губ. опредѣляется приблизительно отъ 80—100 т. пуд. (стр. 5). Махорка распространена по всѣмъ уѣздамъ

черниговъ. и полтав. губ., но преимущественно въ уѣз. прилукскомъ, ромен., лохвиц., пирятин., лубен. и переясл., а въ черниговъ. губ. въ уѣзд. нѣжин., конотоп., борзен., козелец. и городниц. Въ черниговъ. губ. изъ общей площади табачныхъ плантацій занято махоркой $65,_{46}$%, бакуномъ $30,_{26}$%, остальные $3,_{98}$% приходятся на высшіе сорта. Въ полтав. же губ. производится исключительно махорка, и только совсѣмъ незначительное количество американскихъ и турецкихъ сортовъ.

Площадь плантацій въ губ. полтав. черниговъ.

	полтав.	черниговъ.
помѣщичьихъ	$47,_{3}$%	$27,_{7}$%
крестьянскихъ	$46,_{3}$	$68,_{0}$
еврейскихъ	$5,_{7}$	$3,_{7}$
пришл. насел.	$0,_{7}$	$0,_{6}$
	100	100.

Съ прошлаго столѣтія вплоть до 1878 г. табакъ махорка (Nicotiana rustica) не облагался никакимъ налогомъ и имѣлъ свободное обращеніе въ листахъ (въ формѣ папушъ). Онъ служилъ предметомъ исключительнаго потребленія въ низшихъ классахъ народа и вывозился въ чужіе края и на дальній востокъ, напр. въ Сибирь, достигая въ концѣ прошлаго столѣтія до Алеутскихъ острововъ. Вѣковая свободная культура и торговля были причиной быстраго развитія махорочнаго производства въ Малороссіи. Такъ, съ 37884 пуд. въ 1727 г. (примѣрно 400—500 дес. плантацій) культура въ Малороссіи дошла въ 1860-хъ до 1½ мил. пуд., составлявшихъ урожай съ 20 слишкомъ тыс. дес. плантацій. Табаководство растетъ неуклонно до 1875 г., когда насчитывалось плантацій до 28723 дес. Во время турецкой войны и тревожныхъ слуховъ о введеніи табачной монополіи, установленія въ 1877 г. акциза на фабрикованную махорку 80 к. съ пуда, табаководство стало падать (стр. 87—90). Далѣе авторъ приводитъ многочисленныя данныя о позднѣйшемъ состояніи табаководства и упадкѣ промышленности сельскохозяйственной вслѣдствіе развитія крупныхъ махорочныхъ фабрикъ, ставшихъ въ монопольное положеніе на табачномъ рынкѣ. Изслѣдованіе автора снабжено многочисленными рисунками въ текстѣ и приложеніяхъ, двумя діаграммами и картограммой. Все это исполнено весьма отетливо и изящно, хотя таблица XI, діаграмма площади табачныхъ плантацій, исполненная тушью, слишкомъ пестритъ въ мѣстахъ пересѣченія линій, какъ равно и на картограммѣ штриховка черезчуръ мелка и

иногда трудно различается. Вообще же изслѣдованіе въ высшей степени интересно и отличается множествомъ статистико-экономическихъ данныхъ.

В. Василенко.

Дмитріевъ Θеод., Исторія Брянска. Орелъ. 1894 г.

Открытіе во многихъ мѣстахъ губернскихъ ученыхъ коммиссій, несомнѣнно, принесло уже много и, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, будетъ приносить пользы разработкѣ русской исторіи. Если отъ нихъ не всегда можно ожидать изслѣдованій, которыя бы способствовали разъясненію темныхъ вопросовъ нашего прошлаго, за то дѣятельность издательская—обнародованіе цѣнныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ документовъ,—имъ вполнѣ доступна. Конечно, и тутъ могутъ быть неудачи: могутъ рядомъ съ цѣннымъ матеріаломъ появиться и неимѣющіе никакого значенія документы,—все это, понятно, зависитъ отъ состава той или иной коммиссіи, отъ бо́льшей или меньшей научной подготовки лицъ, ее составляющихъ, но все-таки и за одинъ цѣнный актъ можно быть благодарнымъ, а нужно сказать, что, благодаря именно ученымъ коммиссіямъ, русская наука обогатилась уже многими интересными документами. Въ частности, есть заслуги въ этомъ отношеніи и у орловской ученой коммиссіи. Вообще г. Орелъ, судя по выходившимъ и выходящимъ тамъ изданіямъ, является довольно оживленнымъ умственнымъ центромъ. Историческіе матеріалы, замѣтки и сообщенія историкъ можетъ найти не только въ Трудахъ ученой коммиссіи этого города, но въ Орловскомъ Вѣстникѣ. Такимъ образомъ, интересъ къ исторіи, археологіи, этнографіи всегда существовалъ у жителей Орла. Выразителемъ этого научнаго интереса орловской интеллигенціи къ прошлому родного края является и трудъ, интересующій насъ въ настоящее время. Распадается онъ на девять главъ: 1) древнѣйшая исторія Брянска, 2) Брянскъ—самостоятельное княжество, 3) литовское владычество, 4) московское владычество, 5) Брянскъ въ Смутное время, 6) судьба Брянска послѣ Смутнаго времени, 7) внутреннее состояніе Брянска, 8) Брянская смута, 9) бунтъ въ Брянскѣ. Такимъ образомъ, исторія города доведена до начала второй половины XVIII ст. Говоря вообще, нельзя не привѣтствовать радушно всякую попытку къ распространенію среди общества историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ родной мѣстности, и надо

сказать, что разбираемая нами «Исторія Брянска» можетъ до нѣкоторой степени удовлетворить этой цѣли, но, конечно, научнаго значенія такой трудъ, къ сожалѣнію, имѣть не можетъ. Авторъ обнаруживаетъ полную неопытность въ научномъ изложеніи и подчасъ употребляетъ или ошибочныя или неумѣстныя въ научномъ трудѣ выраженія. Укажемъ, напр., на стр. 6-ю, гдѣ между прочимъ сказано: «Послѣ воцаренія Святослава Ольговича въ землѣ вятичей»... За такой lapsus linguae ставится единица ученику третьяго класса, который долженъ знать, что до 1547 года царей на Руси не было, и что первый принялъ этотъ титулъ Иванъ IV. Наивностью отличается и тирада на стр. 25...... «въ 1508 году Сигизмундъ имѣлъ дерзость взять отъ хана ярлыкъ на владѣніе городами—Брянскомъ, Карачевомъ, Стародубомъ».... Не можемъ понять, въ чемъ тутъ заключается дерзость и противъ кого. Въ такомъ случаѣ всякую дипломатическую войну слѣдуетъ называть дерзостью одного государя противъ другого. Въ силу недостаточно-критическаго отношенія къ имѣющемуся подъ руками матеріалу и того обстоятельства, что авторъ не стоитъ на уровнѣ развитія современной исторической науки, мы находимъ въ его книгѣ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ промаховъ.

Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. По мнѣнію г. Дмитріева область Вятичей была присоединена къ Сѣверскому княжеству, а между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ извѣстій Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей, Вятичи всегда были связаны съ удѣломъ черниговскимъ, а не сѣверскимъ, до самаго прекращенія династіи Давидовичей. Вмѣсто народа Голяди, у автора является никогда не существовавшій городъ Голеди. Городъ Неринскъ названъ Нерильскомъ. Откуда-то появляется городъ Доробинескъ! Вмѣсто города Дрогичина г. Дмитріевъ указываетъ на какой-то Дрогичъ. Гетманъ Рожинскій обратился въ Ружинскаго. Все это произошло оттого, что авторъ не дѣлаетъ никакого различія между первоисточниками и пособіями. Онъ одинаково цѣнитъ и ставитъ рядомъ Исторію Россіи Щербатова, Записки касательно россійской исторіи Екатерины II, Карамзина, Погодина, Соловьева, Лѣтописи—Никоновскую, Воскресенскую и т. д., никакъ не подозрѣвая, что и Щербатовъ, и Екатерина II, и Карамзинъ, и Погодинъ, и Соловьевъ должны провѣряться извѣстіями лѣтописей. Если мы просмотримъ всѣ ссылки автора, то оказывается, что онъ пользовался шестью—семью первоисточниками: Никоновской лѣтописью, Воскресенской лѣтописью, Лѣтописцемъ русскимъ, Царственнымъ лѣтописцемъ, Лѣтописцемъ, содержащимъ русскую исторію, Лѣ-

тописью о многихъ мятежахъ и документами, напечатанными въ Трудахъ орловской ученой коммиссіи. Семь первоисточниковъ—количество весьма и весьма незначительное для сочиненія, охватывающаго исторію города съ древнѣйшихъ временъ и до начала второй половины XVIII столѣтія. Не могъ-ли авторъ воспользоваться или не зналъ о существованіи такихъ основныхъ первоисточниковъ для древнѣйшей русской исторіи, какъ лѣтописи Ипатьевская и Лаврентьевская,—мы не знаемъ. Точно также удивляетъ полнѣйшее игнорированіе Актовъ историческихъ, Дополненій къ Актамъ историческимъ, Актовъ археологической экспедиціи, Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ и т. д., и т. д. Массу матеріала для географіи брянскаго удѣла извлекъ-бы г. Дмитріевъ изъ дипломатическихъ актовъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. XXXV. Это нежеланіе пользоваться столь важными первоисточниками приводитъ автора къ неправильнымъ выводамъ, путаницѣ и невѣрному изложенію историческихъ фактовъ. Такъ напр., г. Дмитріевъ спуталъ двухъ Романовъ: Романа Глѣбовича, изъ рода князей смоленскихъ, съ Романомъ Михайловичемъ, изъ рода князей черниговскихъ, сыномъ Михаила Всеволодовича. А все произошло оттого, что авторъ не проштудировалъ Лаврентьевской лѣтописи, которая не допустила-бы его до подобнаго искаженія фактовъ: ему стоило только прочесть ее подъ 1300 и 1286 годомъ, Въ силу незнакомства г. Дмитріева съ лѣтописями русско-литовскими и польскими, дѣло Глинскихъ передано въ искаженномъ видѣ.

Можно, конечно, допустить, что автору по какимъ-либо обстоятельствамъ не были доступны многіе изъ вышеприведенныхъ первоисточниковъ: многіе изъ нихъ въ настоящее время являются уже библіографическою рѣдкостью, но поражаетъ еще сильнѣе полное незнакомство г. Дмитріева съ русской исторической литературой. Какъ можно писать исторію города Брянска, не ознакомившись съ трудомъ Багалѣя: Исторія Сѣверской земли? Возможно-ли трактовать о положеніи Брянска въ литовскій періодъ, не имѣя въ рукахъ сочиненія Антоновича: «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго»? Авторъ, говоря о смутномъ времени, не позаботился ознакомиться съ литературой, къ нему относящейся. Отъ этого и получается повтореніе сказки о завоеваніи Гедыминомъ Кіева и битвѣ на р. Ирпени въ 1321 году и продолжается толченіе старой нелѣпости о тождествѣ Лже-Дмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. При чтеніи труда г. Дмитріева невольно возникаетъ вопросъ: неужели

авторъ не могъ воспользоваться всѣми необходимыми первоисточниками въ библіотекѣ ученой коммиссіи? Или и въ ея библіотекѣ нѣтъ всѣхъ изданныхъ въ Россіи первоисточниковъ и подбора исторической литературы? Мы искренно желаемъ думать, что и воспользозоваться г. Дмитріевъ могъ, и въ библіотекѣ ученой коммиссіи все есть, а то было-бы уже очень прискорбно.

П. Голубовскій.

Отчетъ Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1894 г. Одесса 1895. Стр. 80.

Въ отчетномъ году въ одесскомъ историческомъ Обществѣ числилось почетныхъ членовъ 18, дѣйствительныхъ 123, сотрудниковъ и корреспондентовъ 34, а всего 175 членовъ различныхъ наименованій. Въ теченіе года оно имѣло 8 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ были доложены статьи, матеріалы и замѣтки историческаго и археологическаго содержанія. Общество слѣдуетъ обычаю, заслуживающему подражанія, печатать протоколы каждаго засѣданія въ отдѣльности, въ нихъ находятъ себѣ мѣсто описанія древностей и мелкія сообщенія. Состоящій при обществѣ издательскій комитетъ выпустилъ въ свѣтъ въ августѣ прошлаго года XVII томъ «Записокъ» и въ теченіе года занимался приготовленіемъ къ печати слѣдующаго XVIII тома. Дѣятельность общества по части археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ проявлялась слабо, хотя въ послѣднее время оно получило для этого возможность въ видѣ усиленія казенной субсидіи. Въ отчетномъ году эта дѣятельность выразилась въ наблюденіи депутата общества А. А. Кочубинскаго надъ двумя кладоискательскими раскопками, одна изъ коихъ, къ тому же, не состоялась; по правдѣ сказать, мы не понимаемъ цѣли подобнаго наблюденія, если самое мѣсто раскопки, по историческимъ или археологическимъ указаніямъ, не представляетъ какого-либо интереса, а такъ именно было въ обоихъ данныхъ случаяхъ. По части экскурсій слѣдуетъ отмѣтить поѣздку избранной обществомъ коммиссіи для осмотра подвѣдомственныхъ ему ѳеодосійскаго музея, Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи и судакской крѣпости и для выработки соображеній о ремонтѣ послѣдней. Самый ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ прошлаго года подъ руководствомъ и на средства почетнаго члена Бертье-Делагарда и обошелся около 1000 р. На нужды Ме-

лекъ-Чесменскаго кургана и ѳеодосійскаго музея ассигнована постоянная сумма, сначала по 50, а потомъ по 100 р. въ годъ. Вопросъ о раскопкахъ въ древней Ольвіи (с. Паружино, одесскаго у.), возбужденный еще въ прошломъ году, находится и доселѣ на точкѣ замерзанія, къ великому стыду для науки, благодаря необъяснимому упорству владѣльцевъ имѣнья, которые отказываютъ въ разрѣшеніи на раскопки археологическимъ учрежденіямъ, хотя ничего не могутъ подѣлать съ грабительскимъ расхищеніемъ древностей. Виленскій археологическій съѣздъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи для одесскаго общества; но при выполненіи этого постановленія явилась новая комбинація, а именно—московское археологическое общество предложило одесскому ходатайствовать передъ правительствомъ, совмѣстно съ нимъ и съ Россійскимъ историческимъ музеемъ, «объ отпускѣ необходимой суммы для цѣлесообразныхъ систематическихъ раскопокъ въ Ольвіи (Паружино) въ одинъ, назначенный владѣлицей этого поселенія, срокъ, а при несогласіи на то послѣдней, ходатайствовать и о правѣ производить раскопки», на что одесское общество отвѣчало, что оно готово принять участіе и денежными средствами, и наблюденіемъ за ходомъ работъ. По нашему мнѣнію, вопросъ здѣсь вовсе не въ деньгахъ. Денежныя средства дастъ не одно только одесское общество; извѣстно, что и Археологическая коммиссія безуспѣшно хлопотала о разрѣшеніи, а она то ужъ, конечно, не поскупилась бы на ассигновку. Въ виду этого намъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ такъ форсировать раскопку, какъ предполагаетъ Московское общество, и мы никакъ не можемъ признать «цѣлесообразною» и «систематическою» раскопку столь важнаго и обширнаго пункта, какова Ольвія, въ «одинъ, назначенный владѣлицей срокъ».

Въ распоряженіи Общества находится три премія, предназначающіяся для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи. Первая изъ нихъ, имени основателя общества, Д. М. Княжевича, состояла изъ процентовъ съ двухъ билетовъ третьяго восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4-процентной государственной ренты, по тысячѣ рублей каждый, накопляющихся въ теченіе каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г., и присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіе каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи; за первое пятилѣтіе премія присуждена не была. Вторая премія одесской городской думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ

тѣмъ условіемъ, что сочиненіе должно быть рукописное и при удостоеніи печатается на счетъ города; срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіе всего года. Третья премія учреждена на средства почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда въ размѣрѣ 600 р. въ годъ за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ; сочиненіе представляется къ 1 января; въ отчетномъ году были предложены на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы: 1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана и 2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII — X вѣкахъ.

Общество владѣетъ обширнымъ музеемъ. Въ отчетномъ году его посѣтило 1543 чел. Въ ряду пожертвованій музея уже не первый годъ стоятъ на первомъ планѣ и по количеству, и по научной цѣнности вещей, пожертвованія А. Л. Бертье-Делагарда. Въ отчетномъ году имъ пожертвованы, между прочимъ: надгробный камень, со слѣдами латинской надписи, изъ Очакова, большое количество предметовъ изъ Ольвіи, какъ-то терракотъ, сосудовъ, амфорныхъ ручекъ съ клеймами, костяныя шашки съ украшеніями и номерами греческими и римскими, костяное веретено и др.; наконецъ, большое собраніе монетъ, въ составъ котораго входитъ весьма интересная и цѣнная коллекція русскихъ монетъ, а также греческія, между которыми есть рѣдкія и весьма рѣдкія. Пожертвованія поступали также и отъ другихъ членовъ общества. Кромѣ того, общество нашло возможнымъ выписать отъ бр. Эггеръ изъ Вѣны недостающія въ коллекціи его древнія греческія монеты и купить у одесскаго продавца древностей разныя вещи, какъ-то древне-греческіе сосуды, украшенія и пр.

Изъ помѣщеннаго при отчетѣ извѣстія о подвѣдомственномъ Обществу ѳеодосійскомъ музеѣ узнаемъ, что въ отчетномъ году въ этотъ музей поступили нѣкоторые интересные предметы, а именно: плита съ гербами и надписью въ 7 строкъ, въ которой говорится объ окончаніи ремонта башни и городскихъ стѣнъ въ 1396 году при консулѣ Эліанѣ Чентуріони, два обломка генуэзской плиты съ гербомъ и частью надписи и пр. Музеемъ, помѣщающимся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ въ Керчи, пріобрѣтено нѣсколько греческихъ вазъ,

между которыми есть фигурныя, известковая надгробная плита съ греческой надписью и пр.

На заглавной страницѣ отчета, по обычаю, издавна заведенному обществомъ, изданъ неизвѣстный доселѣ бронзовый медальонъ гор. Трапезунта, императора М. Аврелія Антонина (Каракаллы).

В. Я.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевъева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.